МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
62

ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

I

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 62

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1958 · ЛЕНИНГРАД

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АННУЛИРОВАНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 62

ТРУДЫ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том I

Ответственный редактор
М. И. АРТАМОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958 · ЛЕНИНГРАД

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

2093
70

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из побочных задач, выдвинутых грандиозным строительством в СССР, является исследование многочисленных археологических памятников, находящихся в зонах новостроек. Небывалые по масштабу земляные работы, а в особенности затопление огромных площадей в связи с устройством водохранилищ ставят под угрозу уничтожения многие археологические памятники. Сохранение их для науки путем срочного исследования является первоочередной задачей советских археологов. Советское правительство в своих заботах о процветании науки не оставило без внимания и помощи это дело и обеспечивает археологические исследования в зонах новостроек крупными ассигнованиями.

Первенцем послевоенных крупных новостроек было Волго-Донское строительство, решившее целый комплекс народнохозяйственных проблем. Кроме канала им. В. И. Ленина, соединившего Дон с Волгой в месте их наибольшего сближения, там, где в древности суда волоком перетаскивались из одной реки в другую, возле станицы Цимлянской возникла мощная плотина, а перед ней раскинулось огромное водохранилище, которое не только питает водой Волго-Донской канал, крупную гидроэлектростанцию и шлюзы для пропуска судов через плотину, но и является основой для орошения засушливых частей Сталинградской и Ростовской областей.

Цимлянское водохранилище представляет собой одно из грандиознейших сооружений этого рода; в длину оно превышает 360 км, в ширину достигает 38 км; в нижней своей части оно заливает не только широкую долину реки, но и часть ее низких коренных берегов. Вместе с этими берегами под воду ушли сотни древних курганов и десятки древних поселений, в том числе и остатки хазарского Саркела, который ныне находится на дне водохранилища, примерно на середине его ширины.

Созданная Институтом истории материальной культуры АН СССР Волго-Донская археологическая экспедиция в течение трех сезонов, в 1949—1951 гг., производила исследования в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Экспедицией была обследована вся зона затопления, причем, кроме уже известных археологических памятников, здесь было обнаружено много новых. Ввиду невозможности раскопать все памятники в тот относительно короткий срок, которым располагала экспедиция, для углубленного исследования были избраны только самые важные и характерные из находящихся в зоне затопления. Экспедицией было исследовано несколько поселений, относящихся к эпохе бронзы и к средним векам. Из последних с особым вниманием изучалось поселение хазарского времени у хут. Карнаухова на правой стороне Дона. Было раскопано также несколько курганов, которые содержали многочисленные погребения, относящиеся к разным периодам истории Подонья. Здесь были погребения эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и, наконец, периода поздних кочевников. Полученный этими раскопками материал внес много нового в древнейшую историю не только Подонья, но и всей нашей страны.

Однако основное внимание экспедиции было сосредоточено в течение всех трех лет работ на исследовании указанного выше городища Саркел как важнейшего памятника в зоне строительства. Благодаря содействию строительных организаций, обес-

печивших экспедицию не только средствами, но и рабочей силой и механизмами, раскопки в Саркеле оказалось возможным поставить в небывало широких масштабах. За три года удалось раскопать больше половины крепости, что составляет площадь в 10 496 м², не считая значительных работ, произведенных на могильнике, находящемся возле юго-западной крепостной стены. При раскопках впервые в археологической практике нашей страны применялись 10- и 6-кубовые скреперы, которые использовались для отвозки земли, извлекаемой из раскопов, а также для снятия тех частей отложений городища, которые были испорчены предшествующими хищническими раскопками и не содержали правильного чередования слоев. Разборка непотревоженных отложений городища производилась, как обычно, мелким инструментом, причем отработанная земля или отвозилась на тачках, или относилась за пределы раскопов, откуда уже и забиралась скреперами. На работах было занято до 180 землекопов и до 100 сотрудников, в составе которых было много студентов-практикантов, главным образом Ленинградского Государственного университета. Процесс работ был заснят на кинопленку, а открываемые памятники фиксировались фотографами и чертежниками. Для обслуживания участников раскопок возле городища вырос целый городок из палаток; были устроены кухня и столовая. Для первичной обработки и консервации находок были созданы специальные мастерские и лаборатории, оборудованные необходимым инструментарием и материалами. Весь городок освещался электричеством от специального движка. При лагере находилось 4—5 машин, которые использовались для доставки продовольствия и разъездов сотрудников, занятых обследованием зоны затопления.

Археологические исследования в зоне затопления велись под общим руководством М. И. Артамонова несколькими отрядами. Обследование зоны затопления и раскопки нескольких наиболее важных памятников проводились под руководством И. И. Ляпушкина, раскопками поселения эпохи бронзы у хут. Ляпичева руководил М. П. Грязнов, курганы у хуторов Попова и Соленого раскапывали А. А. Иессен и А. Д. Столяр, работы на Левобережном Цимлянском городище (Саркел—Белая Вежа) проводились под руководством О. А. Артамоновой и А. Л. Якобсона. О. А. Артамонова вела также раскопки могильника возле городища. Курганный кочевнический могильник, связанный с городищем, в значительной части исследован С. А. Плетневой. Имена других лиц, принимавших участие в полевых исследованиях экспедиции, будут названы в соответствующих местах в отчетах.

Камеральная обработка огромного материала, собранного в процессе полевых исследований, потребовала большого труда и длительного времени. Приступая к изданию результатов проведенных работ в серии «Трудов Волго-Донской археологической экспедиции», мы имеем в виду вслед за первым томом, содержащим материалы археологического обследования зоны затопления, дать во втором и третьем томах отчеты о раскопках и ряд исследований по материалам Левобережного Цимлянского городища (Саркела—Белой Вежи). Четвертый том будет посвящен могильнику, находившемуся возле городища. Пятый том будет содержать главным образом исследования, а также и публикации некоторых материалов, не вошедшие в предшествующие выпуски.

Редакция.

М. И. Артамонов

САРКЕЛ—БЕЛАЯ ВЕЖА

1. ГДЕ НАХОДИЛАСЬ ХАЗАРСКАЯ КРЕПОСТЬ САРКЕЛ?

В сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», которое он составил для своих детей в середине X в. и в котором содержится много интересных и важных сведений о нашей стране и обитавших в ней народах, рассказывается, что около 834 г. в царствование одного из его предшественников, императора Феофила (829—842), в столицу империи Константинополь явилось посольство от хазар. Хазары просили оказать им помощь в сооружении крепости на Дону.[1] Византия и Хазарский каганат издавна находились в дружественных отношениях. Они совместно боролись с могущественным Арабским халифатом; кроме того, спокойствие северных границ империи во многом зависело от хазар, господствовавших над воинственными племенами, кочевавшими в степях Северного Причерноморья.

Хазария была тогда большим государством, в состав которого входили различные племена, населявшие южную половину европейской части нашей страны.[2] Центр этого государства, где жили сами хазары, находился в западноприкаспийской области и в Нижнем Поволжье. Номинальным владыкой хазар был каган, — окруженный почитанием, но не пользовавшийся реальной властью потомок старой тюркской династии, прежде владевшей хазарами. Управление страной находилось в руках бека, высшего сановника в государстве, игравшего роль царя. Столицей Хазарского царства был город Итиль в устье Волги, занимавший важное место в международной торговле юга с севером и Азии с Европой. В этот город съезжались купцы из разных стран. Пошлины, которые правитель Хазарии собирал за провоз товаров через его страну, в особенности же через Итиль, давали ему возможность содержать значительное наемное войско. Опираясь на это войско, царь простирал свою власть не только на население собственно Хазарии, но и на многие племена окружавших ее стран, в том числе и на некоторые славянские племена, которые должны были платить хазарам регулярную дань.[1]

Константин Багрянородный рассказывает, что император Феофил благосклонно отнесся к просьбе хазар и направил к ним важного византийского сановника — спафарокандидата Петрону Каматира, предоставив в его распоряжение морской флот. Прибыв в Херсонес — византийский город, находившийся на южном берегу Крыма возле нынешнего Севастополя, — Петрона пере-

[1] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio). С предисловием Гавриила Ласкина. М., 1899, стр. 149—150; Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 20.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954; В. В. Григорьев. 1) Обзор политической истории хазаров. «Россия и Азия», сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, СПб., 1876, стр. 45—65; 2) О двойственности верховной власти у хазаров. Там же, стр. 66—75.

[1] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16—18.

грузился на речные суда и на них поднялся вверх по Дону до места, выбранного хазарами для строительства крепости. Так как на этом месте не было камня, пригодного для строительства, то Петрона приказал изготовлять кирпичи, известь же делать из речных голышей. Так рассказывает Константин Багрянородный о постройке хазарской крепости. Он же сообщает, что крепость эта называлась Саркел, что значит «белый дом» или «белая гостиница».[1]

Сведения, сообщенные Константином Багрянородным о Саркеле, давно привлекали внимание ученых. Было высказано немало предположений относительно местонахождения Саркела.[2] Большинство ученых, занимавшихся этим вопросом, считало, что хазарская крепость находилась в месте наибольшего сближения Дона с Волгой, полагая, что главной ее задачей была защита переволоки из одной реки в другую. В подтверждение этого предположения ссылались на содержащееся в русской летописи[1] описание путешествия митрополита Пимена по Дону в 1389 г. В этом описании говорится, что, плывя вниз по Дону, Пимен и его спутники миновали городище Терклию, или Серклию, причем из расчета их пути следует, что это было где-то в районе переволоки на Волгу. Однако археологическим обследова-

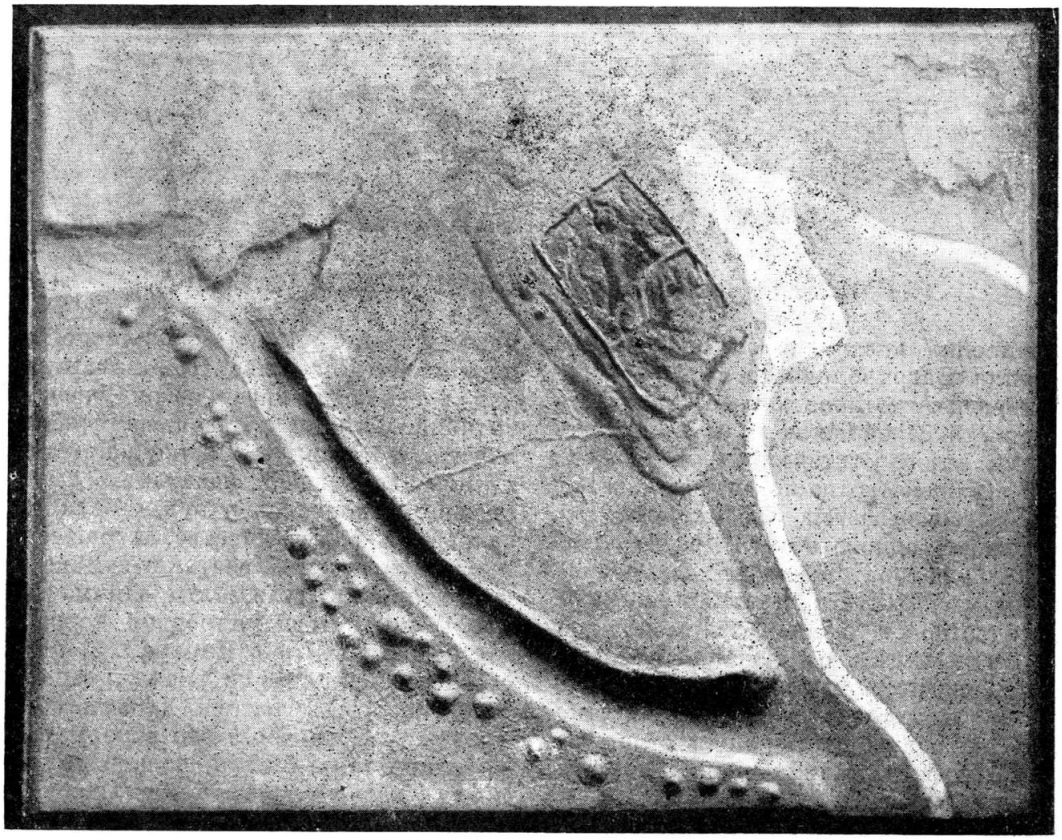


Рис. 1. Левобережное Цимлянское городище (макет Новочеркасского музея).

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 81, прим. 4.

[1] Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 95—96; М. А. Веневитинов. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону. Древности, Тр. МАО, т. XIV, 1890, стр. 315; Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим. В кн.: Сказания русского народа, собранные Сахаровым, т. II, СПб., 1849, стр. 97 и сл.

нием в этом районе не обнаружено ничего похожего на Саркел; здесь нет ни одного городища со следами кирпичных крепостных сооружений. Зато ниже этих мест на левом коренном берегу Дона вблизи ст. Цимлянской, возле хут. Попова, давно известно так называемое Левобережное Цимлянское городище с огромным количеством древнего кирпича.[1] В 40-х годах XIX в. кирпичные стены здесь еще возвышались над поверхностью, что и зафиксировано в макете городища, хранящемся в Новочеркасском музее [2] (рис. 1). При раскопках городища находили византийские мраморные колонны и капители. Вследствие этого местные археологи давно уже пришли к заключению о нахождении хазарского Саркела на месте Цимлянского городища.[3]

Интерес к городищу близ ст. Цимлянской особенно усилился в 80-х годах XIX в. в связи с хищническими раскопками, которые производились в нем окрестным населением с целью добывания кирпичей. При этих раскопках был обнаружен ряд интересных вещей, сведения о которых дошли до Москвы и Петербурга. Московское археологическое общество и Петербургская археологическая комиссия направили своих членов для исследования городища. Здесь побывали крупнейшие русские археологи того времени: В. И. Сизов (1883—1884 гг.) и Н. И. Веселовский (1887 г.). И тот, и другой произвели на городище небольшие раскопки.[4]

В результате ознакомления с городищем на месте Н. И. Веселовский признал его погибшим для науки.[5] Доставленный же В. И. Сизовым материал не содержал убедительных доказательств соответствия Цимлянского городища хазарскому Саркелу. Дело в том, что в составе этого материала преобладали русские вещи, а это не вязалось с хазарской принадлежностью памятника. Таким образом, предположение о нахождении хазарской крепости Саркел на месте городища близ ст. Цимлянской в результате исследования В. И. Сизова не только не подтвердилось, а, наоборот, вызвало серьезные сомнения.[1]

В 1926—1927 гг. А. А. Миллером,[2] а затем в 1929 г. мною [3] в порядке археологического обследования Нижнего Дона были осмотрены многие средневековые поселения, в том числе и Левобережное Цимлянское городище, и собран значительный подъемный материал. В связи с этим вновь стал вопрос о соответствии Левобережного Цимлянского городища хазарскому Саркелу.

С целью окончательного разрешения этого вопроса в 1934—1936 гг. на Цимлянском городище производились раскопки специальной экспедицией ГАИМК под моим руководством.[4] Эти раскопки выяснили, что городище содержит отложения двух периодов: верхние — русского периода и нижние — хазарского, причем кирпичные сооружения на извести связываются с древнейшими из них и являются, таким образом, остатками хазарской крепости, которой мог быть только Саркел. Таким образом, вопрос о местоположении Саркела был решен. Вместе с тем небольшие по размерам раскопки 1934—1936 гг., преследовавшие ограниченные задачи, не доставили достаточных материалов для развернутой характеристики каждого из периодов, представленных в городище, и не выяснили в сколько-нибудь полном виде устройства хазарской крепости. Все это являлось делом будущего.

Несмотря на ограниченность данных, полученных раскопками 1934—1936 гг., сомнения в правильности основанного на них заключения относительно местоположения Саркела остались только у проф. К. В. Куд-

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 6 и сл.

[2] План городища, сделанный в 1844 г., опубликован Х. И. Поповым (Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 269, рис. 69). Этот план и положен в основу макета.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 265 и сл.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, Одесса, 1889, стр. 273 и сл.; Древности, Тр. МАО, т. X, 1885, Протоколы, стр. 60; т. XI, вып. 1, 1886, Протоколы, стр. 18; ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXXVII; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887.

[5] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887, Письмо Н. И. Веселовского.

---

[1] Древности, Тр. МАО, т. X, 1885, Протоколы, стр. 60; Тр. IX АС, т. II, М., 1897, Протоколы, стр. 102.

[2] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 106 и сл.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 6 и сл.

[4] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.—Л., 1941, стр. 187—200; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—167.

ряшова, который в своих печатных работах продолжает настаивать на локализации хазарской крепости в месте наибольшего сближения Дона с Волгой.[1] Археологическим данным он противопоставляет упоминание городища Серклии или Терклии в описании путешествия митрополита Пимена, не учитывая, что этот литературный памятник составлен в XIV в., когда Саркел давно уже не существовал и когда память о нем могла быть перенесена на городище, не имеющее ничего общего с хазарской крепостью. К тому же автор описания путешествия при указании на городище Серклию мог руководствоваться той же самой предвзятой мыслью, которая довлеет над самим проф. Кудряшовым, а именно, что Саркел предназначался для защиты переволоки из Дона в Волгу, а не для какой-либо иной цели, и поэтому должен находиться возле нее. Тот факт, что Саркел все же находится значительно ниже переволоки, не только опровергает правильность этой мысли, но и свидетельствует, что в период сооружения крепости сама переволока не имела того значения, которое она получила позже.

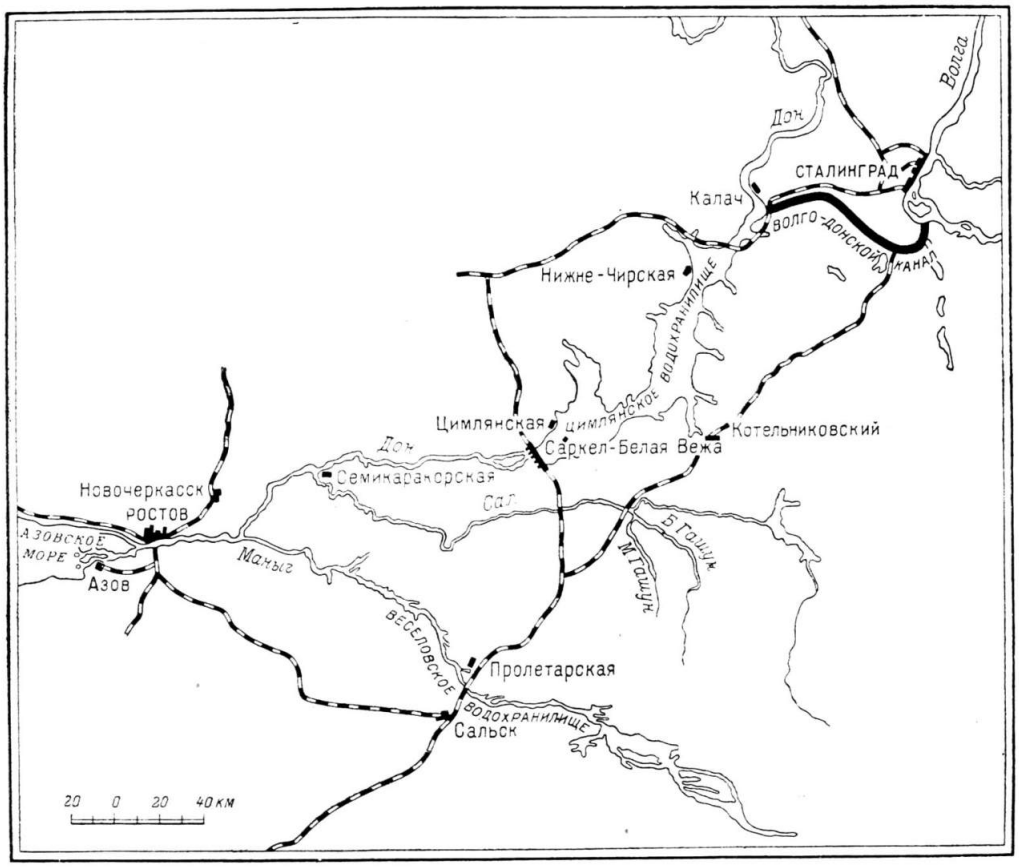


Рис. 2. Схематическая карта Волго-Донского канала им. В. И. Ленина.

В 1949—1951 гг. большие археологические исследования производились в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Естественно, что главное внимание было обращено на Левобережное Цимлянское городище, которое оказалось перед Цимлянской плотиной, примерно на середине ширины

[1] К. В. Кудряшов. 1) О местонахождении хазарского города Саркела. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 6, 1947, стр. 536—558; 2) Половецкая степь. Зап. Всесоюзн. геогр. общ., нов. сер., т. 2, 1948, стр. 9—41; 3) К вопросу о местонахождении Саркела. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., т. 85, вып. 4, 1953, стр. 480—482.

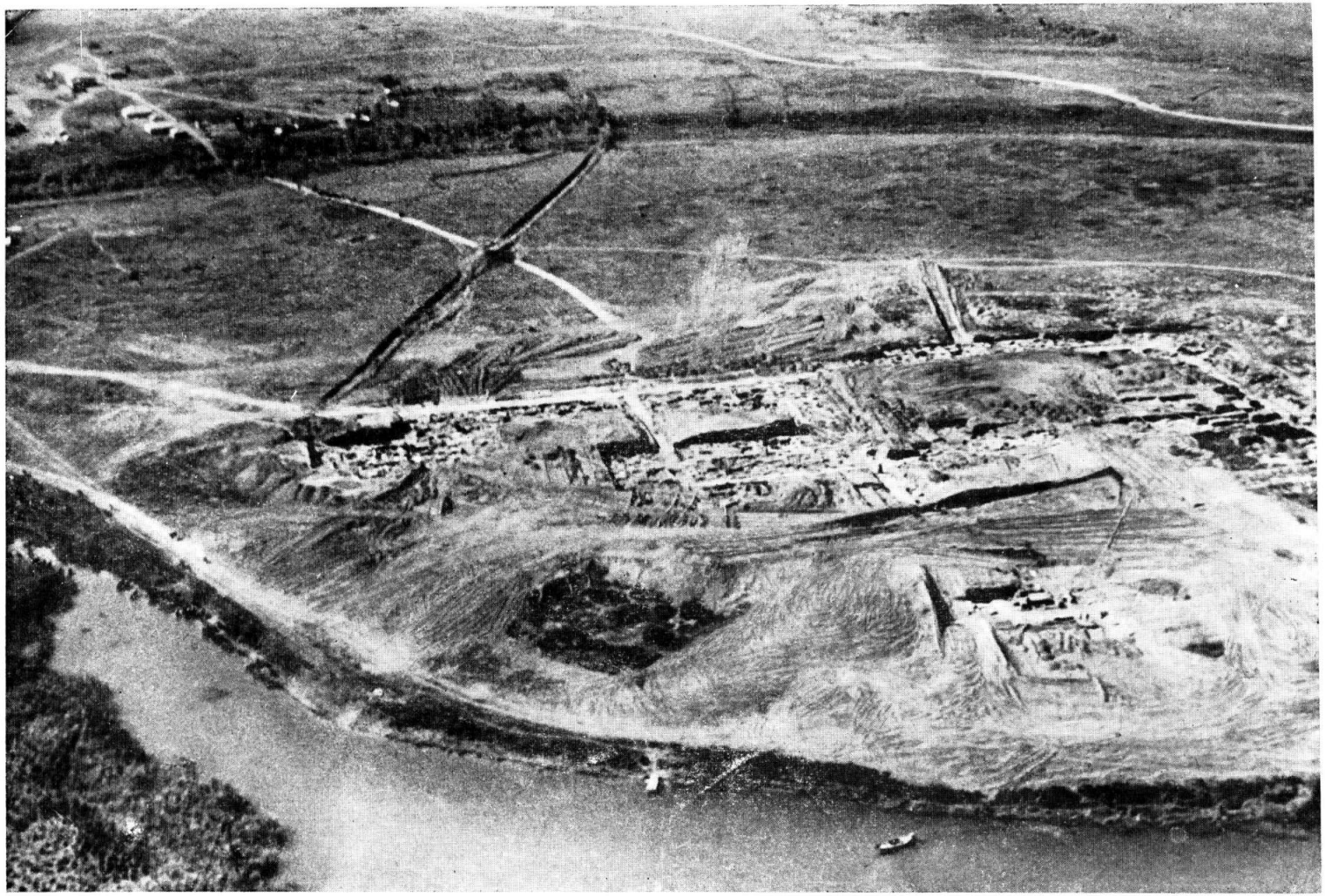


Рис. 4. Вид на городище с самолета.

будущего водохранилища в этом месте, и должно было уйти под воду (рис. 2). За три года работ удалось раскопать около 10 500 м², что составляет больше половины площади кирпичной крепости, и значительные участки могильника, находившегося возле городища.[1] При этом был сделан ряд очень важных наблюдений и собран огромный вещевой материал, что в целом позволяет проследить основные этапы истории Саркела—Белой Вежи и дать достаточно определенную картину жизни крепости, позже — города, в разные периоды ее существования.

2. КИРПИЧНАЯ КРЕПОСТЬ

Левобережное Цимлянское городище находилось на левой стороне Дона и занимало мыс низкого коренного берега, в древности омывавшийся рекой, от которой к нашему времени остался только ряд озер; русло реки отошло в сторону от городища и проходило у правого высокого берега речной долины. С напольной стороны мыс был огражден широким и глубоким рвом в виде слабо изогнутой дуги, концами доходившей до реки. Со стороны городища вдоль рва тянулся земляной вал, в восточной части довольно высокий, но сильно деформированный, а дальше, к западу, постепенно снижавшийся и, наконец, исчезавший вовсе. С наружной стороны рва располагался ряд холмов, частично сливавшихся друг с другом основаниями и представлявших собой, очевидно, земляные выкиды, образовавшиеся при сооружении рва (рис. 3). Остается непонятным, почему земля, вынутая из рва, не была полностью использована для устройства вала, по всей видимости незаконченного, а ссыпана впереди рва в виде расплывчатых курганообразных насыпей.

Конец мыса за описанной линией укреплений был отделен от остальной площади городища вторым, почти совершенно заплывшим рвом, за которым круто поднималась возвышенность, достигавшая 3 м высоты над окружавшей местностью и сплошь состоявшая из строительного мусора и разнообразных культурных отложений. Эта возвышенность находилась на месте застроенной и заселенной в древности части городища; в ней-то и обнаруживались остатки кирпичных сооружений (рис. 4).

Еще при исследованиях в 1934—1936 гг. было замечено, что находившиеся на поверхности этой возвышенности ямы образуют правильные фигуры, которые могут соответствовать разобранным до основания кирпичным стенам крепости [1] (рис. 5). Произведенные тогда же разведочные раскопки полностью подтвердили это предположение.[2] Таким образом, по старым ямам, образовавшимся в 80-х годах XIX в. в результате разборки остатков крепостных построек жителями хут. Попова и других окрестных селений с целью добычи кирпича на продажу, еще до раскопок оказалось возможным определить основные очертания крепости, ее приблизительные размеры и наметить местонахождение кирпичных зданий внутри крепости. Однако, как показали последующие раскопки, сделанные таким путем предположения относительно структуры крепости не полностью отвечали действительности. Не все стены сохранялись на значительную высоту, достаточную для того, чтобы их могли заметить с поверхности городища во время хищнической разборки кладок. Вследствие этого только часть стен была отмечена канавами и ямами, оставшимися на поверхности городища в результате такой разборки. Эти стены были разобраны до основания. От них к моменту наших раскопок сохранились только жалкие обрывки кладок да отпечатки кирпичей на материке. Остатки стен зданий внутри крепости, разрушенных еще в древности и поэтому не поднимавшихся до поверхности городища, уцелели местами на 0.7—0.9 м в высоту и дошли до нас в лучшей сохранности, чем стены

[1] М. И. Артамонов. 1) Новые раскопки Саркела—Белой Вежи. Вопросы истории, 1949, № 10, стр. 138—143; 2) Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. Вопросы истории, 1951, № 4, стр. 147—151; 3) Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища. Вестн. ЛГУ, 1951, № 2, стр. 141—145; 4) Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 42—76; 5) Хазарская крепость Саркел. Acta Archaelogica, 7 (1956), Budapest, 1956, стр. 321—341.

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 189, рис. 50.

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 189, рис. 50; стр. 190, рис. 51; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 138, рис. 51.

Рис. 5. Юго-западная крепостная стена Саркела.

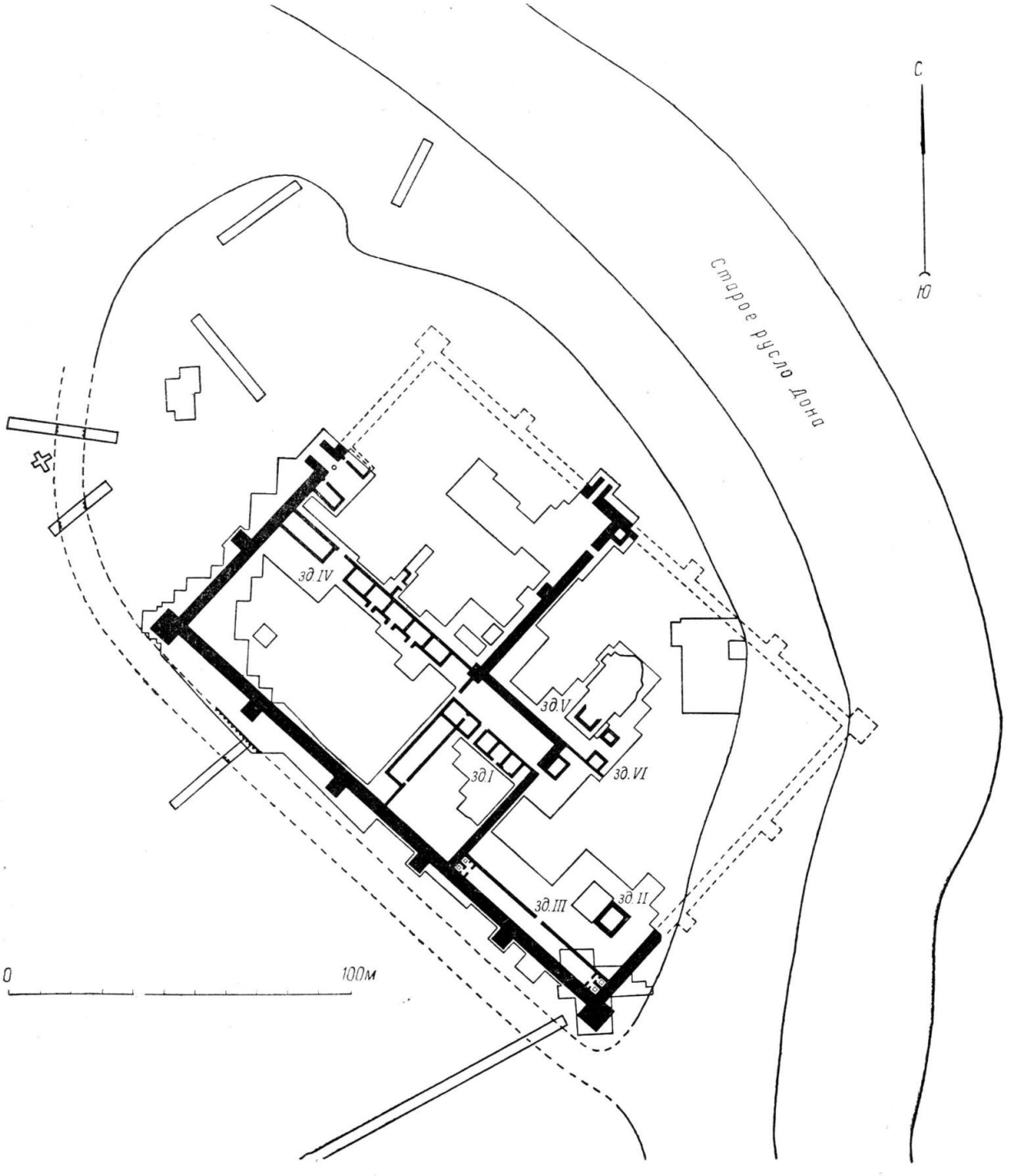


Рис. 6. Схематический план кирпичных сооружений Саркела.

зданий, разобранных в сравнительно недавнее время. Но зато с поверхности городища не обнаруживалось никаких признаков существования этих зданий, и они были найдены только в процессе научных раскопок.

В результате всех раскопочных исследований, произведенных на городище, хазарской крепость Саркел вырисовывается в следующем виде:[1] на низком береговом мысу кирпичная крепость возвышалась в виде удлиненного четырехугольника, обведенного толстыми стенами, усиленными многочисленными башнями (рис. 6). Длинной своей осью крепость была ориентирована с юго-востока на северо-запад и имела в длину 193.5 м, а в ширину 133.5 м. С двух сторон к стенам крепости близко подходила большая река, с напольной же стороны подход к крепости преграждал широкий, наполненный проточной водой ров. Только с северо-западной стороны перед крепостью оставалась часть низкого, переходящего в береговую отмель мыса. Восточный угол крепости со значительными участками северо-восточной и юговосточной оборонительных стен оказался уничтоженным вместе с берегом, который здесь подмывался рекой во время весенних половодий.

Стены крепости толщиной в 3.75 м, вероятно, имели значительную высоту и, надо полагать, были увенчаны зубчатым парапетом, за которым по верху шел широкий проход, прерываемый только башнями, возвышавшимися над стенами. Квадратные в плане башни, так же как и стены, до уровня высоты последних имели, вероятно, сплошную кладку, а выше были полые, с дверями, выходившими на проходы по верху оборонительных стен. Кроме дверей, верхний этаж башен мог иметь и бойницы. Вдоль каждой из стен между угловыми башнями находились квадратные (5×5 м) башни или башенные выступы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. Из башен защитники крепости могли держать под перекрестным обстрелом подступы к оборонительной стене. Вдоль длинных стен крепости было по четыре башенных выступа, а у поперечных стен — только по два.

Входы в крепость были устроены в виде пролетов в башнях. Главные ворота находились в одной из башен северо-западной стены,

Рис. 7. Главные ворота крепости.

[1] Подробное описание остатков кирпичной крепости будет дано в статье П. А. Раппопорта во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

ближайшей к северному углу крепости, отличавшейся от других своими большими размерами (9 м ширины). Пролет в ней был 4.5 м шириной (рис. 7). Пол его был вымощен каменными плитами; близ наружного конца этот пролет закрывался деревянными воротами, полотнища которых подвешивались на толстых деревянных косяках, вделанных в кирпичную кладку. Под полотнищами ворот находилась толстая деревянная подворотня. Как показали остатки других ворот лучшей сохранности, деревянные полотнища были окованы полосами железа, прибитыми к доскам гвоздями. Возможно, что в середине пролета были вторые такие же ворота.

Внутри крепости по сторонам главных ворот находились караульные помещения. Они представляли собой два симметрично расположенных прямоугольных здания, узкой своей стороной пристроенные к оборонительной стене. Стены этих зданий с наружной и внутренней сторон были оштукатурены. Двери в них находились вблизи ворот. По сторонам дверных проемов сохранились выемки для деревянных косяков и высокого порога.

Между караульными помещениями перед самым входом в ворота обнаружен замечательный круглый колодец со стенками, облицованными блоками отесанного камня — известняка (рис. 8). Глубина колодца 6.5 м. Сразу же после расчистки он наполнился хорошей ключевой водой. Верхняя часть колодца на глубину около 2 м не имела каменной обкладки; последняя, по всей вероятности, была разобрана в позднейшее время. Несомненно, что этот колодец относится к хазарскому периоду. Судя по его местоположению перед самым входом в ворота, это осадный колодец, который в обычное время был закрыт деревянной крышкой; в таком виде он не мешал проезду. Во время же осады, когда пользовались колодцем, ворота накрепко запирались.

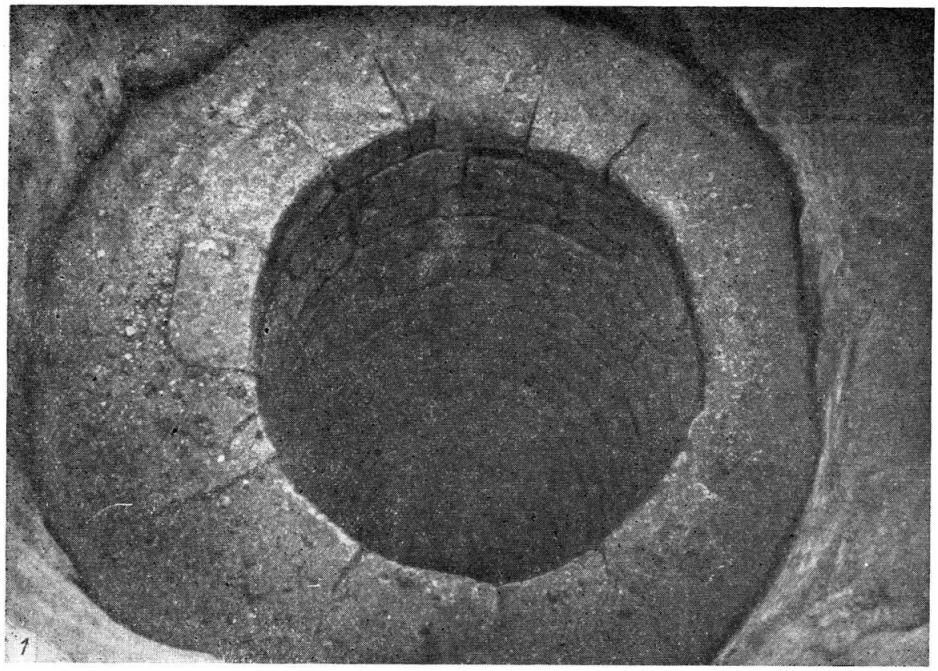
Вторые ворота в крепость, выходившие к реке, находились в одной из средних башен северо-восточной стены. Башня эта только немногим шире остальных (5.5 м), в соответствии с чем пролет в ней имел всего 2 м ширины. Никаких следов устройства самих ворот здесь не сохранилось. Но зато в пролете уцелела кирпичная вымостка, разбитая и выбитая в течение почти трехсотлетнего пользования этим проходом (рис. 9). Внутрь крепости от этих ворот шла дорога, вымощенная обломками кирпичей, черепками и костями животных. Она разветвлялась в двух направлениях: к главным воротам и к проходу в поперечной стене, о котором речь будет ниже.

Крепость была разделена на две почти равные части поперечной стеной в виде ломаной линии из трех отрезков; по толщине (3 м) эта стена лишь немногим уступала наружным оборонительным стенам. В середине северного своего отрезка она была усилена башней, обращенной к северо-западу, а на повороте близ геометрического центра крепости — угловой башней.

В северном отрезке поперечной стены близ ворот, выходящих к реке, был устроен проход, к которому и вело одно из ответвлений упомянутой мощеной дороги. Этот проход закрывался деревянной дверью, от которой сохранились обитая железными полосами подворотня и железная же оковка пяты, на которой вращалась дверь. Второй проход был устроен в южном колене поперечной стены. С юго-восточной стороны к нему примыкало пристроенное к стене небольшое прямоугольное здание, возможно служившее караульным помещением.

Таким образом, оба входа в крепость снаружи находились в ее северной части; в юго-восточную же половину крепости вели проходы только изнутри через поперечную стену, оборонительные сооружения которой к тому же были направлены против северо-западной части крепости. Из этого можно заключить, что юго-восточная часть крепости была наиболее изолированной от внешнего мира и представляла своего рода цитадель (рис. 6).

Но этим внутреннее членение крепости не ограничивалось. Каждая из двух указанных частей крепости в свою очередь делилась на части комплексами сооружений, расположенными между наружными оборонительными стенами и внутренней поперечной стеной. Один из них тянулся от северо-западной наружной стены до угловой башни при повороте поперечной стены (рис. 6, здание IV). Он состоял из длинной стены, соединявшей указанные пункты, и пристроенных к ней с юго-западной стороны двух зданий одинаковой ширины. Одно из этих зданий примыкало к наружной оборонительной стене и состояло из длинного помещения. Другое здание было разделено внутренними стенками на пять почти одинаковых помеще-



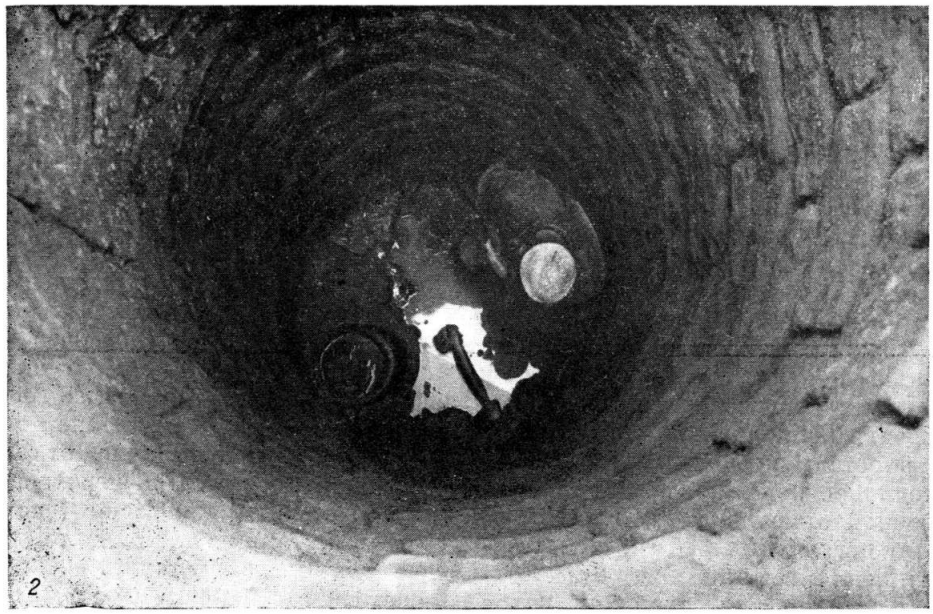


Рис. 8. Колодец возле главных ворот.

1 — общий вид колодца; *2* — бадья и остатки лестницы на дне колодца.

ний, из которых три средних имели входы в виде узких притворов, обращенных в одну сторону, а именно внутрь отделенной указанными зданиями западной части крепости. В стене, находившейся между описанными зданиями, имелся узкий проход, соединявший западную и северную части крепости. С тыльной стороны здания с пятью помещениями были обнаружены следы еще одного сооружения, пристроенного к той же стене. комплексом площади в точности соответствовала колену, образованному поперечной стеной. По длине же Г-образное здание доходило до ворот в южном отрезке поперечной стены, так что между этим зданием и средним коленом поперечной стены оставался широкий проход. Вход в него из западной части крепости находился в стене, соединявшей угол здания I с угловой башней поперечной стены.

Рис. 9. Речные ворота крепости.

К сожалению, оно открыто только частично. Однако ясно, что это сооружение не могло быть большим. Вход в него, оформленный также в виде притвора, находился с юго-восточной стороны.

Другой комплекс сооружений располагался в пространстве, образованном в юго-западной части крепости уступом внутренней поперечной стены. Он состоял из Г-образного здания (рис. 6, здание I), соединенного стенами, являвшимися продолжениями стен этого здания, с одной стороны с юго-западной оборонительной стеной, а с другой — с южным отрезком поперечной стены таким образом, что внутри этих сооружений образовался большой замкнутый двор прямоугольной формы. Ширина занятой этим

Одно колено Г-образного здания, а именно обращенное на северо-запад, состояло всего из двух помещений: одного длинного с дверью во внутренний двор и другого, почти квадратного, занимавшего северный угол здания. Соседнее с последним небольшое помещение относилось уже к северо-восточному колену здания. Между этим помещением и остальной частью северо-восточного колена имелся проход, который вел во внутренний двор. За проходом было три одинаковых помещения. В среднее из них дверь вела со двора. Полы во всех помещениях северо-восточного колена были покрыты слоем извести (цементом) и тщательно выровнены.

Юго-восточная часть крепости также была подразделена на две части стенкой, которая

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных наук Академии Наук СССР

от поворота внутренней поперечной оборонительной стены, находившегося возле прохода с караульным помещением, шла к юго-восточной оборонительной стене. Эта часть крепости, к сожалению, была раскопана в меньшей мере, чем другие, и поэтому указанная стена не прослежена на всем ее протяжении. Возле нее тоже были пристройки. Одно небольшое здание, примыкавшее к ней с северо-восточной стороны, открыто полностью, однако нельзя утверждать, что оно было здесь единственным, что вдоль этой стены с той и другой стороны не было других пристроенных к ней зданий, подобных зданиям, обнаруженным в северо-западной части крепости.

Любопытное здание (III) помещалось в южной части крепости. Длинная стена с дверью посредине, тянувшаяся от юго-восточной оборонительной стены до поперечной стены, образовала вдоль юго-западной крепостной стены узкое помещение, по концам которого находились совершенно одинаковые своеобразные сооружения, состоявшие из поперечного коридора и двух соединенных с ним дверями небольших камер. Внутри каждой камеры имелась квадратная яма глубиной 1.10 м, со стенками, облицованными кирпичом. В одном случае такая яма была перекрыта кирпичами, по размерам значительно превышавшими обычные кирпичи, из которых выстроены стены и здания крепости. О назначении этих камер судить трудно. Скорее всего это были кладовые с закромами для зерна.

Во всех помещениях внутри кирпичных зданий крепости не было найдено никаких следов печей или очагов. Поэтому вероятнее всего полагать, что это были не жилые, а складские помещения. Судя по толщине стен, вместе с тем можно допустить, что здания с этими помещениями были не одноэтажными, а двухэтажными, а следовательно, жилым у них был второй этаж. Однако никаких следов вторых этажей, хотя бы в виде остатков лестниц, которые вели наверх, не сохранилось.

Замечательно, что в большинстве случаев здания внутри крепости не примыкали непосредственно к оборонительным стенам, а были соединены с ними только сравнительно тонкими стенами (0.9 м). Эти стены тем не менее играли важную роль. Они вместе с пристроенными к ним зданиями делили крепость на части и тем усиливали ее обороноспособность. Кроме того, расположение зданий на некотором расстоянии от крепостной стены лишало врагов возможности легко овладеть ими после захвата отдельных участков оборонительных стен.

3. ЗАГАДОЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Таким образом, крепость внутри была разделена на несколько обособленных частей или отсеков. Планировка ее свидетельствует о строгой продуманности устройства и в целом, и в отдельных частях. В этом отношении особенно показательна связь Г-образного здания с поперечной стеной. Помещенное в уступе этой стены, Г-образное здание надежно прикрывало подступы к южной части цитадели из западного отсека крепости, благодаря чему прилегающие к нему отрезки поперечной стены оставлены без башен, тогда как не закрытый зданиями северный отрезок этой стены подкреплен двумя башнями и, кроме того, еще усилен башней в месте соединения его с северо-восточной наружной оборонительной стеной — в северном углу цитадели.

И наличие поперечной стены, и размещение кирпичных зданий внутри крепости свидетельствуют о том, что строители ее преследовали цель всемерного усиления обороноспособности крепости. Не довольствуясь наружными оборонительными стенами и башнями, они заботились еще о том, чтобы каждая часть крепости могла держаться самостоятельно, чтобы преодоление врагами какого-либо из участков наружных укреплений не лишало гарнизон возможности дальнейшего сопротивления. Чтобы подавить это сопротивление, нужно было брать крепость часть за частью.

Замечательно, что в структуре крепости предусмотрены не только удары извне. Она спланирована с учетом внутреннего членения ее населения. Оборонительные сооружения цитадели направлены не только против внешнего врага, но и против населения в остальной части крепости, они предназначены для обороны от врагов, находящихся хотя и за стенами цитадели, но в самой крепости.

Снаружи входы вели только в северный отсек крепости. Ни в какое другое подраз-

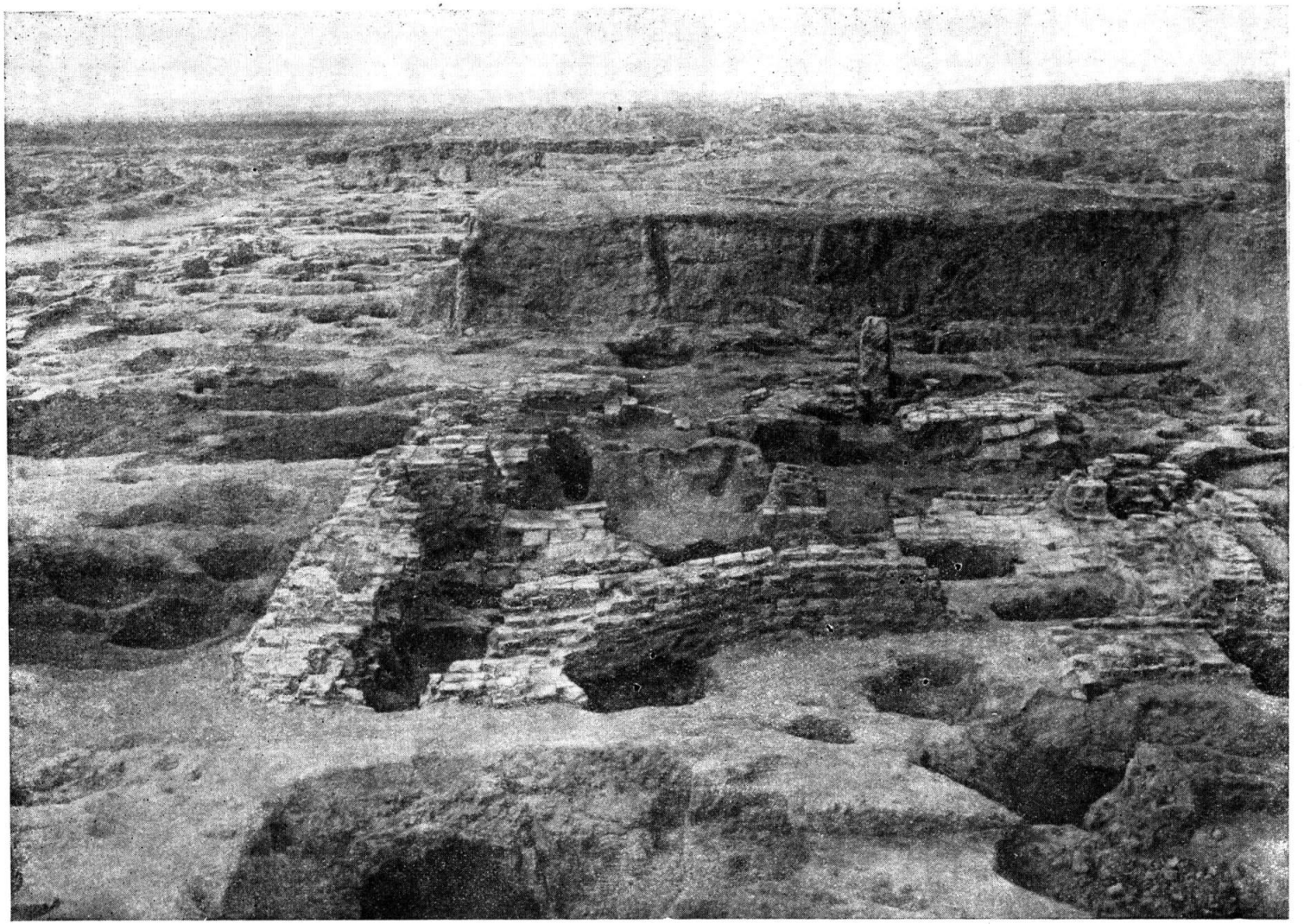


Рис. 10. Остатки башни в южном углу крепости (донжон).

деление крепости войти снаружи было нельзя; только отсюда можно было попасть в западный отсек и в восточную часть цитадели. Наиболее сложным был доступ в южный отсек цитадели. Именно в этой части крепости, недалеко от ее южного угла, находилось интересное сооружение, совершенно оригинальной конструкции, нигде, кроме Саркела, больше не известной. Это прямоугольное, почти квадратное здание (II) с толстыми стенами и с прилегающей к нему вымощенной кирпичами площадкой. Нет сомнения, что это здание не было одноэтажным; судя по толщине стен (1.80 м), высота его могла быть весьма значительной и превосходить высоту не только оборонительных стен, но и связанных с ними башен (рис. 10). Оно, следовательно, могло быть даже не двух-, а трех- или четырехэтажным. Так как дверей, ведущих в нижний этаж здания, не было, надо полагать, что вход в него вел прямо во второй этаж по приставной лестнице. Нижний этаж с полом, выложенным кирпичами на извести, был, очевидно, как и в других зданиях, только подсобным помещением для хранения запасов. В целом же здание представляло собой башню типа донжона, какие устраивались в средневековых замках как жилое помещение феодала и как последнее убежище защитников.

Таким образом, в Саркеле в наиболее защищенной части крепости был донжон, башня, в системе средневековых крепостных сооружений игравшая далеко не последнюю роль. Эта башня, возвышавшаяся над всеми зданиями крепости, могла в то же время служить и для постоянного наблюдения за подходами к крепости и за рекой, движение по которой находилось под контролем гарнизона.

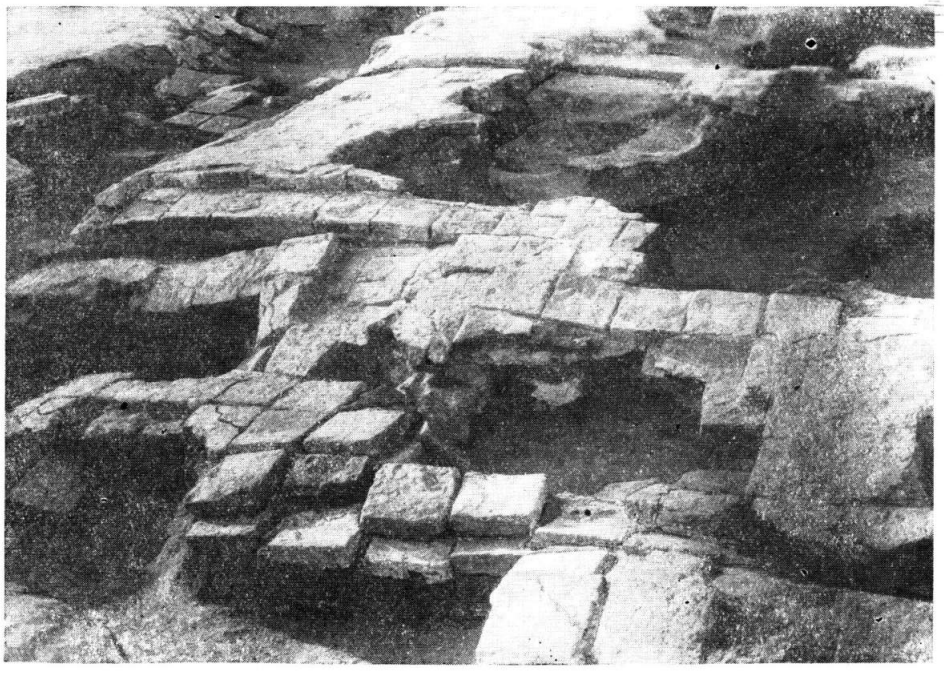
Казалось бы, все ясно. Однако здесь имеются и некоторые, осложняющие дело обстоятельства. Как уже указывалось, к северо-западной стене башни примыкает прямоугольная площадка (8.3×10.7 м), почти равная ей по площади. Площадка эта вымощена кирпичами, уложенными в два ряда на извести. Никаких следов стен на ней и возле нее не обнаружено.

Эта площадка не единственная в крепости. В северной части крепости вблизи от угловой башни поперечной стены имеется вторая, выложенная кирпичом, прямоугольная площадка. Она значительно меньшей величины (5×6 м) и состоит только из одного ряда кирпичей. Зато в восточной части крепости находится третья площадка, огромных размеров. К сожалению, она сохранилась не полностью и длина ее точно не установлена, но даже в прослеженной своей части она превышает 28 м. Эта площадка сложена уже из трех рядов кирпичей, причем наружные края ее облицованы кирпичами, поставленными наклонно (рис. 11). План этой площадки сложнее двух других: на юго-западном конце она имеет 11 м ширины, а затем, через 12 м от этого конца, расширяется уступом в обе стороны до 14.7 м. Дальше, с северо-западной стороны, у нее имеется выступ, доводящий общую ширину площадки в этом месте до 17.0 м. Был ли такой же выступ и с другой стороны площадки, неясно.

Весьма важно отметить, что в юго-западной части последней площадки сохранились следы возвышавшихся на ней стен. Хорошо прослеживались три стены вдоль краев площадки, на некотором расстоянии от края вымостки. Стены эти солидной толщины, такой же как и стены донжона (здание II) в южном углу крепости; протяженность юго-западной стены на площадке совпадала с длиной короткой стены донжона. Судя по длине юго-западной части кирпичной вымостки до ее расширения, здесь могло поместиться здание таких же размеров, как и донжон. Это могло быть прямоугольное здание в несколько этажей (здание V). Поскольку на широкой части площадки никаких следов стен не обнаружено, можно предположить, что она, как и вымостка возле донжона, была открытой. Возле южного угла площадки с юго-восточной стороны находилось небольшое прямоугольное здание без вымощенного пола внутри и без признаков прохода в стенах. Возможно, что вход в это здание находился на уровне второго этажа. Толщина его стен вполне достаточная для сооружения в несколько этажей. Это тоже башня, хотя и меньших размеров, чем донжон или здание на площадке.

Главное отличие здания на площадке от башни в южном углу крепости заключалось в том, что кирпичная вымостка являлась его основанием, а не примыкала к нему.

Однако функционально оба эти сооружения явно близки друг к другу; если здание с кирпичной вымосткой возле него в южном углу крепости имеет все основания рассмат-



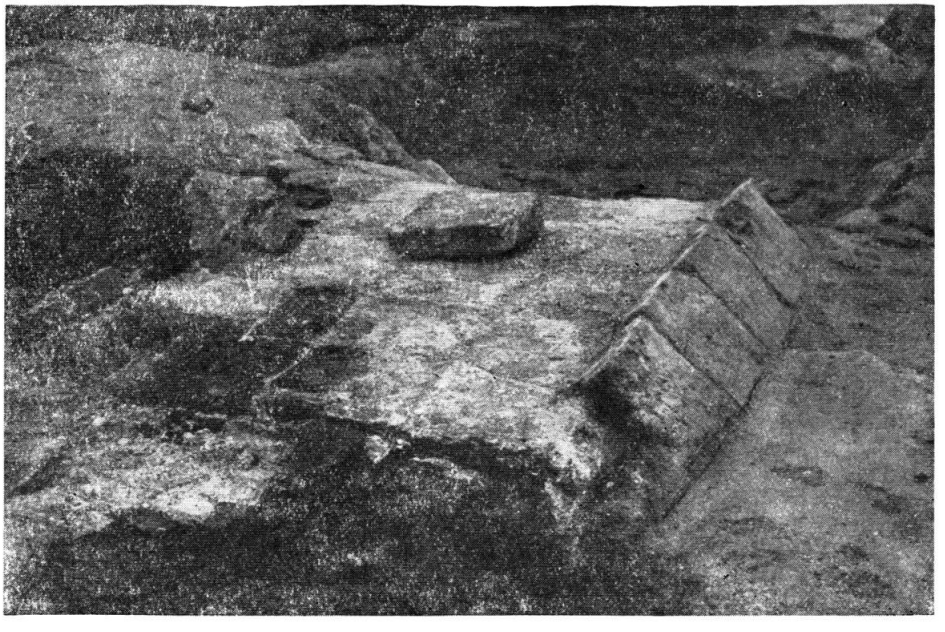


Рис. 11. Площадка вымощенная кирпичом, в восточной части крепости (детали).

Рис. 12. Фрагменты мраморных архитектурных деталей.

риваться в качестве донжона, то такое же назначение следует признать и за сооружением на площадке.

Хотя никаких признаков сооружений ни на широкой части площадки с башней, ни на вымостке возле донжона, ни, наконец, над вымосткой возле поперечной стены в северной части крепости не обнаружено, тем не менее считать все эти кирпичные вымостки просто открытыми площадками вряд ли правильно. Вероятно, над этими вымостками или площадками возвышались сооружения, следов которых не сохранилось. Это скорее всего были юрты, служившие жилищами для лиц, занимавших в крепости важное положение. Железное кольцо, диаметром 0.6 м, найденное при раскопках большой вымостки в восточном отрезке цитадели, могло употребляться для соединения концов жердей в куполе юртообразного сооружения и вместе с тем образовывать в нем отверстие для выхода дыма. Кирпичные башни, находившиеся возле этих жилищ, конечно, имели оборонительное значение, но уже не для гарнизона в целом, а только для живших в обычное время в юртах начальствующих лиц и их приближенных.

Конечно, указанное назначение кирпичных площадок и башен внутри крепости является только предположением, приемлемым лишь вследствие отсутствия других, более обоснованных заключений. Маловероятным представляется, например, истолкование большой площадки в качестве культового сооружения, так как она вместе с возведенными на ней и возле нее зданиями не соответствует требованиям культа ни одной из религий, распространенных в Хазарском каганате. Это не христианский храм, не мечеть и не еврейская синагога. Правда, в Хазарии существовали и языческие культы, но такие культы обычно не имели храмов.

Нахождение на городище Саркела нескольких мраморных колонн и капителей

византийских типов[1] давно уже подало повод к предположению о наличии в крепости христианского храма, воздвигнутого здесь византийцами, принимавшими участие в строительстве крепости. При раскопках в 1949—1951 гг. в дополнение к прежним находкам были обнаружены еще две капители и ряд мраморных обломков от капителей, баз и колонн. Одна целая капитель византийско-коринфского типа найдена близ западного угла крепости в самых ранних отложениях городища. Она была сильно попорчена огнем. Другая капитель, византийско-ионического типа, с рельефным крестом на одной стороне, лежала в хазарском слое близ угловой башни поперечной стены в западной части крепости. Обломки мраморных архитектурных деталей, среди которых следует отметить голову барана от фигурной капители византийско-коринфского типа, какие нередко встречаются в Херсонесе, были находимы в разных частях крепости, преимущественно в нижнем слое (рис. 12). Никаких признаков использования мраморных архитектурных деталей в зданиях, открытых в крепости, а равным образом и следов здания, которое можно было бы счесть за христианский храм, в Саркеле не найдено.

Ввиду этого вероятнее всего полагать, что христианского храма в хазарской крепости не было, несмотря на то, что она строилась с участием Византии.

Можно думать, что архитектурные мраморные детали, найденные в Саркеле, попали сюда из Херсонеса, где они применялись в церковном строительстве. Все они датируются VI в. и могли быть взяты из разрушенных христианских храмов. Попасть в Саркел они могли вместе с Петроной, который, вероятно, намеревался построить в Саркеле христианскую церковь. Однако выполнить это намерение византийскому вельможе не удалось, и привезенные им мраморные детали валялись в крепости без употребления. Многие из них были разбиты и испорчены, несомненно еще в хазарский период.

4. СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Для сооружения крепости с находящимися внутри нее зданиями потребовалось огромное количество кирпичей. Они изготовлялись на месте из илистой глины, к которой примешивалась рубленая трава — степной ковыль. При обжиге трава выгорала и в теле кирпичей образовывалась сеть мельчайших каналов с ошлакованными стенками; такая структура повышала их прочность и пористость. Формовка кирпичей производилась в деревянных сквозных формах. Сформованные кирпичи высушивались на солнце; в это время на некоторых из них появились отпечатки собачьих лап, копыт мелкого рогатого скота, человеческой босой ноги и т. п. Однако, кроме этих случайных отпечатков, некоторые кирпичи имеют нарочно нанесенные на их широкой поверхности знаки и рисунки (рис. 13).[2] Знаки по большей части представляют собой фигуры типа тамг, знаков собственности, или даже буквы. Они наносились на мягкую поверхность кирпича просто пальцем или палочкой. Среди рисунков, прочерченных острием, чаще всего находятся изображения лошадей, иногда с вооруженным всадником. Нередко встречаются фигуры в виде лабиринтов, т. е. нескольких вписанных один в другой квадратов или прямоугольников, соединенных поперечными линиями.

Высушенные на солнце кирпичи обжигались в печах, устроенных так же, как и горны для обжига посуды. Остатки их обнаружены в береге реки несколько выше городища.[1] Печи выкапывались в береговом обрыве и состояли из двух расположенных друг над другом камер, овальных или круглых в плане. Нижняя служила топкой, а в верхнюю загружались кирпичи для обжига. Горячий воздух из топки проходил по вертикальным каналам, сделанным в ее перекрытии, в верхнюю камеру. Для большей прочности перекрытие поддерживалось земляным столбом, находившимся в середине нижней камеры. К сожалению, полно-

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 12, рис. 2; стр. 13, рис. 3.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 91, рис. 38; стр. 92, рис. 39; стр. 100, рис. 40.

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

стью ни одной печи не сохранилось и поэтому размеры печей остаются неизвестными, равно как неизвестно и количество кирпичей, загружавшихся в печь за один раз.

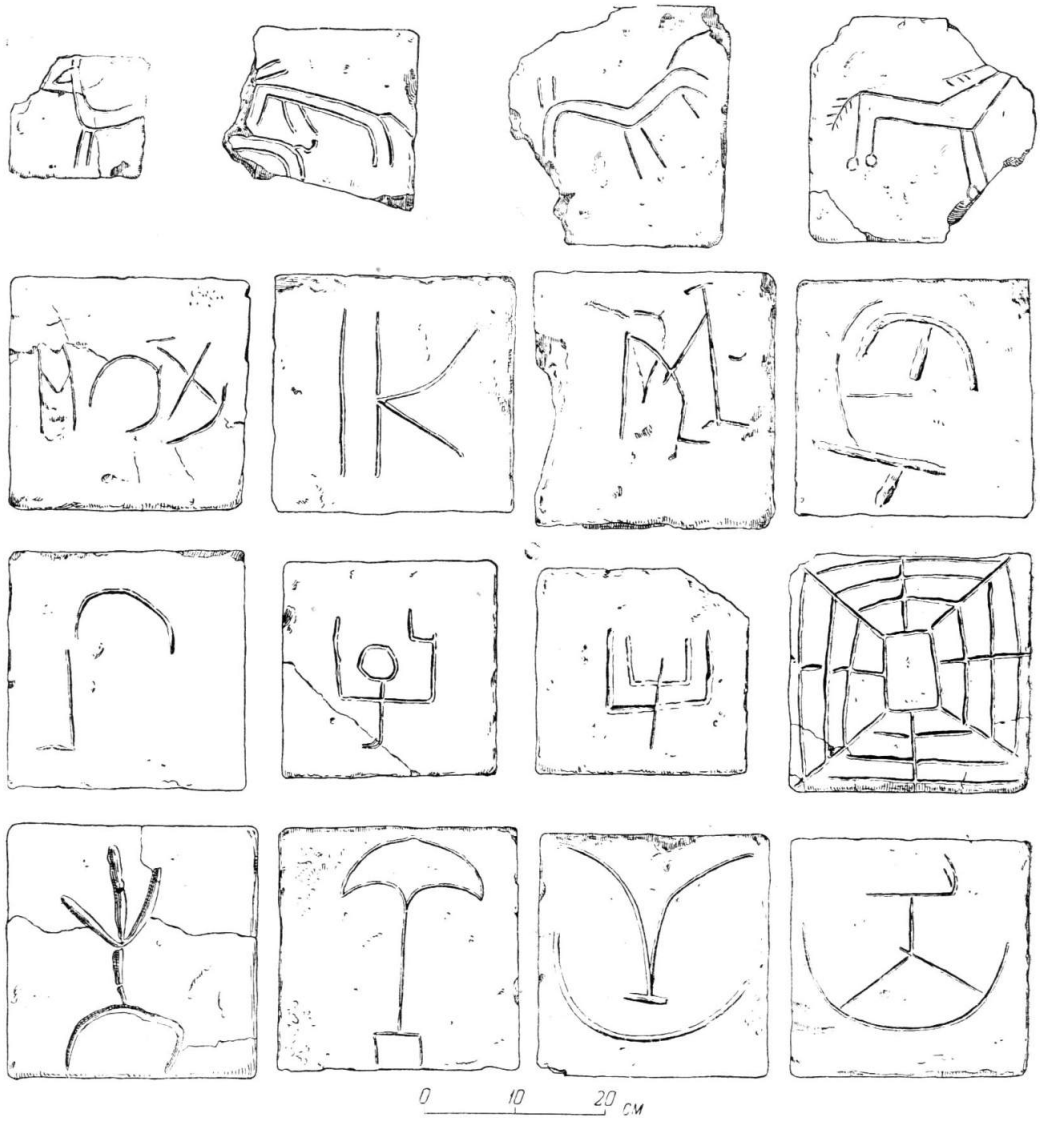


Рис. 13. Знаки и рисунки на кирпичах.

Судя по угольками и золе в топках печей, для обжига использовалось высококалорийное топливо — дуб, который в то время произрастал в долине реки, покрытой густыми лесами. Благодаря этому в печах достигалась высокая температура. Стенки печей и каналов для горячего воздуха под действием жара ошлаковывались, а кирпичи хорошо прокаливались. Кирпичи, употреблявшиеся в строительстве крепости, отличаются высоким качеством: они докрасна обожжены и лишь немногие из них темные в изломе.

По форме кирпичи квадратные, со средним размером каждой стороны 0.25—0.27 м при толщине 0.06—0.07 м. Кроме того, имеются кирпичи половинной по отношению к большинству величины, т. е. в 0.125—

0.135 м ширины при той же длине и толщине. Для специальных надобностей изготовлялись кирпичи значительно бо́льших размеров, до 0.30 м и даже больше длиной (0.30×0.40 м).

В кладке кирпичи скреплялись раствором извести с добавкой песка. Константин Багрянородный сообщает, что Петрона, приказавший делать кирпичи вследствие отсутствия на месте камня, пригодного для строительства крепости, нашел возможным изготовлять известь из речных голышей. Действительно, вблизи Саркела нет хорошего строительного камня. Мощные выходы ракушечника плохого качества и мергелей на правом высоком берегу Дона близ ст. Цимлянской малопригодны для строительных надобностей. Непонятно, что за речные голыши, из которых, якобы, приготовлялась известь, имеются в виду в сообщении Константина Багрянородного. Если это так называемые «журавчики», известняковые конкреции, которые вымываются рекой в скифских глинах и усеивают песчаные отмели вдоль реки, то собирание их представляло весьма сложную задачу, принимая во внимание огромную потребность в извести. В Подонье известно немало залежей известняка, пригодного для пережигания на известь. Какой-нибудь из них, вероятно, и пользовались при строительстве Саркела.

Планировка крепостных сооружений Саркела отличалась изумительной геометрической правильностью и точностью расстояний. Углы зданий по большей части действительно прямые, линии стен тянулись строго по прямой линии, расстояния между башнями сходятся до 2—3 см. Несомненно, разбивка плана производилась не на глазок, а весьма тщательно и с помощью измерительных приспособлений. При всем том кладка отличалась примитивностью: стены возводились без фундаментов, непосредственно на освобожденной от дернового покрова и несколько выровненной земле. Вследствие этого неровная осадка приводила к трещинам и разрушениям еще в процессе строительства. Так, например, при постройке западной угловой башни не было учтено нахождение возле нее большой ямы. В результате угол массивной башни начал сползать к этой яме, и его пришлось перекладывать, выравнивая разницу в осадке путем дополнительных рядов кирпичей, уложенных по диагонали к основным линиям кладки.

Для смещения швов между кирпичами в лежащих один на другом рядах кладки пользовались кирпичами половинного, сравнительно с основной формой, размера. Этими кирпичами начиналась кладка горизонтальных рядов то с одной, то с другой стороны стены. В результате швы между кирпичами одного ряда оказывались под серединой кирпичей следующего ряда. Слой извести между кирпичами не превышал 0.01 м в толщину. Жидкая известь во время кладки стен в значительном количестве стекала к их подножию и образовала вдоль оборонительных стен с наружной стороны слой значительной толщины, распространявшийся в ширину от 1.0 до 3 м, постепенно утончающийся к наружному краю. Вдоль стен кирпичных построек внутри крепости известковый натек не превышал в ширину 0.20—0.30 м. Благодаря этому натеку основания стен хорошо прослеживались даже в том случае, когда были плохо заметны отпечатки нижнего ряда кирпичей на земле, обычно прекрасно сохранявшиеся (рис. 14). Ряд стен зданий внутри крепости уцелел на высоту до 0.7—0.9 м, причем некоторые из них сохранили штукатурку как на внутренней, так и на наружной стороне.

В свете изложенных данных совершенно очевидно, что в технике строительства Саркела нет ничего специфически византийского. Ни размеры кирпичей, ни цемянка, ни общий характер кладки не являются типичными для византийского зодчества, где употреблялись значительно более тонкие кирпичи, где цемянка накладывалась толстым слоем и, имея в своем составе примесь толченого кирпича, отличалась розовым цветом, а самое главное — играла совершенно другую роль в кладке. Возможно, что в Саркеле имела место какая-то другая, не византийская строительная традиция. Нечто подобное Саркелу по размерам кирпичей, характеру кладки и формам крепостных сооружений известно в восточном Закавказье, но соответствующие памятники еще мало изучены и плохо датированы.

Естественно заключить, что Константин Багрянородный в своем сообщении о построении Саркела преувеличил роль Петроны. Возможно, что с участием последнего производилась планировка крепости, определялся характер сооружений, что по его совету для строительства был применен кирпич, а не камень, и по его же указа-

ниям изготовлялась известь; все же остальное надо отнести за счет самих хазар, в особенности примитивное возведение стен без фундаментов. Кстати отметим, что довольно многочисленные каменные крепости хазарского времени, известные между Донцом и Средним Доном, в области так называемой салтовской культуры, и даже напротив Саркела, на правой стороне Дона, имеют стены без фундаментов[1] и что, по данным арабских писателей (Истахри),[2] в столице хазар Итиле на Нижней Волге были кирпичные здания. О том, что кирпичи для Саркела изготовляли местные мастера, свидетельствуют те знаки и рисунки на них, о которых упоминалось выше и которые по общему своему характеру очень близки к знакам и рисункам на камнях из кладки стен крепостей салтовской культуры. Наиболее известным из этих укреплений является Маяцкое городище.[1] Знаками на кирпичах, по всей вероятности, мастера отмечали изготовленные ими партии этого материала.

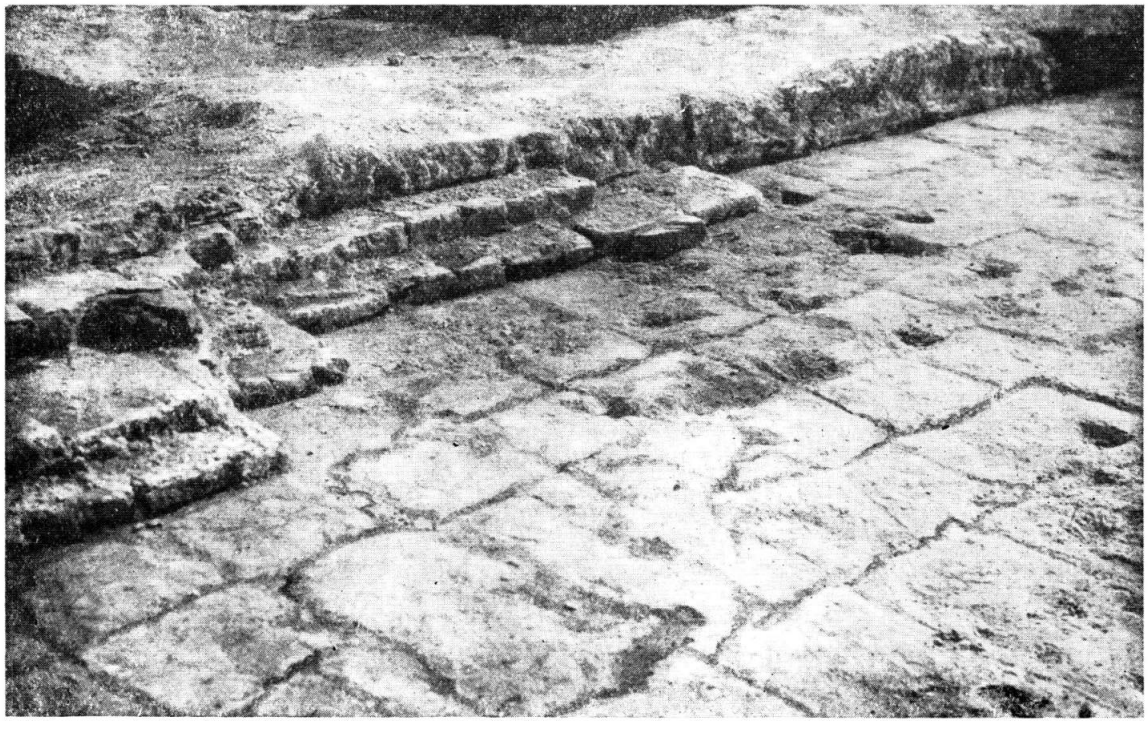


Рис. 14. Отпечатки кирпичей на грунте.

Что же касается рисунков, то они скорее всего являются плодом свободного творчества, выражением эстетических потребностей с использованием шаблонных мотивов и форм, порожденных магическими верованиями и еще бытовавших в данной среде. Такого рода рисунки имеют широкое распространение и встречаются на скалах и стенах, на керамике и костяных вещах различного назначения. Они хорошо связываются с кочевыми тюркскими племенами степей Евразии и при всей своей примитивности характеризуются определенными стилистическими признаками, лучше сказать прие-

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие поселения в северо-западной Хазарии, стр. 130 и сл.; И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 58—62.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 92; И. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 4; вып. XXXIX, стр. 41.

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 90.

мами стилизации, которые позволяют разделить их на несколько групп локального и хронологического значения.[1] Кроме изображений на камнях Маяцкого городища,[2] с рисунками на саркелских кирпичах тесно сближаются изображения, процарапанные на стене Дербента[1] и на строительных материалах Дунайской Болгарии.[2]

5. НАСЕЛЕНИЕ САРКЕЛА

Для строительства крепости был выбран незаселенный участок на берегу реки. На месте крепости не найдено бесспорных следов поселения, предшествующего ее сооружению. К значительно более древнему времени относится только одно погребение, обнаруженное под северо-западной оборонительной стеной вблизи главных ворот. Здесь в земляной могиле оказался детский скелет, лежавший на левом боку в скорченном положении головой на север. При нем находился горшок баночной формы, типичный для эпохи поздней бронзы (срубной культуры). По всей вероятности, это погребение находилось под курганной насыпью, снесенной при постройке крепости. Из этого же, а может быть, и из других курганов, находившихся на месте крепости, происходят древние вещи, обнаруженные в культурном слое городища (рис. 16). Это характерный бронзовый нож с ромбическим расширением рукоятки у основания клинка, бронзовый наконечник втульчатого копья с боковыми прорезями и хорошо сохранившееся бронзовое зеркало с ручкой. Последний из указанных предметов датируется скифским периодом.

Строительство крепости продолжалось не один год. Об этом свидетельствуют жилища и могилы рабочих, которые были заняты при ее сооружении. Вблизи западной угловой башни снаружи крепости обнаружены две небольшие землянки с очагами посредине, которые как по своему типу, так и по заполнению относятся к хазарскому времени. В стенке одной ямы, такой же формы и размеров, как и землянки, но без очага и со следами перегородки, оказался подбой с женским погребением. Тут же находилось значительное количество круглых ям разной величины. Бо́льшая часть их была засыпана землей с небольшим количеством культурных остатков, но в некоторых оказались захоронения как людей, так и животных. Погребенные в этих ямах лежали в скорченном положении на боку (рис. 15). В одном случае над покойником лежала часть скелета лошади. В других ямах были найдены отдельные захоронения лошади и собаки. Особый интерес представляет продолговатая яма, в которой оказалось 84 пары передних телячьих ножек и небольшое количество бычьих ног.

Относительно хазарского времени всех этих землянок, ям и погребений не может быть сомнений, так как они по своему заполнению органически связываются с хазарским слоем городища. Одна из землянок была частично срезана рвом, преграждавшим доступ к крепости с напольной стороны. Ров, очевидно, был вырыт в конце строительных работ, так как в противном случае он явился бы серьезным препятствием к подвозу строительных материалов. Некоторые из отмеченных выше ям находились под слоем извести, образовавшимся снаружи крепости вдоль стены при ее сооружении, т. е. вырыты до постройки крепости. Поскольку вместе с тем не обнаружено никаких следов заселения места крепости в период, предшествующий ее сооружению, в частности не обнаружено ни одной ямы хазарского времени на месте оборонительных стен, естественно заключить, что указанные выше памятники, непосредственно примыкавшие к крепости, относятся ко времени ее соору-

---

[1] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931; И. Т. Саенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XIV АС, т. I, М., 1910.

[2] Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911.

[1] М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 138, рис. 25.

[2] Люба Огненова. Рисунки на конници върху вътрешната крепост на Преслав. Разкопки и проучвания, IV, София, 1949, стр. 195 и сл.; П. С. Господинов. Нов старобългарски конник. Списание на БАН, кн. LVIII, Клон ист.-фил. и филос. обществен, 29, София, 1939, стр. 213 и сл.; Р. Попов. Материали от разкопките през 1932/35 гг. Мадара, II, София, 1936, стр. 85, рис. 131—132; В. Миков. Скални изображения от България. Изв. Археолог. инст., т. V, София, 1928—1929, стр. 291; Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска. Изв. Археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, альбом.

жения и оставлены занятыми при этом рабочими. С другой стороны, характер памятников свидетельствует, что строительство крепости продолжалось долгое время, во всяком случае несколько лет.

Кирпичные здания внутри крепости делились на две группы, несколько различавшиеся одна от другой по признакам строительной техники. В то время как оборонительные стены и бóльшая часть зданий внутри крепости сложены из кирпичей размером 0.25×0.25 м. причем в кладке они уложены очень ровно и тщательно, при постройке других зданий употреблены кирпичи несколько большей величины — 0.27×0.27 м — и в кладке их наблюдалась некоторая неровность и небрежность. К тому же в кладке эти здания не связаны с первоначальными сооружениями, как это обычно в постройках первого типа, а пристроены к ним. К числу последнего рода сооружений относятся донжон в южном углу крепости и здание, пристроенное изнутри к северо-западной оборонительной стене и к стене, отделяющей северную часть крепости от западной (западная часть здания IV). Эти здания, несомненно, не были предусмотрены первоначальным планом крепости и выстроены несколько позже остальных, с нарушением принципа планировки, согласно которому здания не должны примыкать к оборонительным стенам. Однако промежуток во времени между сооружением тех и других не мог быть сколько-нибудь значительным. Дополнительные сооружения, должно быть, были сделаны после занятия крепости гарнизоном в соответствии с обнаружившимися потребностями.

Рис. 15. Погребение в яме у юго-западной стены.

Хотя строительная техника при этих постройках принципиально не изменилась, все же работы были поручены людям, не обладавшим столь же высокой квалификацией, как первоначальные строители. Такое возобновление строительных работ вполне возможно при условии выполнения их местным населением, которое привлекалось для этой цели в предшествующий строительный период и под руководством опытных мастеров уже успело овладеть некоторыми строительными навыками. Изложенное предположение основывается на том факте, что Саркел был выстроен не в безлюдной местности, а в области, давно освоенной оседлым земледельческим населением.

На противоположной стороне Дона, на мысу высокого правого берега с крутыми

Рис. 16. Древние предметы, найденные в культурном слое городища.

1 — бронзовое зеркало скифского времени; *2* — бронзовое зеркало сарматского времени; *3* — фигурка льва из египетской пасты; *4* — бронзовый нож; *5* — бронзовый наконечник копья; *6* — горшок эпохи поздней бронзы.

склонами, еще до постройки Саркела существовала каменная крепость, возведенная из отесанных блоков мергеля и известняка. Остатки ее известны под именем Правобережного Цимлянского городища.[1] Возможно, что название этой действительно белой крепости было перенесено на новое сооружение на левом берегу.[2] Кроме того, в окрестностях ст. Цимлянской, а равным образом и в других местах Нижнего Подонья имеется ряд как укрепленных, так и неукрепленных поселений хазарского времени, которые территориально непосредственно примыкают к памятникам известной салтовской культуры, расположенным по границе степи, между Донцом и Средним Доном.[3] Да и по своей культуре указанные нижнедонские поселения не отличаются от салтовских.

Одно из таких поселений в окрестностях ст. Цимлянской, возле хут. Карнаухова, было раскопано отрядом Волго-Донской экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина.[4] Оказалось, что оно состояло из большого числа усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, частью наземными, а частью углубленными в землю. В каждой усадьбе был зольник, образованный выкидами очажной золы и бытового мусора. Это было сельскохозяйственное поселение, жители которого занимались земледелием и скотоводством. Еще в 1939 г. И. И. Ляпушкиным были произведены небольшие раскопки Правобережного Цимлянского городища,[5] в результате которых удалось не только уточнить технику сооружения укреплений этого памятника, но и обнаружить внутри его ряд овальных в плане жилищ типа юрты, а также яркие следы их гибели вследствие вражеского нападения. Наряду со скелетами убитых людей здесь были найдены многочисленные предметы хозяйственного и бытового обихода, в том числе хорошо сохранившиеся железные части земледельческих орудий — лемехи и ножи, или чересла.

В настоящее время с полной уверенностью можно утверждать, что салтовская культура, в широком значении этого термина, по Нижнему Дону простиралась до Азовского моря,[1] по побережью которого она прослеживается и дальше на запад, по крайней мере до окрестностей Мелитополя. Следы поселений той же культуры обнаруживаются на Нижней Волге,[2] по нижнему течению Маныча, на Кубани,[3] на Таманском и Керченском полуостровах[4] и на южном берегу Крыма.[5] Степные поселения салтовской культуры располагаются по долинам рек, в хазарский период, как показывают ботанические и зоологические остатки, покрытым густыми лесами, в составе которых имелись не только ивы и тополевые породы деревьев, но произрастали и дубы. В этих лесах в изобилии водились не только кабаны и бобры, но и такие типично лесные животные, как зубры, лоси и благородные олени, что, с современной точки зрения, представляло весьма своеобразное сочетание с животным миром ковыльных степей, раскинувшихся по обширным водоразделам.

Поселения салтовской культуры в степях, так же как и в лесостепной полосе, принадлежали оседлому населению, в хозяйстве которого земледелие сочеталось со скотоводством, причем трудно решить, который из этих видов хозяйственной деятельности играл более важную роль. По всей

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 27 и сл.; И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58 и сл.

[2] Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 65.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 43 и сл. См. также статьи И. И. Ляпушкина в настоящем томе.

[4] См. статью И. И. Ляпушкина «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 263).

[5] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58 и сл.

---

[1] М. А. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Зап. Сев.-Кавказск. краеведч. общ. археологии, истории и этнографии, кн. I (т. II), вып. 3—4, Ростов н/Д., 1927—1928, стр. 18 и сл.; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 48 и сл.

[2] Т. М. Минаева. Погребение Зацарицынского района г. Сталинграда. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 63.

[3] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. В кн.: Памятники древности на Дону, кн. I. Ростов н/Д., 1940.

[4] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, стр. 206 и сл.; А. А. Миллер. 1) Таманская экспедиция ГАИМК. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 1, стр. 26 и сл.; 2) Таманская экспедиция ГАИМК 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 15 и сл.

[5] П. С. Барсамов. Сообщения об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929—1931 гг. Феодосия, 1932.

видимости, эти поселения были обязаны своим возникновением сравнительно недавнему оседанию части кочевого населения степей, связанному с углублением социально-экономического расслоения внутри кочевого общества и возникновением на этой основе патриархально-феодальных отношений. В быту этого населения во всяком случае еще жили многочисленные элементы кочевнического характера.

Из состава этого населения происходили рабочие, строившие Саркел, из его же среды вышла и часть того населения, которое заняло своими домами крепость вслед за ее сооружением.

При раскопках Саркела в культурном слое, достигавшем в среднем 3 м в толщину, несмотря на крайнюю запутанность отложений в связи с многочисленными и разнообразными ямами, вырытыми с разных уровней, буквально врезавшимися одна в другую и разрушавшими ниже лежащие сооружения, обнаружено более тысячи остатков разновременных жилищ. Несмотря на бо́льшую или меньшую степень их нарушенности, благодаря огромному количеству сделанных при раскопках наблюдений и собранных материалов, оказалось возможным установить несколько устойчивых типов жилищ, их относительную хронологию и, что особенно важно в связи с типологией жилых сооружений, сделать определенные заключения относительно размещения разных типов жилищ в пределах крепости.[1]

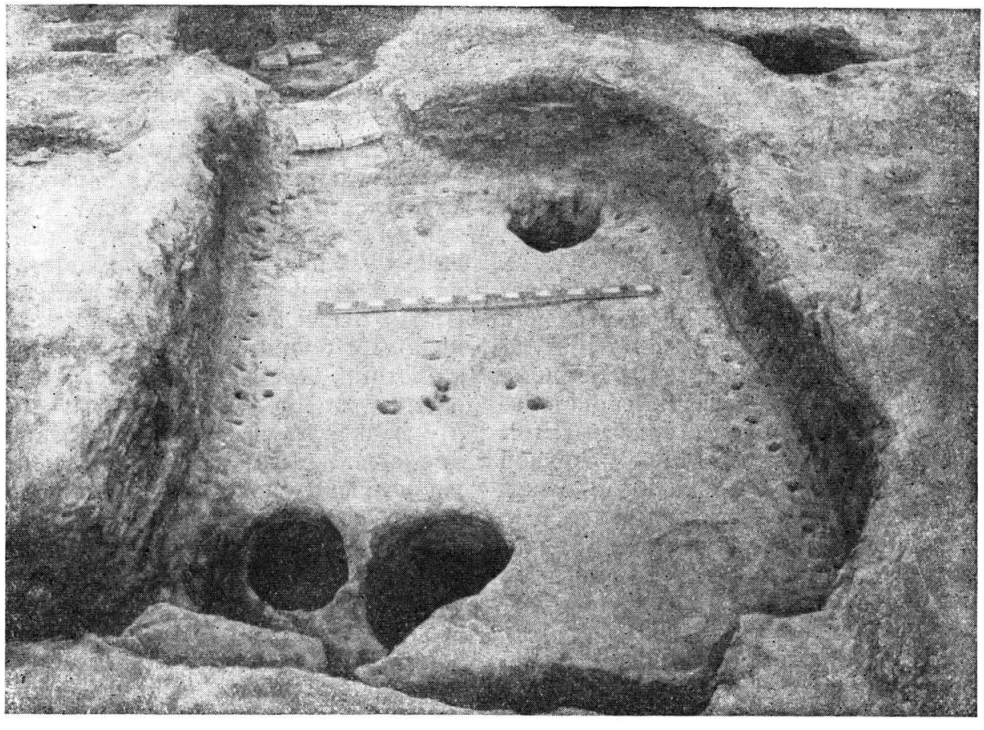


Рис. 17. Полуземлянка салтовской культуры № 5.

Жилища, обнаруженные в нижнем, хазарском слое городища, были как наземные, так и с углубленной в землю нижней частью, т. е. полуземлянки. В плане и те, и другие в большинстве прямоугольные, но встречались жилища с закругленными углами, приближающиеся к овалу или даже овальные. У овальных жилищ, углубленных в землю, по краю пола прослеживались регулярно и часто расположенные ямки

[1] Статья В. Д. Белецкого «Жилища Саркела—Белой Вежи» будет помещена во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

от жердей с небольшим наклоном внутрь. Верхние концы жердей, вероятно, связывались, а полученная таким образом основа покрывалась, должно быть, войлоком или шкурами, так что в целом жилище представляло собой род юрты. Средние размеры таких жилищ 4×2.5 м. Характерной чертой всех их является очаг в виде небольшого углубления посредине пола (рис. 17). Большинство жилищ имело прямоугольную форму и более солидную конструкцию: в середине коротких сторон находилось по столбу, на них, вероятно, укладывалось продольное бревно, являвшееся опорой для двускатной шалашеобразной крыши из соломы или камыша. У наземных сооружений этого рода прослеживались глинобитные стенки, заключенные между двумя плетнями. Однако большинство таких жилищ относилось к типу полуземлянок и было углублено в землю на 0.5 м от поверхности почвы. Для всех них также характерны очаги в виде углублений посредине пола. Одна землянка, отличавшаяся большей длиной, была разделена поперечной стенкой на два помещения с самостоятельным очагом в каждом. Здесь посредине поперечной стенки находился столб, стоящий по одной линии с двумя другими, помещенными по коротким сторонам жилища (рис. 18).

Во всех этих жилищах с открытыми углубленными очагами находились вещи салтовской культуры. Особенно многочисленна и выразительна керамика,[1] представленная сделанными на гончарном круге серыми горшками, украшенными горизонтальными бороздками (рис. 19, *5*) и иногда гребенчатой волной по плечикам. В составе этого рода керамики изредка встречаются котлообразные сосуды с внутренними ушками для подвешивания. В этот керамический комплекс входят также сделанные на гончарном круге многочисленные одноручные кувшины серого, черного или желтоватого цвета (рис. 19, *1*, *3*), иногда с лощеной поверхностью,

Рис. 18. Полуземлянка салтовской культуры № 14.

[1] Специальная статья С. А. Плетневой о керамике Саркела—Белой Вежи, будет напечатана во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

а чаще с узором из блестящих пролощенных линий, обычно в виде решетки по плечикам и вертикальных полос по тулову сосуда. с довольно высоким горлом и ручками, не поднимавшимися над его краем, красно-бурые высокие и стройные кувшины с пло-

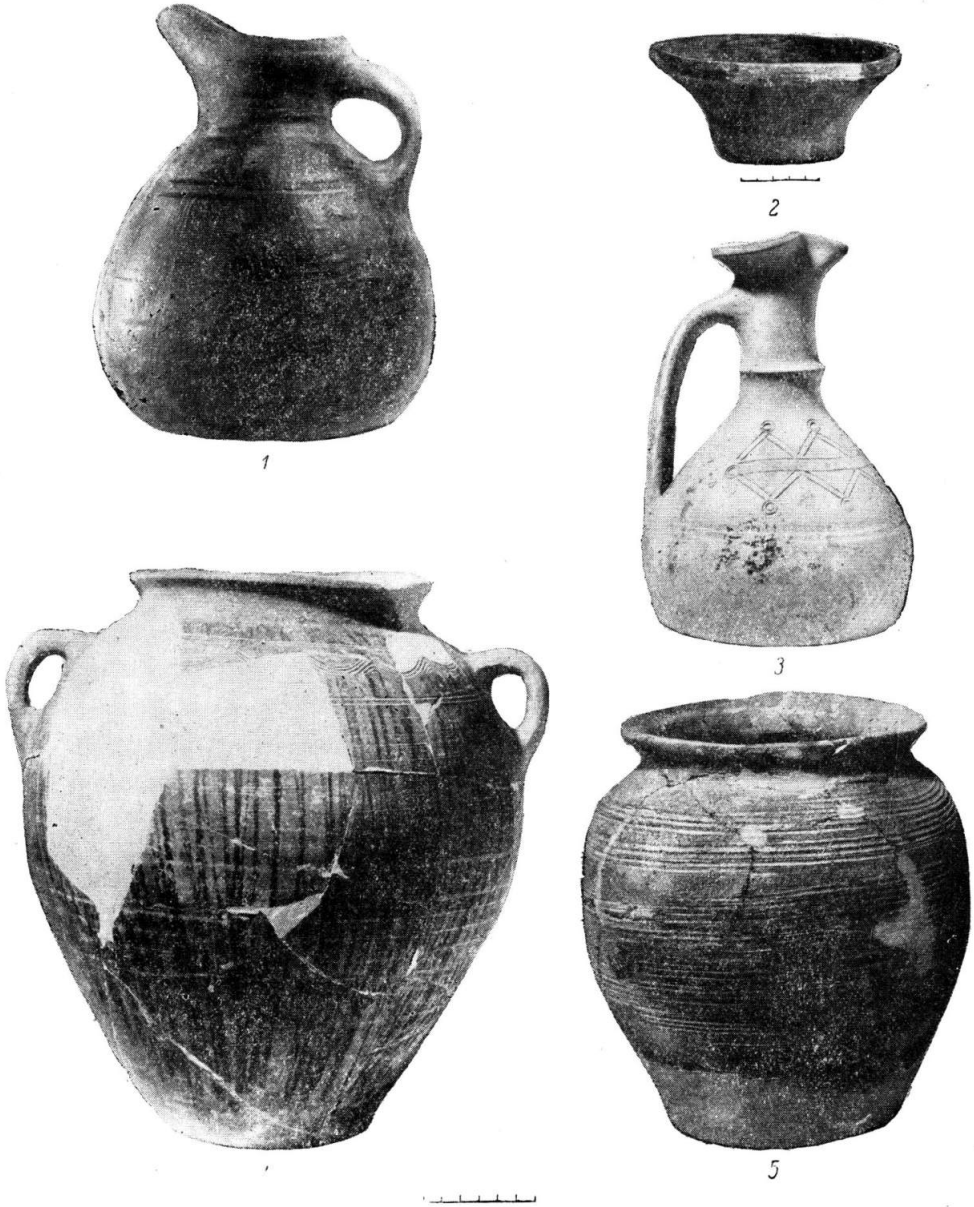


Рис. 19. Керамика салтовской культуры.

1 — лощеный сероглиняный кувшин; *2* — мисочка; *3* — лощеный желтоглиняный кувшин с врезным орнаментом; *4* — большой лощеный сосуд; *5* — кухонный горшок с горизонтальными бороздками.

Встречаются и большие сосуды этого рода с двумя-тремя ручками, расположенными у горла и на тулове (рис. 19, *4*). Имеются и другие, менее распространенные виды керамических изделий, как-то: яйцевидные амфоры скими ручками, большие красноглиняные сосуды с зеленоватой ангобированной поверхностью, украшенные однолинейным волнистым орнаментом, прочерченным поверх ангоба (часть их являлась маслобойками),

и др. Большинство этих групп керамики типично для салтовской культуры и находится в относящихся к ней поселениях, в том числе и в расположенных в районе ст. Цимлянской на правой стороне Дона. Но некоторые известны пока только по находкам в Саркеле, на Таманском полуострове и в Крыму. Это красно-бурые кувшины с плоскими ручками и сосуды с зеленоватым ангобом. В Саркеле они, как и амфоры, не местного изготовления.

Жилища с керамикой салтовской культуры были распространены преимущественно в западной части крепости, но встречались и в цитадели. Однако в последней преобладали другого рода сооружения. Здесь часто находились открытые очаги, сложенные из целых кирпичей без следов извести, что свидетельствует о их происхождении не из кирпичных зданий крепости. Очаги имели форму квадрата, размеры которого определялись величиной пода, состоявшего или из одного, или из четырех горизонтально уложенных кирпичей. Со всех сторон такой под обведен соответствующим количеством вертикально поставленных кирпичей. Чаще всего встречались небольшие очаги из пяти кирпичей. Все они очень похожи на среднеазиатские сандалы и служили, очевидно, не только для приготовления пищи, но и для обогревания насыпанными в них углями (рис. 20).

Описанные очаги находились иногда на остатках земляного утрамбованного пола с ямками от кольев по краям. К сожалению, полностью удалось проследить план только одного жилища со столбами по углам, но и так ясно, что очаги связывались с легкими наземными сооружениями. Находившаяся здесь керамика существенно отличается от салтовской. Это прежде всего лепные, сделанные от руки из грубой глины горшки разной величины; средние и маленькие по размерам обычно имеют одну ручку. Часть их украшена нарядным узором в виде прочерченных дугообразных гирлянд, заполненных отпечатками, нанесенными концом трубчатой косточки, круглой или граненой палочки или просто ногтем. На некоторых горшках прочерчены фигуры в виде крайне схематического изображения человека. Особенно часто украшается край сосуда. Он делается в виде выступа, покрытого различными вдавлениями (рис. 21). К той же группе керамики относятся банкообразные горшочки с широким, горизон-

Рис. 20. Очаг из кирпичей.

тально отогнутым краем. Это несомненно детские горшочки, хорошо известные по этнографическим материалам Средней Азии и Казахстана. Они вставлялись в дно колыбели. Попадаются и котлы с внутренними ушками, такие же, как отмеченные в салтовских комплексах, но сделанные не на гончарном круге, а от руки и также орнаментированные, как другие формы лепной посуды. Кроме того, в отличие от салтовских, у которых дно закругленное, они имеют плоское дно. К тому же кругу керамических изделий относятся разнообразные светильники, курильницы, сковородки с ручками, крышки для горшков и т. д. (рис. 22).

Рис. 21. Кочевническая керамика.

Нет никакого сомнения в том, что описанный керамический комплекс вместе с очагами типа сандала представляет особую культуру, совершенно отличную от салтовской, принадлежавшую особой этнографической группе, занимавшей в основном цитадель, а следовательно, составлявшей главную часть гарнизона крепости, если не весь полностью. Только в пределах Г-об-

Рис. 22. Кочевнические керамические изделия.

1, 2 — светильники; *3* — курильница; *4* — крышка от сосуда; *5* — сковородка с ручками

разного здания следы этой культуры выходили за пределы цитадели, что, естественно, вытекает из тесной связи данной части крепости с цитаделью. Кроме того, черепки лепной посуды, характерной для цитадели, встречены возле главных ворот, там, где находились караульные помещения.

Учитывая характер жилых построек в крепости, состоявших или из юрт, или из глинобитных мазанок, можно признать, что общий ее облик живо напоминает описания хазарской столицы Итиля, имеющиеся у арабских писателей. Истахри говорит, что дома в Итиле — это войлочные шатры, за исключением небольшого числа, построенных из глины.[1] Точно так же можно характеризовать и жилища Саркела.

Вследствие наличия в цитадели небольшого числа жилищ салтовской культуры можно было бы думать, что основное население этой части крепости с культурой иного рода появилось здесь позже салтовцев. Однако для этого нет достаточных оснований. Наоборот, многие очаги — сандалы из кирпичей — сооружены непосредственно на материке и к тому же на участках, где нет никаких признаков предшествующего заселения салтовской этнографической группой. Особенно хорошо это прослеживалось в раскопе 1934—1935 гг. в восточной части цитадели, где жилищ салтовского типа вовсе не обнаружено. Следовательно, надо признать, что носители второй, саркелской, культуры появились в цитадели сразу же после ее сооружения и жили в крепости одновременно с населением салтовской культуры. Вторая часть заключения подтверждается многочисленными данными, свидетельствующими о смешении обеих культур. Салтовская керамика встречается в комплексах лепной посуды, характерной для цитадели. Упомянутые выше котлы с внутренними ушками изготовлялись не только в лепной технике, но и на круге, к тому же с украшениями, свойственными салтовской культуре. Однако, несмотря на постоянный контакт, обе группы населения Саркела устойчиво сохраняли свои этнографические признаки и до самого конца хазарского периода истории Саркела существовали одна рядом с другой.

Имеются сведения, что хазары содержали в Саркеле гарнизон из 300 человек, ежегодно сменяемый.[1] В свете вышеизложенных археологических данных едва ли могут быть сомнения в том, что культура цитадели представлена материальными остатками этого гарнизона. По всем признакам он состоял из кочевников.

Были ли это сами хазары, которые, как известно, вели в основном кочевое скотоводческое хозяйство, хотя частично занимались и земледелием? К сожалению, бесспорные памятники собственно хазарской культуры неизвестны, что же касается культуры гарнизона Саркела, то типичная для нее керамика в настоящее время, кроме Саркела, известна только по отдельным кочевническим погребениям Заволжья, Кубани и Приазовья. Известно, что у хазарского царя было регулярное наемное войско, состоявшее из тюрок-мусульман, переселившихся в Хазарию из области, находившейся по соседству с Хорезмом. Они назывались арсии или ларисии и пользовались особыми правами (Мас'уди).[2] Не исключена возможность, что и гарнизон Саркела состоял не из самих хазар, а из наемников, тюркских кочевников, находившихся в какой-то степени зависимости от хазар или просто поступавших к ним на службу целыми родами или коленами со своими вождями во главе. Для шатров или юрт таких вождей и были построены в крепости кирпичные площадки. Самая большая и высокая площадка, находившаяся в восточной части цитадели, несомненно предназначалась для главного вождя, начальника крепости, которым скорее всего мог быть хазарский сановник. Следующая по величине площадка, находившаяся в южном отсеке цитадели, была выстроена после завершения основных сооружений крепости, в том числе и предыдущей площадки, вероятно потому, что в составе появившегося в крепости гарнизона оказалось лицо, имевшее важное значение; возможно, это был предводитель отряда кочевников, являвшегося главной военной силой крепости. Для этого предводителя возле площадки была возведена башня — донжон — и выстроено обширное складское помещение или конюшня вдоль юго-западной оборонительной стены (зд. III). Самая маленькая пло-

[1] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 92.

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 206.

щадка в северной части крепости, очевидно, предназначалась для начальника низшего ранга, в обязанности которого могло входить наблюдение за местным населением, обитавшим вне цитадели.

Если военный гарнизон, располагавшийся в основном в цитадели, ежегодно менялся, хотя и из числа какой-то одной этнической группы, то остальное население Саркела, представленное салтовской культурой, было, очевидно, постоянным. Входило ли оно в военный гарнизон крепости или было чисто гражданским, обязанным обслуживать воинов, в первую очередь продовольствием, — мы можем только догадываться. Важно отметить, что некоторое, очень небольшое число людей салтовской культуры жило в цитадели вместе с гарнизоном и, возможно, на одинаковых с ним правах. Во всяком случае эти люди сооружали здесь свои, характерные для салтовской культуры, жилища и кладовые ямы. Однако подавляющее большинство салтовского населения крепости жило вне цитадели. Судя по укреплениям цитадели, направленным против остальной части крепости, занимавшее эту часть население не внушало гарнизону доверия и было не только гражданским, но и в какой-то степени и форме зависимым от командования крепостью. Как и в чем выражалась эта зависимость, мы точно не знаем, но именно в силу ее население с салтовской культурой строило крепость и даже, может быть, жило в крепости. Именно оно в первую очередь занималось сельским хозяйством, следы которого ясно обнаруживаются в крепости.

Население Саркела, как и соседних поселений салтовской культуры, обрабатывало землю с помощью развитых пашенных орудий в виде тяжелого плуга с большим симметричным лемехом, массивным ножом (чересломм) из железа и, вероятно, с деревянным отвалом. Такой плуг запрягался несколькими парами быков и был пригоден для вспашки тяжелых степных почв. Большие ямы для хранения зерна, в огромном количестве находившиеся возле жилищ, свидетельствуют, что урожай, поступавший в распоряжение отдельных хозяйств, был весьма значительным. В этих ямах и в культурном слое хазарского времени встречалось много зерен, отличающихся хорошей сортностью, крупными размерами и незасоренностью, что опять-таки свидетельствует о высоком качестве земледелия. Здесь возделывались просо, двурядный ячмень, карликовая пшеница и конопля.[1] Культуры двурядного ячменя и карликовой пшеницы не свойственны Восточной Европе. Это злаки, распространенные в Средней Азии, Иране и восточном Закавказье. Возможно, что это обстоятельство может указывать на происхождение земледелия в донских степях. Оно возникло путем заимствования и техники, и культурных растений переходящими к оседлости кочевниками у тех исконных земледельцев, с которыми они теснее всего были связаны.

Для уборки урожая служили железные серпы. Непременной принадлежностью каждого дома являлись легкие каменные ротационные жернова, с помощью которых зерно превращалось в муку по мере надобности.

Исключительные условия консервации растительных остатков в одной из мусорных ям, оказавшейся плотно закупоренной завалом глины, обеспечили сохранность редчайшим остаткам бахчевых и огородных культур. Здесь найдены зерна дынь и огурцов. Вместе с ними встречены косточки диких плодов. Садоводства в это время на Дону, по-видимому, не существовало. Встречавшиеся изредка косточки урюка несомненно являются свидетельством привоза сушеных фруктов.

О высоком развитии скотоводства, которым могли заниматься и воины из состава гарнизона, вероятно прибывавшие в крепость не только с семьями, но и со скотом, свидетельствует огромное количество разрубленных и расколотых в связи с приготовлением мясной пищи костей домашних животных. Разводились быки, овцы, козы, лошади, свиньи. В хазарском слое городища находились изредка кости верблюда и осла, много костей собаки, хотя ее и не употребляли в пищу. Кроме мяса, рогатый скот давал молоко. Сосуды для хранения и переработки молока указывают на большое значение молочного хозяйства в быту населения крепости.

Как уже говорилось, в лесах, покрывавших широкую речную долину и прилегающие к ней балки, водилось много разнообраз-

[1] Определения растительных остатков сделаны В. А. Петровым на месте в процессе раскопок и в связи с его смертью не полностью проверены в лабораторных условиях; поэтому эти определения следует рассматривать как предварительные.

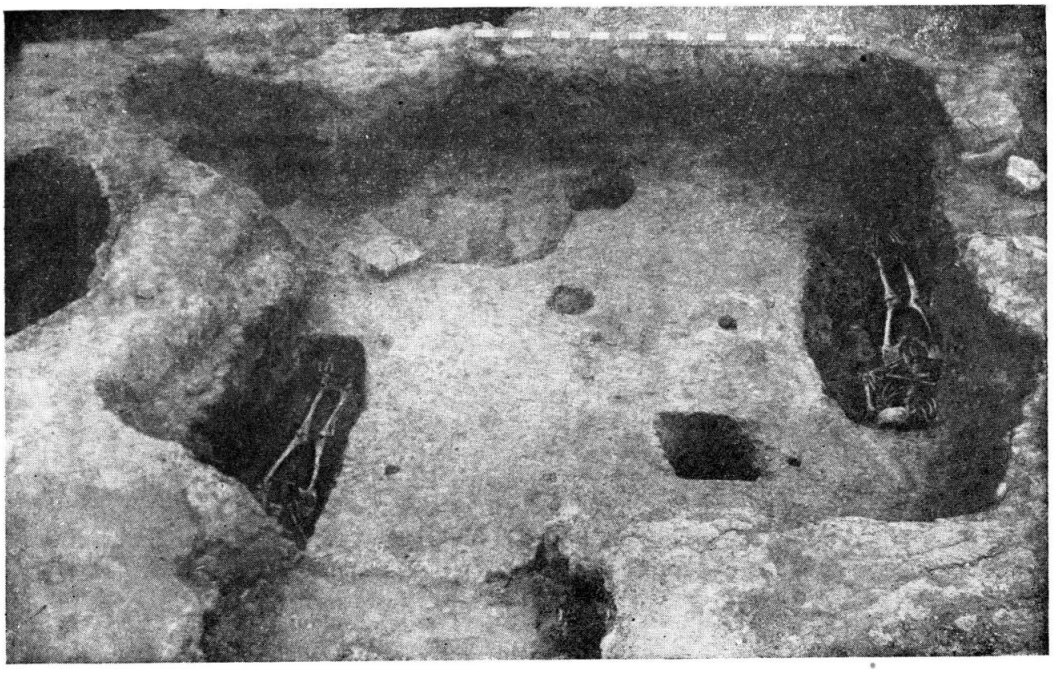


Рис. 23. Полуземлянка — жилище гончара с погребениями в полу.

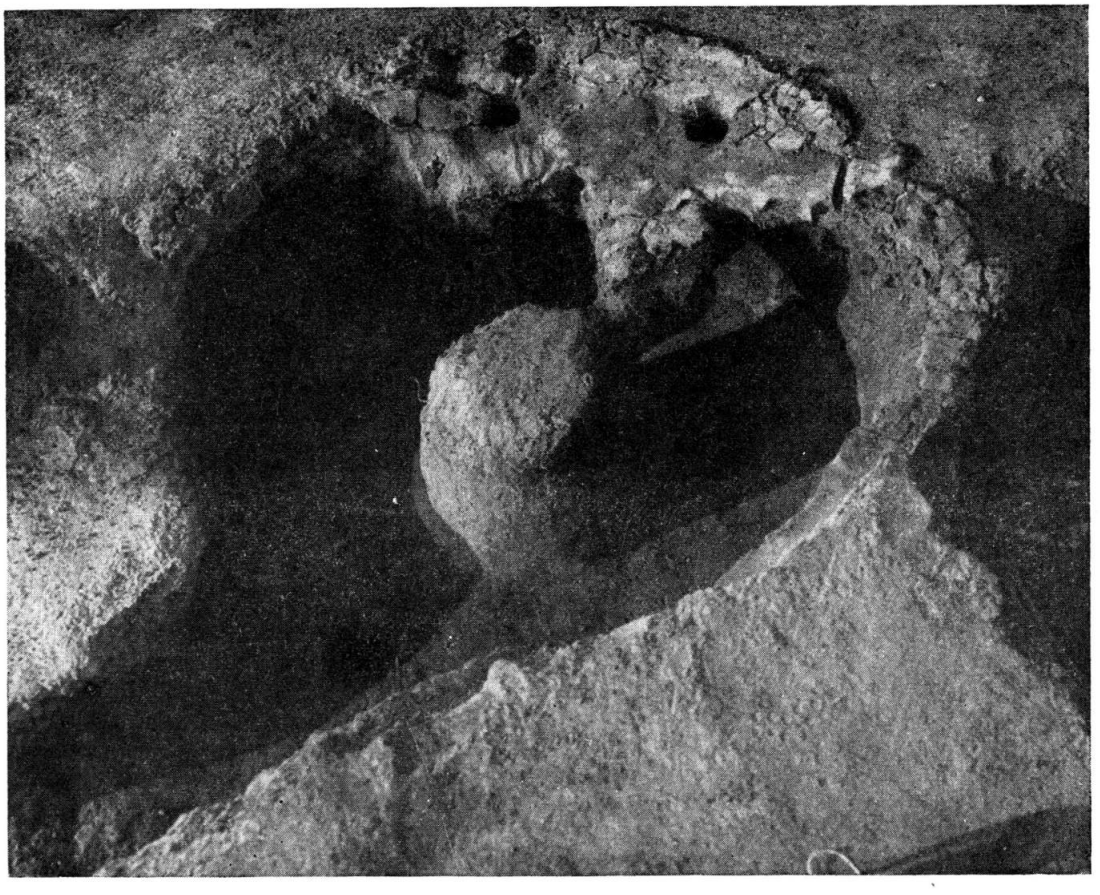


Рис. 24. Гончарная печь.

ных диких животных, охота на которых была не только важным подспорьем к сельскому хозяйству, но и занятием для тренировки воинов. На пойменных озерах жило много рыба. Позвонки огромных сомов и белуги и мощные прослойки рыбьей чешуи показывают, насколько успешным мог быть этот лов.

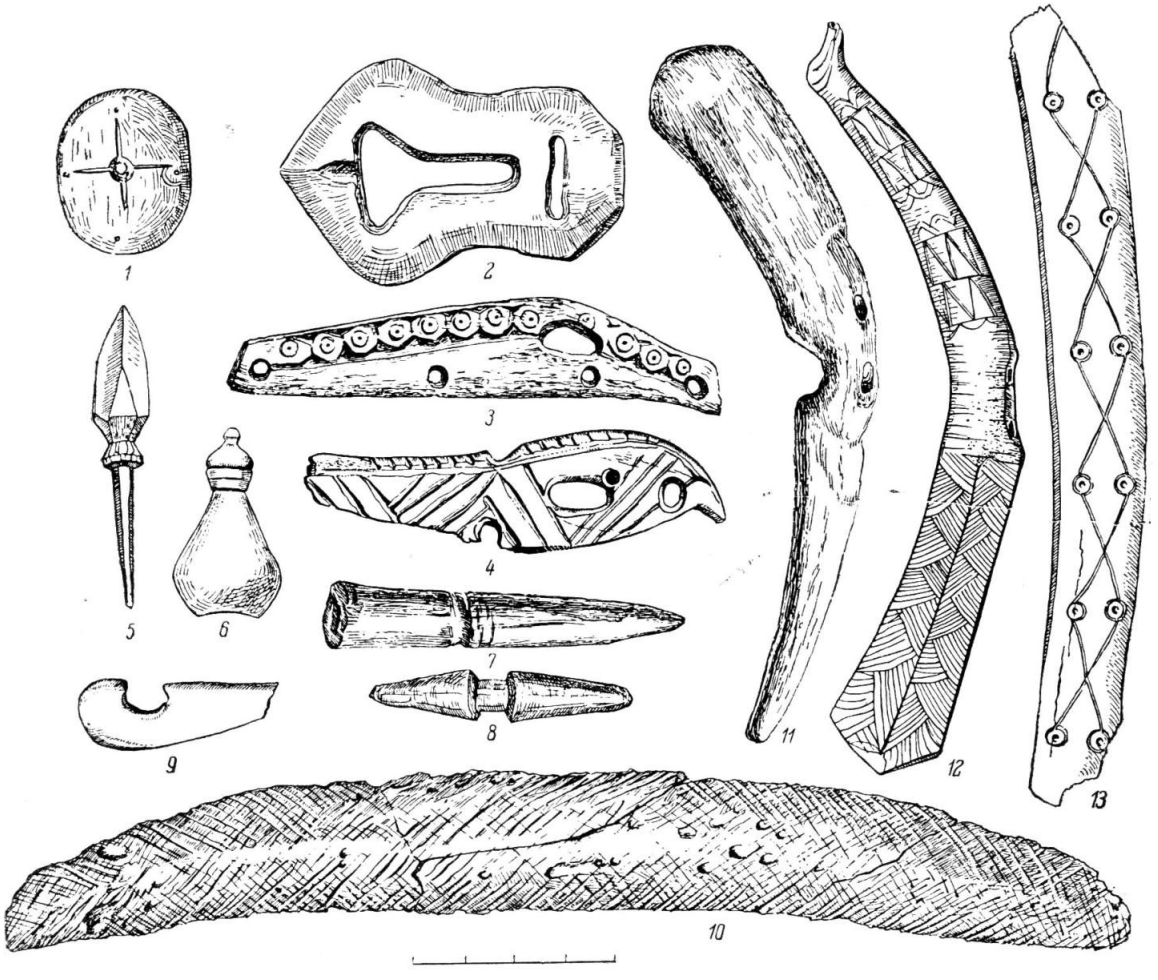


Рис. 25. Предметы из кости.

1,13 — накладки; *2* — пряжка *3, 4* — накладки на край колчана; *5, 7* — наконечник стрелы и заготовка наконечника; *6* — навершие; *8* — застежка; *9, 10* — боковая и срединная накладки на лук; *11, 12* — псалии.

водоплавающих птиц — лебедей, гусей, уток, пеликанов и других, которые тоже являлись нередко добычей охотников. Немало было охотничьей добычи и в степях, где паслись сайги, тарпаны, дрофы и другие степные животные и птицы. Население Саркела охотилось не только за мясными, но и за пушными животными. В культурном слое городища встречалось большое количество костей бобра, которого, впрочем, употребляли и в пищу. В реке ловилась разнообразная

Из местных ремесленных производств хазарского периода лучше всего находками представлено гончарное дело. В остатках жилищ, кроме лепной посуды домашнего изготовления, найдено много целой и разбитой посуды, изготовленной на гончарном круге. В двух землянках хазарского времени найдены ямы, наполненные глиной, приготовленной для изготовления сосудов. Тут же на полу в них оказались части раздавленных сосудов обычной для салтовской

культуры формы, сделанных на круге и украшенных врезанным орнаментом. Сосуды эти были высушены, но еще не обожжены. Эти две землянки — явные жилища, а вместе с тем и мастерские гончаров. Замечательно, что хозяева одного из них оказались погребенными здесь же, под полом своего дома. Вдоль стенок жилища были сделаны две могилы, в каждой из которых находилось по вытянутому на спине скелету (рис. 23).

За пределами крепости возле рва найдено несколько гончарных печей. По своей конструкции они, по сути дела, ничем, кроме величины, не отличались от печей, применявшихся для обжига кирпичей. Они также состояли из двух, расположенных одна над другой камер. Нижняя камера — топка с довольно длинным, выступающим наружу устьем. В перекрытии ее сделаны вертикальные отверстия — «прогары». В верхнюю камеру ставилась подлежащая обжигу посуда (рис. 24). Изготовление керамики несомненно осуществлялось специалистами, работавшими на заказ или на рынок, а не для удовлетворения потребностей только своего хозяйства.

Рис. 26. Костяные вещи со скульптурными изображениями животных.

Из других местных производств можно отметить костерезное дело (рис. 25). В культурном слое хазарского Саркела найдено множество рогов оленя и сайги и различных заготовок из них для разнообразных поделок. Из последних особого внимания заслуживают вещи со скульптурными головками животных (рис. 26) и прежде всего роговая трубочка, вероятно горлышко от бурдюка, украшенная сложными гравированными изображениями, среди которых представлены олень, птицы и стилизованное крестообразное растение (рис. 27). Интересны также рог с тонко

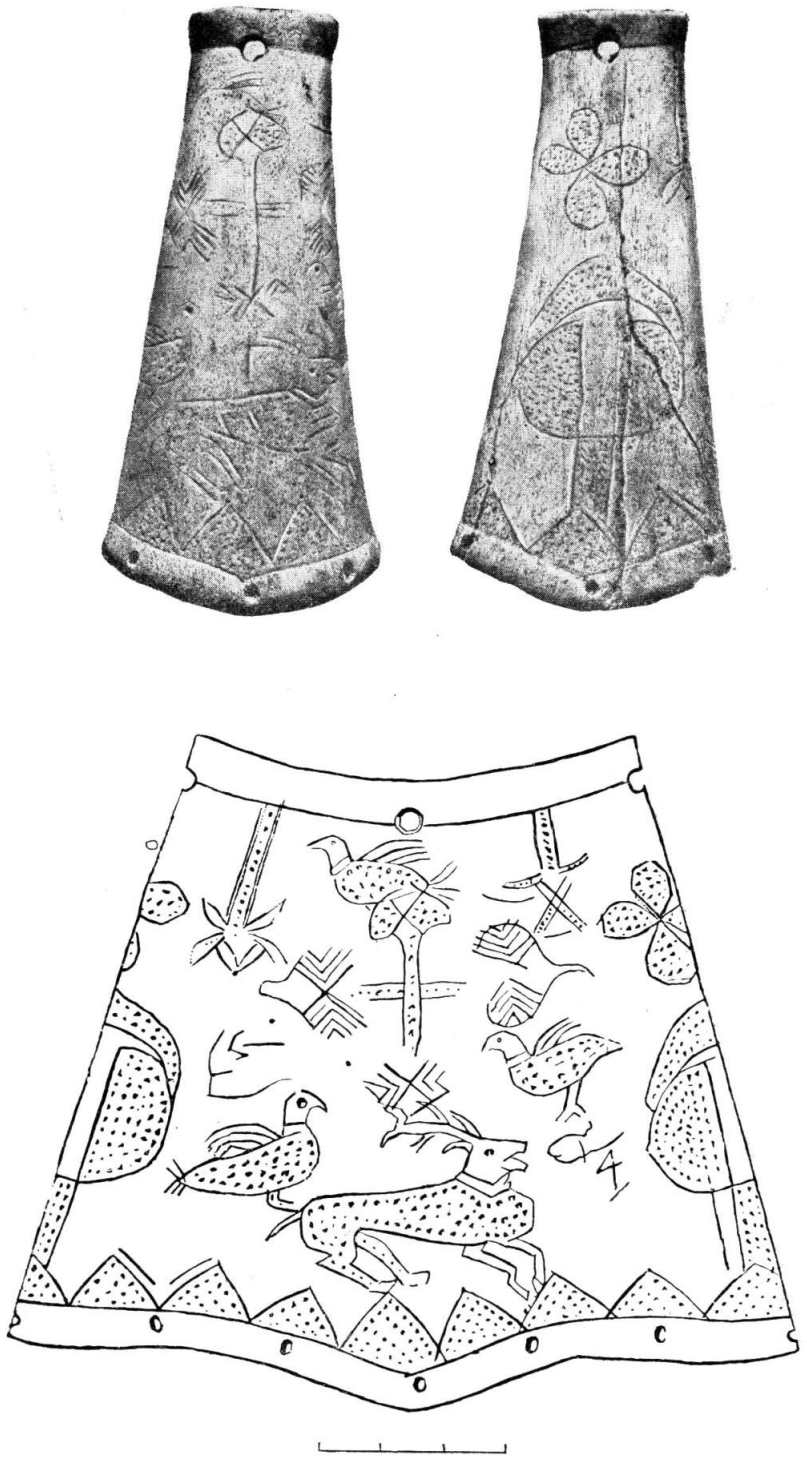


Рис. 27. Горлышко от бурдюка с гравированными изображениями; внизу прорисовка изображений.

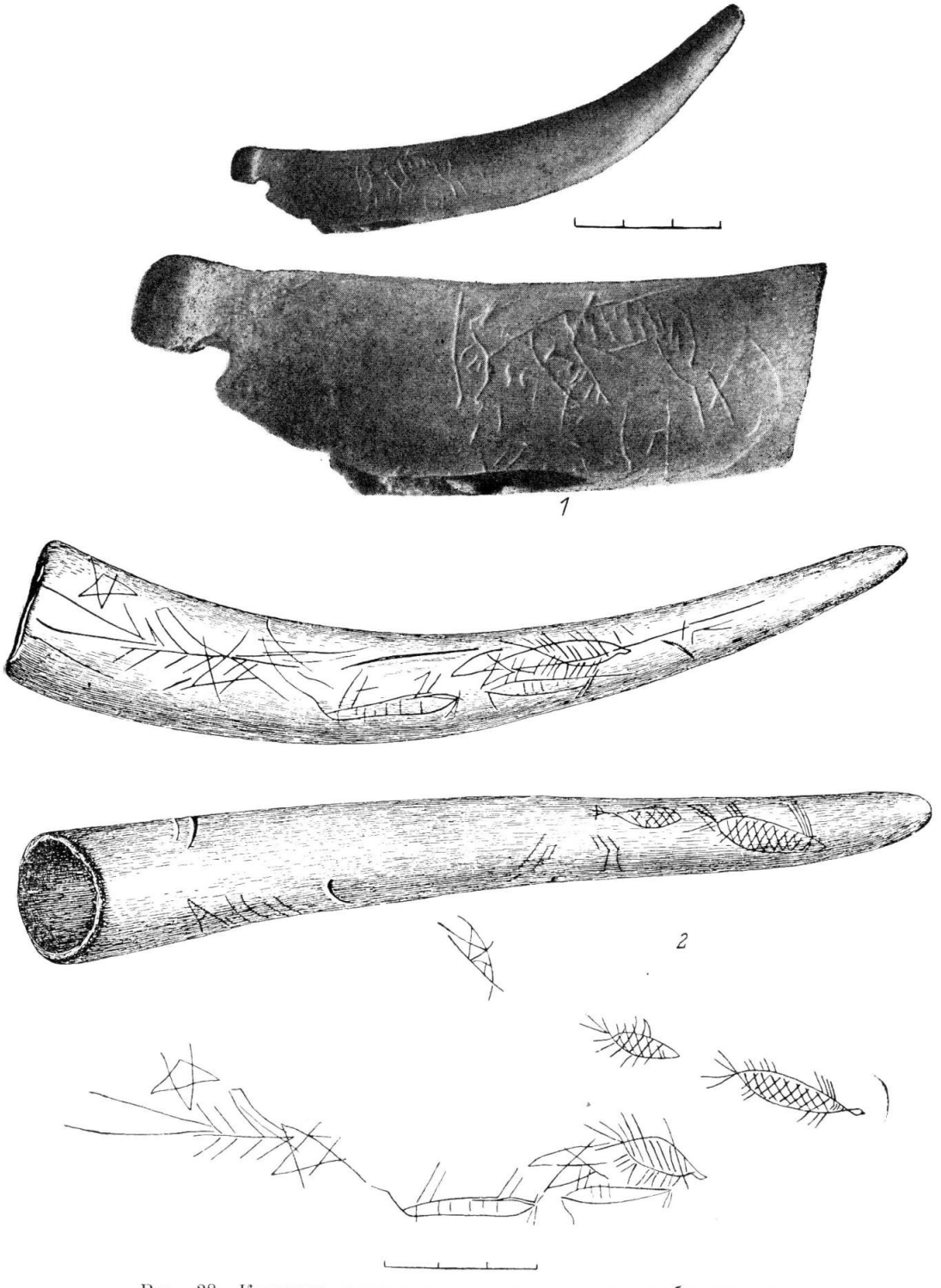


Рис. 28. Костяные предметы с гравированными изображениями.

1 — острие с фигуркой ослика и деталь изображения; *2* — рог с различными изображениями и их прорисовка.

выгравированными изображениями животных и рыб (рис. 28, *2*) и костяное острие с гравированной фигуркой животного (ослик; рис. 28, *1*). Превосходна костяная пластинка (головка от шпильки?) с растительным мотивом, в который вписаны птицы и две симметрично расставленные фигурки кабанов.

Несомненных следов металлического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы, которая, возникнув, кажется, еще в хазарское время, затем функционировала и в русский период истории крепости. Что касается обнаруженных в этом слое довольно многочисленных вещей из железа и бронзы, то они целиком и полностью совпадают с теми формами, которые являются типичными для салтовской культуры или для обихода степного населения всей Евразии IX—X вв. Здесь представлено то же оружие, такие же орудия и аналогичные принадлежности конского снаряжения и украшения как конской сбруи, так и одежды (рис. 29). Особенно показательны типичные салтовские бляшки, пряжки, так называемые «самоварчики», перстни, зеркала и т. д. (рис. 30).

В составе находок хазарского слоя Саркела находятся вещи не местного происхождения. Особенно часто они представлены мусульманскими, преимущественно среднеазиатскими и византийскими (херсонесского чекана) монетами, разнообразными керамическими изделиями, в частности поливной посудой иранского, среднеазиатского, кавказского и крымско-византийского происхождения. Специального внимания заслуживают немногочисленные черепки, может быть даже всего от двух-трех сосудов, найденные в цитадели (рис. 31). Они из тонкого оранжево-красного теста, хорошо обожжены и по приемам обработки напоминают предметы, вырезанные из дерева. В этом отношении особенно характерна ручка

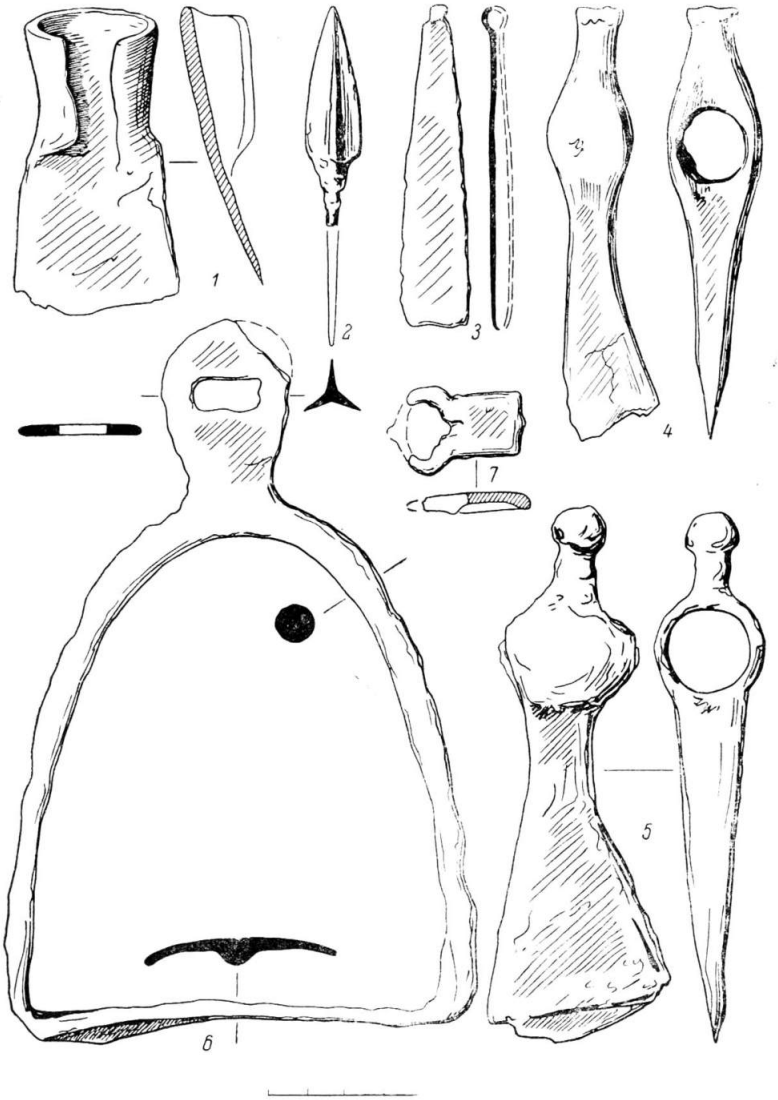


Рис. 29. Железные предметы.

1 — тесло; *2* — наконечник стрелы; *3* — пинцет; *4*, *5* — топорики; *6* — стремя; *7* — пряжка.

сложной формы, как бы вырезанная из доски. На двух фрагментах этого рода сосудов имеются резные изображения, по-видимому фризом опоясывавшие сосуд. Они представляют очень древний и широко распространенный мотив: два хищных животных по

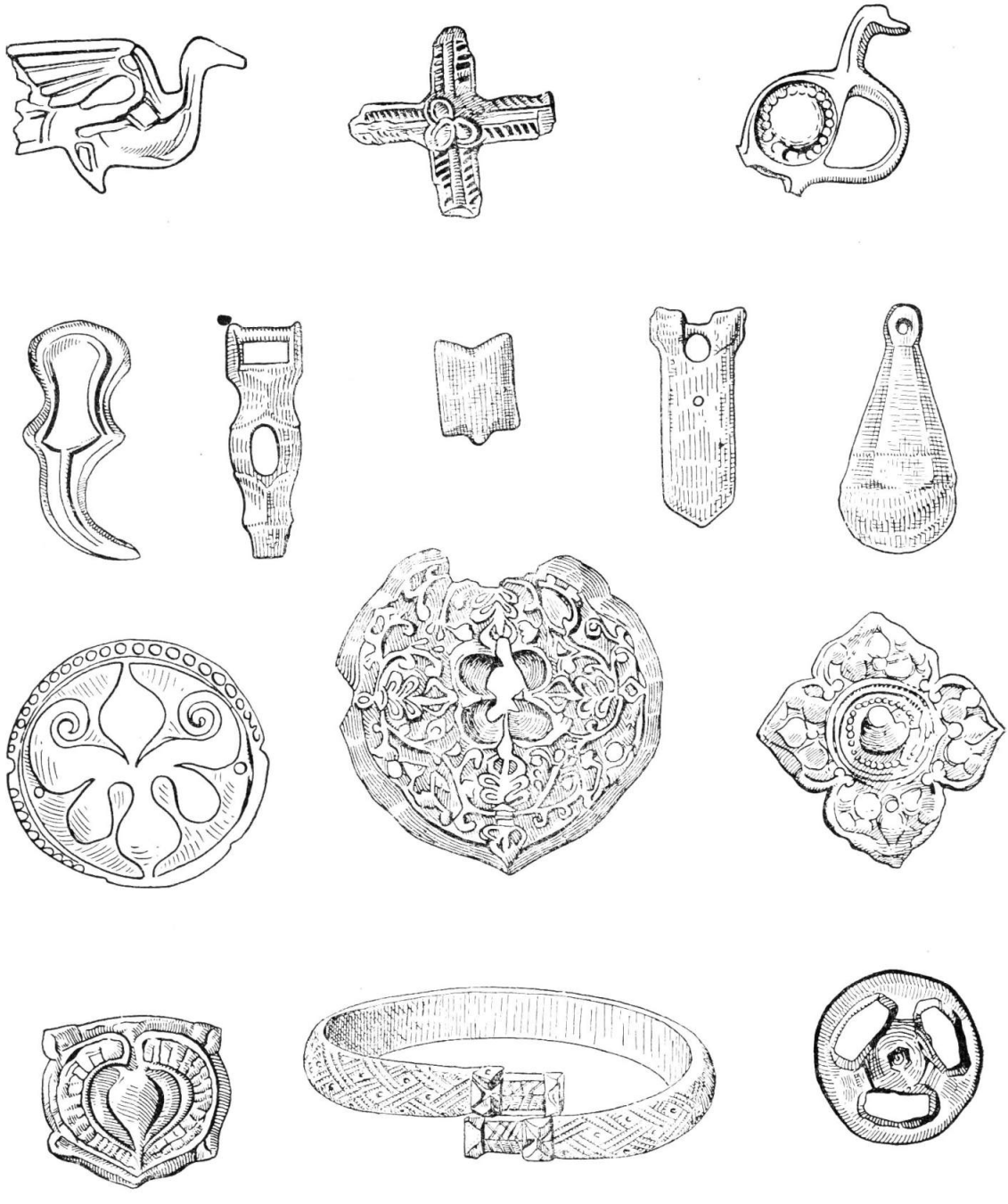


Рис. 30. Изделия из бронзы.

Рис. 31. Фрагменты керамики.

сторонам растения (дерева). Этот мотив связан с культом производительных сил природы, олицетворяемых в виде дерева или женщины с животными по сторонам. Трактовка хищников (собак?) на саркелских черепках близко напоминает соответствующие кобанские изображения. Не исключена возможность, что сосуды с этими изображениями ведут свое происхождение с Кавказа. Вещи этого рода указывают на внешние связи хазарской крепости на Дону. Однако особенно значительными и, по всей вероятности, прямыми были связи с берегами Керченского пролива, что вполне естественно вытекает из местоположения Саркела.

6. ПРОЧТЕННЫЕ НАДПИСИ

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности носителей салтовской культуры, а следовательно, и неразрывно связанной с нею части населения Саркела, остается спорным в науке. Основываясь на близком сходстве салтовской культуры с культурой центральной части Северного Кавказа, без сомнения принадлежавшей аланам, потомками которых являются нынешние осетины, а также на том факте, что в первые века нашей эры кочевые аланские племена играли важную роль в степях Восточной Европы и, в частности, обитали по Северскому Донцу, многие ученые полагают, что и салтовская культура аланская, что на Донце и Среднем Дону в средние века жили аланы, родственные по происхождению и языку с аланами-осетинами Северного Кавказа.[1]

Не может быть никакого сомнения в том, что в подоснове салтовской культуры лежит аланская культура первой половины I тысячелетия н. э., точно так же, как и культуры северокавказских средневековых алан.[2] Такие характерные особенности этой культуры, как катакомбные погребения и формы керамики, неразрывно генетически связываются с культурой алан. Казалось бы, вопрос ясен. Однако имеются факты, которые показывают, что решение этого вопроса не так просто, как кажется на первый взгляд.

В Новочеркасском музее хранятся две баклажки с надписями по краю лицевой стороны.[1] Они найдены при неизвестных обстоятельствах, причем одна, несомненно, происходит из окрестностей ст. Кривянской на Нижнем Дону. Сами по себе баклажки ничего особенного не представляют. Подобные сосуды, особенно удобные для конников, подвешивавших их к седлу, были широко распространены — от Средней Азии до Венгрии, а в видоизмененных формах бытуют до сих пор. Встречаются баклажки и в погребениях салтовской культуры, имеются они и в составе находок в Саркеле. Типы, представленные экземплярами Новочеркасского музея и находками в салтовских комплексах, датируются IX—X вв. Новочеркасские баклажки особенно интересны своими надписями, которые долго не поддавались дешифровке. Только в самое последнее время А. М. Щербаку удалось прочесть их, исходя из тюркских алфавитов и языков.[2] На одной баклажке надпись оказалась чем-то вроде благопожелания, поговорки, на другой состояла из имен.

Появление тюркских надписей на баклажках IX—X вв. на Нижнем Дону не представляет ничего удивительного. Тюркская орхоно-енисейская письменность давно известна, известны тюркские надписи и далеко на западе, в Венгрии, тем более они могли быть на Дону. Замечательно другое, а именно то, что совершенно аналогичные по алфавиту надписи имеются на стенах одного из городищ салтовской культуры, а именно Маяцкого городища на Среднем Дону. Они также до сих пор оставались недешифрованными, но после прочтения надписей на новочеркасских баклажках представилось не-

---

[1] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, нов. сер., т. XIX, 1909, январь; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? Изв. ГАИМК, т. V, 1927, стр. 78.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 160 и сл.; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14 и сл.

[1] М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954, стр. 263 и сл.

[2] А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 269 и сл.

трудным разобрать и их. Эти надписи оказались также тюркскими.

Рис. 32. Изображения и надпись на камне Маяцкого городища.

Надписи на стенах Маяцкого городища были выцарапаны на высоте человеческого роста изнутри крепости и можно было бы думать, что к населению городища они никакого отношения не имеют, а оставлены какими-то временными посетителями крепости, из числа тюркоязычных завоевателей, от которых погибла салтовская культура (печенеги?). Однако такое мнение является явно ошибочным. На камнях Маяцкого городища, кроме надписей, имеются еще характерные рисунки, представляющие главным образом лошадей. По содержанию и стилю эти рисунки тесно сближаются с гравированными изображениями на костяных предметах салтовской культуры, включая сюда и упомянутые выше предметы из Саркела, и еще, что особенно важно, с рисунками на кирпичах Саркела, об изготовлении которых местным населением уже говорилось. Таким образом, не может быть сомнений в неразрывной связи рисунков на стенах Маяцкого городища с салтовской культурой. Однако в одном случае рисунки этого рода, сделаны явно поверх надписи, следовательно, не раньше, а позже ее, что может указывать на принадлежность и рисунков и надписей одному и тому же населению Маяцкого городища, т. е. носителям салтовской культуры, и, во всяком случае, одному и тому же периоду в истории городища (рис. 32). Если к этому добавить, что на кирпичах и керамике Саркела встречаются и в отдельности и группами буквы того же алфавита, которым выполнены надписи Маяцкого го-

родища и новочеркасских баклажек, то едва ли еще могут быть сомнения в том, что носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но и говорили на языке тюркского типа, а следовательно, не были ираноязычными аланами.

Можно было бы допустить, что на тюркском языке говорил только высший, господствующий слой населения салтовской культуры, те тарханы, которые жили в маленьких замках-городищах с каменными стенами, образчиками которых являются Маяцкое и Правобережное Цимлянское городища, и их дружины из состава кочевых завоевателей, эксплуатировавших местное ираноязычное население. Но такое предположение маловероятно ввиду того, что никаких признаков разделения салтовской культуры по социальной линии, совпадающего с этническим членением, до сих пор не замечено. Правда, салтовская культура в широком понимании этого термина не может считаться монолитной: она охватывала разные племена. В погребальных обрядах этой культуры, а равным образом в физических типах ее носителей наблюдаются существенные различия. Так, наряду с погребениями в подземных камерах, катакомбах, свойственных салтовской культуре в узком смысле этого понятия и северокавказским аланам, имеются не только отдельные погребения, но и целые могильники с захоронениями в простых ямах (Зливкинский могильник[1]); наряду с вытянутым положением покойников встречается скорченное; кроме длинноголового физического типа населения, преимущественно в катакомбных могилах, здесь представлен короткоголовый тип, да еще в сочетании с монголоидными формами, в ямных захоронениях.[2] Все это свидетельствует о сложном составе носителей салтовской культуры, о смешении в них элементов различного происхождения, причем смешение с монголоидами особенно отчетливо выражено у короткоголовой части населения южнорусских степей, к числу которой принадлежали и носители салтовской культуры на Нижнем Дону.[1]

Тюркоязычность носителей салтовской культуры при явных генетических связях ее с культурой ираноязычного аланского населения степей Восточной Европы первых веков нашей эры вероятнее всего следует объяснять тем, что ираноязычные племена здесь были частично поглощены тюрками, которые начиная с IV в. волна за волной вторгались в степи Восточной Европы из Азии. Гунны, уйгуры, авары, алтайские тюрки не только истребляли и вытесняли местные племена, но и подчиняли их, смешивались с ними и навязывали им свои языки, воспринимая вместе с тем в значительной мере местную, более высокую культуру. В этих условиях только сравнительно небольшая часть ираноязычного населения сохранила свою исконную этническую природу, укрывшись в горах Кавказа, остальная же, смешавшись с пришельцами, утратила свой прежний язык и слилась с тюркскими племенами. Результатом этого смешения было образование в степях Восточной Европы тюркоязычных болгарских племен, частью которых являлись и хазары. Арабские писатели свидетельствуют не только об европеоидном облике хазар, но и о том, что их язык был сходен с болгарским.[2]

Утвердившейся у хазар тюрко-алтайской династии каганов еще в VII в. удалось распространить свою власть на болгарские племена. Только часть болгар бежала на нижний Дунай, где в дальнейшем растворилась среди славян, оставив им свое имя. Вероятно, к числу подвластных хазарам болгарских племен принадлежало население Нижнего Подонья с его салтовской культурой, близко сходной с той культурой, которую болгары (праболгары) принесли на нижний Дунай.[3] В массе своей эти племена, как и хазары, оставались несомненно кочевыми, но примерно с VIII в. часть их оседает на землю, осложняя свое скотоводческое хозяйство прибавлением зе-

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211—213.

[2] К. Н. Наджимов. О черепах Зливкинского могильника. Кратк. сообщ. Инст. этнографии, вып. XXIV, 1955, стр. 66 и сл.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Тр. Инст. этнографии им. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. IV), стр. 252.

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951.

[2] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 84 и сл.

[3] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. Предисловие к работе: Живка Въжарова. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956, стр. 3—10.

мледелия. Процесс этот, вероятно, был обусловлен углублением экономического расслоения кочевого общества и развитием патриархально-феодальных отношений, при которых собственность на землю фактически уже сосредоточивается в руках родовой знати, а эксплуатация еще маскируется родственными отношениями. Возможно, что родо-племенная знать и с развитием земледелия продолжала кочевать, тогда как подвластная ей масса населения частично переходила к оседлости, в первую очередь в наиболее удобных для земледельческого хозяйства районах степей. Салтовские поселения как раз и представляют таких сравнительно недавно осевших кочевников. Надо особенно подчеркнуть, что с оседанием беднота попадала в еще бо́льшую кабалу к своим богатым сородичам, а также что в составе оседлого населения могло быть немало и лично несвободных людей. Между прочим, бедные скорченные погребения в Салтовском могильнике и возле Саркела могут представлять захоронения рабов.

Вследствие указанной выше близости хазар и болгар в настоящее время до археологических исследований в коренной хазарской области — на Нижней Волге и в западном Прикаспии — нет возможности различать хазарские и болгарские памятники между собой. Если судить о хазарской культуре по памятникам хазарского времени по обеим сторонам Керченского пролива и южнобережного Крыма, где хазары исторически засвидетельствованы, то их культуру надо признать той же салтовской культурой в широком значении этого наименования, какая представлена и в Саркеле. В свете этого заключения кочевническая культура, характерная для цитадели Саркела, коренным образом отличающаяся от салтовской, не может быть хазарской, хотя именно она принадлежала главной части гарнизона крепости. По-видимому, здесь мы имеем дело действительно не с самими хазарами, а с наемным отрядом тюрок-кочевников, находившихся на службе у хазар. Собственно хазар в Саркеле могло и не быть, за исключением небольшой группы с начальником крепости во главе, следов которой отыскать совершенно невозможно.

7. ПРОТИВ КОГО БЫЛА ПОСТРОЕНА КРЕПОСТЬ?

Хазары занимали относительно небольшую территорию по побережью Каспийского моря между Нижней Волгой и северным Дагестаном. Нижний Дон представлял их западную границу. Таким образом, Саркел помещался на границе собственно Хазарии. По свидетельству Константина Багрянородного, Саркел находился на границе хазар с печенегами,[1] но последние появились в причерноморских степях не ранее конца IX в.,[2] когда крепость на Дону давно уже существовала. Есть данные, что хазары строили оборонительные сооружения против мадьяр (Ибн-Русте).[3] Действительно, степи Причерноморья перед печенегами занимали мадьяры. Достоверно известно, что они были там в 30-х годах IX в.,[1] т. е. примерно тогда же, когда возник Саркел. К сожалению, время и обстоятельства проникновения мадьяр к западу от Дона из степей Заволжья остаются неизвестными. Можно только думать, что они были оттеснены сюда печенегами, которые и в дальнейшем продолжали их преследовать, пока не загнали в нынешнюю Венгерскую равнину. Зато хорошо известно, что, будучи в причерноморских степях, в местности, называемой Леведией или Ателькузу,[2] мадьяры находились под политическим влиянием Хазарии и поддерживали с ней дружественные отношения. Это, однако, не исключает возможности того, что в первое время после своего проникновения на западную

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 15. Регино указывает другую дату — 893 г., см.: V. F. Minorsky. Hudud al-'Alam. London, 1937, стр. 313, прим. 2.

[3] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1896, стр. 27.

[1] J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 30. Некоторые данные имеются у Продолжателя Феофана, Льва Диакона и Георгия Мниха.

[2] H. Grégoire. Le nom et l'origine des Hungrois. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft, Bd. 91, 1937, стр. 633.

границу Хазарии они представляли для нее серьезную угрозу, что и вызвало необходимость возведения оборонительных сооружений, в том числе и самого значительного из них — Саркела.

Появление воинственных кочевников мадьяр на месте болгарских племен, находившихся под властью хазар, с которыми Византия поддерживала дружественные отношения, вызвало у последней серьезное беспокойство за безопасность ее владений в Крыму. Вместе с тем Византия, конечно, была непрочь использовать новых соседей в своих интересах. Император Феофил охотно согласился на просьбу хазар оказать им помощь в построении крепости на Дону и под этим предлогом направил в глубь донских степей важного византийского чиновника спафарокандидата Петрону, отдав в его распоряжение морской флот из Пафлагонии, с которым тот и прибыл в Херсонес. Конечно, флот и войско нужны были Петроне не в качестве почетного эскорта, а чтобы укрепить находившуюся, вероятно, под угрозой власть империи в Крыму.

Петрона бесспорно оказал содействие хазарам своими техническими советами, но вместе с тем ясно, что Константин Багрянородный, основываясь, очевидно, на донесении Петроны, сильно преувеличил его роль в построении Саркела. Как мы видели, в основном крепость строили не византийцы, а сами хазары руками подвластного им населения Подонья. Петроне не удалось даже соорудить там христианский храм, который нужен был Византии как опорный пункт для своего влияния через церковь и для украшения которого Петрона вывез архитектурные детали из Херсонеса.

Помощь хазарам в строительстве крепости служила только прикрытием основной цели, которую преследовала миссия Петроны. Она заключалась в ознакомлении на месте с той новой политической обстановкой, которая сложилась в Восточной Европе в связи с появлением мадьяр и некоторыми другими изменениями, о чем речь будет ниже. Петрона блестяще справился с поставленной задачей и, возвратившись в Константинополь, представил проект мероприятий, которые необходимо было осуществить в связи с новыми условиями. По его предложению Херсонес был превращен в фему, а сам Петрона был назначен стратигом Херсонеса. Эта реформа в управлении византийскими владениями в Крыму, смысл которой заключался в усилении военизации, несомненно вытекала из появления по соседству с этими владениями серьезных врагов, от которых нельзя было обезопасить себя по-прежнему только сохранением дружественных отношений с Хазарией. Враги, следовательно, противостояли не только Византии, но и хазарам.

Что это были за враги и откуда они взялись? Такими врагами могли быть мадьяры, но с этого рода врагами Византия умела справляться дипломатическим путем посредством подкупов, возбуждения среди них внутренних междуусобиц и натравливания их на врагов самой Византии. Против них едва ли требовалось направлять флот к берегам Крыма и реорганизовывать крымские владения Византии на военный лад. Врагом, который в это время мог тревожить Византию с моря, была русь. К первой половине IX в. относятся нападения руси на побережья Крыма и Малой Азии, случайные сведения о которых содержатся в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского;[1] в это время могли быть и другие походы руси, о которых нам ничего не известно. В этот же период послы кагана русского были в Константинополе и вследствие того, что прямой обратный путь их оказался перерезанным, вероятно мадьярами, очутились у франков и были признаны за шведов (839 г.). Несомненная внешнеполитическая активизация руси в это время связывается с образованием Русского государства на Днепре.

В легендарной части русской летописи рассказывается, что хазары, взимавшие дань с некоторых восточнославянских племен, обложили данью и полян. Однако поляне дали им необычную дань: это были не меха и не монеты, а мечи, что будто бы привело в крайнее смущение «старцев хазарских», усмотревших в этом свидетельство того, что со временем поляне будут взимать дань с хазар и других народов. И все это сбылось, добавляет летописец, живший уже после полного разгрома хазар русью.

Освобождение полян от хазарского ига летопись связывает с началом княжения

[1] В. Г. Васильевский. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды В. Г. Васильевского, т. III, Пгр., 1915.

Аскольда и Дира.[1] Сведения летописи об этих князьях настолько сбивчивы и противоречивы, что к ним нельзя относиться с полным доверием. Царя Дира, правда, упоминает арабский писатель Мас'уди[2] в сочинении, относящемся к первой половине X в., из чего можно заключить, что это все же личность не мифическая, а историческая. Другому персонажу древнейшей истории Киева — Аскольду летопись приписывает поход вместе с Диром на Константинополь.[3] Это мог быть только поход 860 г., когда столица Византийской империи пережила очень серьезную опасность и лишь чуду приписывала свое избавление от врагов. Совершенно несомненно, что днепровская русь еще к 30-м годам IX в. ликвидировала даже видимость зависимости от хазар, в знак чего русский князь назывался каганом, и играла совершенно самостоятельную политическую роль.

Однако на первых порах своего существования среднеднепровское Русское государство с центром в Киеве едва ли помышляло о борьбе с хазарами. Начало объединения под властью киевского князя восточнославянских племен и освобождение в связи с этим тех из них, которые оставались под властью хазар, относится к более позднему времени и связывается летописью с деятельностью князя Олега. Борьбу с хазарами русь повела только после объединения двух центров восточнославянской государственности — Киева и Новгорода, после образования единого государства на всем пути «из варяг в греки».

Отсюда следует, что сооружение хазарами крепости на Дону не могло быть направлено непосредственно против руси. Ослабление власти Хазарии на западе — в степях Причерноморья и на Среднем Днепре — в связи с появлением мадьяр и возникновением Русского государства, надо полагать, вызвало у хазар заботы об укреплении своих позиций в областях, еще остававшихся под их властью. Такими областями в первую очередь были область салтовской культуры и примыкающие к ней с севера и запада области славянских племен, плативших дань хазарам, — вятичей, северян и радимичей. Саркел и возник как опорный пункт хазар на важнейшем пути, который связывал собственно Хазарию и столицу ее Итиль на Нижней Волге с указанными областями. Этот путь после переправы через Дон возле Саркела выводил к водоразделу между Доном и Донцом, наиболее удобному сухопутному пути в подвластные хазарам области.

Саркел был выстроен вовсе не для контроля над водной дорогой по Дону к переволоке на Волгу; такая задача если и встала перед ним, то только значительно позже его возникновения. Именно этим и объясняется крайне невыгодное положение крепости для наблюдения за водной дорогой, а главное за переправой из одной реки в другую. Для этой цели естественно было бы строить крепость в месте наибольшего сближения Дона и Волги, там, где и искало Саркел большинство историков, привыкших создавать исторические карты кабинетным путем. Но в том то и дело, что в первой половине IX в. этому речному пути никто не угрожал, да едва ли кто-нибудь по нему и плавал. Он приобрел важное значение только в X в., когда здесь появились русские ладьи, приходившие из Днепра через Черное море. Саркел был построен не на речной, а на сухопутной дороге и призван был укрепить пошатнувшееся положение хазар в их западных и северо-западных владениях.

8. ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД СВЯТОСЛАВА

Объединение Киевского и Новгородского государств в единое Русское государство привело к созданию в Восточной Европе такой могущественной силы, которой здесь еще не бывало и которая была в состоянии ставить и решать задачи, непосильные для предшествующих славянских образований. Важнейшей из этих задач было объединение восточнославянских племен под властью киевского князя. В результате деятельности Олега и Игоря эта задача в основном была выполнена. Святослав Игоревич имел возможность опереться уже на

[1] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М—Л., 1950, стр. 18—19.

[2] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 137.

[3] Повесть временных лет, ч. I, стр. 19.

объединенные силы восточных славян. Первым крупным внешнеполитическим предприятием этого князя была война с хазарами, необходимая, во-первых, для завершения дела его предшественников по объединению славян в Русское государство, а во-вторых, для освобождения важного для Руси восточного торгового пути от контроля со стороны хазар.

Единственным восточнославянским племенем, еще оставшимся к этому времени под властью хазар, было большое племя вятичей, обитавшее по верхней и средней Оке и по Верхнему Дону. Зависимость его от хазар, по-видимому, была минимальной и ограничивалась выплатой небольшой дани. Об этом можно судить по тому, что вятичи, еще находясь под властью хазар, участвовали в походе Олега на Константинополь.[1] Впрочем, и другие владения хазар состояли больше в номинальном, чем в действительном подчинении у кагана и вели самостоятельную внешнюю политику. Так, например, в 50-х годах X в. Византия направила религиозно-политическую миссию во главе с Кириллом-Константином в нынешний Дагестан, где находилось вассальное по отношению к хазарам княжество савир, или гунно-савир, известных арабским источникам под именем Джидан. В этом царстве издавна было распространено христианство, и Византия, очевидно, стремилась укрепить там свое религиозное и политическое влияние. Полусамостоятельными были и другие части Хазарии, как например камские и кубанские (черные) болгары. Хазария была конгломератом племен, между которыми никаких тесных связей не существовало и которые удерживались в составе Хазарии только посредством военного принуждения.

Еще в IX в. начали развиваться торговые сношения восточных славян с арабским Востоком.

Главным торговым путем первоначально была Волга. В X в. в торговые сношения с Востоком активно включается и среднеднепровская Русь. Русские ладьи спускались по Днепру в Черное море, а затем, обогнув Крым и пройдя через Керченский пролив, плыли через Азовское море в Дон. Поднявшись по Дону до переволоки, они переправлялись в Волгу и уже по этой реке спускались в Каспийское море и шли к берегам Закавказья и Ирана.[1] Русские купцы доходили до Багдада и Мерва. Но, конечно, главными рынками, где они встречались с иноземными купцами, были Болгар и Итиль на Волге.

Из приведенного описания восточного пути русской торговли видно, что она шла через Хазарию и что хазарский каган располагал полной возможностью не только контролировать деятельность русских купцов, но и изымать у них в виде пошлин значительную часть прибылей. Известны случаи, когда вместо купцов на Восток отправлялись сильные русские дружины, которые грабили побережья Каспия и которых хазарский каган вынужден был пропускать через свои владения, едва ли, впрочем, без интереса для себя. Однако такие случаи все же являлись исключением и не нарушали зависимости русской восточной торговли от хазар. Естественно, что Святослав был заинтересован в том, чтобы расчистить путь для русской торговли с Востоком и овладеть теми пунктами, через которые он проходил.

Исполнение своего грандиозного замысла Святослав начал в 954 г., когда он двинулся на Оку и, освободив вятичей от хазарской дани, проник по этой реке на Волгу.[2] Здесь русские дружины разгромили прикамских болгар, а затем живших ниже их по Волге буртасов и появились в собственно Хазарии. Хазарский каган пытался организовать отпор, но потерпел поражение. Русские захватили столицу Хазарии Итиль, после чего Святослав двинулся к Кавказу. В нынешнем Северном Дагестане находился хазарский город Семендер, который славился своими виноградниками. Святослав взял и его. То, что осталось в Итиле и Семендере после разгрома их русскими, по образному выражению арабского писателя Ибн-Хаукаля, можно было сравнить с «милостыней для бедных». Успевшие спастись жители этих городов устремились в Джурджан и там, по свидетельству того же писателя, еще в 973 г. ждали возможности возвратиться домой и

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 23.

[1] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 131.

[2] Повесть временных лет, ч. I, стр. 46—47; Н. Зойко. О походах Святослава на восток. ЖМНП, т. XVIII, 1908, ноябрь, стр. 258 и сл.

жить под властью русских.[1] Из этого следует, что Святослав отнюдь не ограничился разгромом хазарских городов, а что он подчинил их своей власти, оставив, вероятно, в них русские гарнизоны.

Святослав не довольствовался расчисткой для русской торговли одного волжского пути. Покорив Семендер, он отправился вдоль Кавказского хребта на запад. По пути ему пришлось столкнуться с ясами (аланами) и касогами (черкесами), над которыми он также одержал победы. По всей видимости, Святослав ставил себе целью овладение не только волжским, но и днепровско-донским направлением русской торговли с Востоком, на котором важнейшую роль играл Керченский пролив. Именно туда он и двинулся после разгрома собственно Хазарии. Иначе невозможно объяснить его столкновения с ясами и касогами, жившими в центральной части Северного Кавказа и в Прикубанье. Письменные источники ничего не сообщают о пребывании Святослава на Керченском проливе, но тот факт, что только после разгрома Святославом хазар, которые держали в своих руках Керченский пролив, там появляется русское Тмутороканское княжество, позволяет полагать, что именно в результате похода Святослава Русь захватила контроль над этими важнейшими для ее торговли воротами на Восток.

Под 965 г. русская летопись сообщает о взятии Святославом Белой Вежи, которая соответствует хазарскому Саркелу. Название «Белая Вежа» представляет собой русский перевод хазарского слова «Саркел». Таким образом, от Керченского пролива, следуя обычным путем русских купцов, Святослав поднялся по Дону до хазарской крепости Саркел и взял ее.

На первый взгляд кажется непонятным, почему русская летопись, суммарно сообщающая о восточном походе Святослава, очень глухо указывающая на взятие столицы хазар Итиля, ни словом не упоминающая о разгроме Семендера, умалчивающая о пребывании Святослава на Керченском проливе, из всех эпизодов этого похода останавливается на наименее значительном, а именно на взятии небольшой хазарской крепости на Дону. Однако это явление легко поддается объяснению, если учесть, что летопись составлялась через много лет после этого похода, когда впечатление от него успело стереться, когда хазары вовсе исчезли с исторической арены, когда Итиль и Семендер не только утратили какое-либо значение для Руси, но и перестали существовать, когда события из драматической истории Тмутороканского княжества заслонили обстоятельства его возникновения. Что же касается Белой Вежи, то она еще была жива, а взятие ее Святославом было и оставалось важнейшим событием ее недолговечной истории.

Из Белой Вежи Святослав пошел на север, к вятичам, откуда он начал свой восточный поход, ибо целью его было не только освобождение их от власти хазар, но и подчинение киевскому князю. Вятичи оказали Святославу сильное сопротивление, но вынуждены были согласиться на уплату дани киевскому князю. Таким образом, Святослав разгромил Хазарское царство и закончил объединение восточных славян в единое Древнерусское государство.

Увлеченный вскоре после восточного похода делами в Дунайской Болгарии, Святослав не смог прочно закрепиться на Волге. Русская власть продержалась там недолго. Оставленные Святославом русские гарнизоны не в состоянии были отстоять его завоевания. Хазары, получив помощь от тесно связанного с ними торговыми, культурными и религиозными узами Хорезма, вернули себе независимость,[1] камские болгары заодно освободились и из под власти хазар. Хазарское царство в прежнем своем виде не возродилось, оно распалось на составные части, каждая из которых в отдельности не представляла сколько-нибудь значительной политической величины. Тем не менее цель, которую ставил перед собой Святослав, не была достигнута. Волжский путь по-прежнему оставался нерусским. Из завоеваний Святослава на востоке Руси удалось удержать, и то только на некоторое время, Керченский пролив, где возникло Тмутороканское княжество, да Белую Вежу—Саркел на Дону.

[1] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, стр. 219 и сл.; D.M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 242 и сл.; В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 35; М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 42 и сл.

[1] М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 48; D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 244.

9. КЛАД

История Саркела от построения до взятия крепости Святославом для нас остается совершенно неизвестной. О событиях политической истории Хазарии этого времени, в которых то или иное участие принимал бы Саркел, в письменных источниках нет решительно никаких данных. Зато археологическими исследованиями крепости обнаружена одна деталь, свидетельствующая, что существование крепости вовсе не было тихим и безмятежным. Вблизи западной башни под северо-западной оборонительной стеной открыт подкоп, явно вырытый изнутри крепости, по-видимому, для вылазки или какого-либо другого предприятия гарнизона, которое надлежало произвести втайне от врагов, осаждавших, очевидно, крепость и блокировавших обычные выходы из нее. Подкоп довольно широкий, но низкий, 2.2 м ширины и 0.70 м высоты; снаружи он суживается и заканчивается острым углом на расстоянии 4.5 м от стены (рис. 33). По миновании надобности подкоп был плотно забит кирпичами, камнями и землей. У наружного конца подкопа под завалом кирпичей на дне оказался скелет человека. Положение скелета не оставляло никакого сомнения в том, что это не обычное погребение, совершенное с соблюдением определенных правил ритуала. По-видимому, человек погиб во время вылазки и был спешно зарыт при засыпке подкопа.

Рис. 33. Подкоп под северо-западной стеной крепости.

Особый интерес захоронения в подкопе, свидетельствующего о какой-то драматической странице истории крепости, заключается в кусочке бумаги, найденном среди костей кисти руки скелета и сохранившемся только благодаря консервирующим свойствам краски (хны), которая была в него завернута. Как известно, хна употребляется на Востоке для окраски волос и ногтей; вероятно, с таким же назначением она находилась и у человека, захороненного в подкопе. Сохранившийся клочок, видимо оторванный от края листа, представляет

собой редчайший образчик бумаги среднеазиатского происхождения. Никаких признаков письма на этом обрывке нет, но изучение технологии бумаги показало, что она самаркандского происхождения, где в VIII—IX вв. (до 810 г.) бумага изготовлялась из местного материала, но по рецептам китайских мастеров.[1] Описанная находка свидетельствует лишний раз не только о тесных связях Хазарии со Средней Азией, но и об употреблении в Хазарии бумаги, так как трудно допустить, что кусок, найденный в Саркеле, оторван от листа не в Хазарии, а где-то, чуть ли не на месте изготовления бумаги.

Врагами, осаждавшими Саркел, могли быть печенеги, опустошавшие области салтовской культуры, но могли быть и русы, по крайней мере дважды, в 912 и 944 гг., в большом числе проплывавшие вверх по Дону под стенами крепости. Хотя оба раза русские дружины, направлявшиеся в Каспийское море для грабительских нападений на его побережья, проходили через Хазарию с разрешения хазарского царя, не исключена возможность, что они имели столкновения с гарнизоном Саркела. Только русы, а не печенеги могли блокировать крепость и со стороны реки так, что из нее нельзя было незаметно выбраться через речные ворота и поэтому пришлось делать подкоп под стеной.

Не связано ли с этой же, а может быть с какой-либо другой осадой, когда жители крепости не имели возможности выйти за пределы кирпичных стен, устройство отмеченных выше погребений в полу салтовского жилища — гончарной мастерской? Это могли быть хозяева данного дома, погибшие во время осады и погребенные внутри жилища из-за невозможности поместить их на кладбище, находившемся, несомненно, где-то поблизости от крепости, но за ее границами. Впрочем, погребения в жилищах бывают и в других случаях, вовсе не связанных с военной необходимостью, а продиктованных какими-то нам не известными соображениями культового и социального порядка. За крепостной стеной Саркела найдено погребение хазарского времени, устроенное в подбое под стенкой прямоугольной ямы, по форме и размерам напоминающей основание жилища. Однако в яме не найдено следов очага. Кроме того, в ней обнаружена еще одна странная особенность: похоже, что она была перегорожена на две части, в одной из которых и находилась могила. Это тоже указывает на нежилое назначение ямы и, возможно, вызвано требованиями погребального обряда.

Другой замечательной находкой, сделанной в Саркеле, является клад дорогих вещей и серебряных монет (рис. 34, 35). По всем данным, вещи, состоящие из двух туго свернутых поясов, украшенных один многочисленными позолоченными на бронзовой основе бляшками, а другой бляшками серебряными с позолотой и чернью, одного ожерелья из сердоликовых бус, чередующихся с серебряными монетами (диргемами), и из большого комка рубленых серебряных монет того же рода, что и употребленные для ожерелья, были спрятаны на дне большого, правленного на круге горшка, наполненного просом. Следы огня, заметные на монетах и вещах этого клада, не оставляют сомнения в том, что горшок со спрятанным в нем сокровищем побывал в пожаре. По-видимому, во время этого пожара горшок разбился, и часть вещей высыпалась из него. Найден был клад вблизи материка в культурном слое хазарского времени, чудом сохранившегося, в виде останца, среди прорезающих этот слой ям различного назначения и разного времени. При устройстве этих ям не дошедшие до нас части горшка, а может быть, и некоторые вещи клада были выкопаны и выбраны. Уцелело только то, что оставалось в указанном останце культурного слоя. По всей вероятности, горшок с кладом находился в доме, который погиб от огня.

Замечательно, что почти все монеты этого клада среднеазиатского происхождения и по времени чеканки относятся к 907—954 гг.[1] Самая поздняя монета датируется 943—954 гг. Следовательно, раньше этих годов клад не мог быть спрятан. Вероятнее всего предполагать, что он относится ко времени взятия крепости Святославом. И время клада, и обстановка, в которой он находился, делают такое предположение весьма убедительным. По всей видимости, владелец клада спрятал свои ценности ввиду опасности, нависшей над крепостью, при-

[1] Определения сделаны В. А. Петровым.

[1] Определения сделаны А. А. Быковым.

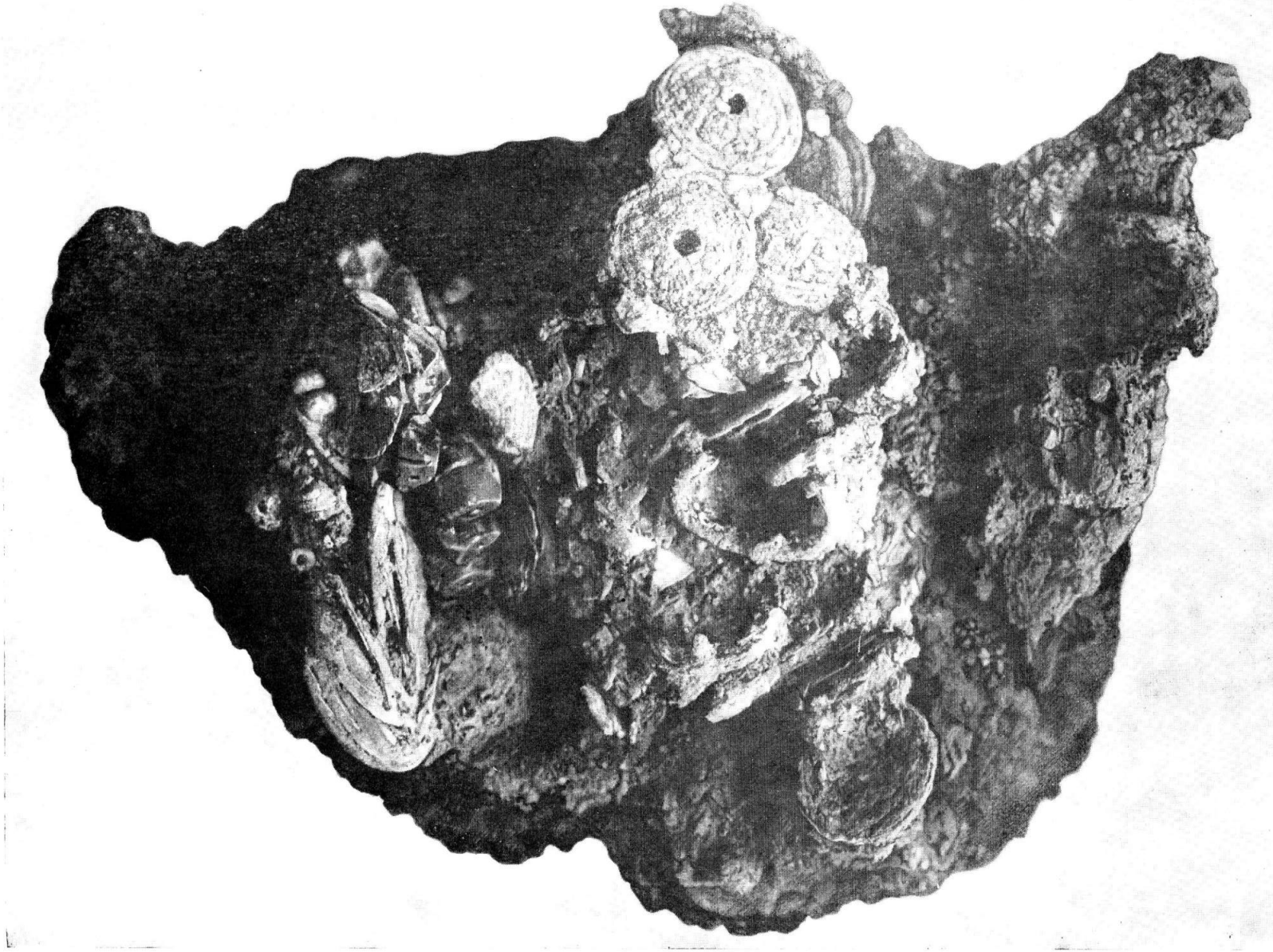


Рис. 34а. Обломок дна горшка с кладом

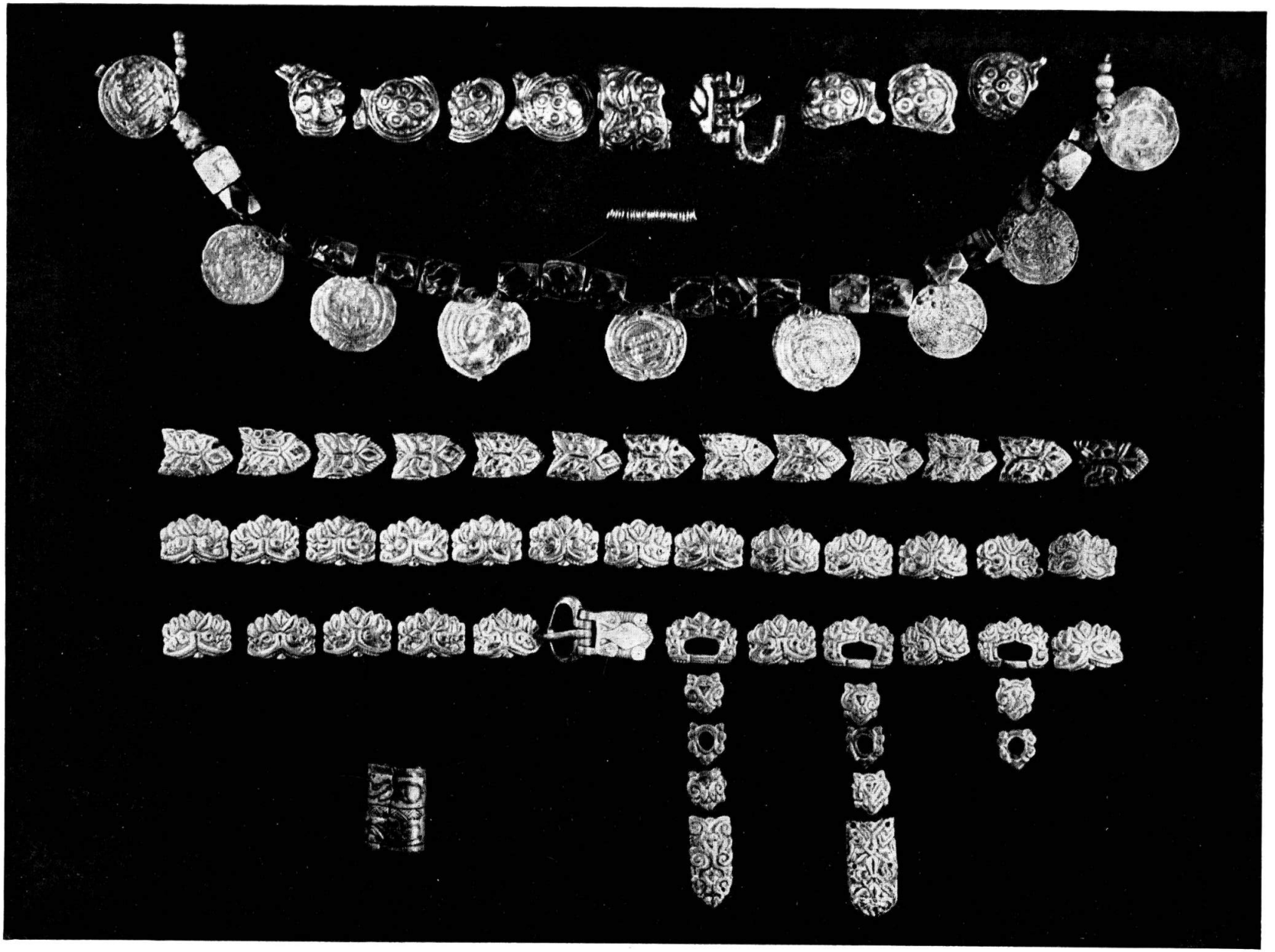


Рис. 34б. Клад.

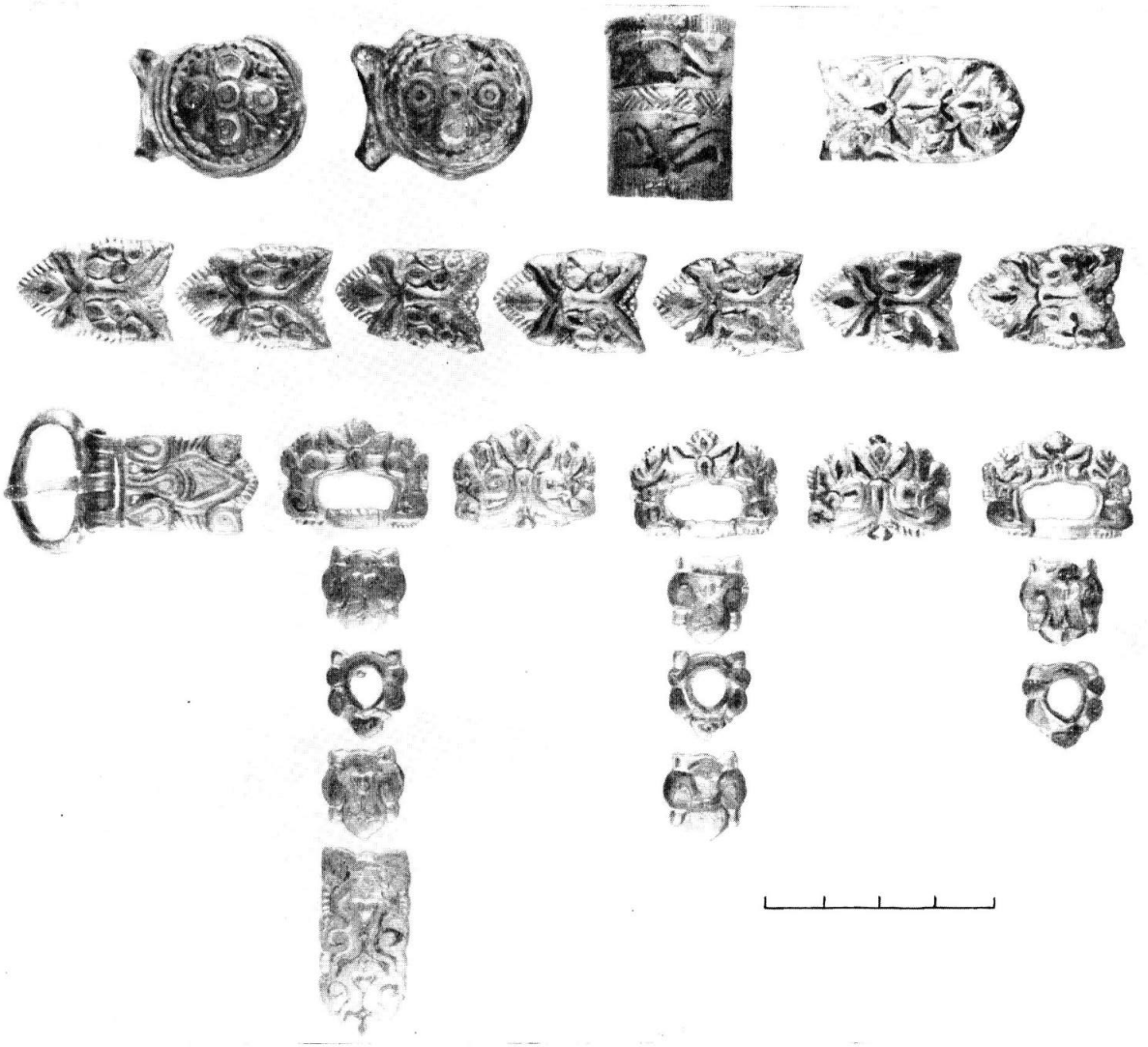


Рис. 35. Венци из клада.

чем в спешке засунул их в первое попавшееся на глаза место — в горшок с запасом проса. При взятии крепости дом, в котором оставался горшок с кладом, сгорел; клад оказался погребенным под пожарищем и потому не достался победителям. Владелец же его, должно быть, погиб, и потому клад некому было разыскивать в развалинах.

После взятия крепости Святославом часть кирпичных сооружений оказалась разрушенной. Оборонительные стены, по-видимому, пострадали сравнительно немного, но зато внутренние здания пришли в такое состояние, что в дальнейшем уже не могли быть использованы в прежнем своем виде. Оставшиеся в живых жители Саркела начали их разбирать на кирпич, а некоторые постройки пытались приспособить под свои жилища. Наиболее замечательный пример такого рода приспособления представили главные ворота крепости в северо-западной стене. В пролете их обнаружены остатки жилища с набором бытового инвентаря салтовского типа. Изнутри крепости пролет был заложен стенкой из кирпичей, взятых из разрушенных построек и сложенных на глине. Устройство противоположной стены осталось, к сожалению, невыясненным. Обгоревшие бревна, найденные внутри этого жилища, могли принадлежать и этой стене и перекрытию. Жилище погибло от пожара, причем кирпичная стена завалилась внутрь и погребла под собой всю его бытовую обстановку (рис. 36).

Рис. 36. Остатки жилища в пролете главных ворот.

Другое хорошо сохранившееся жилище того же рода оказалось в угловом помещении здания I. Часть помещения рядом с жилищем была при этом использована под кладовую, где в яме найден уцелевший большой пифос.

После взятия Саркела—Белой Вежи Святославом здесь остались в общем те же группы населения, что и раньше. Носители салтовской культуры и составлявшие гарнизон крепости кочевники продолжали из-

готовлять свою характерную керамику и возводить типичные для каждой из этих групп жилища. Однако свои жилища они теперь строили не только там, где раньше, но по площади всей крепости; значительное количество жилищ салтовского типа появилось в цитадели. С течением времени происходят более существенные изменения в этническом составе. Главным из них надо считать массовое появление в крепости славянского населения, в связи с чем русская культура занимает здесь господствующее положение и постепенно поглощает все другие этнические культуры. С этого времени хазарская крепость Саркел становится русским городом Белая Вежа.

10. РУССКИЙ ГОРОД БЕЛАЯ ВЕЖА

Верхний уровень, или горизонт, культурных отложений Саркела времени взятия его Святославом всего отчетливее обнаруживается по следам разрушения кирпичных зданий внутри крепости. Многие здания в нижней своей части на высоту 0.7—0.9 м от поверхности материка сохранились до наших дней. Вся выше лежащая часть их была разрушена еще в древности. Несомненно, что в широких размерах разборка кирпичных построек стала практиковаться только после взятия крепости Святославом. Разбирались они при этом обычно до существовавшего в то время уровня почвы, вследствие чего их нижняя часть, находившаяся уже в земле, оставалась нетронутой. Таким образом, высота уцелевших стен кирпичных зданий показывает нам толщину культурных отложений хазарского периода. Все выше лежащие наслоения относятся уже к следующему, русскому периоду истории Белой Вежи.

Большой численный культурный перевес славяно-русского населения Белой Вежи после завоевания Святослава несомненно образовался не сразу; сначала, вероятно, это был небольшой военный гарнизон, оставленный из состава войска Святослава, а затем в крепости стало появляться и новое гражданское население. У нас нет данных для решения вопроса о порядке ее заселения — было ли оно стихийным или происходило организованно, по указанию князя. Вероятнее предполагать последнее. Русская летопись, говоря о деятельности Владимира Святославича по укреплению границ Русского государства, сообщает, что вновь сооруженные пограничные города-крепости князь заселял людьми из разных племен.[1] Должно быть, и здесь имело место то же самое. Для закрепления за Русским государством вновь присоединенных областей Святослав, надо полагать, принял меры к организованному заселению наиболее важных пунктов русскими людьми. Каким образом вербовались переселенцы, какие обязанности на них возлагались и какие права и привилегии они получали взамен — все это, к сожалению, остается неизвестным.

Культура русского населения Белой Вежи сначала ничем не отличается от так называемой роменско-боршевской культуры, характерной для всей лесостепной полосы от Днепра до Верхнего Дона в VIII—X вв.[1] Однако можно заметить, что в Белой Веже складывалось поселение не сельского, а городского типа.

Русское население в Белой Веже не только заняло всю кирпичную крепость, но заселило и ту небольшую часть мыса за северо-западной стеной крепости, которая в хазарский период, по-видимому, оставалась почти не занятой. Эта часть мыса вместе с кирпичной крепостью была отделена с напольной стороны рвом с проточной водой и, следовательно, была защищена от неожиданного нападения с суши. Население Белой Вежи заботилось о поддержании рва в хорошем состоянии. При раскопках его обнаружены следы неоднократных расчисток от ила, который наносился рекой и приводил к обмелению рва. В результате расчисток ров, правда, несколько уменьшился в ширину, так как вынутая земля складывалась на его краях, но тем не менее в течение всего русского периода жизни Белой Вежи оставался важным оборонительным рубежом.

Кирпичные стены хазарской крепости, за исключением северо-западной стены, и в русское время сохраняли свое оборони-

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 83.

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 7 и сл.

Рис. 37. Славянская полуземлянка № 21.

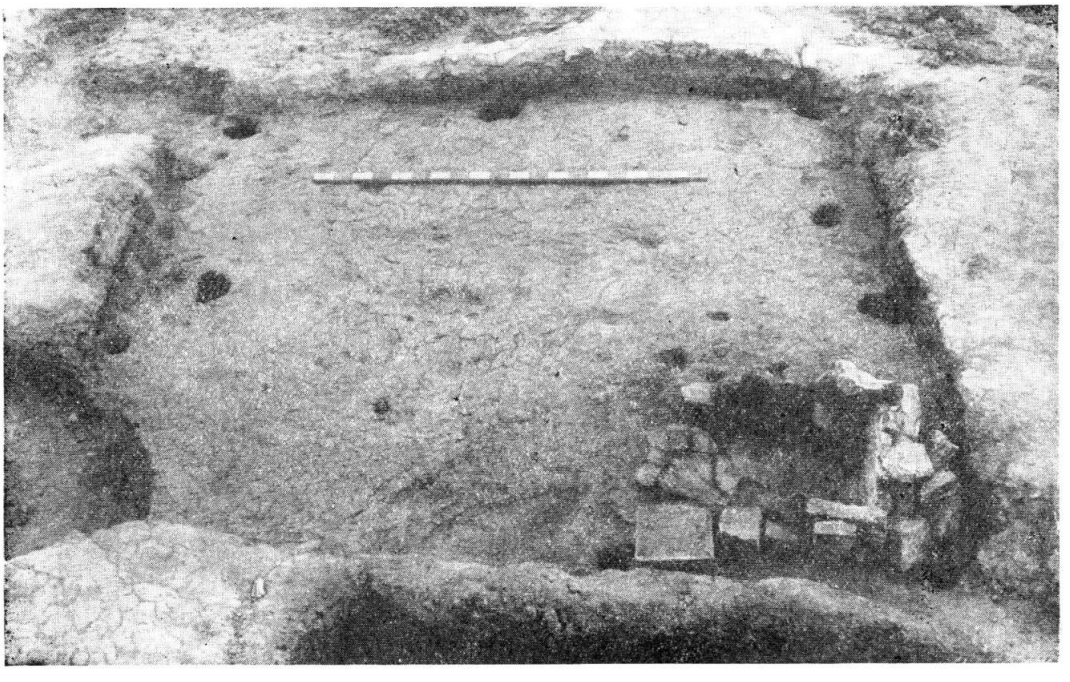


Рис. 38. Славянская полуземлянка № 15.

тельное значение. Во всяком случае русское заселение нигде, кроме указанного северо-западного направления, за них не выходило.

Что же касается северо-западной стены, расположенной со стороны наиболее доступной для вражеского нападения, то она к русскому времени была, вероятно, в какой-то своей части разрушена и, таким образом, не ограничивала расширение города в этом направлении. Несомненно, были разрушены главные ворота крепости, находившиеся в этой стене. Выше уже указывалось, что проезжая часть их была использована для устройства жилища. Ворота, выходившие к реке, оставались действующими и в русский период. Вследствие накопления внутри города мощных культурных отложений в пролет этих ворот был устроен спуск, укрепленный, по крайней мере с одной стороны, стенкой, сложенной из блоков известняка и кирпичей на глине.

Следует особенно подчеркнуть большую скученность застройки русского города. Жилища тесно заполняли всю его площадь. В результате плотности заселения, непрочности жилищ, вызывавшей частые перестройки, а также нередких пожаров, после которых город отстраивался заново, культурные отложения, состоявшие из разнообразных строительных остатков и бытовых отбросов, росли с исключительной быстротой. Культурный слой русского времени, образовавшийся в течение не больше 150 лет, достигал 1.5—1.8 м.

Исследование культурных отложений русского времени в городище Белой Вежи, в особенности остатков жилищ, представляло исключительно сложную задачу. При частых перестройках жилища, в большинстве случаев в нижней своей части углубленные в землю, врезались одно в другое. Позднейшие сооружения полностью или частично разрушали остатки более ранних жилищ. Особенно большую роль в нарушении и разрушении культурных остатков играли всевозможные ямы, имевшие нередко значительную глубину и по несколько раз устраивавшиеся на одном и том же месте. Вследствие этого более или менее сохранившиеся конструктивные части жилищ и прочих сооружений встречались далеко не часто.

Жилища русского времени по большей части были типа полуземлянок, хотя, несомненно, строились и наземные дома (рис. 37, 38). В полуземлянках пол углублялся на 0.75—1.20 м от поверхности. Он был земляной, плотно утрамбованный, хотя в нескольких жилищах встречены и дощатые полы. Стены возводились из досок, вделанных концами в столбы, или из бревен в виде сруба, изредка из обмазанного глиной плетня. В одном случае на полу жилища оказалась часть такого плетня, обугленного и упавшего при пожаре. Плетень, как и доски, укреплялся между столбами, которые вместе с тем служили опорой для перекрытия. Отпечатки досок на земляных стенках углубленной части жилищ, а иногда и истлевшие или обуглившиеся остатки их нередко обнаруживались во время раскопок. Следы столбов сохранялись в виде ям, находившихся по углам, а кроме того, часто и посредине стен жилища. Что касается срубных бревенчатых сооружений, то они были замечены в виде обугленных кусков бревен, в некоторых случаях представлявших даже рубленные в обло углы. Бревенчатые жилища, по-видимому, в большинстве своем были наземными и в ряде случаев возводились на каменном (из кусков мергеля) фундаменте. Об устройстве перекрытий можно только догадываться по нередким находкам в пожарищах остатков соломы или камыша. В двух случаях под камышевым покрытием, обмазанным глиной, оказался настил из ивовых прутьев.

Русские жилища Белой Вежи, как правило, очень небольшие, в плане квадратные (4×4 м) или прямоугольные (4×3 м). Вход в них находился возле угла; для устройства дверного проема ставился дополнительный столб. Для спуска в землянку в одном случае служила земляная ступенька, обычно же, вероятно, делалась деревянная лесенка. Печь помещалась непосредственно на полу в углу жилища, прямо против входа, но с топкой, обращенной то ко входу, то вбок от него. В наиболее ранних славянских жилищах, обычно полуземлянках, впущенных в слой хазарского времени и достигавших своим полом материка или даже углубленных в материк, печи, как это обычно у восточных славян во всех областях их расселения, складывались из камней. Вследствие того что камень близ Белой Вежи отсутствовал и его приходилось доставлять с противоположной стороны реки, да к тому же и там камень был очень плохого каче-

ства, славяне в Белой Веже вскоре после своего появления стали широко пользоваться кирпичами, взятыми из старых построек крепости. В соответствии с характером нового строительного материала печи из кирпичей стали строиться прямоугольные — квадратные или продолговатые — с кирпичным же подом.

В русском слое Белой Вежи обнаружены остатки кирпичных печей различных типов (рис. 39). Здесь находились прямоугольные печи, стенки которых сделаны из кирпичей, уложенных плашмя на глиняном растворе. Встречались печи со стенками, образованными вертикально поставленными кирпичами; они были низкие и узкие, к тому же отличались относительно большой длиной. Были большие печи, стены которых в нижней части сделаны из кирпичей, поставленных вертикально, а выше — из

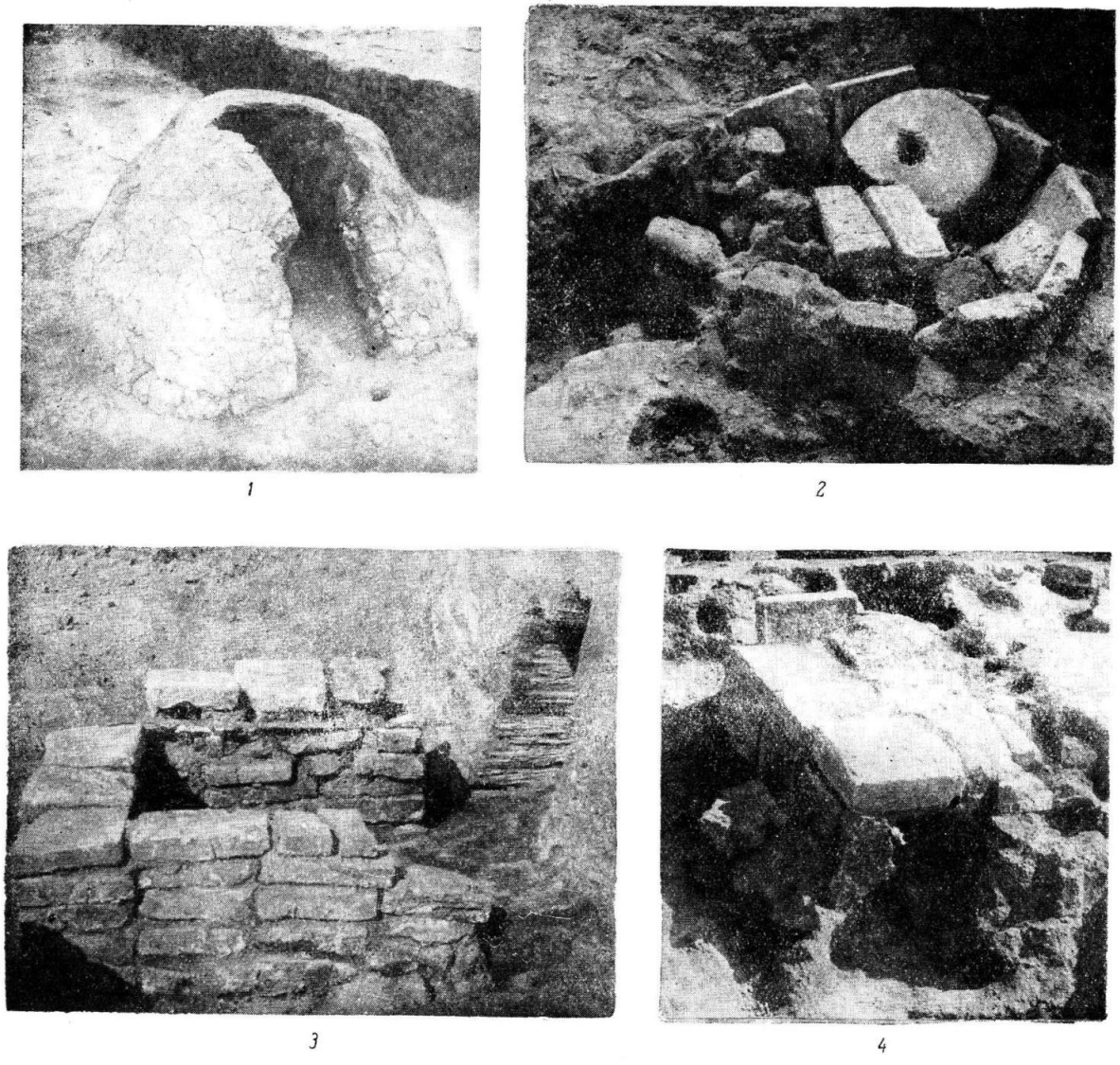


Рис. 39. Типы печей в жилищах.

1 — глинобитная; 2 — круглая; 3 — кирпичная квадратная; 4 — кирпичная прямоугольная.

кирпичей, положенных плашмя так, что верхний ряд выступал над нижним, образуя так называемый ложный, или ступенчатый, свод. Имелись квадратные печи из вертикально поставленных кирпичей со столбом или стенкой посредине, встречались, наконец, квадратные с подом из четырех кирпичей — вероятно, открытые очаги. Находились и овальные сводчатые глинобитные печи на деревянном каркасе. Весьма вероятно, что некоторые печи с кирпичными стенками завершались глинобитным сводом, но в ряде случаев они сверху перекрывались глиняной крышкой на деревянном каркасе; посредине крышки было круглое отверстие. Над некоторыми печами устраивался из глины род большой сковородки с низкими бортиками, предназначавшейся, вероятно, для подсушивания зерна или для других подобных надобностей. У некоторых печей внутри устраивалось нечто вроде загнетка — отделения для сгребания углей. Как правило, печи топились по-черному, дым из них выходил в устье или в отверстие в крышке; лишь у длинных узких печей устраивалось сзади нечто вроде дымохода. Снаружи печи тщательно обмазывались глиной.

Разнообразие жилищ и типов печей в Белой Веже, по всей видимости, отражает сложный этнический состав населения города. В него входили представители не только разных восточнославянских племен, но и не славяне. Некоторые из типов печей явно продолжают традицию характерных открытых очагов — сандалов, распространенных в цитадели в хазарское время, но встречавшихся и позже, в слоях русского периода. Это в первую очередь квадратные, но иногда и круглые печи со столбом посредине и глиняной крышкой. К таким печам примыкает оригинальное сооружение в виде круга из наклонно поставленных кирпичей со столбом посредине. Сверху оно было перекрыто глиняными лепешками, которые лежали одним краем на стенке, а другим на центральном столбе. Часть лепешек была украшена орнаментом того же рода, что и лепная кочевническая керамика. Назначение этого сооружения остается неизвестным. Это могла быть печь, но возможно, оно предназначалось и для каких-то других целей (рис. 39, *2*).

Старые кирпичи из разрушенных построек хазарского времени широко применялись в строительстве Белой Вежи. Они шли не только для устройства печей, но и на облицовки кладовых и зерновых ям, которые в большом числе устраивались возле жилищ. Кирпичами вымащивалось дно таких ям, из кирпичей же на глине возводились облицовочные стенки. Ямы обычно имели цилиндрическую форму, но встречаются и прямоугольные. Верхнее отверстие в ямах закрывалось деревянной или глинобитной крышкой на деревянном каркасе (рис. 40).

О легких наземных хозяйственных сооружениях судить очень трудно вследствие указанной выше сильной нарушенности культурных слоев городища. Встречавшиеся иногда остатки плетней могли быть и заборами, ограждавшими дворики возле жилищ, и стенками сараев и хлевов.

Несмотря на большую раскопанную площадь городища, нет возможности судить о планировке русского города в целом. Ясно лишь, что расположение жилищ и дворов в это время уже не определялось планом хазарской крепости, остатками ее кирпичных сооружений. Русские жилища нередко встраивались в сооружения хазарского времени. В других случаях, наоборот, при устройстве русских жилищ остатки хазарских зданий полностью или частично разбирались. Так, нередко встречались хазарские стены, частично разобранные при устройстве углубления для русской постройки; иногда хазарская стена оказывалась пробитой сверху при устройстве зерновой или кладовой ямы русского времени. Все это вызывалось чрезвычайной теснотой заселения русского города, который надо себе представлять в виде рядов низеньких мазанок с соломенными или тростниковыми крышами, отделенных одна от другой небольшими двориками с оградами в виде плетней и с маленькими же, легкими надворными помещениями и навесами. В южной части города на территории двора Г-образного здания обнаружен колодец русского времени. Стены его облицованы деревянным дубовым срубом.

Несомненно, что население Белой Вежи составилось не из одних славян. В него вошли и остатки прежнего населения Саркела. Правда, ни характерных салтовских жилищ, ни салтовской посуды в русском слое Белой Вежи XI в. не встречается, за исключением черепков, попавших с вы-

рытой землей из ниже лежавших отложений. Вероятно, носители этой культуры были быстро ассимилированы славянами и полностью растворились среди них. Особенно убедительно об этом свидетельствует антропологический материал из могильника Белой Вежи, где короткоголовый зливкинский тип с монголоидными элементами занимает весьма значительное место.[1] Гораздо более устойчивым оказался тюркский кочевнический элемент. Выше уже указывалось, что наличие некоторых типов печей в русском слое Белой Вежи следует относить за его счет. Вероятно, и встречавшиеся в этом слое остатки наземных сооружений из двух плетней, пространство между которыми забито глиной, принадлежали потомкам хазарского гарнизона, хотя эта техника строительства характерна для салтовской культуры. О том, что она была принята и тюрками-кочевниками, может свидетельствовать лишь нахождение в остатках таких жилищ типичной именно для последних лепной керамики с богатой орнаментацией, которую они продолжали изготовлять и в русское время. О сохранении этого этнического элемента в русском городе свидетельствует также могильник Белой Вежи, где наряду с обычными для населения города погребениями встречаются могилы, устроенные по кочевническому обряду.

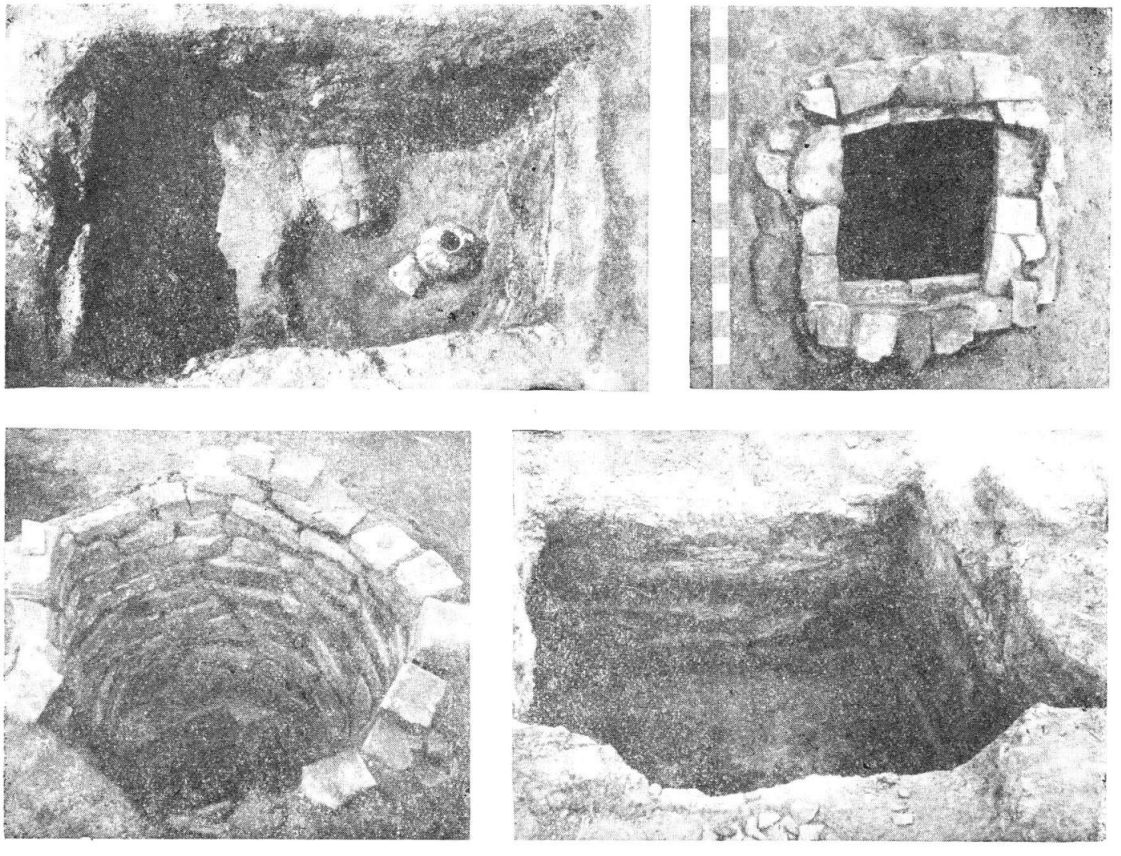


Рис. 40. Погреба и хозяйственные ямы.

Вследствие того что ранние славянские жилища с печами-каменками впущены в культурный слой хазарского времени и даже иногда врезаны своим основанием в материк, в заполнении их характерная славянская лепная роменско-боршевская кера-

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата, стр. 317 и сл.

мика смешивается с салтовской или даже с керамикой кочевнического типа. В результате создается впечатление, что раннее славянское население Белой Вежи относится не ко второй половине X в., ко времени после взятия крепости Святославом, а к значительно более ранней поре, к хазарскому периоду. К тому же при археологическом изучении зоны затопления Цимлянского водохранилища И. И. Ляпушкин обнаружил и исследовал на берегу р. Чир, у сел. Ближние Мельницы, типичное славянское поселение роменско-боршевского типа, датированное найденной в нем амфорой временем не позже IX в.[1] Оказывается, что славяне проникли на Нижний Дон в IX в., когда салтовская культура еще процветала и эта область была занята ее поселениями. Ранее были известны остатки роменско-боршевской культуры на поселениях салтовского типа и, наоборот, салтовские вещи обнаруживались в славянских поселениях. Это легко объяснялось близким соседством салтовских и роменско-боршевских поселений, во-первых, и занятием некоторых салтовских поселений после прекращения существования салтовской культуры славянами — во-вторых. Теперь установлено, что славяне проникали в салтовскую среду, основывали в глубине салтовской территории свои поселения, т. е. что между славянами и салтовцами существовали мирные, дружественные отношения.

Если славяне еще в IX в. проникли на р. Чир, то они с одинаковым успехом могли тогда же добраться и до Саркела. Следовательно, в наличии славянского, роменско-боршевского населения в хазарском Саркеле нет ничего невозможного. Окончательное решение вопроса может быть получено только в результате тщательного учета всех относящихся сюда данных, добытых раскопками Саркела. Не отрицая категорически возможности пребывания славян в хазарском Саркеле, нельзя, однако, указать ни одного бесспорного факта, доказывающего появление их здесь в столь раннее время. В материке Саркела имелось множество ям, заполненных бытовым мусором, хотя большинство их первоначально предназначалось для хранения зерна. В наиболее глубоких из них, вырытых с материка или с поверхности, не намного возвышавшейся над материком, совершенно не находилось типичной роменско-боршевской керамики; здесь обычно попадалась только керамика салтовского типа. Смешанное славяно-салтовское заполнение в ямах характерно для тех из них, которые были вырыты с горизонта, относящегося ко времени после взятия Саркела Святославом. Заполнение же славянских землянок, в составе которого находится и даже иногда преобладает салтовская керамика, вовсе не приходится принимать в расчет, так как они вырыты в слое хазарского времени, который, естественно, их и заполняет.

Русское население явилось в Белую Вежу с культурой роменско-боршевского типа, одним из характерных признаков которой является грубая, сделанная от руки керамика; руководящими формами ее выступают горшки с хорошо выраженными плечиками, высокие миски и низкие сковородки. Эта керамика, изготовлявшаяся домашним способом каждой хозяйкой для себя, иногда украшена крупнозубчатым орнаментом, состоящим из косых линий, зигзагов или косых крестов, опоясывающих сосуд по верхней его части. Этот орнамент наносился палочкой, обмотанной веревочкой разной толщины (рис. 41).

Роменско-боршевская керамика в большом количестве находилась в Белой Веже, она вытеснила из употребления салтовскую посуду, хотя по качеству последняя ее несомненно превосходила. Только позже, около середины XI в., у беловежцев получает распространение посуда, сделанная на гончарном круге (рис. 42). Однако эта сделанная на гончарном круге, ремесленного производства керамика до самого конца существования Белой Вежи не заменила полностью керамики лепной, хотя последняя и утратила признаки роменско-боршевского типа и в известной мере воспроизводила формы, свойственные сосудам, сделанным на круге.

Примечательно, что славяне, живя бок о бок с носителями салтовской культуры, получая от них образцы характерной для этой культуры сделанной на гончарном круге керамики, тем не менее длительное время сохраняли старую примитивную технику изготовления посуды налепом. На первый взгляд это кажется совершенно невероят-

[1] См. статью И. И. Ляпушкина «Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница» в настоящем томе (стр. 337).

Рис. 41. Керамика роменско-боршевского типа.

ным, но это бесспорный факт, начисто к тому же опровергающий домыслы об якобы славянском происхождении распространенной на юго-востоке нашей страны в хазарское время гончарной керамики с волнисто-линейным орнаментом. В действительности здесь этого рода керамика появилась совершенно независимо от славян и, что самое главное, раньше, чем у них.

Бытование в одном случае сделанной на круге, а в другом лепной керамики объясняется прежде всего различными традициями салтовской и славянской культур. Своими корнями салтовская культура уходит в общество, тесно связанное с позднеантичным (римским) миром, характеризуемое развитым разделением труда и известной товарностью производства. Такое общество существовало в догуннское время в Причерноморье и охватывало в числе прочих сармато-аланские племена, физическими и культурными наследниками которых в из-

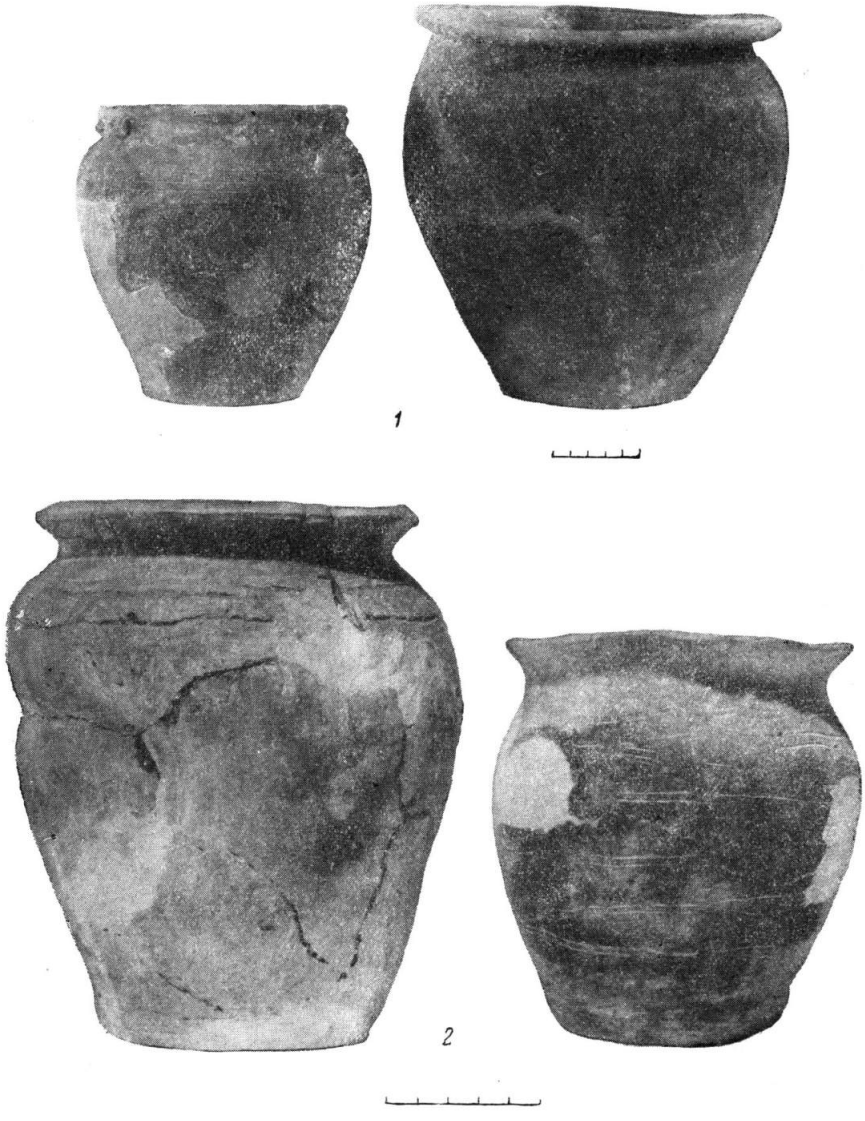


Рис. 42. Русская керамика.

1 — горшки, изготовленные на круге; *2* — горшки, правленные на круге.

Рис. 43. Женские украшения из стекла и камня.

вестной мере и были носители салтовской культуры. Ничего подобного в прошлом славян не было. До своего выхода на историческую арену они жили в лесах и сохраняли натуральный строй своего хозяйства, при котором общественное разделение труда было слабо развито. Поэтому у них лишь с течением времени возникла потребность в учреждении специального гончарного ремесла, причем производство было налажено по тем же образцам, которыми значительно раньше руководствовались племена, чьи традиции сохранялись в салтовской культуре. Этим и объясняется близкое сходство сделанной на круге славянской керамики с салтовской в той ее части, которая тождественна по бытовому назначению (горшки).

В материалах Белой Вежи преобладают вещи, характерные для русской культуры XI в. на всей территории ее распространения. Здесь находятся типичные для древнерусских городов стеклянные браслеты (рис. 43), специфически русские шиферные пряслица, многочисленные хрустальные и бипирамидальные сердоликовые бусы, встречаются позолоченные и посеребренные бочонкообразные бусины, проволочные височные кольца, ажурные подвески, лунницы, нательные бронзовые и каменные крестики, бубенчики, лирообразные пряжки, костяные двусторонние гребни и расчески в футлярах, орнаментированные кружочками костяные рукоятки, характерные русские топоры-секиры и многие другие предметы, обычные в русских комплексах. Наряду с лепной со временем появляется посуда, сделанная на гончарном круге в формах, характерных для Киевской Руси. Кроме простых горшков с волнисто-линейным орнаментом, имеются горшки с ручкой, довольно много глиняных светильников киевского типа, значительное распространение получает посуда с поливой. Имеются вещи, прямо указывающие на связи с Киевщиной, немало вещей, свидетельствующих о постоянных сношениях Белой Вежи с Тмутороканью. При всем том в Белой Веже сделаны многочисленные находки, говорящие о тесных связях с окружавшим ее и проникавшим в нее кочевым миром. Это был город в степи, форпост русской культуры на далекой юго-восточной окраине Русского государства.

11. ХОЗЯЙСТВО БЕЛОВЕЖЦЕВ

Как и во всех средневековых городах, сельское хозяйство населения Белой Вежи было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности. По большому количеству зерновых ям и обилию в находках земледельческого инвентаря можно судить о значении, которое имело для беловежцев земледелие. Железные части плугов, косы, серпы, жернова являются обычными находками в остатках Белой Вежи. В большом количестве находятся здесь и зерна культурных растений; в одном случае сохранился даже кусок обугленной лепешки, испеченной из муки крупного помола. Замечательно, что состав культурных растений, возделывавшихся беловежцами, отличается от состава, характерного для предшествующего периода. Корни и традиции русского земледелия были совершенно иные, чем у населения Подонья в хазарское время. Русское население Белой Вежи принесло с собой привычные для него и новые для нижнего Подонья земледельческие растения: мягкую пшеницу, шестирядный ячмень, рожь, лен и масличное растение — кользу. Общими с предшествующим периодом остаются просо и конопля. В заполнении русского колодца в Белой Веже сохранилось деревянное трепало для обработки волокна конопли или льна (рис. 44).

До специального исследования по костным остаткам пород домашних животных ничего нельзя сказать относительно изменений в характере скотоводческого производства. Можно лишь отметить некоторые перемены в количественном соотношении различных видов домашнего скота. Так, в составе находок уменьшается число костей лошади, что может зависеть от сокращения употребления этого животного в пищу. Почти совершенно исчезают кости верблюда, как животного, несвойственного русскому скотоводству. Зато появляются кости домашней птицы — мелкой курицы и гуся, которых вовсе не было в Саркеле. Вместе с русскими появляется и домашняя кошка. По-прежнему было много собак.

Охота и рыболовство и в русское время продолжали служить важным подспорьем к сельскохозяйственному производству. Попрежнему охотились на оленя, сайгу, бобра, выдру и других лесных и степных животных. Не истощалась и рыба в реке. Для ловли ее употреблялись и сети с каменными грузилами, и разнообразные крючки, в том числе с блесной.

На основе указанных видов хозяйственной деятельности значительное развитие в Белой Веже получили разнообразные ремесла. Следы обработки металлов в виде шлаков, окалин и различных обрезков встречались в культурном слое Белой Вежи в большом количестве. Особый интерес, однако, представляют открытые там целые мастерские, в первую очередь кузнечные. В одной из них, сохранившейся лучше других, удалось проследить плетневые стены помещения кузницы, а внутри ее остатки горна с поддувалом в виде канала в глиняной обмазке. Тут же обнаружено обугленное деревянное корыто, в котором кузнец охлаждал свои поковки. В углу кузницы находилась груда криц — лепешек выплавленного сыродутным способом железа, заготовленного для переработки. Найдены и некоторые кузнечные инструменты, в том числе большие клещи.

Нет никакого сомнения, что в кузницах, подобных описанной, изготовлялись всевозможные железные вещи как хозяйственного, так и бытового назначения: железные части земледельческих орудий, косы, серпы, топоры, ножи, ножницы, разнообразные замки и т. п., оружие в виде наконечников копий и стрел, сабель и т. д., а также предметы конского снаряжения: удила, стремена, пряжки, кольца и др. Очень многие из кузнечных изделий, найденных в Белой Веже, стальные или с наваренным стальным лезвием, многие сделаны с применением пайки медью или оловом, некоторые искусно украшены медной и серебряной насечкой (рис. 45, 46).[1] Все

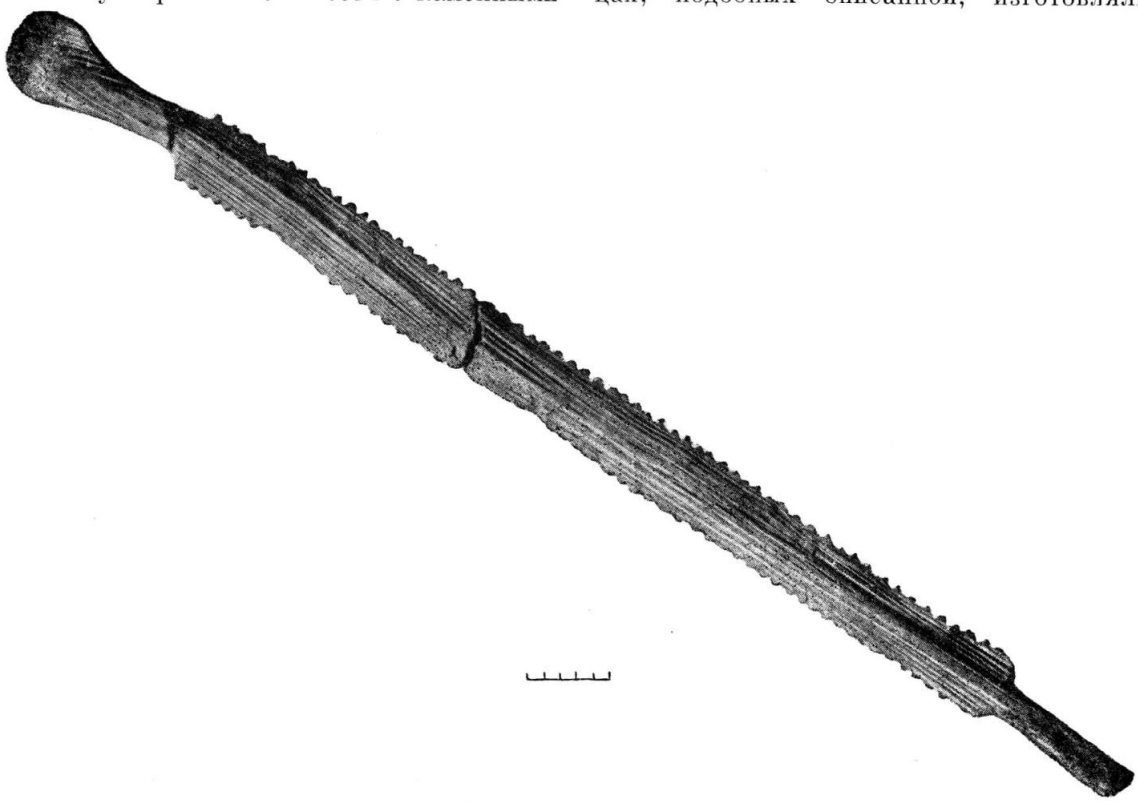


Рис. 44. Деревянное трепало.

[1] Во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции» будет помещена специальная статья С. С. Сорокина о железных изделиях Саркела—Белой Вежи.

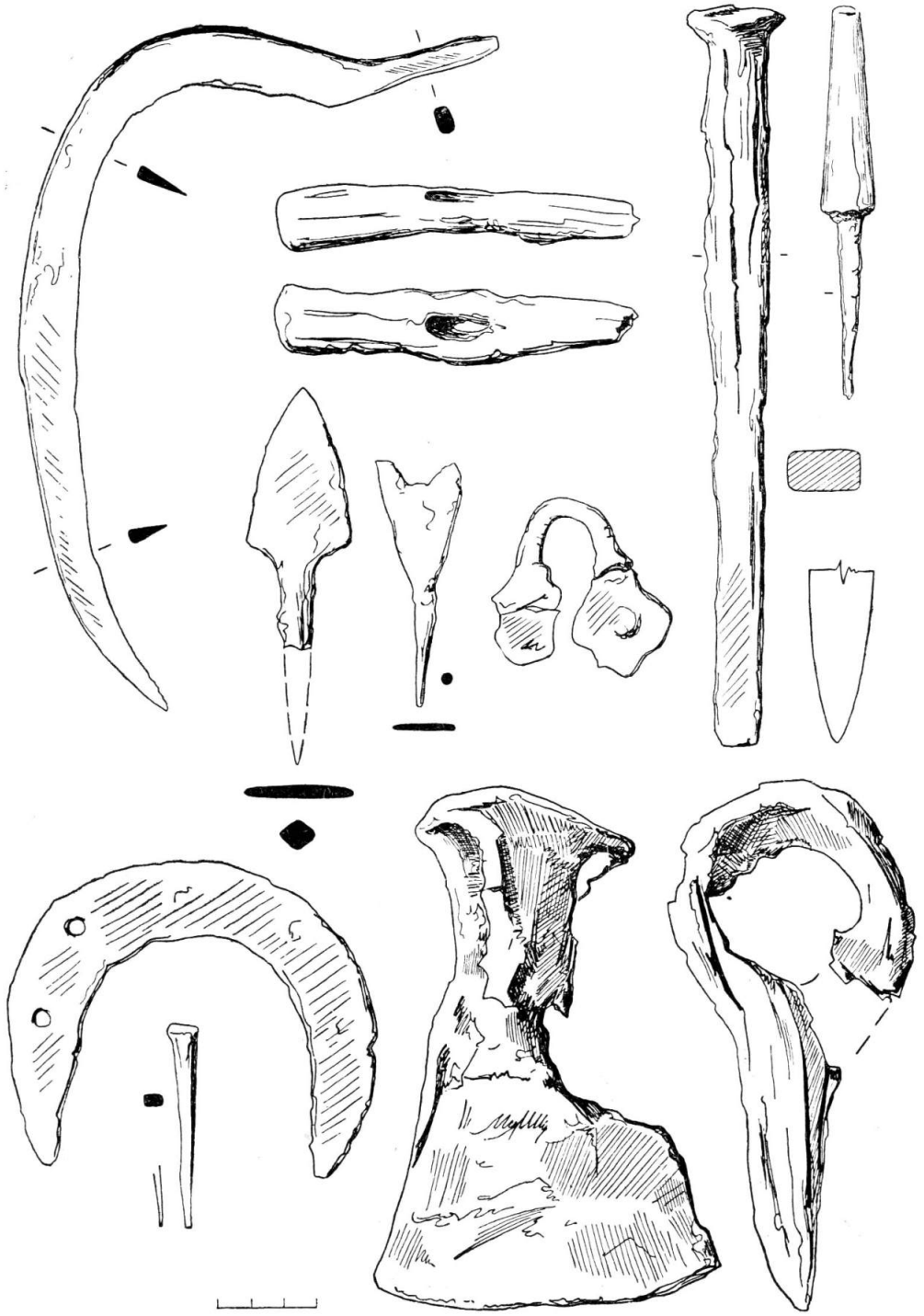


Рис. 45. Железные предметы из русского слоя.

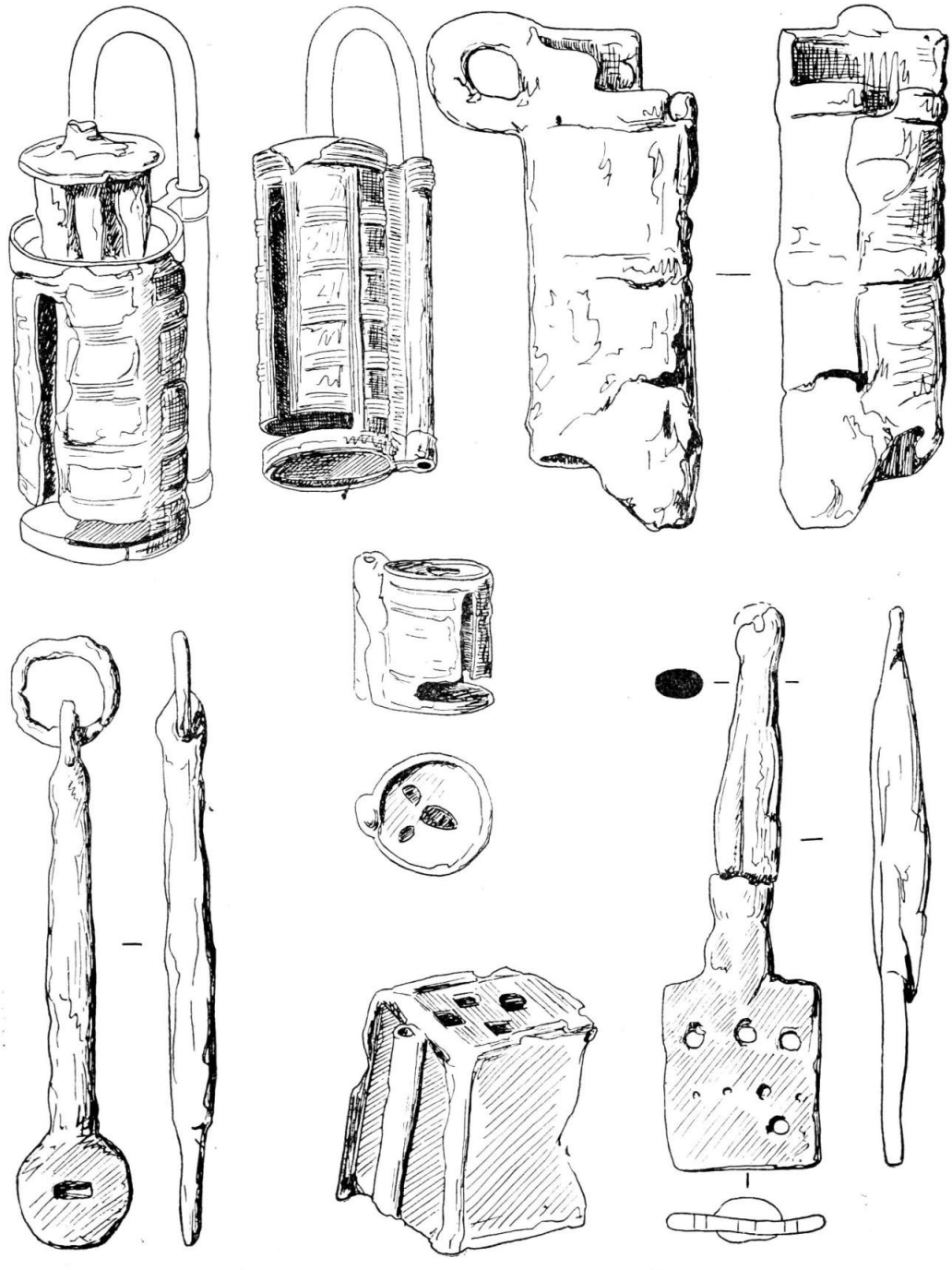


Рис. 46. Образцы замков и ключей.

Рис. 47. Литейные формочки и тигли.

эти изделия, как и продукция других ремесленных производств, вероятно, предназначались не только для населения самой Белой Вежи, но и для торговли с кочевниками окрестных степей. Особенно большую роль в производстве для торговли с последними могло играть бронзо-литейное и ювелирное ремесло. Остатки литейного производства в виде формочек для отливки разнообразных украшений, а также тигельков разной величины для плавления металла встречались в большом количестве (рис. 47). Найдены разнообразные ювелирные инструменты, как-то: маленький свинцовый молоточек, стальные пробойники и зубила, пилки, тонкие напильники, дрели и коловороты. Много также находится обрезков медных и бронзовых пластинок, полосок, проволоки и тому подобных материалов для изготовления разнообразных вещей, таких, например, как металлические сосуды, браслеты, кольца, оковки для деревянных и костяных предметов и т. п. Вероятно, к местному производству относится и большинство простейших украшений из золота и серебра, таких как височные кольца, браслеты, подвески и др., находимых и на городище, и при погребениях в могильнике (рис. 48).

Неизвестно, откуда доставлялось в Белую Вежу сырье для металлургического производства, но зато относительно красного шифера и янтаря, которые также перерабатывались в Белой Веже, можно быть уверенным в их поднепровском происхождении. Характерные для всей Киевской Руси шиферные пряслица в изобилии находились и в Белой Веже, причем здесь, кроме того, найдены куски такого же шифера, из какого они делались. Судя по этому, пряслица, а также вырезанные из шифера литейные формы могли изготовляться в самой Белой Веже. Что касается янтаря, довольно плохого качества, не балтийского происхождения, то в Белой Веже обнаружены не только многочисленные изделия из этого материала в виде бус, подвесок, крестиков и т. п., но и мастерская, где они производились. На месте мастерской собрано огромное количество обрезков янтаря, а также заготовок и производственного брака из этого материала.

Не вызывает сомнения существование в Белой Веже стекольного производства. Оно засвидетельствовано не только многочисленными находками своеобразных стеклянных браслетов, распространенных в городе, но и стекольными шлаками, кусками ошлакованных стенок от корытообразных вместилищ для плавления стекольной массы и, наконец, сгустками стекла, взятыми для пробы. Из стекла изготовлялись разнообразные, различной расцветки браслеты, кольца и, вероятно, пастовые бусы.

Широкое применение для различных поделок имели рога и кости разных животных. Особенно много встречалось рогов оленя и сайги, которые, очевидно, специально заготовлялись резчиками. По имеющимся находкам можно проследить различные стадии обработки рогов, например приготовление из них четырехгранных брусков, из которых затем нарезались кубики игральных «костей», или пластин разнообразного вида и назначения. Особенно много изготовлялось гребней, как двусторонних, так и односторонних. Последние обычно складные, с футляром, разукрашенным геометрическим орнаментом. Много различных рукояток, накладок и тому подобных изделий из кости, нередко украшенных гравированным орнаментом (рис. 49), а в изделиях кочевников даже скульптурными изображениями головок животных.

Нет возможности останавливаться на всех видах ремесленной деятельности русского населения Белой Вежи. Следует лишь отметить, что здесь производилась обработка и дерева, и камня, и кожи и, вероятно, изготовлялись не только ткани из льна и шерсти, но и различные вещи из них. Образцы продукции из всех этих материалов найдены при раскопках. Из них можно отметить обугленные фрагменты точеных и резных деревянных изделий, донышки от ведерок и туесков, остатки плетеных корзинок, ротационные жернова, круглые точила с четырехугольным отверстием для насаживания на ось, многочисленные и разнообразные оселки, фрагменты ремней и подошвы от обуви, куски холщевых и шерстяных тканей.

Как уже отмечалось, русское население явилось в Белую Вежу с навыками изготовления посуды налепом от руки. Гончарного круга оно еще не применяло. Однако вскоре появляется русская керамика, сделанная на гончарном круге. О существовании гончарных мастерских свидетельствуют найденные в русском слое Белой Вежи остатки нескольких гончарных печей.

Рис. 48. Серебряные и бронзовые украшения.

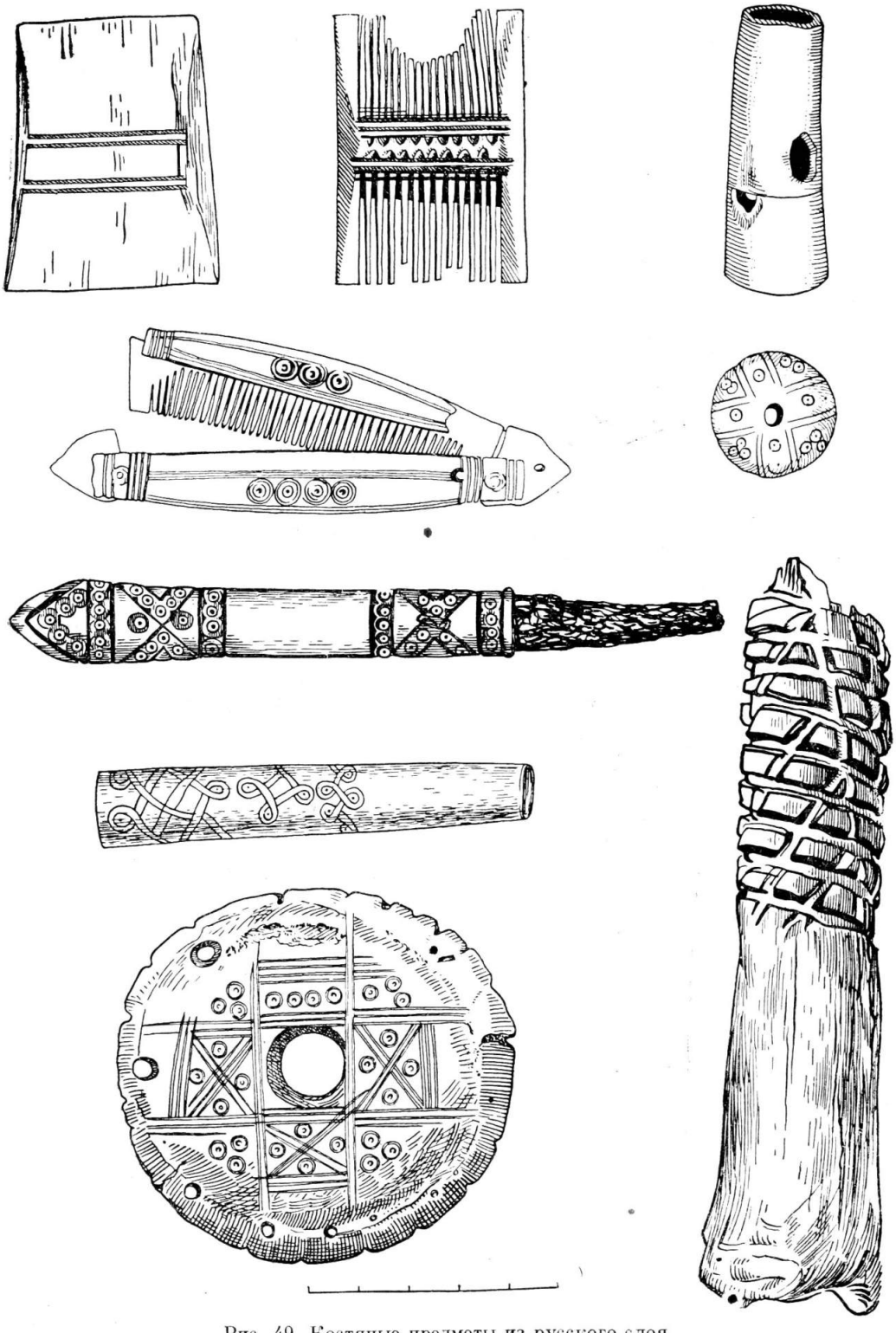
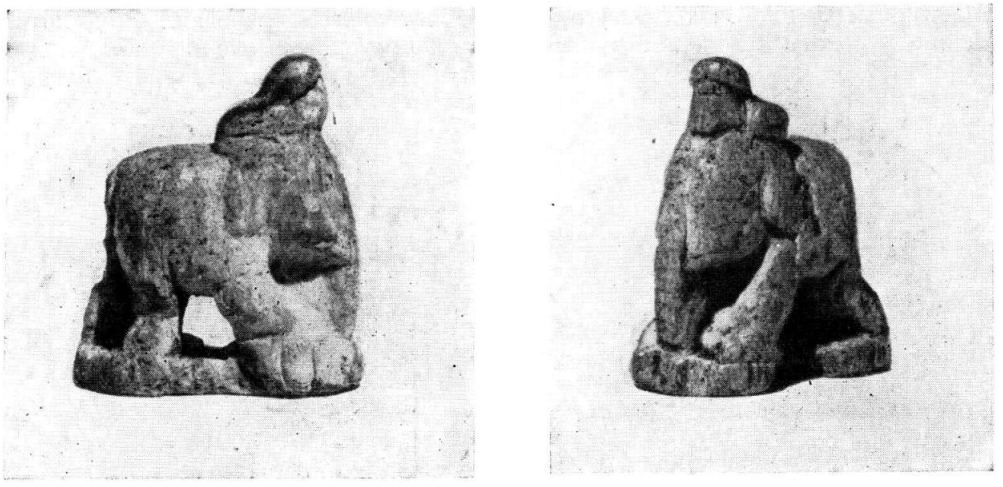


Рис. 49. Костяные предметы из русского слоя.

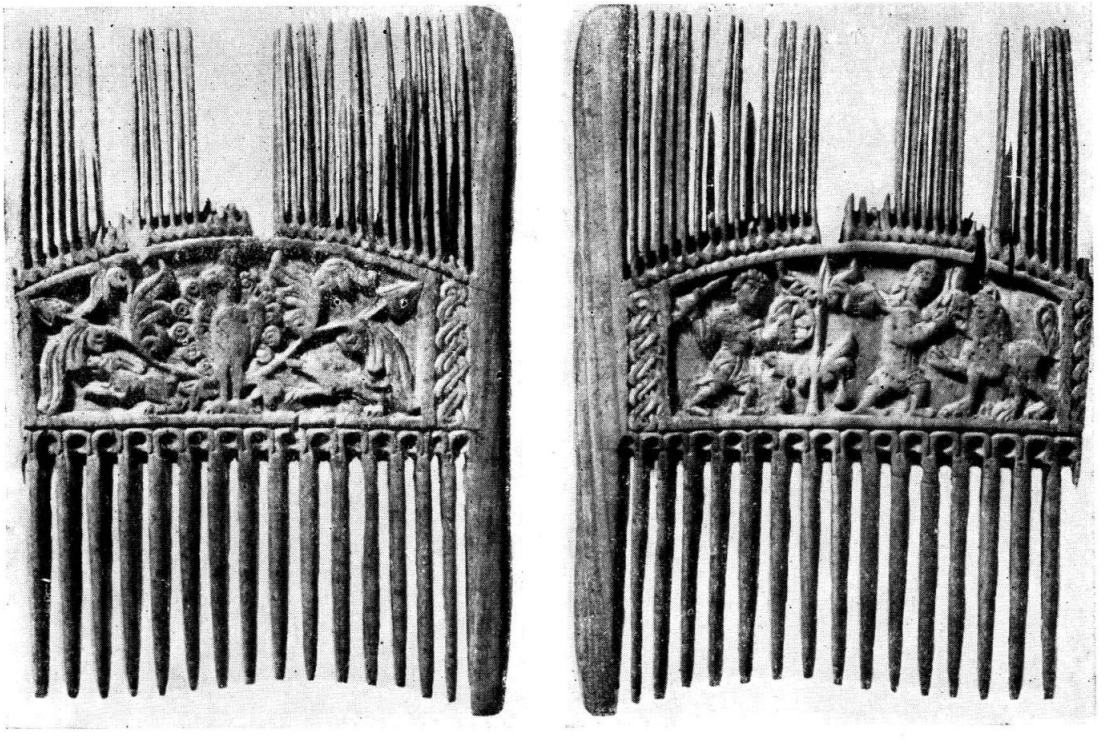
Наряду с посудой местного ремесленного производства в довольно большом количестве находились привозные керамические изделия, преимущественно крымского или таманского происхождения. Это узкие высокие кувшины с горлом в виде раструба и с плоскими лентовидными ручками, встречавшиеся здесь и в хазарское время, горшки из глины, такого же, как и кувшины, качества и той же техники изготовления, амфоры с высокими ручками, красноглиняные кувшинчики с орнаментом, нанесенным белой краской, сосуды с поливой и др.

Из внешних связей беловежцев наиболее тесными были, конечно, связи с Киевом. Об этом свидетельствует весь облик культуры Белой Вежи и наличие в ней вещей собственно киевского происхождения (монеты, кресты, в том числе с изображениями Бориса и Глеба, ювелирные изделия и т. п.). Другое направление постоянных связей вело вниз по Дону в русскую Тмуторокань, с которой Белая Вежа, вероятно, была соединена и в политическом отношении. Едва ли не через Тмуторокань проникали в Белую Вежу византийские монеты (в частности, херсонесские) и некоторые предметы, а также немногие вещи кавказского происхождения. Путь на Волгу и далее на восток, в Среднюю Азию и Иран, прослеживается очень слабо. По всей вероятности, в XI в. он уже не представлял для Руси того значения, которое

Рис. 50. Кувшин и амфора.



1



2

Рис. 51. Предметы из слоновой кости.

1 — шахматная фигурка слона; *2* — гребень.

вызвало восточный поход Святослава и самое появление русского населения в Белой Веже.

Рис. 52. Костяной кружок со знаком Святослава.

Из отдельных уникальных находок в Белой Веже следует отметить, во-первых, замечательный, высокохудожественный гребень из слоновой кости, украшенный рельефными изображениями (рис. 51, 2). На одной стороне его изображен павлин с расходящимися от него в стороны стилизованными растительными побегами, под которыми по нижнему краю очень живо представлены заяц и преследующая его собака. На другой стороне по бокам стилизованного дерева изображены человек, борющийся со львом, и воин с мечом и щитом, спешащий к нему на помощь. Прекрасная работа и стилистические признаки изображений не оставляют сомнений в византийском, хотя, вероятно, и не константинопольском, происхождении

Рис. 53. Фрагмент скульптурного изображения музыканта.

цом, а с другого заканчивающимся заклепкой. Это кистень, подвешивавшийся на ремень и являвшийся грозным оружием. Такие кистени, как костяные, иногда со свинцовой заливкой в середине, так и металлические (бронзовые и железные), в большом числе найдены в Белой Веже. Возможно, что те из них, которые отличаются небольшой величиной, могли употребляться в качестве боласов. Описанный кистень замечателен наличием на его поверхности пяти врезанных по кости знаков собственности (тамг) хана, характерного для великокняжеских знаков этого рода. По-видимому, этот предмет последовательно принадлежал пяти владельцам, которые и обозначали на нем его принадлежность (рис. 55). В том же отношении замечателен костяной кружок 10 см диаметром, украшенный с одной стороны геометрическим орнаментом типа розетки, а с другой вписанным в орнаментальный ободок знаком, близко сходным с так называемыми знаками Рюриковичей и притом с наиболее ранними из них (рис. 52). Может быть, костяной кружок с этим знаком был своего рода удостоверением, которым снабжались княжеские люди для доказательства предоставленных им полномочий, или даже печатью.

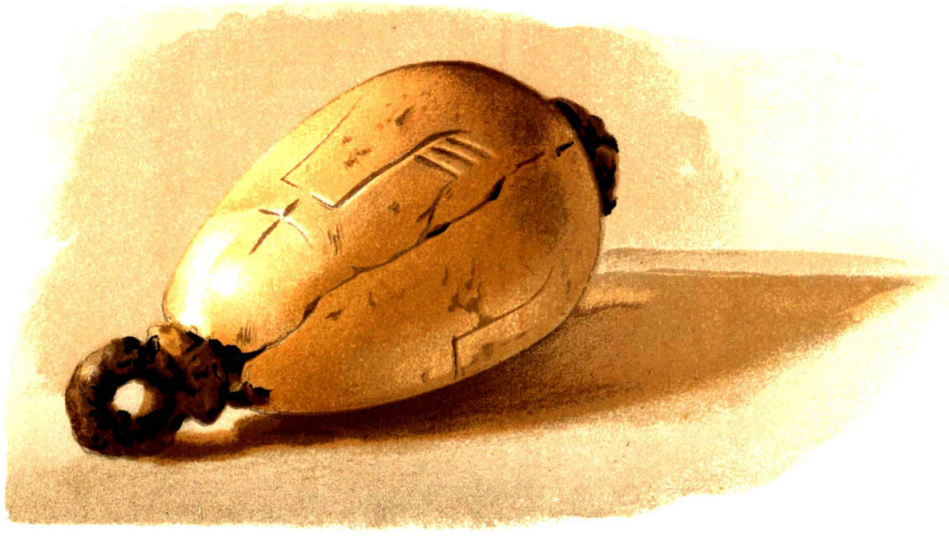
Интересен фрагмент керамической скульптуры, представляющий музыкальный инструмент вроде гуслей и человеческую руку, к сожалению, недостаточный для суждения о сюжете изображения в целом (рис. 53).

Заслуживает внимания обилие на вещах, особенно на глиняных сосудах из Белой Вежи, разнообразных знаков, а также букв и даже надписей (рис. 54). Так, на одной костяной рукоятке, вероятно от нагайки, вырезана монограмма из трех переплетенных между собой букв. На черепках одного сосуда оказалась шестистрочная надпись, на другом сосуде надпись вписана в геометрическую фигуру и имеет вид криптограммы. Большинство букв и надписей, по-видимому, греческие, так как среди них не встречается букв специально русского алфавита. К сожалению, вследствие сильной фрагментированности ни одну из надписей до сих пор прочесть не удалось.

12. ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Из погребений салтовской культуры, кроме указанных выше захоронений в жилищах и круглых ямах, вблизи Саркела обнаружено только одно. Оно находилось за крепостной стеной возле западной башни вместе с многочисленными погребениями русского времени. Скелет лежал в грунтовой яме на спине и был ориентирован головой на восток, тогда как другие погребения были направлены головой на запад. Вместе со скелетом найдены нож, топор с выступающим обушком и сделанный на круге горшок с поверхностью, покрытой горизонтальными бороздками, — вещи, типичные для салтовской культуры. Известно, что погребения этой культуры устраивались на склонах холмов в обыкновенных земляных могилах или, чаще, в подземных камерах (катакомбах). Наружных признаков такие могилы не имеют и отыскание их — дело случая.

Другая этническая группа населения Саркела, занимавшая цитадель, хоронила своих покойников под курганными насыпями. Курганный могильник располагался с юго-восточной стороны городища и содержал до сотни небольших, не превышавших 1 м в высоту насыпей; большинство их возвышалось над окружающей местностью не более чем на 0.20—0.25 м. Обычно под такими курганами находилось по одной ямной могиле и лишь в редких случаях попадались курганы с двумя могилами. Со многими из погребенных сбоку, несколько выше скелета, оказывались части коня; во рту конского черепа находились одночленные удила, а посредине между конечностями лошади — стремена, пряжки и кольца от седла (рис. 56). Среди погребенных были и мужчины и женщины; черепа, особенно мужчин, иногда носят явно выраженные признаки монголоидности. Покойников хоронили в деревянных гробах, от которых по большей части сохранились только железные кованые гвозди. При мужских скелетах обычно находилось оружие в виде наконечников стрел, костяных накладок на лук, пластинок для подвешивания колчанов и, более редко, длинных однолезвийных сабель в виде палаша (так называемый кончар). В одном случае в могиле сохранился берестяной колчан цилиндрической формы.



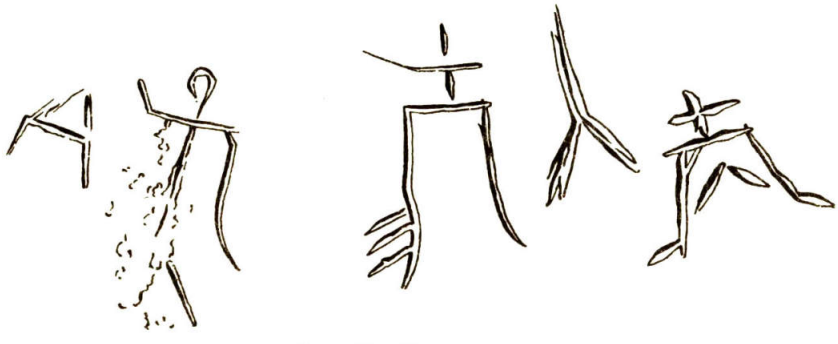


Рис. 55. Кистень со знаками.

Из украшений встречены золотые и серебряные височные кольца с биконической напущенной бусиной, серебряные браслеты, как витые, так и пластинчатые, пуговки, бубенчики и т. п. (рис. 57). Нередко находились железные кресала с кремнем и ножи. Хотя посуда в могилах, как правило, отсутствовала, в засыпи одной из них найден маленький лепной горшочек, сходный с керамикой, характерной для цитадели Саркела, что наряду с полным тождеством других вещей из городища с находками в могильнике свидетельствует о принадлежности погребений под курганами гарнизону крепости.

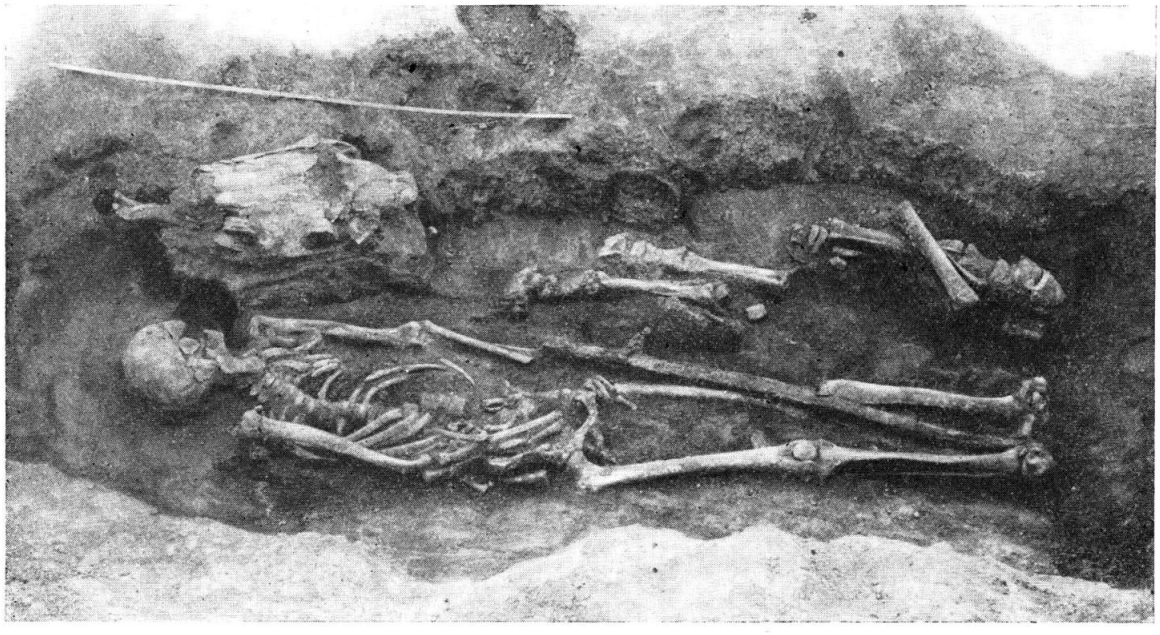


Рис. 56. Кочевническое погребение.

Погребения в курганном могильнике относятся к IX—XI вв. и по своему характеру примыкают к многочисленным погребениям кочевого населения южнорусских степей того же времени. Сохраняя неизменными свои этнографические признаки, погребения близ Саркела—Белой Вежи могут принадлежать только одной какой-то группе кочевников, связанной единством племенной принадлежности. Эта кочевая группа не могла быть половецкой, так как половцы появляются в степях к западу от Волги не ранее середины XI в. К тому же погребальный обряд половцев отличается от характерного для кочевников Саркела—Белой Вежи. Едва ли могут быть беловежские кочевники и печенегами, так как кочевья последних сосредоточивались близ Днепра, да и отношения как хазар, так и руси с печенегами были настолько враждебными, что длительное пребывание печенежской группы в Саркеле—Белой Веже является маловероятным. Скорее всего кочевниками, входившими в состав гарнизона Саркела—Белой Вежи, были гузы—торки, признаки погребального обряда которых, равно как и формы некоторых вещей (одночленные удила, сабля-кончар), совпадают с характерными для курганного могильника Саркела—Белой Вежи.[1] Известно, что гузы были восточными соседями хазар и то подчинялись последним, то воевали с ними. О союзнических отношениях гузов с русью имеются вполне определенные сведения. Арабские писатели Ибн-Мисхавейх и Ибн-ал-Асир сообщают о нападении торок—гузов на хазар в 965 г.[2] Можно думать,

[1] Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 45—49.

[2] Тарих ал-Камил Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, стр. 107; D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars, стр. 244.

что это нападение находилось в связи с восточным походом Святослава,[1] что гузы, следовательно, были союзниками руси в борьбе с хазарами. Это тем более вероятно, что несколько позже, в 985 г., Владимир, сын Святослава, в походе против волжских болгар и хазар, пытаясь удержать завоевания своего отца на Востоке, действовал в союзе с торками—гузами.[2] Нет ничего невероятного в том, что отряд гузов, находившийся на службе у хазар в качестве гарнизона Саркела, был оставлен Святославом в завоеванной им хазарской крепости на Дону и в дальнейшем жил в Белой Веже вместе с русскими.

[1] W. Bartold. Khazar. Encyclopédie de l'Islam. Livraison 32 bis, Paris, 1908, стр. 990—992.
[2] Повесть временных лет, ч. I, стр. 59.

Следует отметить, что памятники гузов и печенегов в настоящее время еще не различаются между собой и что изложенное выше предположение о гузах, находившихся на службе Хазарии, а затем Руси, археологически не может быть доказано убедительным образом. Выбор между ними тем более затруднителен, что и те и другие засвидетельствованы на Дону сообщением русской летописи о жестокой сече между половцами, с одной стороны, и печенегами и гузами — с другой, продолжавшейся два дня и две ночи на этой реке в 1116 г., после чего побежденные торки и печенеги бежали в Русь.[1]

При рытье канав на огородах, располагавшихся на территории внешнего двора

[1] Повесть временных лет, ч. I, стр. 201.

Рис. 57. Инвентарь из кочевнического погребения.

городища, жители соседнего хутора Попова часто встречали человеческие скелеты. Скелеты обнаруживались и в больших курганообразных насыпях, тянущихся вдоль рва городища с наружной стороны. Эти насыпи в первую очередь и привлекли к себе внимание экспедиции как возможные погребальные сооружения обычного для древней Руси курганного типа. За годы исследований Саркела—Белой Вежи было раскопано пять насыпей этого рода. Особенно детальному исследованию была подвергнута группа насыпей в восточном конце образованного ими ряда. Находившиеся здесь четыре большие насыпи, соединенные друг с другом основаниями, имели каждая в отдельности удлиненно-овальные очертания и достигали в высоту около 3.5 м при длине 50 м и ширине около 25 м. Две из них, крайние с запада, оказались тесно заполнены погребениями, впущенными в насыпь и расположенными только в ее верхней части, не глубже 1.5 м от поверхности. На склонах и у подошвы насыпей могилы врезались в материк на глубину, соответствующую высоте насыпи в каждом данном месте, т. е. тем глубже, чем насыпь ниже (рис. 58). Все могилы ориентированы с востока на запад и расположены довольно правильными рядами, лишь приблизительно соответствующими длинной оси насыпей.

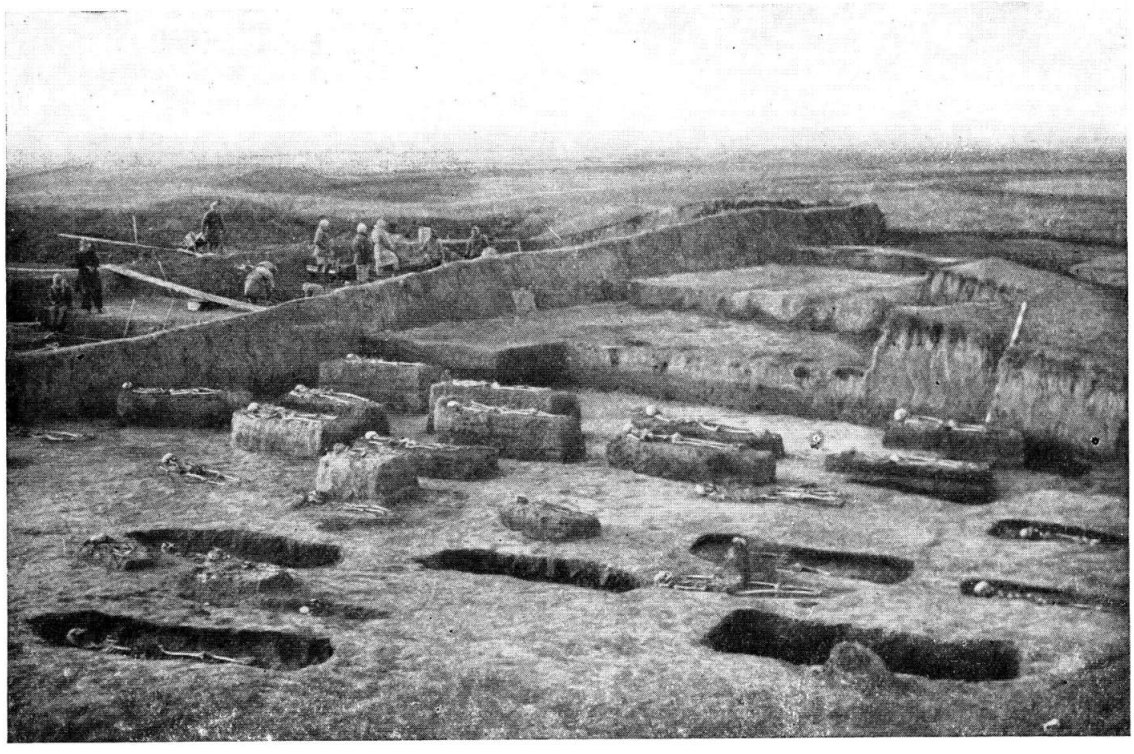


Рис. 58. Общий вид погребений в насыпи у восточного конца рва.

Количество погребений в насыпях весьма различное. В то время как насыпь, раскопанная в 1935—1936 гг., содержала более 230 погребений, а соседняя с ней, раскопанная в 1949—1950 гг., — 163 погребения, в последней насыпи той же группы обнаружено всего 55 захоронений. По всем данным, эти насыпи не сделаны специально для погребений, а тем более они не подсыпались в процессе использования в качестве кладбища. Они образовались в виде отвалов земли, вынутой при сооружении наружного рва городища, т. е. еще в хазарское время, и были использованы населением Белой Вежи под свои кладбища как подходящие для этой цели возвышенности в соответствии и с позже сохранившимся обы-

чаем устраивать кладбища на холмах. Это, по всей вероятности, пережиток распространенного в более раннее время обыкновения сооружать над могилами земляные курганы. Наряду с указанными насыпями население Белой Вежи использовало для своих погребений оборонительный вал горо-

Рис. 59. Двойное захоронение.

дища, а кроме того, множество погребений было помещено на площади внешнего двора городища, в особенности возле кирпичной крепости между юго-западной оборонительной стеной и рвом вдоль нее. Здесь открыты сотни погребений, расположенных, как и в насыпях, рядами и ориентированных с запада на восток.

Всего в бескурганном могильнике Белой Вежи было открыто около 750 погребений, но несомненно бо́льшая часть его осталась нераскопанной. Если учесть, что могильник этот создавался менее чем полтораста лет и что средняя продолжительность человеческой жизни у беловежцев не была значительной, о чем свидетельствует большое число детских погребений (до 50%), то нетрудно составить себе некоторое, конечно, приблизительное, представление об общей численности населения города. Можно думать, что в нем одновременно проживало около 1000 человек обоего пола и всех возрастов. Это заключение подтверждается и расчетом количества жилищ, которое могло одновременно помещаться на площади городища. Следует отметить, что 1000 человек населения для средневекового, к тому же захолустного города — очень большая цифра. Едва ли многие другие древнерусские города достигали, а тем более превосходили Белую Вежу по численности своего населения.

Таким образом, кладбище Белой Вежи было бескурганным рядовым могильником, что существенным образом отличает его от обычных для X—XI вв. во всей древней Руси захоронений под курганами. Традиция курганного погребения здесь частично проявляется только в стремлении устраивать погребения на возвышенностях — в городищенском валу и в насыпях. Однако по своему характеру погребения здесь не имеют ничего общего с типичными курганными погребениями. Могилы располагаются близко одна возле другой, рядами. Замечательно, что, несмотря на тесноту захоронений, имеется сравнительно немного случаев повреждения одной могилой другой. Принимая во внимание к тому же наличие двукратных захоронений в одной и той же могиле и даже в одном гробу, о чем речь будет ниже, можно не сомневаться в том, что каждая могила с поверхности была обозначена каким-то сооружением. Возможно, что это были небольшие могильные насыпи, подобные современным, сгладившиеся в последующее время, но хорошо видные в период жизни города и пользования кладбищем. Могли быть и надмогильные памятники. На кладбище вблизи крепостной стены найден каменный крест с расширяющимися концами, грубо высеченный из известняка. Такого рода кресты, не только каменные, но и деревянные, могли ставиться над могилами.

Нательные металлические, каменные или янтарные крестики довольно редко встречаются при погребениях. Тем не менее

Рис. 60. Инвентарь из детского и женского погребений.

в общем погребения носят признаки христианской обрядности. О распространенности христианства среди беловежцев свидетельствуют находки и в самом городище. В русском слое найдены не только нательные крестики, но и энколпионы и подвесные медные иконки. Фигура креста, довольно часто встречается выцарапанной на керамике; на блоке мергеля, найденном над могилой возле речных ворот. был вырезан крест.

Покойники погребались в деревянных гробах, выдолбленных из куска дерева или сколоченных из досок. Остатки гробов иногда находились в такой сохранности, что можно было уловить их формы. Наряду с гробами с плоскими крышками встречались гробы с двускатным перекрытием. Доски гробов нередко сколачивались железными коваными гвоздями с широкими шляпками. В редких случаях — и то только на кладбище возле крепостной стены — гробы, главным образом для детских погребений, делались из кирпичей, причем стенки их составлялись из вертикально поставленных экземпляров. Покойники в гробах находились на какой-то подстилке. Они, как правило, лежали на спине с лицом, обращенным к востоку, руки обычно сложены на груди или на животе и реже вытянуты вдоль туловища.

Сравнительно часто встречались двойные захоронения в одном гробу (рис. 59). О том, что здесь мы имеем дело с разновременными захоронениями, вполне ясно свидетельствует разная степень сохранности скелетов. Кости первого покойника обычно находились сдвинутыми к одному краю гроба или даже сгруженными в его конец, скелет же второго погребения оказывался лежащим в полном порядке. Трудно сказать, чем вызывался странный обычай двойного погребения в одном гробу. Второе погребение обычно происходило по истечении времени, достаточного для разложения трупа первого. Сочетание в одном гробу мужского и женского скелетов, что могло бы указывать на захоронение мужа и жены, вовсе не является постоянным и единственным видом совместных погребений. Сочетания покойников встречаются самые разнообразные. Вероятно, в одном гробу хоронили все же близких родственников. Возможно, в этом обычае проявилась традиция последовательных погребений близких родственников в одной могиле (катакомбе), свойственная носителям салтовской культуры, частично ассимилированным русским населением Белой Вежи.

Специального погребального инвентаря в могилах не было. Нет ни горшков с пищей, ни оружия, ни орудий, какие встречаются в русских курганных погребениях. При скелетах находились только такие принадлежности одежды и украшения, которые при жизни носили погребенные. Вследствие этого при мужских скелетах какие-либо находки встречались крайне редко. Только в одном случае найдены бляшки от наборного пояса и железный нож с деревянной заполированной рукояткой. При мужчинах иногда находилась одна серьга, очевидно носившаяся в левом ухе, еще реже — металлические пуговки от рубахи. При женских и особенно детских скелетах вещи обнаруживались значительно чаще. Это обычно разнообразные украшения: височные кольца, нередко золотые, иногда с напущенными на них бусинами, металлические и стеклянные браслеты и кольца на пальцах, ожерелья из разнообразных бус — сердоликовых, хрустальных, пастовых, янтарных и т. п., а также из всевозможных подвесок, куда входят и крестики (рис. 60). Если учесть ограниченность в составе инвентаря, то следует признать, что у части погребений он отличался значительным богатством. Особенно следует отметить довольно многочисленные золотые височные кольца, которые в русских погребениях других областей встречаются очень редко. Нарядностью и богатством отличаются и ожерелья. Найденные на костях остатки тканей свидетельствуют, что беловежцы одевались не только в холщевые и шерстяные ткани, но носили шелк и парчу.

Погребения в бескурганном могильнике Белой Вежи датируются X—XI вв. Они, следовательно, соответствуют русскому периоду жизни этого города, когда основным элементом в составе его населения, не столько, может быть, по своему количеству, сколько по значению, стали славяне, русские, подчинившие своему культурному влиянию остатки населения хазарского Саркела и интенсивно смешивавшиеся с ним. Антропологические исследования многочисленных скелетов из бескурганного могильника Белой Вежи рисуют яркую картину смешения различных физических типов или

рас. Наряду с длинноголовыми славянскими индивидами здесь много короткоголовых с черепами зливкинского типа, встречаются черепа с более или менее выраженными чертами монголоидности, имеются различные виды и степени расовой метисации.

Бескурганный могильник, таким образом, полностью подтверждает заключение, сделанное по материалам русского слоя городища. Остатки населения Саркела с салтовской культурой очень быстро растворились в русской среде, от которой по образу жизни они существенно не отличались. Их привнесения в русскую культуру Белой Вежи оказались незначительными, хотя за их счет, по-видимому, необходимо отнести некоторые особенности погребального обряда, как, например, рядовое расположение могил и двукратное захоронение в одном гробу. Значительно более устойчивыми в этническом отношении оказались тюрки-кочевники. Несмотря на общность в образе жизни и на тесные связи с остальным населением города, они долго сохраняли свои этнографические особенности.

Кроме длительного бытования кочевнического обряда подкурганного погребения с конем, об этом дают возможность судить и некоторые замечательные погребения в бескурганном могильнике. За пределами городища в курганообразных насыпях среди обычных русских погребений встречены захоронения по кочевническому обряду. Это погребения, в которых вместе с человеческим скелетом находятся части верхового коня или только принадлежности конского снаряжения в виде железных стремян от седла. Как и в курганных могилах, остатки коня ограничиваются черепом и костями конечностей; судя по их расположению в могиле, можно думать, что с покойником клался не целый конь, а его шкура, может быть, даже набитая травой. Замечательно, что все обнаруженные в русском могильнике погребения этого рода были женскими, за исключением одного, половая принадлежность которого не выяснена. При одной из погребенных оказались электровая гривна, такие же браслеты и серебряная, скрученная спиралью, толстая полоска, суживающаяся к концу. Эта полоска лежала возле кисти правой руки скелета и, очевидно, была вплетена в ременную нагайку — камчу, какими обычно пользуются кочевники. При всем том физический тип погребенных по кочевническому обряду в беловежском кладбище только в последнем случае оказался явно монголоидным. Все остальные были обычного для беловежского могильника типа. Вследствие этого можно думать, что большинство женщин, погребенных в беловежском кладбище по кочевническому обряду, представляли собой русских женщин, находившихся замужем за кочевниками. Погребение их на русском кладбище было возможным потому, что они вместе с мужьями оставались жить в городе, в постоянной связи со своими родичами из состава беловежцев.

Характер бескурганного могильника особенно наглядно показывает, что Белая Вежа была не поселком деревенского типа, а для своего времени крупным городом с многочисленным и богатым населением. Могильник Белой Вежи носит все черты городских кладбищ, какие обнаружены возле Киева (у Десятинной церкви) и Новгорода (Нередицкий могильник), но еще плохо изучены. Городское население в X в. порвало с традициями курганных погребений с чертами языческой обрядности, которые еще долго жили у сельского населения Руси. Оно постепенно утрачивало родовые связи и племенные особенности, находившие в курганных погребениях свое яркое выражение, и создавало культуру древнерусской народности, связанной уже не столько происхождением, сколько единством территории и экономической основы.

13. БЕЛАЯ ВЕЖА И ПОЛОВЦЫ

Мы ничего не знаем о событиях, связанных с Белой Вежей после завоевания ее Святославом. Судя по археологическим данным, этот город в русское время процветал как важный центр ремесла и торговли и, по всей вероятности, был тесно связан с кочевым населением донских степей. Еще в X в. в Подонье, как и в лесостепном пограничье между Донцом и Доном, исчезла салтовская культура. Надо полагать, что появление в степях Причерноморья печенегов катастрофически отразилось на носи-

телях салтовской культуры. О судьбе последних нам ничего точно неизвестно. Возможно, что часть их вернулась к кочевому образу жизни и слилась с вторгшимися с востока ордами кочевников. В конце X—первой половине XI в. степными кочевниками Подонья могли быть печенеги и гузы, теснимые из-за Волги половцами. Вблизи Таганрога раскопан курган с погребением того же типа, что и в курганном могильнике Белой Вежи и, что самое замечательное, с такой же точно керамикой, какая характерна для кочевников Саркела—Белой Вежи. С этими кочевниками население Белой Вежи могло находиться в дружественных отношениях. Положение коренным образом изменилось во второй половине XI в., когда хозяевами южнорусских степей стали половцы.

Последний период в жизни Белой Вежи ознаменовался тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю ее населения. В верхних слоях городища встречаются сплошные пожарища и скелеты людей, погибших при разгроме города. Так, под развалинами одного дома найден обгорелый скелет женщины, на костях которого сохранились остатки тканей от одежды. В одном из кирпичных погребов оказался скелет человека, видимо смертельно раненого и пытавшегося выбраться из него. Его руки цеплялись за края погреба. В таком положении он умер и был засыпан остатками разрушения. В составе погребений в беловежском кладбище также найдено немало скелетов со следами различных ранений. Имеются скелеты с наконечниками копий и стрел, застрявших в костях, есть скелеты с перерубленными костями и со следами тяжких сабельных ран на черепе. Найдены захоронения обезглавленных и даже рассеченных на части. Все это свидетельствует о том, что жизнь беловежцев стала весьма тревожной, что враги нападали на город, разоряли его, убивали и, вероятно, захватывали в плен население. В связи с погромами, переживаемыми Белой Вежей, часть города запустела и стала заниматься под кладбище. У спуска к речным воротам найдено несколько погребений, впущенных в культурный слой городища. Часть скелетов лежала в гробах, сделанных из кирпичей. Вещей, кроме пуговиц, ни при одном скелете не было.

По всей вероятности, бедственное положение, в котором оказалась Белая Вежа, совпадает по времени с тем периодом напряженной борьбы руси с половцами, который падает на самый конец XI и начало XII в. Эта борьба не могла не отозваться на беловежцах, сохранивших живые связи с Русью и не отделявших себя от нее ни в культурном, ни тем более в политическом отношении. Белая Вежа как возникла, так и оставалась русским городом.

В 1116 г. теснимые русью половцы разгромили обитавших в Подонье печенегов и гузов и тем самым лишили Белую Вежу ее местной опоры, после чего жизнь в донской степи, в отрыве от основного массива русского народа, стала для русского населения Белой Вежи совершенно невозможной. Под 1117 г. русская летопись сообщает о переселении беловежцев на Русь. Русские должны были покинуть свой форпост на Дону, тем более что, по-видимому, около этого же времени пало под натиском половцев и другое более значительное русское поселение на юго-востоке — Тмуторокань, без которой Белая Вежа утрачивала свое значение. Русь на долгое время оказалась оттесненной от Приазовья и от тех путей на Восток, важными вехами на которых были Тмуторокань и Белая Вежа. Русские князья, правда, еще стремились некоторое время «поискать града Тмутороканя, испить шеломом Дона», вернуть наследие Святослава, но попытки их не принесли успеха. Ослабленная феодальными распрями Русь, с трудом удерживавшая на своих границах половцев, не могла противостоять новой кочевой волне — монголо-татарам. Монгольское завоевание со всеми вытекающими из него последствиями надолго отрезало Русь не только от южного моря, но и от степи. Дикое поле вновь, как во времена гуннов, надвинулось на русскую землю.

Однако жизнь в Белой Веже окончательно не прекратилась и после переселения беловежцев на Русь. На самом верху отложений городища встречены остатки сооружений из сырцовых кирпичей — самана. Это однокамерные, а порой двухкамерные прямоугольные здания, саманные стены которых выведены на фундаменте, сложенном из старых саркелских кирпичей. Такие сооружения разбросаны по всей площади городища и по своей строительной технике представляют явление, совершенно новое для Белой Вежи, которая за весь предшествующий период не знала сырца. Уже по одному этому надо полагать, что после

ухода беловежцев на развалинах города поселилось какое-то совершенно новое население. Никаких вещей, несомненно связанных с саманными постройками, кроме нескольких фрагментов сделанной на гончарном круге керамики, обнаружить не удалось. Если основываться на последних, это новое население следовало бы признать русским. Керамика представляет собой образцы характерных русских горшков XII—XIII вв. Другой примечательной чертой верхнего слоя городища является изобилие костей овцы, что говорит об овцеводстве как важнейшем виде хозяйственной деятельности строителей саманных зданий.

Если учесть, что в низовьях Дона обнаружены поселения того же времени, что и в верхнем слое Белой Вежи, также с русской керамикой и с некоторыми вещами русского типа,[1] то, может быть, имеет вероятие предположение о принадлежности всех этих поселений, с верхним слоем Белой Вежи включительно, тому смешанному русско-половецкому населению Подонья, известному в истории под именем бродников, «воевода» которых Плоскыня сыграл изменническую роль при первой встрече руси с татарами на р. Калке.

Поселение с саманными зданиями на месте Белой Вежи просуществовало недолго. В татарский период здесь уже никто не жил. На городище Белой Вежи вовсе не найдено каких-либо вещей татарского времени, хотя по соседству, у хут. Потайновского на правом берегу Дона, было поселение XIV—XV вв. Ко времени путешествия митрополита Пимена вниз по Дону в XIV в. Белая Вежа давно уже была городищем. Пимен помещает городище Серклию, т. е. Саркел—Белую Вежу, близ переволоки из Дона в Волгу, очевидно, только потому, что к его времени даже память о точном местонахождении этого города исчезла. В поисках последнего он основывался на тех же соображениях, которыми руководствовались ученые вплоть до недавнего времени, помещая Саркел на исторических картах возле наибольшего сближения Дона с Волгой, а не на его настоящем месте.

Остатки Саркела—Белой Вежи ныне находятся на дне Цимлянского моря и, несмотря на то, что значительная часть городища и могильника осталась неисследованной, они больше уже никогда не будут служить объектом археологических раскопок. Тем большее значение представляют данные об этом памятнике, полученные в результате всех проведенных в нем работ, тем более внимательного изучения они заслуживают. Все вопросы и сомнения, относящиеся к Саркелу—Белой Веже, теперь могут решаться только на основе полевой раскопочной документации и вещевого материала, собранного при раскопках. В процессе исследования эти материалы, несмотря на всю свою огромность, кажутся недостаточными; да так оно и есть в действительности, так как при раскопках невозможно учесть все аспекты, открывающиеся позже при камеральном изучении материалов. Поэтому не все данные, которые хотелось бы иметь, оказываются собранными, не все наблюдения — сделанными. Все недочеты полевых работ в обычных условиях можно восполнить новыми дополнительными раскопками. В отношении Саркела—Белой Вежи эта возможность исключена. Раскопочная проверка уже невозможна. Здесь буквально все концы спрятаны в воду.

Вот почему мы считаем себя обязанными возможно полно опубликовать не только наши общие заключения, но и материалы раскопок Саркела—Белой Вежи, памятника, историческое значение которого трудно переоценить. Если моя вводная к такой публикации статья может дать об этом некоторое представление, я буду считать цель ее достигнутой.

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 106 и сл.

И. И. Ляпушкин

ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ р. ДОНА[1]

Первое тысячелетие нашей эры, в частности вторая его половина, в археологическом отношении было и пока остается наиболее слабо изученным периодом в истории Советского Союза. Юго-Восток европейской части нашей страны в этом отношении не является исключением, пожалуй, им занимались еще меньше, чем другими районами. Между тем жизнь этого края, насколько нам известно из отрывочных письменных данных и по немногочисленным археологическим памятникам, представляет одну из наиболее сложных страниц истории молодого Киевского государства в его отношениях с Хазарским каганатом IX—X вв.

Археологические памятники этой поры в бассейне р. Дона известны давно. Они представлены двумя группами: а) поселениями и могильниками славяно-русской культуры; б) поселениями и могильниками, условно называемыми салтово-маяцкими.

В настоящей работе мы остановимся на памятниках лишь второй, салтово-маяцкой группы. Памятники славяно-русской культуры в свое время нами были освещены в специальной работе.[1]

I

Известные в настоящее время под именем салтово-маяцких средневековые археологические памятники Юго-Востока по-настоящему вошли в научный оборот и привлекли к себе внимание исследователей лишь с начала XX в., с момента открытия и исследования учителем В. А. Бабенко катакомбного могильника в с. Верхний Салтов и В. А. Городцовым ямного могильника близ хут. Зливки бывш. Изюмского уезда. Но памятники этого типа были известны в литературе и в какой-то мере даже исследовались и до открытия Салтовского и Зливкинского могильников. Мы имеем в виду: 1) Маяцкое городище и могильник близ устья р. Тихая Сосна, где уже в 1890 г. была открыта катакомбная могила с инвентарем салтовского типа;[2] 2) могильник в слободе Покровской бывш. Купянского уезда Харьковской губернии, случайно открытый крестьянами при хозяйственных работах и подвергнутый В. З. Завитневичем в 1894 г. по поручению Археологической комиссии небольшим раскопкам;[3] 3) могильник (?) у с. Воробьево бывш. Богучарского уезда Воронежской губернии, открытый при

[1] Основные положения настоящей работы доложены на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИИМК АН СССР 30 декабря 1952 г.

[1] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941.

[2] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 117; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 23/1890, лл. 28 об. и 29.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 69/1894, лл. 10—19; ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 19.

разработке каменных карьеров.[1] Не случайно после сообщения А. М. Покровского на XII Археологическом съезде о раскопках Верхне-Салтовского могильника в прениях по докладу эти памятники были отмечены Н. Е. Бранденбургом и Г. Труновым как близкие Салтову.[2] Можно указать еще ряд средневековых памятников, известных до открытия Салтовского и Зливкинского могильников, принадлежащих к тому же типу. Таковы Правобережное и Левобережное Цимлянские городища, поселения у хуторов Среднего и Карнаухова [3] и некоторые другие. Однако все они в силу слабой изученности, незнания материала и ряда других причин остались непонятыми и не привлекли к себе должного внимания.

Открытие Верхне-Салтовского катакомбного могильника и близкого ему по инвентарю Зливкинского, хорошо датированных монетными находками и вещевыми комплексами, помимо того что само по себе имело огромную научную значимость, создавало возможность по-новому взглянуть и на известные ранее, но «безликие» памятники средневековья Юго-Востока. Передовые исследователи так и подходили к этому вопросу. Большое значение открытию Салтовского могильника придавал А. А. Спицын. С этим открытием он связывал начало новой эры в изучении древностей средних веков южной России.[4]

Научная значимость Салтовского могильника была высоко оценена и на XII Археологическом съезде, где А. М. Покровским впервые во всей полноте были представлены материалы этого могильника, добытые при раскопках. По докладу А. М. Покровского было высказано пожелание о продолжении исследования Салтовского могильника и поселения, а равно и других аналогичных памятников.[5] Но это были лишь пожелания. В действительности было несколько иначе.

Ведение раскопок Салтовского могильника принял на себя учитель местной школы В. А. Бабенко. В соответствии с пожеланием съезда не ограничиваться при дальнейшем изучении только раскопками могильника, В. А. Бабенко поставил своей задачей «по возможности обследовать больший район местности, где находится могильник». В сферу своей деятельности В. А. Бабенко считал необходимым включить исследование близлежащих городищ — Салтовского, Волчанского, Белгородского и Нежегольского. «Такое обилие городищ на сравнительно небольшом пространстве, — писал он, — невольно наводит на мысль — не имел ли какой-либо связи с ними обширный Салтовский могильник?».[1] Правильно поставленная задача на первом этапе исследования не была, однако, решена. Как показывают опубликованные В. А. Бабенко материалы о произведенных им небольших работах на Волчанском и Салтовском городищах, исследование поселений оказалось ему не под силу.

Как рассматривал сам В. А. Бабенко свои раскопки поселений, не известно. Одно несомненно, что после небольших раскопок на Салтовском и Волчанском городищах к исследованию поселений он, кажется, не возвращался и всецело посвятил себя изучению Салтовского могильника. Здесь он чувствовал себя более уверенно, хотя проводимые им раскопки могильника также далеко не отвечали научным требованиям. Археологическая комиссия неоднократно предупреждала В. А. Бабенко об этом [2] и в конечном итоге в 1915 г. вынуждена была в выдаче открытого листа на производство раскопок могильника отказать, указав прямо: «. . . подробно ознакомившись с отчетами о произведенных Вами в Салтовском могильнике раскопках, Комиссия усмотрела в них недостаток научной точности».[3] За этот первый период своих работ В. А. Бабенко раскопал не одну

---

[1] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 63/1895, лл. 1, 4, 5; ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 54—55.

[2] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г. Харьков, 1902, стр. 124—128.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. Тр. IX АС, т. I, М., 1895; В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. Тр. VI АС, т. IV, Одесса, 1889.

[4] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП, нов. сер., ч. XIX, 1909, январь, стр. 72; ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[5] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г. Харьков, 1902, стр. 124—128; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 234.

[1] В. А. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 381—418.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 1, 11, 20.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 29.

сотню могил. По подсчету А. С. Федоровского, уже накануне XV Археологического съезда (к 1911 г.) им было вскрыто до 200 катакомб.[1] Около сотни могил было вскрыто за четыре последующих года (1911—1914 гг.). Сколько им было раскопано позже (после Октябрьской революции), сказать трудно, ибо не все работы, проводимые им на могильнике, находили отражение в печати.

Богатство Салтовского могильника и своеобразие обряда захоронения привлекли к нему и других исследователей. По-видимому, существенным моментом здесь было и то обстоятельство, что раскопки В. А. Бабенко не удовлетворяли научную общественность, свидетельством чего являются хотя бы поездки в 1905 г. в Верхний Салтов по заданию Археологической комиссии Н. Е. Макаренко, которому было поручено «ознакомиться с употребляемыми г. Бабенко приемами исследования, а особенно отыскивания катакомбных погребений».[2] Как известно, Н. Е. Макаренко было исследовано несколько могил и произведены небольшие работы на городище. На последнем был вскрыт лишь верхний слой, относящийся к позднему периоду жизни поселения (XVII в.). Отложения древнего периода затронуты не были, хотя в поручении Комиссии было дано прямое указание «произвести исследование местного городища в такой мере, чтобы можно было судить об его культуре».

Невыполнение задания Комиссии было связано, по-видимому, со срочным отъездом Н. Е. Макаренко из Салтова, где он не мог оставаться дольше «в видах некоторых соображений», как отмечал он в своем донесении на имя Археологической комиссии.[3]

В 1911 г. по поручению Харьковского университета могильник исследовался А. С. Федоровским, раскопавшим 11 камер.[4]

Таким образом, все внимание дореволюционных исследователей, занимавшихся изучением памятников салтово-маяцкой культуры, было сосредоточено почти исключительно на раскопках Верхне-Салтовского могильника и публикации добытых материалов. Задача выяснения места этого могильника в истории Юго-Востока была забыта. За весь период со времени открытия могильника до Октябрьской революции в бассейне р. Дона совершенно не было выявлено новых памятников, относящихся к салтово-маяцкой культуре, между тем последние, как показали работы наших дней, плотным кольцом окружали Салтов. Больше того, даже известные памятники салтовского типа были оставлены почти без внимания, на что в свое время указывал Д. Я. Самоквасов.[1] Если некоторые из этих известных памятников, как например Маяцкое городище и могильник при нем, и были подвергнуты раскопкам, изучение их велось в полном отрыве от исторической проблематики.[2]

Исключительное внимание к Салтовскому могильнику, его обряду захоронения и могильному инвентарю, изучение его в отрыве от синхроничных памятников, в первую очередь от непосредственно прилегающего к нему поселения (городища и селища), не могло не отразиться на выводах о характере салтово-маяцкой культуры и ее месте в истории Юго-Востока нашей страны. Именно это было одной из причин того, что салтово-маяцкая культура вошла в научный обиход не как целостный комплекс во всем его многообразии (определенный тип поселения, жилища, бытовой и хозяйственный инвентарь, обряд захоронения и т. д.), а лишь одной своей стороной, той, которая была связана с обрядом захоронения (могильником), т. е. преимущественно с предметами личного убранства. Последнее же приводило к тому, что вещественные остатки иного типа, принадлежащие той же салтовской культуре, относились, да и сейчас

---

[1] А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Вестн. Харьковск. истор. филолог. общ., вып. 3, Харьков, 1913, стр. 4.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, л. 2.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, лл. 2, 17 об.; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 122—144.

[4] А. С. Федоровский. 1) Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15; 2) Дневник раскопок Верхне-Салтовского могильника 18—22 сентября 1911 г. Вестн. Харьковск. истор.-филолог. общ., вып. 5, Харьков, 1914, стр. 75—84.

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 234.

[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 153 и сл.; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 1 и сл.

относятся, к другим культурам.[1] Несомненно, эти же обстоятельства были одной из причин появления как ошибочных, так и явно враждебных построений о месте салтово-маяцкой культуры и ее носителей в истории Юго-Востока нашей страны.

Памятники салтово-маяцкого типа, особенно Салтовский могильник, первое время широко интерпретировались на страницах печати. Как отмечалось выше, А. А. Спицын еще до доклада А. М. Покровского на XII Археологическом съезде о результатах первых раскопок Салтовского могильника, докладывая на основании газетных сообщений об открытии Салтовского могильника на заседании Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества (февраль 1902 г.), высказал предположение, что могильник следует связать с аланским населением.[2] Позже, в 1909 г. эта мысль была развита А. А. Спицыным в специальной статье, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения».[3] На XII Археологическом съезде Д. И. Багалей и Д. Я. Самоквасов в прениях по докладу А. М. Покровского о раскопках Салтовского могильника заявили, что данный могильник, как и близкие ему северокавказские катакомбные могильники, следует считать хазарскими. Как «казарские могилы» вошли они и в исследование Д. Я. Самоквасова «Могилы Русской земли»,[4] и в курс русской истории Д. И. Багалея.[5]

Обе эти точки зрения имели своих защитников и противников, но ни одна из них не была, да и не могла быть, в достаточной степени обоснованной фактическими данными, поскольку круг памятников, на которых строились эти выводы, был невелик, да и то, что имелось, не было подвергнуто специальному исследованию.

[1] В. А. Бабенко. Волчанское городище. Сб. Харьковск. истор.-филолог. общ., т. XVI, Харьков, 1905; А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 3; С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1949, 112—137.

[2] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[3] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 232—234.

[5] Д. И. Багалей. Русская история, ч. I. Харьков, 1909, стр. 66.

В послеоктябрьский период изучение средневековых памятников Юго-Востока (в том числе и салтово-маяцких) длительное время продолжало носить по-прежнему случайный характер. Полевые работы в основном проводились местными работниками Харьковской, Воронежской, Ростовской н/Д. областей при отсутствии единого плана. Внесенное в конце 20-х годов в Комитет полевых исследований при ГАИМК предложение о систематическом изучении памятников салтовской культуры и увязке работ между отдельными районами не было реализовано.[1]

По среднему течению Северского Донца небольшие разведочные работы вели сотрудники Изюмского и Луганского музеев. Ими были обнаружены новые средневековые (в том числе и салтово-маяцкие) памятники (Залиманье, Шейковка, Петропавловка).[2] Было возобновлено исследование Салтовского могильника. В 1920 г. его раскопки производились Харьковским музеем, а с 1921 г. исследование памятника вновь перешло в руки В. А. Бабенко. Когда были прекращены изыскания последнего, сказать трудно. Известно, что в 1926 г. он еще копал. Принимал участие он и в раскопках 1947—1948 гг.[3] Более интересной была работа Воронежского музея. Разведками, произведенными в 20-х годах, было установлено, что ряд древних поселений, известных в этой области, являются памятниками салтово-маяцкой культуры (Ольшанское и Алексеевское городища); кроме того, были обнаружены и новые памятники, относящиеся к той же культуре, — поселение и могильник у хут. Подгоровки, Урывский могильник и некоторые другие. У хут. Подгоровки были произведены небольшие раскопки.[4] В эти же годы ряд средневековых памятников был открыт

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 202/1926, л. 2 об.

[2] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 132/1925, лл. 22—25; д. № 187/1926, лл. 4 об., 5; Н. В. Сибелев. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, стр. 18.

[3] Г. І. Тесленко. Розкопи Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, Харків, 1927, стр. 353—356.

[4] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронежск. истор.-археолог. вестник, № 2, Воронеж, 1921 (отд. оттиск); Архив ИИМК, ф. ГАИМК, дела №№ 147/1927, 208/1927, 238/1926.

в бассейне нижнего течения р. Дона и по прилегающему к нему побережью Азовского моря научными сотрудниками Ростова н/Д., а также Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК, проводившей широкие систематические работы на Юго-Востоке нашей страны.[1]

В последующие, в основном в 30-е годы сначала Волго-Донская, а затем Саркелская экспедиции подвергли средневековые памятники нижнего течения р. Дона более глубокому исследованию. Наибольшее внимание было уделено комплексу археологических памятников в районе ст. Цимлянской, где, помимо больших разведочных работ, были произведены раскопки на Левобережном и Правобережном городищах. На основе этих новых материалов и пересмотра ранее добытых М. И. Артамоновым была сделана попытка освещения хозяйственной и общественной жизни населения, оставившего памятники салтово-маяцкого и близкого к нему типа, а равно пересмотра вопроса об этническом облике населения этой культуры,[2] незадолго перед тем вновь поднятого в работах Ю. В. Готье, развивавшего точку зрения А. А. Спицына.[3] Стройная, хотя и схематичная, система взглядов, развитая М. И. Артамоновым, далеко не во всех своих положениях была обоснована, а некоторые из его положений шли явно даже вразрез с источниками.[4]

В послевоенные годы в бассейне р. Дона Днепровской Левобережной экспедицией (1947—1948 гг.) и разведочным отрядом Волго-Донской экспедиции (1950—1951 гг.) был выявлен ряд новых, ранее неизвестных памятников (поселений и могильников) салтово-маяцкого типа. Общее число их более двух десятков. В эти же годы было произведено обследование и многих памятников, давно и хорошо известных в литературе (Салтовское, Маяцкое, Правобережное Цимлянское, Карнауховское и другие поселения). На территории некоторых памятников были произведены небольшие раскопочные работы (близ хут. Карнаухова, у ст. Суворовской).

Новые данные существенно пополнили наши знания как об отдельных памятниках, так и о культуре в целом. Изменились наши представления о территориальных границах размещения этих памятников в бассейне Дона. Стало очевидным, что памятники салтово-маяцкого типа в бассейне р. Дона далеко не «остров на пограничье леса и степи» и не «отзвук культуры далекого от Салтова Северного Кавказа», как это рисовалось еще недавно многим исследователям, изучавшим эту картину по немногочисленным известным им могильникам,[1] а явление более сложное. В настоящее время нам известен не один десяток памятников (поселений и могильников) этой культуры лишь в бассейне р. Дона, не говоря о прилегающих районах к юго-западу и юго-востоку от него. Они распространены не только в пограничной полосе лесостепи и степи, как это считалось до последнего времени большинством исследователей, в том числе и нами,[2] а на территории всего бассейна Дона к юго-востоку от лесостепной полосы, а также переходят далее на побережье Азовского моря,[3] в Крым,[4] на Тамань,[5] в Приазовье,[6] и, по-видимому, сливаются

---

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. Сообщения, т. II, Изд. ГАИМК, Л., 1929, стр. 60—122; М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. Изв. ГАИМК, вып. 131, 1935; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 130—165.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии.

[3] Ю. В. Готье. 1) Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 53—69; 2) Кто были обитатели Верхнего Салтова? Изв. ГАИМК, т. V, 1927.

[4] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157—165.

[1] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 65—84.

[2] М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 117—118; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164 и сл.; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани . ., стр. 232.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 48 и сл.

[4] Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 25—36; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 226—230.

[5] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 67—68; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 205 и сл.

[6] В. А. Городцов. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. В кн.: Памятники древности на Дону, кн. I. Ростов, 1940; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 202.

в одну цепь с родственными памятниками северокавказских предгорий (Чми, Балта и др.) (рис. 26).[1] В связи с этим следует напомнить, что еще недавно, касаясь географического размещения донецкой и северокавказской групп данных памятников, Ю. В. Готье писал: «Нельзя, однако, рассчитывать на то, чтобы географически оказалось возможным тесно сблизить сходные между собой северокавказскую и донецкую археологические культуры. Они разъединены громадным расстоянием — около 800 в. по прямой линии. Их нельзя связать вместе территориально. Это звенья какой-то разорванной цепи. Пытаться найти недостающие звенья бесполезно при современном состоянии наших археологических знаний». [2]

Отмечая широкое распространение известных нам памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, следует, однако, иметь в виду, что размещены они далеко не равномерно. Основная масса их известна нам в следующих четырех районах: 1) бассейн верхнего течения Северского Донца; 2) среднее и нижнее течение р. Оскола; 3) бассейн верхнего течения Дона; 4) бассейн нижнего течения Дона. При этом первые три района настолько близко подходят один к другому, что, по существу, представляют единое целое. В других районах бассейна р. Дона известны лишь единичные памятники. Они есть и по среднему течению Дона, и по среднему и нижнему течению Северского Донца, и в междуречье Дона и Донца. Безусловно, не вся территория была заселена равномерно, но отсутствие известных памятников в том или ином районе объяснять только неравномерностью заселения пока нельзя, поскольку отдельные районы остаются все еще совершенно необследованными.

Результаты полевой работы последних лет по Северскому Донцу, Осколу и Дону особенно наглядно убеждают нас в этом. До начала обследования зоны затопления Цимлянского водохранилища считалось, что памятники салтово-маяцкого типа выше ст. Цимлянской не имеют распространения. Обследования 1950—1951 гг. показали, что они есть и выше, как по течению Дона, так и по его притокам (Чир). Совершенно такую же картину мы выявили и в бассейне верхнего течения Северского Донца, выше Верхнего Салтова, и по нижнему течению р. Оскола, где памятники исследуемого типа до последних лет также не были известны. Очень мало изучено в этом плане среднее и нижнее течение Северского Донца (от Змиева и ниже), но и здесь памятники салтово-маяцкого типа (поселения и могильники) уже известны.[1] Совершенно неизученным является степной, в полном смысле этого слова, район междуречья Северский Донец—Дон, к востоку от Оскола. Однако мы не сомневаемся, что и здесь по берегам степных рек (Калитва, Айдар и др.) памятники данной культуры будут найдены.

Полевые работы последних лет не только увеличили число известных нам памятников салтово-маяцкой культуры и уточнили границы их распространения. Произведенные в эти же годы, хотя и небольшие, раскопки поселений выявили многие, до этого неизвестные стороны данной культуры, а тем самым полнее раскрыли ее содержание. Это позволило установить, что памятники, известные в литературе под именем салтово-маяцких, представляют далеко не единое целое.

II

Остатки салтово-маяцкой культуры дошли до нас в виде самых разнообразных памятников — поселений (городищ и селищ), могильников (катакомбных и ямных), случайных отдельных вещей и целых комплексов их. Самую большую группу из известных памятников составляют поселения, т. е. те памятники, содержание которых оставалось, да и сейчас еще остается, менее всего изученным. Мы знаем их в настоящее время около полусотни; они известны во всех районах бассейна р. Дона, за исключением

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 174 и сл.; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, вып. VIII, М., 1900.

[2] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 74.

[1] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II; Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной. Тр. XII АС, т. II, М., 1905, стр. 569—576; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.

степной полосы междуречья Оскол—Дон, — района, остающегося до сего времени совершенно неисследованным. По внешнему виду поселения неоднотипны. Среди них есть укрепленные (городища) и неукрепленные (селища). Последние встречаются как в комплексах с укрепленными, так и вне связи с ними, совершенно самостоятельно.

Укрепленные поселения по характеру оборонительных сооружений не были одинаковыми. Сохранившиеся остатки позволяют заключить о существовании двух типов укреплений: 1) со стенами из камней или самана, 2) с земляными валами.

Число известных укреплений первой группы количественно преобладает. Их насчитывается более полутора десятка. Территориально бóльшая часть их расположена в бассейнах верхнего течения рек Северского Донца и Дона, в пограничной полосе лесостепи и степи, но они есть и в бассейне нижнего течения Дона, хотя здесь число их значительно меньше. Поселения этого типа расположены на мысах высоких коренных берегов рек, крутые, малодоступные склоны которых являлись хорошей естественной защитой (рис. 1—3). Стены укреплений, опоясывающие поселения по всему периметру, были довольно мощны. С внешней стороны к стенам примыкал ров.

В плане укрепления имеют преимущественно трапециевидную форму, что, повидимому, обусловливалось конфигурацией площадок мысов, на которых размещались эти поселения.[1] Размеры их колеблются в среднем в пределах 150×150 м. Такой более или менее единообразный характер укрепленных поселений несомненно не случайное явление, а результат установившегося строительного приема, выработанного в процессе длительного опыта. Этот вывод довольно убедительно подтверждается материалами, добытыми нами при изучении двух укрепленных поселений — у с. Мохнач (р. Северский Донец) и дер. Доброй (р. Короча). Оба эти поселения возникли на местах укрепленных поселений (городищах) скифского времени (так называемого позднезольничного типа). Хотя в момент возникновения этих поселений земляные укрепления (валы и рвы) скифской поры имели

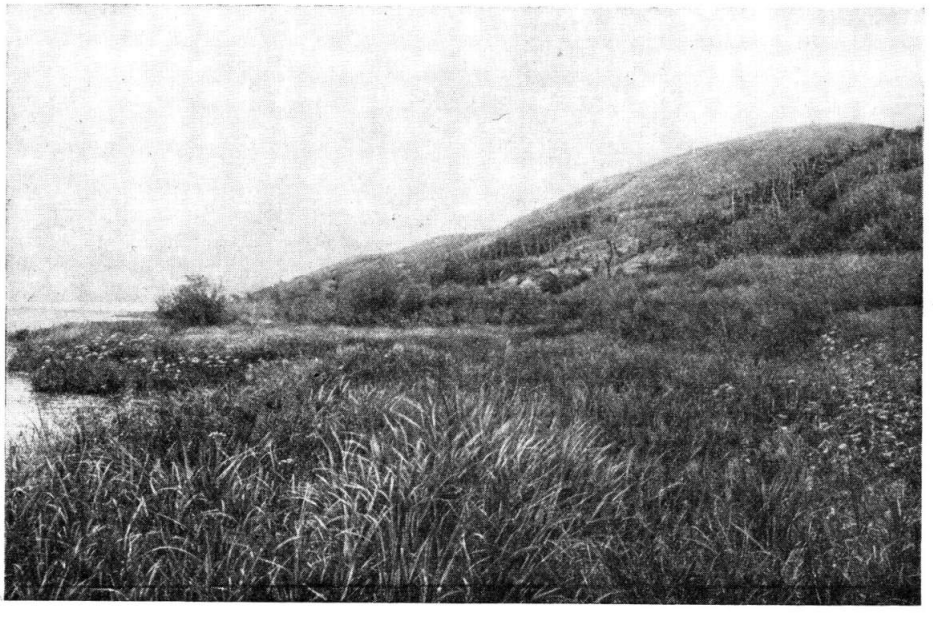


Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище. Общий вид из долины р. Дона.

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., рис. 4; С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, рис. 11.

Рис. 2. Правобережное Цимлянское городище. Общий вид со стороны плато.

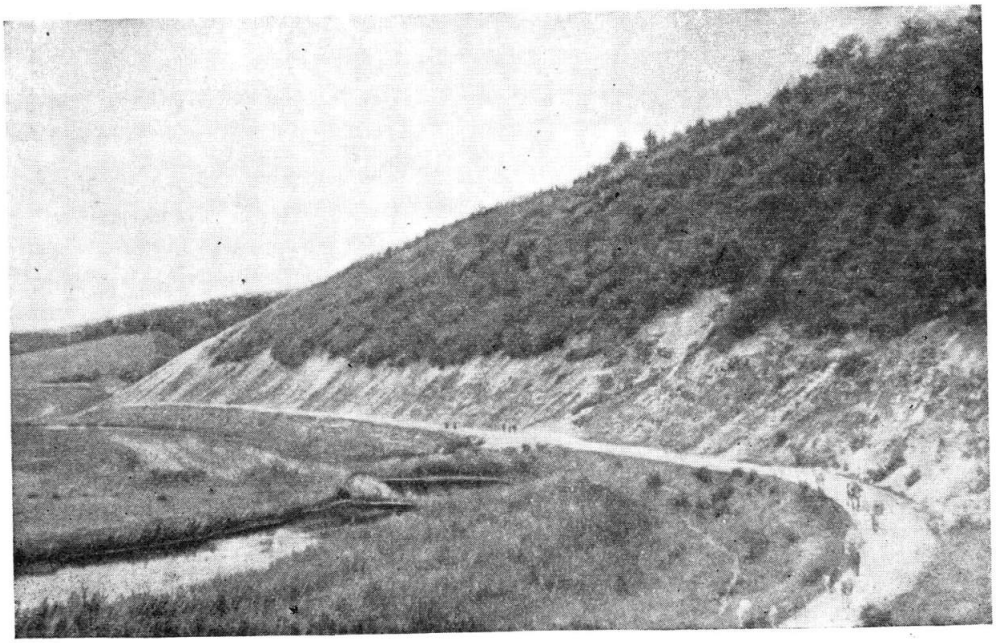


Рис. 3. Городище у дер. Доброй. Общий вид.

хорошую сохранность, подтверждением чего является их сегодняшнее состояние, и могли быть использованы в качестве оборонительных сооружений, салтовцы возводят на местах древних укрепленных поселков новые оборонительные сооружения охарактеризованного выше типа — в виде каменных стен по всему периметру. С подобным отношением к наследию прошлого мы столкнулись и при изучении укрепленных поселений ранних славян VIII—X вв. И там в тех случаях, когда планировка и система древних укреплений не отвечали формам укреплений, выработавшимся у славян, эти укрепления не использовались, а вместо них рядом же сооружались новые.[1]

Около большинства укрепленных поселений находятся неукрепленные поселки (селища). Они располагаются или непосредственно у стен укреплений (Маяцкое, Салтовское, Нежегольское и другие городища), или в некотором отдалении от них. Последнее, по-видимому, происходило при отсутствии непосредственно у стен укрепления удобной площадки для размещения поселка. Так обстояло дело, например, у Правобережного Цимлянского городища и у городища близ дер. Доброй. По размерам неукрепленные части поселений значительно превышают укрепленные части. Их протяженность измеряется не одной сотней метров, а поселок около Салтовского городища тянется более километра. Неукрепленные поселки (селища) в большинстве своем не имеют ясно выраженных наземных признаков. О их местонахождении можно судить лишь по выступающим на поверхности культурным остаткам. Чаще всего эти остатки обнаруживаются в обрезах промоин, оврагов и других естественных обнажений, а также при вспашке поверхности плугом. Лишь на немногих селищах встречаются своеобразные наземные опознавательные знаки, свидетельствующие о существовании здесь древнего поселения. Мы имеем в виду курганообразные мусорные кучи — зольники. На них подробнее мы остановимся в другом месте, здесь же только отметим, что подобные зольники были встречены нами, например, на селище у хут. Крутого близ Правобережного Цимлянского городища.

[1] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 11—18.

Состояние охарактеризованной группы памятников нельзя признать удовлетворительным. Каменные стены большей части укреплений разобраны еще в дореволюционное время. От некоторых из них сохранились валообразные груды рваных камней, перекрытые сверху землей, на месте других камни разобраны до основания. Сохранившиеся развалы понемногу разбираются в наши дни (Салтово, Маяцкое, Ольшанское городища; рис. 4). Территория многих поселений обрабатывается под посевы или же находится под жилыми и хозяйственными постройками. Пахота, бороньба и копка ям при сооружении хозяйственных построек приводят к тому, что древние культурные напластования разрушаются, а культурные остатки, попадая на поверхность, гибнут. Сильно пострадали укрепленные поселения во время Великой Отечественной войны. На многих из них были построены оборонительные сооружения: одиночные окопы, траншеи с многочисленными ходами сообщений и т. п. И все же мы убеждены, что памятники содержат в себе еще достаточно данных, способных осветить жизнь населения этих поселков, о которой мы знаем пока очень мало.

Вторая группа укрепленных поселений внешне существенно отличается от первой как по местоположению и размерам, так и по характеру оборонительных сооружений. Укрепления этой группы размещаются на широких плато надпойменных террас, примыкая непосредственно к руслам рек. Остатки их оборонительных сооружений дошли до нас в виде невысоких земляных валов и примыкающих к ним с внешней стороны неглубоких рвов. Были ли по валу какие-нибудь дополнительные сооружения, сказать невозможно. В отличие от укреплений первой группы искусственные оборонительные сооружения (валы и рвы) этих поселений охватывают площадку поселения лишь с одной, напольной стороны, но и при таких условиях длина оборонительных линий значительно превышала общую длину стен укреплений первой группы. Размеры огражденной валом площади колеблются в пределах 15—20 га, что во много раз превышает размеры укреплений первой группы. Близ укреплений располагались неукрепленные поселки. Размеры последних были еще больше, чем укрепленных частей. Число известных укреплений второй группы не-

велико. Мы знаем их пока что у хуторов Среднего и Карнаухова. К этой же группе укреплений следует отнести, по-видимому, и укрепленное поселение у ст. Каменской (Рыгинское городище) на Северском Донце, именно ту его часть, которая обнесена земляным валом.[1] К сожалению, проверить это сейчас уже нет возможности.

Сохранность укреплений второй группы, за исключением Каменского городища, значительно лучше, чем первой. Правда, валы и рвы тоже сильно пострадали, но площадки сохранились вполне удовлетворительно. На их поверхности отчетливо прослеживаются остатки разрушенных жилых и хозяйственных полуземляночных построек, а также скопления кухонных отбросов (зольников).

Несколько обособленное место среди исследуемых нами укреплений занимает поселение, возникшее на развалинах хазарской крепости Саркел. По характеру оборонительных сооружений оно выделяется из состава остальных. Это была военная крепость. Она имела мощные кирпичные стены и глубокий ров, прикрытые с напольной стороны дополнительной оборонительной линией, состоящей из земляного вала и глубокого, наполненного водой рва. Внутри крепость была застроена кирпичными зданиями. В какой мере сохранились крепостные стены, были ли они использованы салтово-маяцким населением как укрепление, установить трудно. Лишь исходя из факта размещения поселения в границах крепостных стен, можно и, по-видимому, нужно предполагать что последние сохранились настолько, что могли еще служить в качестве оборонительного сооружения. При всем своеобразии этого сооружения как крепости оно в основных своих чертах (размер — 186×125 м, планировка, наличие оборонительных стен по всему периметру укрепления) в большей или меньшей степени все же приближалось к собственно салтово-маяцким укреплениям первого типа и тем самым полностью могло отвечать требованиям, какие предъявлялись к такого рода сооружениям.

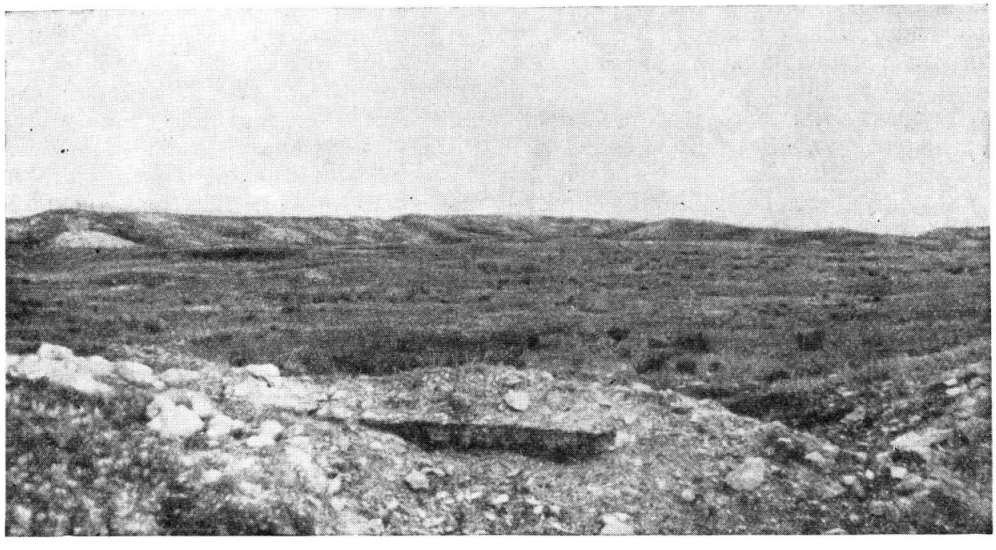


Рис. 4. Маяцкое городище. Развалы каменных стен.

Чтобы исчерпать с достаточной полнотой характеристику укрепленных поселений, необходимо остановиться еще на двух памятниках — на городище у с. Сторожевого (правый берег р. Дона) и на городище в с. Гороховатом (правый берег р. Оскола). Оба они многослойные. В Сторожевском городище в основании содержится слой скифского времени (поздне-

[1] [В. Д. Сухоруков]. Историческое описание Земли Войска Донского. Изд. 2-е, Новочеркасск, 1903, стр. VI—VIII; Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 570—572; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 51.

зольничной культуры), в Гороховатском — выше салтово-маяцкого слоя лежит позднерусский слой XVII в. Памятники были подвергнуты лишь беглому внешнему осмотру. Гороховатское городище сильно разрушено. Бóльшая часть его срезана проложенной через него дорогой и застроена жилыми и хозяйственными сооружениями. Сторожевское городище распахивается. Собранные материалы не позволяют пока что ответить на вопрос, были ли эти поселения в салтовский период их жизни укрепленными или нет.

Таковы краткие данные, характеризующие внешний облик укрепленных поселений, накопленные за три четверти века их изучения. Долгое время считалось, что для салтово-маяцкой культуры характерны поселения укрепленного типа.[1] Этот вывод был обусловлен тем обстоятельством, что специальных поисков мест древних поселений на Юго-Востоке до 1920-х годов не велось и в поле зрения археологов естественно попадали лишь те памятники, которые имели ясно выраженные наземные признаки, позволяющие легко распознавать их. Древние укрепленные поселения (городища) и являлись такими памятниками. Они с давних пор были на виду у местного населения и через него становились известными и археологам. Многие из этих городищ были отмечены в письменных источниках XVII—XVIII вв., в том числе и укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры. В частности, большая группа салтово-маяцких городищ по Северскому Донцу (Нежегольское, Салтовское, Кабаново, Мохначево и др.) упоминается в «Книге Большому Чертежу».[2]

Полевые изыскания в послеоктябрьский период показали, что среди памятников салтово-маяцкой культуры наряду с укрепленными поселениями широкое распространение имеют и неукрепленные поселки, стоящие вне связи с укрепленными. Впервые поселения этого типа были обнаружены в 1920-х годах при обследовании случайно открытых могильников салтово-маяцкой культуры у хут. Подгоровка [3] и дер. Залиманье.[4] Несколько позже, в конце 20-х—начале 30-х годов ряд неукрепленных поселений был выявлен разведками Волго-Донской экспедиции по нижнему течению р. Дона.[1] Самая же бóльшая часть их была открыта лишь в последние, послевоенные годы в результате работ Днепровской Левобережной экспедиции 1947—1948 гг.[2] в бассейне верхнего течения Северского Донца и по Осколу и разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950—1951 гг.[3] в бассейне нижнего и среднего течения Дона (зона затопления Цимлянского водохранилища). В настоящее время число известных неукрепленных поселений (селищ) значительно превышает число укрепленных. Нет сомнения в том, что и в дальнейшем увеличение числа известных поселений салтово-маяцкой культуры должно происходить в первую очередь за счет неукрепленных поселений, остающихся в силу отсутствия ясно выраженных наземных признаков в значительной своей части все еще не выявленными. Последнее замечание относится в первую очередь к районам, не подвергавшимся специальным обследованиям (нижнее и среднее течение Северского Донца, его левые притоки и т. д.). Остатки неукрепленных поселений (селища) обнаружены во всех районах Дона, где известны и другие памятники салтово-маяцкой культуры, но бóльшая часть их находится все же в степной полосе. Они расположены по берегам рек, преимущественно на надпойменных террасах и более или менее пологих склонах коренных берегов, переходящих в надпойменную террасу. В этом отношении они резко отличны от укрепленных поселений первого типа и в какой-то мере напоминают укрепления у хуторов Карнаухова и Среднего. До 1951 г. ни одно из неукрепленных поселений не подвергалось раскопкам. Их датировку и принадлежность к салтово-маяцкой культуре определяли, как и при изучении укрепленных поселений, по тем материалам, которые удавалось собрать при внешнем обследовании. В первую очередь это были керамические остатки, встречаю-

---

[1] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах, стр. 4.

[2] Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70—71.

[3] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, л. 11.

[4] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, стр. 18.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 117/1930, лл. 4—9; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 106—118.

[2] Архив ИИМК, Отчеты о работе Днепровской Левобережной экспедиции за 1947—1948 гг.

[3] Архив ИИМК, Отчеты о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции за 1950—1951 гг.

щиеся в значительном количестве на всех поселениях, а также единичные находки других предметов быта. На одном из селищ (у хут. Подгорского) обнаружены сорные кучи (зольники), совершенно такие же, как и на поселениях у хуторов Среднего, Карнаухова, Крутого. На ряде поселений этого типа были обнаружены следы полуземляночных жилищ (хут. Подгоровка,[1] ст. Суворовская).[2]

Очень трудно определить, хотя бы приближенно, размеры неукрепленных поселений, поскольку последние не имеют наземных признаков, а проследить территорию поселения по культурным отложениям — дело довольно сложное. Часто места древних поселений заняты современными постройками или обрабатываются под посевы. Иногда они просто задернованы. Однако при всей неполноте собранных исследователями данных есть основание сделать вывод, что поселения были довольно значительных размеров. Укажем, например, что культурные отложения поселения у хут. Сидорова (правый берег Северского Донца) прослеживаются на площади около 400×500 м, на поселении у ст. Суворовской (правый берег Дона) — на площади около 300×700 м, на поселении у с. Голубовки (правый берег р. Оскола) — на площади около 150×500 м, и т. д. Факты эти довольно красноречивы. Следует обратить при этом внимание на то, что перечисленные нами точки характеризуют не один какой-либо район бассейна Дона, а участки, отстоящие друг от друга на сотни километров. Весьма любопытной чертой этих поселений является то, что в подавляющей своей массе они однослойны. Изредка мы встречаем в качестве подстилающего слоя отложения эпохи бронзы.

Переходя от общей внешней характеристики поселений, как укрепленных, так и неукрепленных, к характеристике их содержания, вскрытого раскопками, мы считаем весьма уместным и даже необходимым, насколько это возможно, кратко остановиться на истории раскопок и тех задачах, которые ставились перед ними, чтобы тем самым было легче понять, что смогли они дать для понимания исследуемого нами вопроса.

Как отмечалось выше, поселения салтово-маяцкой культуры начали исследоваться еще в конце XIX в., однако длительное время они оставались и в хронологическом, и в историко-культурном отношении неопределенными, безликими. Почти все работы, проведенные на них в XIX в., были связаны с поисками Саркела, или Белой Вежи по русским летописям. Так, с этой целью в в 1883 г. были произведены В. И. Сизовым разведочные раскопки на Каменском, Семикорокорском и Левобережном Цимлянском городищах.[1] В 1885—1887 гг. с той же целью В. И. Сизовым[2] и Н. И. Веселовским[3] производились раскопки на Правобережном и Левобережном Цимлянских городищах. Недостаточно четкая методика раскопок древних поселений, небольшой объем работ, изучение памятников под узким углом зрения (поиски Саркела), а главное, плохое знание вещественного материала и в первую очередь керамики не позволили исследователям разобраться ни в памятниках в целом, ни в их деталях — характере жилищно-хозяйственных сооружений, бытовом и хозяйственном инвентаре и т. д., а тем самым и определить место этих поселений среди других памятников. Показательным в этом отношении является датировка В. И. Сизовым Правобережного Цимлянского городища XIII—XIV вв.[4] Лишь открытие и исследование в начале XX в. Салтовского могильника и связанного с ним укрепленного поселения (городища),[5] а несколько позже исследование Маяцкого городища и могильника[6]

---

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, л. 45; д. № 208/1927, л. 4 об.

[2] Архив ИИМК, Отчет о работе разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции за 1950 г.

[1] Древности, Тр. МАО, т. IX, 1885, Протоколы, стр. 59—60.

[2] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 15/1887, лл. 18—37; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. CLXXVII.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону.

[5] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 381—386; В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове». Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 408 и сл.; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. Тр. XV АС, т. I, М., 1914, стр. 464—470.

[6] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 1—43.

в какой-то мере позволили выяснить хронологию исследуемых нами поселений.

Этими же исследованиями были добыты материалы, характеризующие устройство оборонительных сооружений (стен и рвов) и некоторые стороны хозяйственной деятельности и быта населения. Так, на Маяцком поселении раскопками А. И. Милютина (1906 г.) и Н. Е. Макаренко (1908—1909 гг.) были открыты остатки жилых и хозяйственных построек.[1] Остатки какого-то полуземляночного сооружения были открыты и В. А. Бабенко при исследовании Верхне-Салтовского городища (1913 г.). С легкой руки исследователя они вошли в научный обиход как гончарная мастерская с гончарной обжигательной печью внутри нее. К сожалению, обнаруженные объекты не были надлежащим образом задокументированы ни графически, ни фотографически, неудовлетворительно сделано и описание их.[2]

Неудачно были проведены раскопки на Салтовском городище и Н. Е. Макаренко (1905 г.). Им был исследован лишь верхний, поздний слой (XVII в.), несмотря на ясно поставленную перед ним Археологической комиссией задачу произвести исследование местного, т. е. Салтовского, городища в такой мере, чтобы можно было судить об его культуре, а также «обнажить часть каменной кладки, описать ее».[3]

Таким образом, из всех раскопок, проведенных на поселениях салтово-маяцкой культуры в дореволюционное время, наиболее ценными по результатам и удовлетворительно поставленными в техническом отношении несомненно были раскопки Маяцкого городища. Материалы, добытые при этих раскопках, могли существенно дополнить представление о характере салтово-маяцкой культуры, складывавшееся на основе данных могильников. Но, к сожалению, материалы эти использованы не были.

В послеоктябрьский период раскопки поселений салтово-маяцкого типа производились лишь в одном районе — на Нижнем Дону. Бóльшая часть их (1934—1936, 1949—1952 гг.) была посвящена исследованию Левобережного Цимлянского городища — древне хазарской крепости Саркел, или Белой Вежи по русским летописям, — неоднократно уже подвергавшемуся раскопкам в конце XIX в., или же памятникам, в той или иной мере связанным с этим городищем (раскопки Правобережного Цимлянского городища в 1939 г.). Перед исследователями были поставлены задачи более широкого плана, чем изучение салтово-маяцкой культуры как таковой.

Среди огромного количества отдельных вещей, а также комплексов их, найденных при раскопках Левобережного Цимлянского городища, немалое число предметов может быть связано с салтово-маяцкой культурой. То же самое следует сказать и о жилищно-хозяйственных сооружениях. Однако большого значения этим находкам как источникам познания существа салтово-маяцкой культуры на данном этапе ее исследования придать нельзя и вот почему. Левобережное Цимлянское городище как поселение существовало сравнительно недолго (с IX по XII—XIII вв.). За этот короткий промежуток времени на территории поселения сменилось не менее трех различных групп населения, по некоторым чертам своей материальной культуры близко стоящих одна к другой.

Значительно больше для понимания салтово-маяцкой культуры дали небольшие раскопки Правобережного Цимлянского городища, хотя исследование его было подчинено тем же задачам, что и исследование Левобережного городища. Раскопками были вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек и добыт довольно богатый бытовой и хозяйственный инвентарь (большое количество глиняной посуды, орудия труда, предметы украшения и т. п.). Городище оказалось поселением с относительно коротким периодом жизни (VIII—X вв.), содержащим отложения одной культуры, но все же это был более сложный памятник, чем представлялось по данным раскопок Н. И. Веселовского и В. И. Сизова.

Раскопки Правобережного городища внесли много нового в представление о жилищно-хозяйственных сооружениях, занятиях населения, керамике и некоторых других сторонах салтово-маяцкой культуры.

Непосредственному исследованию содержания салтово-маяцкой культуры были посвящены лишь небольшие разведочные рас-

---

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 1—43.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 70/1905, л. 2.

копки поселений Карнауховского в 1950—1951 гг. (городище и селище) и Суворовского (селище) в 1951 г. Оба поселения оказались однослойными и, по-видимому, с довольно коротким сроком жизни, что придает добытым при их исследовании материалам особую ценность. Наиболее важными являются остатки жилищно-хозяйственных и производственных сооружений, позволяющие по-настоящему уяснить особенности этих строений, присущих салтово-маяцкой культуре, и вместе с тем разобраться в ранее открытых, но не понятых остатках сооружений.[1]

Из приведенного обзора раскопок салтово-маяцких поселений с полной очевидностью вытекает, что бóльшая часть их была проведена далеко не с целью изучения салтово-маяцкой культуры, а имела свои особые задачи. Это обстоятельство сильно отразилось как на выборе объектов исследования, так и на направлении раскопок. Таким образом, рассматривая раскопки со стороны поставленных перед ними задач, мы должны признать, что к исследованию салтово-маяцкой культуры как таковой они имели случайное отношение. Несмотря на все это, в результате раскопок накопился достаточный материал, без обобщения которого дальнейшее, более глубокое изучение невозможно.

Наибольший научный интерес из материалов, открытых раскопками, представляют остатки жилых и хозяйственных построек, а также сооружений производственного назначения, т. е. тех элементов материальной культуры, в которых находят свое отражение самые разнообразные стороны жизни человека.

Остатки жилых построек были обнаружены почти при всех раскопках, хотя и не всегда правильно поняты. Судя по этим данным, основным видом жилищ на поселениях салтово-маяцкой культуры являлись полуземлянки. По форме полуземлянки были двух типов — прямоугольные и округлые.

Полуземлянки первого типа, прямоугольные, дошли до нас в их нижней, углубленной в землю части, в виде прямоугольных в плане ям глубиной около 1 м. Размеры их колеблются в пределах 3—4.5×3—5 м. Устойчивости в ориентации не наблюдается. Пол материковый, хорошо утрамбованный; стены отвесные. Остатков опалубки стен из дерева или других материалов не наблюдалось ни разу. В полу некоторых жилищ встречены хозяйственные ямы-погреба. Форма их колоколовидная. В центре жилища или в одном из углов помещается очаг довольно примитивного устройства. Как правило, он открытый, по краям обложен камнями и черепками или углублен в пол. Кровля жилища покоилась, по-видимому, на столбах. Расположение столбов и их количество отчетливо прослеживаются по столбовым ямкам в полу жилища. Число столбов от 2 до 6. Характерный чертой в постановке столбов является их заделка в пазы под лицо со стенами жилища. Эти же столбы служили, по-видимому, основой каркаса стен жилища, об устройстве которых можно говорить лишь предположительно, так как никаких остатков не сохранилось. Очень мало данных для восстановления входа в жилище. Лишь в двух случаях были обнаружены входные ступеньки, вырезанные в стенах полуземлянок (жилище № 1 Карнауховского поселения и жилище № 1 Суворовского поселения).[1]

В целом полуземлянки первого типа салтово-маяцкой культуры, как видно из изложенного, очень близки одновременным с ними полуземляночным жилищам славяно-русских поселений лесостепной полосы, юго-восточная граница распространения которых вплотную примыкает к границе поселений салтово-маяцкой культуры.[2] Есть, однако, одна черта, которая резко отличает славянские полуземлянки от полуземлянок салтово-маяцких — это наличие в первых печей со сводами. Печи эти бывают или глинобитными, или каменными. Как правило, они сооружались в одном из углов жилища. Эта черта славянских полуземлянок довольно устойчива для всей лесостепной полосы от Днестра до Дона. В полуземлянках салтово-маяцкой культуры печей подобного типа

[1] Подробную характеристику этих поселений см. в наших статьях «Карнауховское поселение» и «Средневековое поселение близ ст. Суворовской», помещенных в настоящем томе.

[1] О жилищах салтово-маяцкой культуры большой материал содержится в статье В. Д. Белецкого «Жилища Саркела—Белой Вежи» во II томе «Трудов Волго-Донской экспедиции».

[2] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 7—41.

обнаружено до сих пор не было; там имелись только открытые очаги. Насколько верны эти выводы, покажет дальнейшее изучение памятников. Но нам кажется, что уже и сейчас данные выводы могли бы быть использованы при анализе материалов из раскопа 1949—1951 гг. многослойного Левобережного Цимлянского городища, в отложениях которого остатки салтово-маяцкой и славянской культур (в том числе и полуземляночных жилищ) настолько переплелись, что стратиграфически расчленить их очень трудно.

Впервые вполне достоверные остатки прямоугольных полуземлянок на поселениях салтово-маяцкой культуры выступают в раскопках Н. Е. Макаренко, произведенных им в 1908—1909 гг. на Маяцком поселении. На территории городища и селища им было открыто довольно большое число вырубленных в мелу ям различной формы и размера, которые он все зачислил в «жилые помещения».[1] Эту характеристику Н. Е. Макаренко несомненно следует рассматривать лишь в плане принадлежности всех вскрытых сооружений к жилищно-хозяйственным; последнее вытекает хотя бы из того, что одну из этих ям он сам несколько ниже называет «хлебной ямой», а не погребальным комплексом, как пытались рассматривать подобные сооружения предшествующие исследователи Маяцкого городища.[2] Но в числе этих различных по форме и размерам ям были безусловно и жилые в подлинном смысле этого слова. Хотя Н. Е. Макаренко и не останавливается на данной стороне вопроса, но, пользуясь приведенными им описаниями этих ям, можно с полной достоверностью указать, какие из них являются жилищами. Безоговорочно остатками жилища можно считать яму «б» на городище. Она имеет почти квадратную форму; размеры ее около 4×4 м, глубина около 0,7 м. У юго-восточной стены ее находится небольшая, колоколовидной формы хозяйственная яма, в восточном углу — развал очага. Можно указать еще несколько ям, например яму «д» на городище и яму № 6 на селище, которые по общему облику (форме, размерам) очень близки к отмеченной выше и, возможно, также являются остатками жилищ, но, к сожалению, уверенными полностью в этом мы быть не можем, так как сведения о них, приведенные Н. Е. Макаренко, не дают исчерпывающей характеристики. В частности, отсутствуют указания о каких-либо следах огня на полу (остатки золы, обожженность пола и т. п.) — этом одном из основных признаков жилища.

Возможно, остатками таких же прямоугольных жилищ-полуземлянок были и некоторые из ям «без погребений» (например, №№ 2 и 4), раскопанные А. И. Милютиным в 1906 г. при исследовании им территории, окружающей Маяцкое городище, которую он рассматривал как «погребальное поле», а также яма на городище, которую этот автор характеризует как «высеченную с какой-то целью в мелу».[1] Но и в данном случае мы не можем быть полностью уверены, что имеем дело с остатками жилых построек, ибо не в одной из ям исследователем не отмечается наличие каких бы то ни было следов очага, даже самых примитивных — хотя бы в виде скопления золы на обожженном полу. Правда, не исключена возможность, что исследователь просто не обращал на эту сторону внимания, поскольку он подходил к вскрываемым им ямам как погребальным сооружениям.

Остатки какого-то полуземляночного сооружения — не исключена возможность, что и жилища — еще раньше А. И. Милютина были открыты В. А. Бабенко в 1903 г. на Волчанском поселении. Это была небольшая (2×2 м), квадратная в плане яма, заполненная культурными остатками. Как мы отмечали выше, В. А. Бабенко не разобрался в памятнике, он отнес его «к городищам самого древнего периода».

Наиболее отчетливо облик прямоугольных жилых полуземлянок салтово-маяцкой культуры определился лишь в последние годы, при раскопках Карнауховского и Суворовского поселений. Только на полуземлянках этих памятников представилось возможным установить характерную их особенность — примитивный характер очажных сооружений (открытые очаги), что, по-видимому, отличает их от одновременных им славянских полуземлянок.[2]

В последние годы большое число жилых полуземлянок было обнаружено при раскоп-

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 34 и сл.

[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163.

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 155.

[2] См. наши статьи «Карнауховское поселение» и «Средневековое поселение близ ст. Суворовской» в настоящем томе.

ках нижнего слоя Левобережного Цимлянского городища, причем одни из полуземлянок имели печи со сводами (преимущественно печи-каменки), в других были только открытые очаги, совершенно того же типа, что и в полуземлянках поселений у хут. Карнаухова и ст. Суворовской. Нет никакого сомнения в том, что первые из них были славянскими, а вторые — салтово-маяцкими.

Полуземлянки второго типа (округлые) отличаются от прямоугольных не только по форме, но и по некоторым деталям. Они значительно меньше по размерам, наибольший диаметр их около 3 м при глубине около 0.5 м. Очаги в них открытые, еще более примитивные, чем в полуземлянках первого типа, — это просто костры. Как правило, они расположены в центре полуземлянок или близко к нему. Пол глиняный, хорошо утрамбованный. В некоторых жилищах в полу имеются хозяйственные ямы-погреба. Об устройстве наземной части судить очень трудно. Лишь исходя из округлой планировки углубленной части жилища и расположения очага в центре его, можно предполагать, что наземная часть была конусообразной, типа юрты. Однако это только предположение. Полуземлянки округлого типа обнаружены пока лишь в двух поселениях. Впервые они были открыты при раскопках Правобережного Цимлянского городища.[1] В 1950—1951 гг. аналогичные им полуземлянки были выявлены при исследовании нижних слоев Левобережного Цимлянского городища. На Правобережном городище округлые полуземлянки являются основным типом жилых построек, если не считать имевшиеся там какие-то каменные постройки (см. стр. 102); на Левобережном городище наряду с округлыми полуземлянками, как мы отмечали уже выше, имеются и прямоугольные.

При раскопках салтово-маяцких поселений открыты остатки не только жилых, но и хозяйственных построек. Наиболее интересными из них являются остатки полуземляночных сооружений, обнаруженные в 1951 г. при раскопках Карнауховского поселения. Эти прямоугольные ямы углублены в материк до 1 м. По размерам они резко отличаются от жилых полуземлянок. Ширина их 3—3.5 м, длина достигает 10—14 м. Весьма характерной чертой их является отсутствие очажных сооружений. Своеобразен и пол: в основе своей он материковый, но настолько испещрен втоптанными в него темными вкраплениями, что приобрел мраморовидный характер. Поверхность его неровная. Посредине пола почти через всю его длину проходит неглубокая, узкая канавка. Столбовые ямки, обнаруженные в некоторых сооружениях, свидетельствуют, что покрытие покоилось на столбах. От наземной части никаких следов не сохранилось. Все открытые хозяйственные постройки этого типа имеют довольно выдержанную ориентацию, все они вытянуты по длинной оси в направлении северо-восток—юго-запад. Устойчиво и их размещение на поселении: как правило, каждая из них расположена близ жилища, составляя с ним единый жилищно-хозяйственный комплекс.[1]

Среди археологических памятников сооружения подобного типа до сих пор не были известны. Трудно указать и этнографические параллели. Здесь мы можем сослаться лишь на личные наблюдения. Так, нам известно, что в практике сельского населения лесостепной полосы сооружение таких узких и длинных полуземляночных построек бытует и по сей день. Это зимние помещения (хлевы) для мелкого скота — овчарни, свинарники и т. п. В 1946 г. постройку подобного свинарника мы наблюдали в Полтавской области близ хут. Писаревки Ново-Сенжарского района. Очевидно, обнаруженные на Карнауховском поселении остатки описанных выше полуземлянок принадлежат таким хлевам (овчарням). Помимо этнографических данных, это положение подтверждается рядом фактов, установленных при исследовании вскрытых построек. Наиболее показательным в этом отношении является пропитанность пола на значительную глубину темными компонентами. Такая пропитанность могла появиться лишь в результате длительного втаптывания в пол инородных примесей, что имеет место на стоянках скота, как на открытых стойлах, так и в хлевах. Интересны в этом отношении и канавки, проложенные посредине пола, служившие для стока нечистот.

---

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 58—62.

[1] См. нашу статью «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 285—301).

По-видимому, как остатки этого же типа хозяйственных сооружений, но несколько меньшего размера, следует рассматривать и некоторые из «жилых ям», вскрытых Н. Е. Макаренко в 1909 г. на Маяцком поселении, в частности яму № 8. Длина этой ямы около 5 м, ширина около 2.5 м. Никаких следов очага, судя по описанию Н. Е. Макаренко, обнаружено не было. В полу проложены две узкие, неглубокие канавки: одна вдоль стены, вторая посредине. К сожалению, данными об ориентировке воспользоваться нельзя, в них вкралась опечатка: в тексте указано, что яма ориентирована по длинной оси в направлении с северо-востока на юго-восток.[1]

Более широкое распространение из хозяйственных сооружений имеют так называемые хозяйственные ямы — погреба, хлебные ямы и т. п. В плане они округлые, причем нижний диаметр, как правило, несколько больше верхнего, что придает ямам колоколовидную форму. Размеры их самые разнообразные, некоторые из них достигают 1.5—2 м глубины и таких же диаметров. Они сохранились как внутри жилых помещений, так и за их пределами. Как располагаются они в последнем случае по отношению к жилым помещениям, установить пока не удалось. Хозяйственные ямы открыты на всех поселениях, где производились раскопки: на Маяцком,[2] Правобережном Цимлянском, Карнауховском, Суворовском, Левобережном Цимлянском. Наиболее вероятно, что такой же обычной хозяйственной ямой является, как мы попытаемся показать ниже, так называемая гончарная печь, открытая В. А. Бабенко на Салтовском городище.[3]

Наряду с полуземляночными жилищно-хозяйственными постройками на поселениях салтово-маяцкой культуры были обнаружены следы наземных сооружений. Так, при раскопках В. И. Сизова в 70-х годах прошлого столетия на Правобережном Цимлянском городище были отмечены остатки квадратного каменного здания.[4] Эти наблюдения В. И. Сизова в какой-то мере подтверждаются и раскопками, проводившимися на этом городище в 1939 г. Во время этих раскопок на территории центрального укрепления были открыты груды строительного мусора в виде битых кирпичей, камней, известковой щебенки и т. п.[1] Существование каменной постройки на городище подтверждается также донесением военного инженера Сацыперова, проводившего в 1742 г. по заданию императрицы Елизаветы обмеры городища. В рапорте на имя Правительствующего Сената от января 1743 г. Сацыперов писал, что на городище «в середине и снаружи строения нет никакого, кроме что маленькая каменная разломанная палата».[2] К рапорту приложен план городища. «Каменная палата» нанесена в той части городища, где В. И. Сизов в 70-х годах XIX в. производил раскопки.

Незначительные остатки наземных построек в виде каменных кладок были открыты и при раскопках Маяцкого городища, но, как и на Правобережном Цимлянском городище, исследование этих незначительных остатков доведено до конца не было и облик построек остался неясным.[3]

Так же не совсем ясен характер и другой группы наземных сооружений, открытых в 1950—1951 гг. на Карнауховском поселении, в неукрепленной его части. Постройки оказались полностью разрушенными. От них сохранились развалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками тростникового каркаса, неглубокие канавки в виде замкнутых прямоугольников со слегка закругленными углами, служившие, по-видимому, пазами для установки камышового каркаса стен, и ямки от столбов, поддерживавших крышу. В некоторых сооружениях сохранились остатки очагов. Таким образом, по характеру строительных материалов и строительной техники эти наземные сооружения существенно отличались от описанных выше построек из камня. На территории поселения зафиксировано большое число точек (более 20), где прослеживаются аналогичные остатки; это свидетельствует, что постройки такого

---

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 40—41.

[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 38.

[3] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону, стр. 278.

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.

[2] Центральный архив древних актов, ф. Правительствующего Сената 1743—1747 гг., д. № 92/463, л. 16 об.

[3] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 154; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 12—17.

рода имели здесь широкое распространение. Установлено также, что по своему размещению они не обособлены от жилищно-хозяйственных построек полуземляночного типа, а вместе с ними составляют единые комплексы.[1]

Особый интерес среди материалов поселений представляют остатки производственных сооружений — гончарных обжигательных печей. Как отмечалось уже выше, существование их у населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, давно отмечено в литературе. Основанием к этому служило как повсеместное бытование керамики, сделанной на круге, так и обнаружение остатков самих печей. Однако облик последних вплоть до наших дней оставался неясным. Обнаруженные печи имели очень плохую сохранность и, даже больше того, некоторые из остатков, как показывает изучение материалов, в действительности не были печами. Мы имеем в виду открытые В. А. Бабенко при раскопках Салтовского городища остатки «керамической мастерской, имевшей вид землянки», и найденной в ее полу гончарной печи.[2] Со времени опубликования В. А. Бабенко данных, относящихся к произведенному им открытию, прошло около 40 лет. Выводы, сделанные им из этих материалов, прочно вошли в научный обиход, и достоверность их, кажется, ни у кого, в том числе и у нас, не вызывала сомнений. Так продолжалось до последнего времени.[3]

При раскопках в 1951 г. Суворовского поселения были открыты остатки гончарных обжигательных печей, что заставило нас вновь пересмотреть все материалы, относящиеся к этому вопросу, в том числе и данные раскопок В. А. Бабенко. Изучение последних показало, что сделанные исследователем выводы не имеют под собой основания, в чем легко убедиться как из описания открытых им сооружений, так и из имеющейся графической документации.[4] Раскопки были произведены около южной стены укрепления. Площадь раскопа 10×6 аршин. «На глубине 2 арш. открыта каменная обрушившаяся кладка от потолка какого-то сооружения. Под каменными плитами оказалась масса пережженной глины, обожженных камней, крупные куски углей дубового и липового дерева. По очистке от мусора оказалась вполне оборудованная керамическая мастерская, имевшая вид землянки в 5 арш. длины и 4 ширины, стенки которой выложены были каменными плитами. Внутри мастерской оказалась целая масса фрагментов от различной формы и величины посуды, совершенно аналогичных с посудой могильников. Многие фрагменты были покрыты разнообразным орнаментом и лакировкой. Здесь же лежали слоями приготовленная отмученная беловатая глина, куски мазков со следами пальцев, куски обожженной глины, масса древесного угля и золы.

«Самая же важная и интересная находка оказалась в наполненной углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной гончарной печи, наполовину обрушенной. Печь эта углублялась ниже пола мастерской на 1½ арш. в западной ее стороне.

«Пол мастерской находился на глубине 1½ арш., а дно печи на глубине 4 арш. от поверхности почвы. После очистки печной ямы в ней на дне оказались семь огромных размеров амфор древнегреческой формы; из них многие были раздавлены обвалом, некоторые в более или менее хорошей сохранности и одна совершенно целая».[1] Таковы данные, характеризующие открытый В. А. Бабенко производственный комплекс, состоящий из керамической мастерской и гончарной обжигательной печи. Никаких других материалов, свидетельствующих о наличии печи, нет. В оригинале отчета, хранящемся в Архиве ИИМК, имеются некоторые разночтения и незначительные дополнения к опубликованному В. А. Бабенко тексту.[2] Некоторые из этих разночтений весьма важны для понимания исследуемого вопроса, и мы считаем необходимым их отметить. В вышеприведенной цитате после слов «и задымленной глиной» в оригинале следует: «*полуовальной яме, очевидно* гончарной печи».[3]

---

[1] См. нашу статью «Карнауховское поселение» в настоящем томе (стр. 261—314).

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 464—473, рис. 57; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 39—42.

[3] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 331—332.

[4] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 468—470, рис. 57; Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 39—47.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 468—470.

[2] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, лл. 30—47.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 40.

Из всей этой характеристики следует, что В. А. Бабенко были открыты остатки полуземляночного сооружения в виде прямоугольной в плане ямы размером 5×4 аршина, стены которой были выложены камнем. Кстати сказать, в оригинале размер этой ямы равен 6×4 аршина.[1] В яме В. А. Бабенко усмотрел «керамическую мастерскую». Против этого положения возражать мы не будем, ибо никаких аргументов ни за, ни против у нас не имеется, хотя каких-либо специфических признаков, свойственных керамической мастерской, здесь нет. Черепки, зола, куски глины, угли, кости животных — это обычное заполнение как жилых, так и хозяйственных сооружений полуземляночного типа.

Но обратимся к гончарной печи. Из описания следует, что это «полуовальная яма» глубиной 1½ аршина (т. е. около 1 м), расположенная в углу полуземляночного сооружения. Яма эта, как и полуземлянка, была заполнена сверху различными культурными остатками (углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной), а «на дне оказались семь огромных размеров амфор». Эту яму В. А. Бабенко назвал гончарной печью. В тексте дан разрез ямы с найденными в ней амфорами. К отчету, хранящемуся в Архиве ИИМК, приложен план городища, на котором нанесены остатки полуземлянки и в юго-западном углу обозначена овальная яма. На опубликованном плане последней детали нет. Изучение этих данных приводит нас к выводу, что признать в овальной яме, открытой В. А. Бабенко в углу полуземляночного помещения, гончарную обжигательную печь нельзя. Печь, какая бы она ни была, прежде всего должна иметь топку, а если она к тому же производственного назначения, в частности гончарная, то у нее должна быть какая-то камера. В открытой В. А. Бабенко яме нет ни того, ни другого. На самом деле, если допустить, что открытая В. А. Бабенко яма есть гончарная печь и найденные в ней амфоры находились в процессе обжига, то встает вопрос: где же расположена топка, где горело топливо? По приведенным исследователем данным, угли (если это только остатки топлива) лежат выше «обжигаемых» амфор вместе с камнями, кусками задымленной глины и другими культурными остатками. Допустим, что топка действительно располагалась выше обжигательной камеры. Естественно встает вопрос, а каким же образом мог попадать сверху в ниже лежащую яму горячий воздух? Объяснить мы не можем, да это и не объяснимо, ибо противоречит здравому смыслу.

Что же за сооружение представляет вскрытая В. А. Бабенко яма, названная им гончарной печью? Несомненно, это обычная хозяйственная яма-погреб, вырытая в полу какого-то полуземляночного помещения. Было ли последнее жилым или хозяйственным, сказать трудно вследствие полного отсутствия какой-либо полевой документации. Что касается амфор, то их следует рассматривать как тару, в которой хранились запасы каких-то (по-видимому, жидких) продуктов. Находка большого числа глиняных сосудов в хозяйственных ямах в археологической практике явление нередкое.

Можно привести несколько таких примеров из нашей полевой работы. Так, при исследовании в 1951 г. Суворовского поселения на дне одной из хозяйственных ям нами было обнаружено значительное число раздавленных сосудов. Три из них были собраны полностью, остальные сохранились частично (яма обнаружена в обрезе берега в разрушенном виде; часть находившихся в ней остатков погибла при ее разрушении, в том числе, по-видимому, и отдельные фрагменты сосудов).[1] Несколько сосудов (4) найдено в хозяйственной яме Новотроицкого поселения при раскопках 1952 г.[2]

Так, нам кажется, должен решаться вопрос о так называемой гончарной печи, открытой В. А. Бабенко на Салтовском поселении.

Остатки подлинной гончарной печи, относящиеся к салтово-маяцкой культуре, были обнаружены лишь в 1927 г. при разведочных работах Северо-Кавказской экспедиции близ Левобережного Цимлянского городища. Плохая сохранность печи не позволила создать отчетливого представления об ее устройстве, но общие ее контуры, как показывают данные, полученные позже, при

---

[1] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 340/1913, л. 39.

[1] См. нашу статью «Средневековое поселение близ ст. Суворовской» в настоящем томе (стр. 323—336).

[2] Архив ИИМК АН СССР.

исследовании лучше сохранившихся печей, были схвачены верно.[1]

Наиболее отчетливо облик гончарных обжигательных печей определился в результате раскопок 1951 г. на Суворовском поселении, где были раскрыты остатки трех печей. Печи Суворовского поселения имеют более или менее удовлетворительную сохранность; не сохранилась в целостности лишь верхняя часть обжигательной камеры, но и та благодаря находкам некоторых ее деталей в какой-то мере может быть восстановлена. Это двухъярусные печи ямного типа без опорного столба («козла»). Форма их довольно устойчивая. Они сооружались в обрезе берега. Топки размещались внизу, обжигательные камеры — вверху; эти части разделены между собой специальным перекрытием, в котором проделаны округлые в плане отверстия диаметром 10—12 см. Через эти отверстия жар из топки поступал в обжигательную камеру.

Топка в плане овальной формы, вытянутая по оси перпендикулярно к линии берега, в обрезе которого устраивалось устье печи, представлявшее собой небольшое прямоугольное отверстие. Над подом оно расположено на высоте около 0.35 м, причем склон к поду довольно крутой. Размеры топки около 1.80×1.40 м. Под топки почти ровный, несколько повышающийся от устья к задней стенке. На расстоянии $^2/_3$ от устья топки через всю ширину пола имеется порожек высотой около 5 см. Стенки топки отвесные, высота их от 35 см близ устья до 70 см в средней части. Перекрытие плоское, с незначительным наклоном от задней стенки к устью. Стены, свод и под топки были обмазаны глиной. Судя по сохранившимся на обмазке следам, обработка велась каким-то плоским, по-видимому деревянным, инструментом в виде лопаточки. Обмазка сильно обожжена. Снаружи, на глубину 1.5—2 см, она имеет синевато-зеленоватый оттенок. Под этим слоем идет ярко-красный слой различной мощности, цвет которого переходит постепенно в темно-красные или коричневые тона. Слой обожженной обмазки в некоторых местах (особенно в перекрытии) достигает 10 см в толщину. Мощность перекрытия, отделяющего обжигательную камеру от топки, около 50 см. Перекрытие представляет глинистый материк, спекшийся под воздействием высокой температуры. Обжигательная камера в плане почти круглая; стенки ее слегка наклонные, что придает ей чашеобразную форму. Верхний диаметр ее около 1.5 м. Под обжигательной камеры — это перекрытие топки. Как и топка, под камеры обмазан глиной, но обмазка его не столько обожжена, сколько в силу большой примеси органических веществ перегорела. Поверхность обмазки имеет синеватый оттенок. О числе отверстий, соединяющих топку с обжигательной камерой, можно судить лишь по одному полностью сохранившемуся перекрытию топки, в котором их насчитывается восемь. Семь из них расположены по кругу, а одно — в центре. Форма отверстий цилиндрическая.

Об устройстве верха обжигательной камеры можно говорить лишь предположительно на основе тех остатков, которые сохранились от разрушения. Как и вся печь, верх сооружался из глины. Форму его восстановить нет возможности. По найденным обломкам глиняной обмазки, имеющим хорошо обработанный овальный изгиб, следует предполагать, что верхняя часть обжигательной камеры имела какое-то отверстие, довольно большого диаметра. Не исключено, что это был лаз и одновременно дымоход.

Печь именно этого типа была обнаружена в 1927 г. у Левобережного Цимлянского городища. Б. А. Рыбаков относит последнюю к типу двухъярусных печей с «козлом»,[1] но это явная ошибка, что видно как из разреза, опубликованного в отчете экспедиции,[2] так и из описания этой печи, сделанного М. И. Артамоновым, производившим ее обмеры. Вот как характеризует ее последний: «Печь, вырытая на откосе берега в лёссовом суглинке, представляла овальную яму, разделенную горизонтально на две части. Частично сохранившееся перекрытие, отделявшее нижнюю часть от верхней, снабжено было несколькими круглыми отверстиями. Стенки печи, так же как и перекрытие, оказались сильно обожженными, превратившимися на значительную толщину в блестящую ошлаковавшуюся массу. Благодаря

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 342—352.

[2] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

прочности этой массы плоское перекрытие над небольшим овалом нижнего помещения, видимо, без всяких подпорок могло выдержать, кроме своей собственной тяжести, еще и некоторый груз в виде помещенных на нем гончарных изделий».[1] Но сходство печи Левобережного Цимлянского городища с суворовскими печами прослеживается и в некоторых деталях. В этом отношении весьма показательно устройство пода топки. Как и у печей Суворовского поселения, под топки Левобережного Цимлянского городища имеет незначительный подъем от устья к задней стенке. На расстоянии $^2/_3$ от устья под резко повышается, образуя порожек высотой около 5 см. В описании печи исследователи не отмечают этой детали, но на опубликованном разрезе она видна отчетливо.[1]

В 1950—1951 гг. при исследовании Левобережного Цимлянского городища было обнаружено еще несколько гончарных печей. Часть была открыта в том же районе, где и печь, найденная в 1927 г.; несколько печей найдено непосредственно у крепостной стены, с внешней ее стороны. Судя по предварительным данным, все печи относятся к раннему этапу жизни поселения, к IX—X вв., но конструктивно они неодинаковы.

Печи в береговом обрезе ямного типа, без «козла», как и печь 1927 г.; печи у крепостной стены имеют подпорный столб.

Существенный материал, проливающий свет на хозяйственную, общественную и духовную жизнь древнего населения, дают могильники, составляющие неотъемлемую часть поселений. К сожалению, могильники салтово-маяцкой культуры не имеют наземных признаков, вследствие чего отыскать их очень трудно. Известно их очень мало, не более десятка. Почти все они открыты случайно и лишь немногие из них были подвергнуты исследованию. Более чем все остальные изучался и изучается сейчас Салтовский могильник, с именем которого связано и название культуры. Случайно открытый в 1900 г. местным учителем В. А. Бабенко, он привлек к себе внимание Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. По поручению последнего могильник был подвергнут раскопкам, произведенным сначала специальной комиссией (Д. И. Багалей, Е. П. Трефильев, А. М. Покровский) при участии В. А. Бабенко, а затем одним А. М. Покровским.

Результаты раскопок были доложены А. М. Покровским XII Археологическому съезду. Раскопками было вскрыто более 50 могил. Все они оказались грунтовыми, без каких-либо следов наземных сооружений. Могилы были расположены по склонам высоких берегов Северского Донца и оврагов. Покойников хоронили в глубоко вырытых в земле катакомбах, или камерах, преимущественно овальной в плане формы, со сводчатым потолком. Вход в камеру шел через длинный (до 5—7 м), узкий коридор. Средние размеры камеры около 2×2×1.5 м. Камеры содержали в большей части по несколько захоронений — мужчин, женщин, детей. Костяки находились в вытянутом на спине положении, преимущественно перпендикулярно ко входу, реже ногами к нему. С покойниками клался многочисленный инвентарь, состоящий из предметов украшения, оружия, конского снаряжения, орудий труда, утвари, а также пища в виде мяса домашних животных. В ряде могил были найдены восточные монеты VI—X вв.

Отдельно от человеческих захоронений были обнаружены погребения лошадей.

По характеру могильных сооружений (камер и катакомб), обряду захоронения и могильному инвентарю могильник оказался совершенно тождественным северокавказским могильникам типа Чми, Кумбулта и др. По совокупности данных могильник был датирован VIII—X вв.[2]

После XII Археологического съезда Салтовский могильник исследовался много раз. Его копали В. А. Бабенко, Н. Е. Макаренко, А. И. Федоровский и многие дру-

---

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73.

[1] А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 110, рис. 17.

[2] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—491; В. А. Бабенко. Археологические раскопки в Волчанском уезде Харьковской губернии. Екатеринослав, 1906.

гие.[1] В последние годы (после войны) могильник раскапывался С. А. Семеновым-Зусером (Харьковский университет).[2] В результате полустолетнего исследования накопился богатейший материал, однако принципиально нового по сравнению с тем, что было вскрыто первыми раскопками А. М. Покровского, последующие работы дали очень мало. Необходимо лишь отметить, что наряду с катакомбными захоронениями на территории могильника были найдены одновременные грунтовые могилы ямного типа с совершенно таким же инвентарем. Однако численно они составляют ничтожный процент.

Почти в те же годы, когда был открыт Салтовский катакомбный могильник, В. А. Городцовым был обнаружен и исследован могильник на левом берегу Северского Донца близ хут. Зливки в бывш. Изюмском уезде, содержащий погребальный инвентарь, совершенно одинаковый с инвентарем Салтовского могильника. Могильные сооружения представляли собой не катакомбы, а грунтовые ямы, форма которых, однако, осталась невыясненной.[3] Принадлежность этого могильника к салтовской культуре была признана как автором раскопок, так и всеми исследователями, в какой-либо мере соприкасавшимися с памятниками этой группы.[4]

Бытование различных могильных сооружений у населения салтово-маяцкой культуры находит подтверждение в материалах других могильников этой культуры, известных нам как по случайным находкам, так и по раскопкам.

[1] Г. І. Тесленко. Розкопи Верхньо-Салтівського могильника 1920 р. Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6, Харків, 1927, стр. 353—356. К статье приложен список литературы о раскопках могильника.

[2] С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р.

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211—213 и 250—260.

[4] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., стр. 211—213; А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70—72; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 62; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157—158; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Изд. ЛГУ, 1940, стр. 38—39.

В настоящее время катакомбные могильники, кроме Салтова, известны нам у Маяцкого городища (на Дону), около неукрепленного поселения близ хут. Подгоровки (на р. Ураевой, притоке р. Оскола), у городища близ дер. Доброй (на р. Короча; рис. 5), у с. Урыв. По-видимому, с катакомбным могильником связаны и находки у деревень Воробьево и Ютановка и в г. Валуйках. Из числа этих могильников небольшие раскопки были произведены на двух — Маяцком и Подгоровском. Подгоровский могильник во всех деталях повторяет Салтовский, не внося ничего нового ни в обряд захоронения, ни в инвентарь.[1]

Могильник у Маяцкого городища при наличии общих черт в инвентаре и обряде захоронения с Салтовским имеет и некоторые особенности. Наряду с катакомбами, близкими, но все же не одинаковыми с салтовскими, здесь встречены могильные ямы, округлые в плане, и прямоугольные склепы с подбоями.[2]

Могильник с погребениями в грунтовых ямах типа Зливкинского могильника известен у слободы Покровской бывш. Купянского уезда Харьковской губернии. Он был открыт случайно еще в конце XIX в. и тогда же по поручению Археологической комиссии был исследован В. З. Завитневичем. Как и в Зливкинском могильнике, характер ям здесь выяснен не был; покойники были ориентированы головой на запад, так же как и зливкинские, и сопровождались инвентарем салтовского типа (предметы украшения, глиняная посуда).[3]

Два других грунтовых ямных могильника с инвентарем салтовской культуры у сел Залиманье и Шейковка были открыты также случайно. Оба они были обследованы Н. В. Сибилевым, но не раскапывались.[4]

Грунтовой ямный могильник несколько

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, дела №№ 238/1926, 147/1925, 208/1927.

[2] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 157—161. Близкие к маяцким могилы в виде округлых грунтовых ям и прямоугольного склепа с подбоями мы наблюдали при раскопках Саркела в 1950 г. близ юго-западной стены крепости.

[3] Архив ИИМК, ф. АК, д. № 69/1894, лл. 10—15. Ср.: А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 73.

[4] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 132/1925, лл. 24—25; Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II, Изюм, 1926, стр. 20, табл. LX; вып. III, Изюм, 1928, стр. 18.

иного типа, чем у хут. Зливки и у слободы Покровской, открыт близ Рыгинского городища (у ст. Каменской на Северском Донце). Здесь погребенных клали в каменные ящики или же покрывали каменными плитами, поставленными на ребро под углом к стенкам могильной ямы. Ориентировка могил также иная: покойников клали головой на юг.[1]

Описание отдельных памятников и краткая общая характеристика их показывают, что по содержанию и степени изученности памятники как исторические источники далеко не равноценны. Наряду с комплексными памятниками, состоящими из поселений и могильников, более или менее исследованных (Салтов, Маяцкое), имеются поселения и могильники, о которых приходится судить лишь предположительно на основе отдельных вещей или комплексов их, найденных случайно (Воробьево, Ютановка, Валуйки и др.). Правда, это крайности, но они все же имеют место.

Вторым существенным недочетом исследования памятников как исторических источников является неравномерное изучение отдельных частей (поселения и могильника) одного и того же памятника. Из достаточного большого числа известных в Подонье памятников салтово-маяцкого типа мы не знаем ни одного, за исключением Маяцкого, где были бы изучены и поселение и могильник. В одних комплексах (Салтово, Зливки, Покровск) внимание было сосредоточено на могильниках и почти ничего не сделано в деле изучения поселений, и больше того — в некоторых случаях даже не установлено наличие около могильника поселений (Зливки, Покровск), в других комплексах (Правобережное Цимлянское, Карнауховское) в какой-то мере изучены поселения (тип жилищ, хозяйственные постройки и т. д.), но ничего не известно о характере могильника. Есть и другие недочеты, например в отношении полевой документации и т. п., но на них останавливаться сейчас мы не будем.

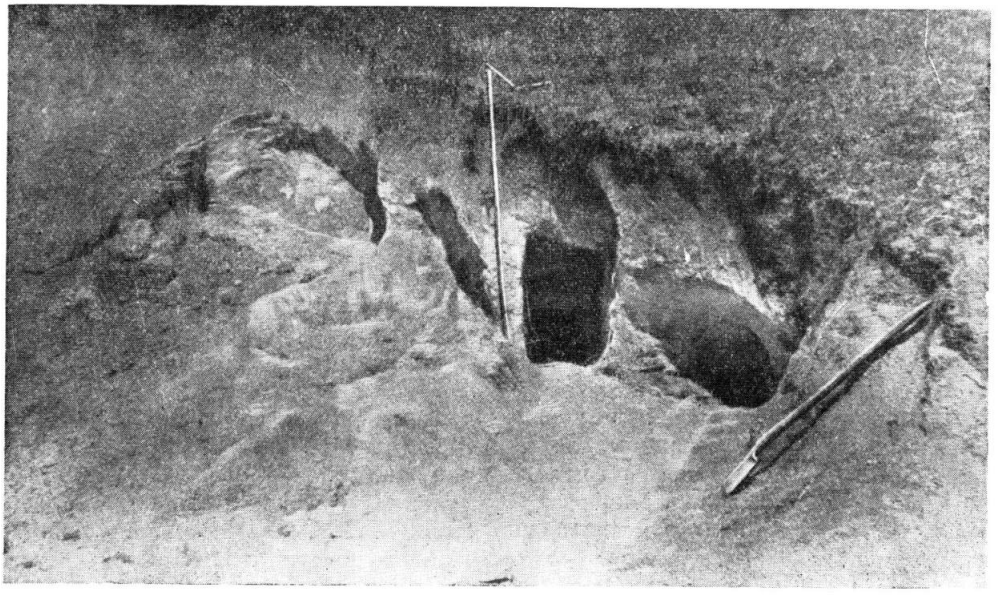


Рис. 5. Катакомбный могильник близ городища у дер. Доброй. Разрушенный дромос.

III

Раскопки поселений дали возможность собрать много ценного материала для изучения некоторых сторон хозяйственной деятельности и быта населения. Значительно пополнились наши знания о керамике. Материалы поселений показывают, что существовавшее представление о керамике, сло-

[1] Отчет Ив. Тимощенкова об археологическом обследовании древнего городища при балке Рыгиной, стр. 569—576.

жившееся на основе данных, добытых при исследовании могильников, отражало лишь одну сторону керамического комплекса салтово-маяцкой культуры, весьма богатого и разнообразного как по формам сосудов и их назначению, так и по технике производства. При раскопках поселений керамика оказалась самой многочисленной группой культурных остатков. Правда, сохранность ее здесь менее удовлетворительная, чем в могильниках, но все же бóльшую часть бытовавших форм сосудов удалось восстановить. При всем многообразии форм керамика салтово-маяцкого комплекса по своему назначению в быту может быть сведена к трем основным группам: 1) кухонные сосуды; 2) сосуды для хранения продуктов; 3) столовые сосуды.

Группа кухонных сосудов представлена рядом типов (рис. 6). Наиболее распространенное место среди них занимают горшкообразные сосуды. Форма их довольно устойчивая. Они имеют отогнутый, в большей части закругленный сверху венчик, невысокую шейку, довольно хорошо выраженные плечи, переходящие в постепенно суживающееся ко дну тулово. Вместимость их самая разнообразная — от 0.5 до 6—8 л, но соотношение между различными частями довольно устойчивое. Диаметр горловины, как правило, больше диаметра дна, высота горшка больше диаметра горловины. Поверхность сосуда всегда орнаментирована. Характер орнаментации довольно однообразен. У большинства сосудов корпус покрыт линейным узором. Часто такой орнамент сочетается с многорядным волнистым поясом. По плечикам размещается пояс из гирляндообразных концентрических дуг, обращенных концами вверх. Орнаментируется и венчик, причем орнамент его тот же самый: линейный, волнистый, отпечатки зубцов гребенки; располагается он преимущественно на внутренней стороне венчика, реже по краю. В последнем случае наиболее распространенными видами орнамента являются косые насечки и отпечатки зубцов гребенки. Горшкообразные сосуды изготовлялись из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет этих сосудов преимущественно серый, очень редко палевый. Внешняя поверхность сосудов очень часто покрыта копотью.

По общему облику горшкообразные сосуды напоминают древнерусские горшки X—XIII вв. так называемого курганного типа. Однако это сходство только кажущееся. Изучение показывает, что в деталях (профилировка венчика, размещение орнаментации и т. п.) сосуды существенно различаются друг от друга; самое же главное — салтово-маяцкие сосуды этого типа хронологически предшествуют древнерусским.

Горшкообразные сосуды — наиболее распространенный тип среди керамических остатков салтово-маяцкой культуры. Они обнаружены на всех поселениях, независимо от того, производились ли на поселении раскопки или только внешнее обследование. Известны эти сосуды и среди материалов могильников. В катакомбных могильниках они составляют лишь незначительный процент по отношению к сосудам других типов. В ямных погребениях (например, Зливкинский могильник) горшкообразные сосуды также преобладают. Внешнее сходство их с древнерусскими горшками дало повод исследователю Зливкинского могильника В. А. Городцову сказать, что они являются «лишь иммитацией славяно-русских глиняных горшков средней России».[1] Эта мысль В. А. Городцова в дальнейшем получила широкое распространение, приобретя самые разнообразные оттенки. Одни считали, что салтово-маяцкое население позаимствовало данный тип сосуда у соседей-славян,[2] другие стали утверждать, что горшки данного типа являются славянскими древностями.[3] Последнее не могло не повлечь за собой вывода о том, что вся юго-восточная область, в границах которой обнаруживались сосуды этого типа, была занята славянскими поселениями.[4]

Весьма своеобразным типом кухонной посуды являются сосуды с внутренними

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., стр. 212.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439—446; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 112—113, прим. 186.

[3] С. А. Семенов-Зусер. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р., стр. 121—122 и 137 (резюме).

[4] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 57 и сл.; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 201 и сл.; А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е, М., 1947, стр. 187—189.

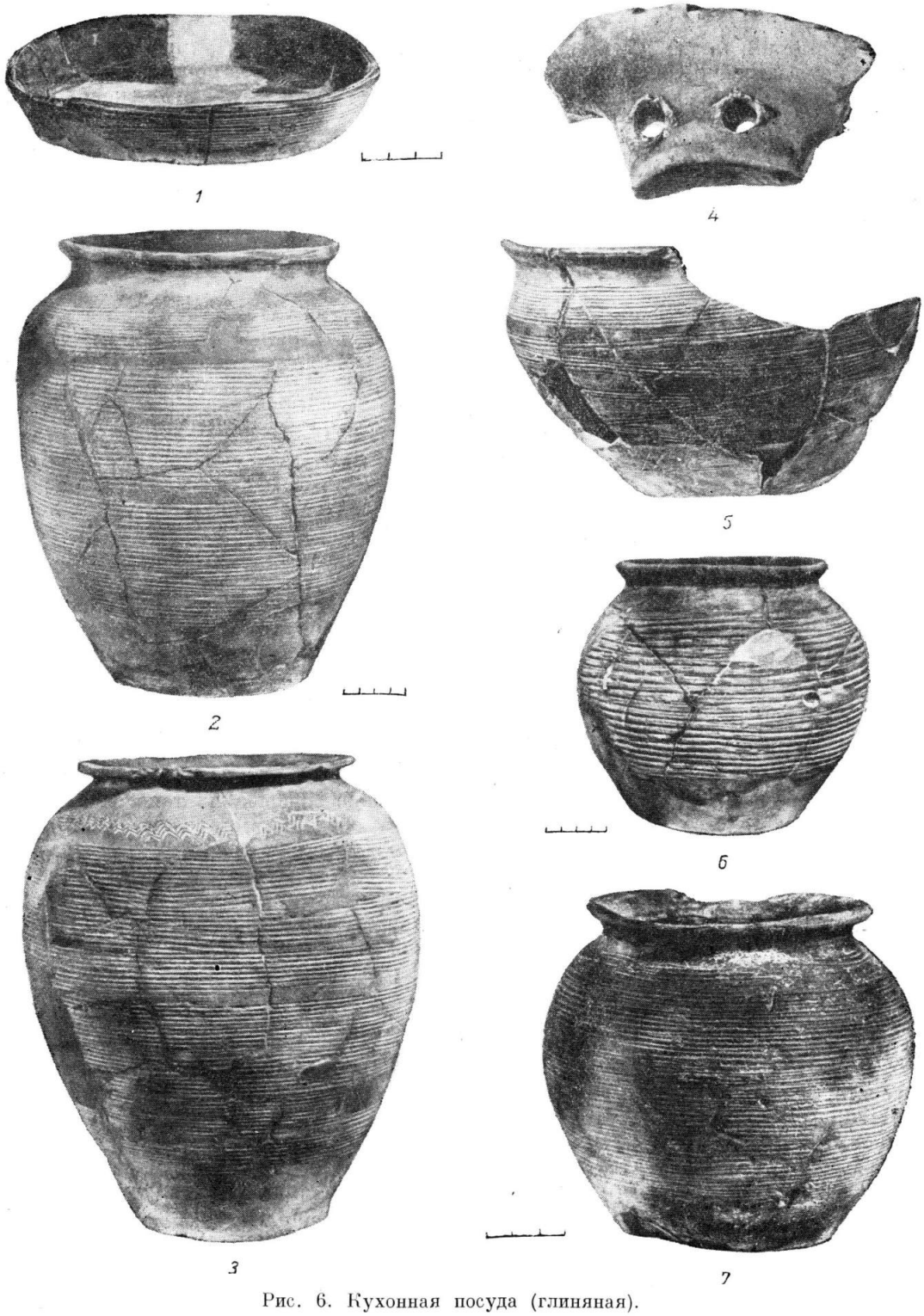


Рис. 6. Кухонная посуда (глиняная).

1, *5*, *6* — Правобережное Цимлянское городище; *2* — Суворовское поселение; *4*, — Карнауховское поселение

ушками. Форма их также довольно устойчивая, но существенно отличающаяся от формы горшков. Эти сосуды имеют высокий, резко отогнутый венчик и очень слабо выраженную шейку, переходящую непосредственно в корпус сосуда. Плечи, как правило, едва намечены. Внутри сосудов на линии изгиба шейки имеется два противолежащих выступа. Каждый выступ имеет или по два вертикальных, цилиндрической формы отверстия диаметром от 1 до 2 см, или по одному горизонтальному отверстию, слегка изогнутому, соответственно кривизне стенок сосудов. Размеры сосудов этого типа менее разнообразны, чем горшкообразных сосудов. Объем их чаще всего около 4—6 л. Резко отлично, по сравнению с горшкообразными сосудами, и соотношение отдельных частей. Диаметр верха более чем вдвое превышает диаметр дна и значительно превосходит высоту сосуда. Этот тип посуды напоминает современные полевые котлы (казаны), отличаясь от последних лишь плоским дном.

В технологическом отношении сосуды с внутренними ушками ничем не отличаются от кухонных горшков. Они изготовлялись из такой же глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет их серый, очень редко палевый. Стенки сосудов покрывались сплошным линейным орнаментом, который изредка сочетался с поясами волнистых линий, нанесенными по верхней части корпуса. Орнаментировался также и венчик. С внутренней стороны он покрывался волнистым или линейным поясом, а по срезу наносились насечки или отпечатки гребенки или же срезу придавали веревкообразный характер (рис. 6, *4* и *5*).

Сосуды с внутренними ушками в количественном отношении значительно уступают кухонным горшкам. Они обнаружены на многих поселениях, но далеко не на всех. В частности, совершенно неизвестно, имеется ли этот тип сосудов даже на таких поселениях, как Маяцкое и Салтовское, где производились раскопки. Объясняется это отчасти тем обстоятельством, что при раскопках указанных городищ керамическим остаткам не уделялось должного внимания. Данное положение находит подтверждение в отчетах, опубликованных исследователями этих городищ.[1]

Есть еще один тип сосудов, который следует отнести, по-видимому, к группе кухонной посуды,— это сковородки. Они имеют невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки и плоское дно. Высота стенок 3—5 см, верхний диаметр 25—30 см, диаметр дна 20—25 см. В технологическом отношении они ничем не отличаются от предыдущих двух типов сосудов. Они изготовлялись на круге из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Цвет их серый. С внешней стороны стенки покрывались линейным орнаментом, а по срезу наносились насечки или оттиски зубцов гребенки. Иногда орнаментировалась и внутренняя часть сковородки — дно. Среди керамических остатков сковородки занимают сравнительно небольшое место. Как и сосуды с внутренними ушками, они найдены на многих, но далеко не на всех поселениях (рис. 6).

Посуда второй группы, для хранения продуктов, как по формам, так и по технике изготовления значительно разнообразнее. Со стороны формы сосуды этой группы членятся на две большие подгруппы — сосуды с широким горлом (пифосообразные) и сосуды с узким горлом (кувшинообразные).

Наиболее распространенным типом пифосообразной посуды являются сосуды, по форме напоминающие кухонные горшки, имеющие совершенно такое же соотношение между отдельными своими частями, но отличающиеся громадными размерами: объем их нужно измерять не литрами, а ведрами. Венчик этих сосудов в большинстве случаев имеет веревкообразный характер (ложновитой), реже прямоугольный в сечении. Шейка выражена очень слабо; венчик, по сути дела, сидит непосредственно на плечиках. Вся поверхность корпуса сосуда (от венчика до дна) покрыта сплошным линейным орнаментом. Иногда по плечикам выше линейной орнаментации наносился пояс из ряда волнистых линий. Изредка встречаются сосуды, орнаментированные не горизонтальными, а вертикальными или наклонными линиями, идущими от венчика ко дну (рис. 7).

Изготовлялись эти сосуды из глины с примесью крупнозернистой дресвы. Стенки

[1] А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище, стр. 153—163; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 14, 17, 25—27, 34—43; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

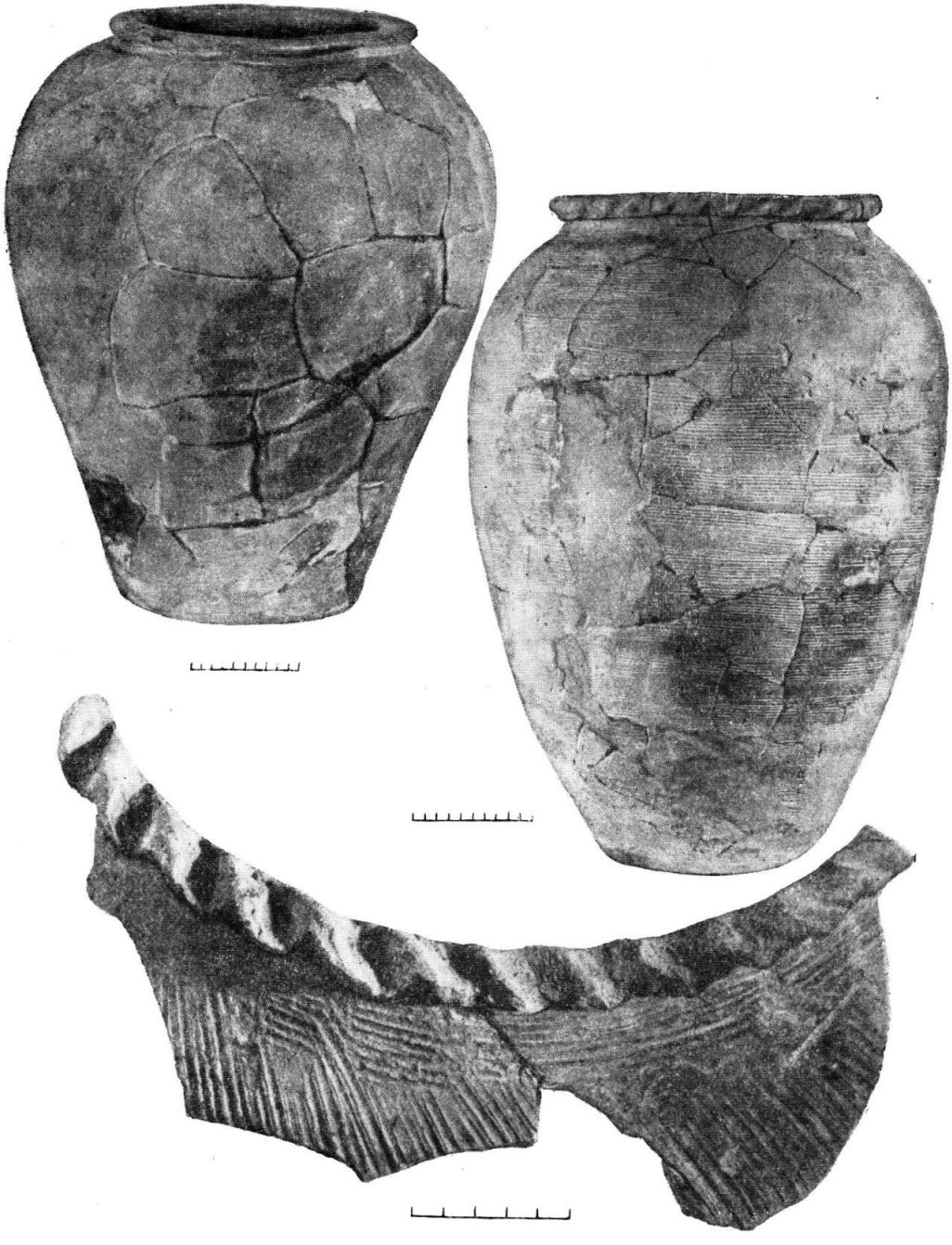


Рис. 7. Карнауховское поселение. Сосуды для хранения продуктов. Пифосообразные сосуды.

их толстые, от 1.5 до 3 см толщиной. Цвет сосудов серый и палевый. Общий облик их не столько массивный, сколько грубый. Несомненно, бо́льшая часть их изготовлялась на гончарном круге, но впечатление от них такое, будто они вылеплены ручным способом.

Как и кухонные горшки, сосуды этого типа имели очень широкое распространение. Они найдены почти на всех поселениях, независимо от того, производились ли там раскопки или же только внешний осмотр.

Вторым типом этой подгруппы являются сосуды, по форме и технологии несколько отличные от охарактеризованных выше. Они имеют широкий, плоский, горизонтально отогнутый венчик, образующий невысокую, но отчетливо выраженную шейку, переходящую в почти горизонтальные плечики. Дно сосудов плоское. По размерам они близки к горшкообразным сосудам, но отличаются от последних меньшим диаметром горловины. Изготовлялись эти сосуды из хорошей, чистой глины с незначительной примесью очень мелкой дресвы или песка, вследствие чего поверхность их шероховатая. Тесто плотное и хорошо обожженное. Толщина стенок колеблется в пределах от 1 до 1.5 см. Цвет серый или буро-красный (рис. 7).

Остатки сосудов этого типа встречаются сравнительно редко. Они были найдены при раскопках Карнауховского поселения, где наряду с отдельными фрагментами был найден почти целый сосуд, а также при обследовании Волчанского поселения. Обращает на себя внимание большая близость этих сосудов как по форме, так и по технологическим свойствам с сосудами культуры «полей погребений» черняховского типа.[1]

При характеристике подгруппы пифосообразных сосудов нельзя не отметить находок на поселениях салтово-маяцкой культуры остатков и собственно средневековых пифосов. К сожалению, остатки эти незначительны и восстановить размеры, даже приблизительные, нет никакой возможности. В технологическом отношении данные сосуды существенно отличаются от сосудов, охарактеризованных выше. Они изготовлялись из хорошей, чистой глины без каких-либо примесей. Тесто их плотное, поверхность гладкая, цвет темно-красный. Толщина стенок колеблется от 1.5 до 2 см. Обломки пифосов были обнаружены пока лишь на двух поселениях — на Карнауховском и Левобережном Цимлянском.

Кувшинообразные сосуды для хранения продуктов в керамическом комплексе салтово-маяцкой культуры известны пока в виде двух типов: 1) трехручные кувшины и 2) яйцевидные амфоры.

Трехручные кувшины являются наиболее крупными сосудами из всех сосудов, известных нам в составе керамического комплекса салтово-маяцкой культуры. Высота их достигает 0.70 м, диаметр дна 0.25—0.30 м, диаметр горловины 0.12—0.15 м, наибольший диаметр корпуса около 0.45—0.50 м. Тулово кувшина имеет горшкообразную форму, переходящую постепенно в узкое, вверху слегка расширяющееся горло высотой 0.10—0.15 м. Горло имеет слив, против которого прикреплена ручка; две другие ручки прикреплены к тулову в самой широкой его части, одна против другой. Трехручные кувшины изготовлялись из довольно чистой глины с незначительной примесью мелкозернистой дресвы. Обработка поверхности сосудов неодинакова. Одни из них подвергались лощению и обжигались в темные цвета (черный, серый), другие оставлялись в естественном виде и обжигались в светлые тона (красный, палевый), но и в первом и во втором случае тулово орнаментировалось. Орнамент состоял из нескольких поясов многорядной волны, располагаемых более или менее на одинаковом расстоянии один от другого, и широких врезных полос, размещенных преимущественно на плечиках. Лощение наносилось иногда в виде вертикальных или перекрещивающихся полос (рис. 8).

Трехручные кувшины описанного типа имели, по-видимому, широкое хождение в быту. Они известны нам и по раскопкам, и по случайным находкам. В 1906 г. такой сосуд темного цвета, лощеный, был найден В. А. Бабенко при исследовании неукрепленной части Салтовского поселения. Высота этого сосуда была около 0.50 м. По сообщению В. А. Бабенко, местные жители передавали ему, что «такие же сосуды извлекаемы были в разных местах и раньше, но за непригод-

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XIII, 1950, стр. 27.

Рис. 8. Карнауховское поселение. Сосуды для хранения продуктов. Кувшинообразные сосуды.

ностью тогда же уничтожались».[1] Два таких же сосуда (один лощеный, другой без лощения) были найдены в разбитом виде при исследовании Карнауховского поселения в 1950—1951 гг. Имеются они и среди находок нижнего горизонта Левобережного Цимлянского городища. Ряд находок известен за пределами бассейна р. Дона. Давно и хорошо известна находка такого кувшина в числе других сосудов салтово-маяцкой культуры близ с. Мачехи Полтавской губернии, опубликованная Н. Е. Макаренко.[2] Из неопубликованных материалов нам известен такой сосуд в коллекциях Краснодарского музея.[3]

Приведенные данные позволяют предполагать, что трехручные кувшины являются одной из распространенных форм сосудов салтово-маяцкой культуры и лишь недостаточное наше знакомство с керамикой этой культуры не давало возможности выявлять в составе керамических находок как при раскопках, так и среди материалов разведок, остатки сосудов описываемой формы.

Яйцевидные амфоры резко выделяются из состава сосудов керамического комплекса салтово-маяцкой культуры как своей формой, так и технологией (характером теста, яркостью своего оранжево-красного цвета и т. д.). Они изготовлялись из хорошей, чистой глины, в большинстве случаев без каких-либо заметных примесей. Тесто их плотное, хорошо обожженное. Изредка поверхность покрывалась слабым раствором краски (ангоб) светлых тонов. Форма амфор яйцевидная, но соотношение между высотой и диаметром корпуса не всегда выдержано. Горловина амфор сравнительно высокая, до 6—8 см, диаметр 5—7 см. Ручки массивные, овальные в сечении. Они прикреплены непосредственно под венчиком, расходясь от него в стороны, а затем почти под прямым углом опускаясь на плечи. Тулово большинства сосудов имеет желобчатую поверхность. У одних эта желобчатость выражена довольно резко, у других слабее (рис. 8).

Яйцевидные амфоры имеют широкое распространение в поселениях салтово-маяцкой культуры. Более того, в литературе утвердилось мнение, что амфоры этого типа и производились на поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности на Салтовском, вследствие чего за ними установилось название «салтовские».[1] До последнего времени мы также придерживались этой же точки зрения.[2] Следует, однако, заметить, что не во всех известных нам поселениях амфоры занимают одинаковое место; это подтверждается рядом фактов. Так, несмотря на довольно тщательное внешнее обследование, а также и раскопки Суворовского поселения, здесь при наличии громадного количества керамических остатков вообще было найдено всего лишь один-два амфорных обломка. Совершенно иную картину мы наблюдаем на таких поселениях, как у хут. Ближнего Подгорского (правый берег р. Чир) и у с. Архангельского (Нежегольское городище, правый берег Северского Донца) и некоторых других. Оба последних поселения были подвергнуты лишь внешнему осмотру, и все же обломки яйцевидных амфор были найдены в значительных количествах.

Среди керамических остатков, обнаруженных как при раскопках поселений, так и при обследованиях, встречаются обломки, принадлежащие каким-то большим кувшинообразным сосудам иных форм, но, к сожалению, восстановить их пока нет возможности.

Третью группу сосудов составляет так называемая столовая посуда. В материалах поселений она представлена недостаточно ярко. Сохранившиеся остатки малочисленны и невыразительны. Тем не менее некоторые типы сосудов вполне можно определить; среди них миски, кувшины, кружки.

Миски по формам и размерам разнообразны. Одним из наиболее интересных ти-

---

[1] В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове», стр. 396.

[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 116—118.

[3] Как любезно сообщил нам научный сотрудник музея Н. В. Анфимов, сосуд был найден на Ангелинском селище близ ст. Ивановской при строительстве оросительной системы.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470; М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 73; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157.

[2] И. И. Ляпушкин. 1) Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 127—128; 2) Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, стр. 32.

пов их следует признать миски, напоминающие деревянные резные чашки с вертикальными, слегка выпуклыми стенками и плоским дном. Переход от дна к стенкам плавно закруглен. Край стенок подчеркнут узкой вдавленной линией, придающей ему вертикальное положение. Размеры этих мисок довольно крупные: высота их около 10 см, диаметр верха около 20 см (рис. 9). Известны миски и меньших размеров. Таковы небольшие миски с высокими выпуклыми стенками и узким дном, напоминающие современные пиалы, и круглодонные миски полусферической формы.

Форма кувшинов, как и мисок, также разнообразна. Наиболее распространенным их типом являются невысокие одноручные кувшины шаровидной или близкой формы со сравнительно узким цилиндрическим горлом, с хорошо выраженным сливом. Значительный процент этих сосудов имеет очень характерное широкое дно, придающее кувшину приземистый характер (рис. 9, *4*, *6*). Реже встречаются кувшины удлиненных форм, с узкими днищами и невысокими горловинами (рис. 9, *1*).

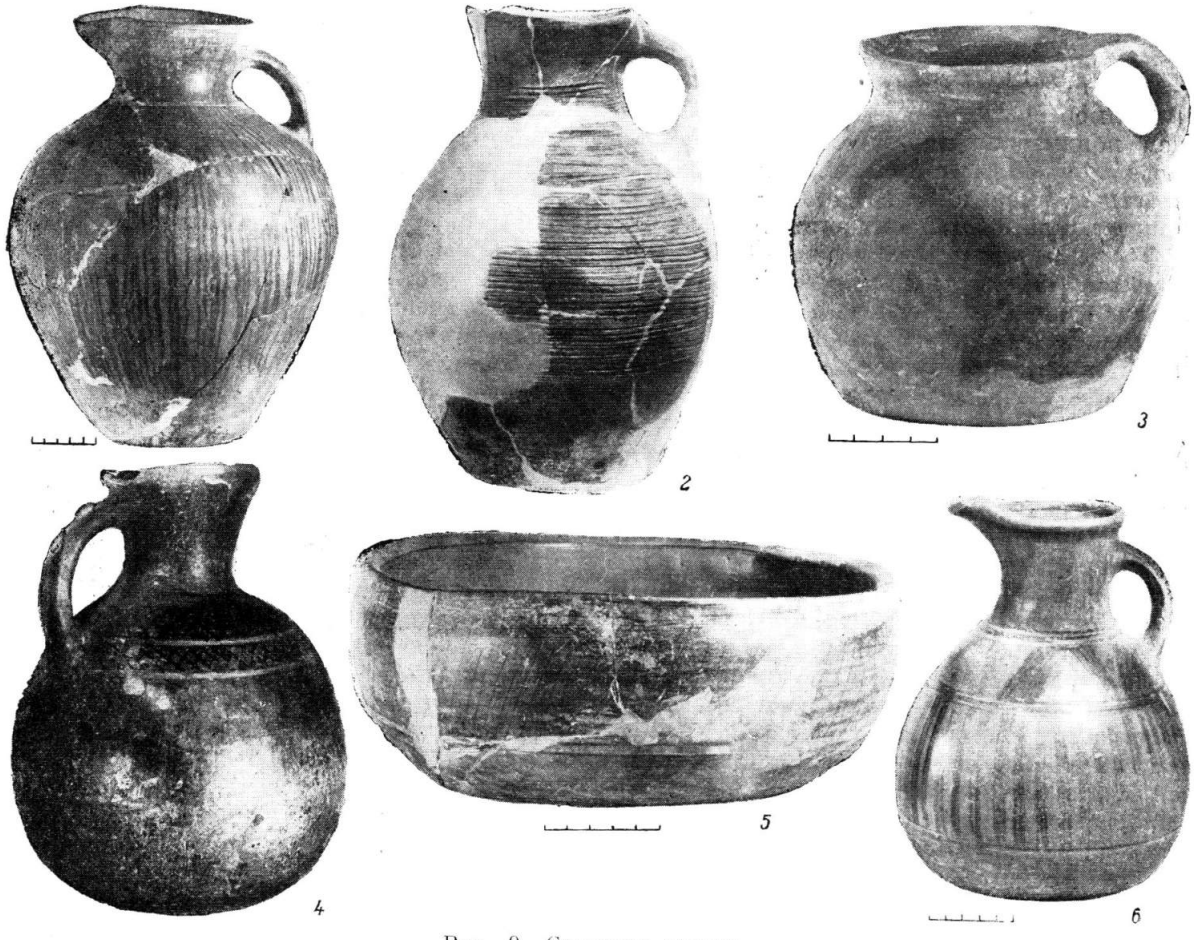


Рис. 9. Столовая посуда.

1, *5* — Суворовское поселение; *2* — Правобережное Цимлянское городище; *3* — поселение у дер. Доброй; *4* — Левобережное Цимлянское городище; *6* — Салтовский могильник.

Рассматриваемая группа кувшинов наиболее широко представлена среди могильного инвентаря катакомбных могильников Салтова, Маяцкого, Подгоровки и некоторых других памятников этого типа. Сосуды данного типа известны в литературе под именем салтовских в собственном смысле этого слова. На основании материалов мо-

гильников считалось, а некоторые исследователи считают еще и сейчас, что именно этот тип сосудов является наиболее широко распространенным в керамическом комплексе салтово-маяцкой культуры. Материалы поселений в корне опровергают такой взгляд.

Несколько слов о последнем типе сосудов этой группы — «кружках». Под этим термином в литературу вошли небольшие одноручные сосуды довольно разнообразной формы, представляющие собой скорее широкогорлые кувшинчики, чем кружки в нашем понимании слова.[1] Как и описанные выше кувшины, «кружки» значительно богаче представлены в составе материалов могильников, чем поселений.

В технологическом отношении группа столовой посуды представляет более или менее единое целое. Бóльшая часть ее изготовлялась из довольно чистой глины и хорошо обжигалась. Цвет ее преимущественно черный, серый или темно-коричневый. Поверхность, как правило, покрывалась лощением — или сплошным, или в виде вертикальных полос, реже треугольников или каких-либо других геометрических фигур. Встречаются кувшины, покрытые линейным орнаментом. По сравнению с другими группами керамики столовые сосуды отличаются бóльшим изяществом форм и лучшей отделкой их поверхностей.

Данная нами характеристика глиняной посуды далеко не исчерпывает всего богатства и многообразия керамики, бытовавшей у населения салтово-маяцкой культуры. Не говоря уже о том, что значительное число форм не представляется пока возможным восстановить вследствие недостаточности имеющихся в нашем распоряжении остатков, есть ряд хорошо известных типов, которые трудно отнести к какой-либо из трех рассмотренных нами групп. К числу их относятся так называемые фляги, или баклажки: округлые, плоские, с невысоким узким горлом и двумя ручками. По качеству теста, цвету фляги очень близки к яйцевидным амфорам. Их роднит с последними также форма горловины и ручек. В силу этих причин обломки фляг трудно отличить от амфорных обломков, если они не принадлежат какой-либо характерной части. Очевидно, поэтому среди керамических остатков очень редко отмечается присутствие обломков этих сосудов. Они фиксируются лишь в бесспорных случаях. Среди материалов поселений они известны лишь на Карнауховском, Левобережном и Правобережном Цимлянских и то в виде фрагментов. В целом виде одна фляга была обнаружена в Подгоровском катакомбном могильнике[1] и две найдены случайно.[2]

Характеризуя отдельные типы сосудов и группы в целом, мы не касались вопроса техники их производства. Не вызывает никакого сомнения то, что подавляющая масса сосудов изготовлялась на гончарном круге. Это положение находит бесспорное подтверждение в материалах как поселений, так и могильников. Бесспорно и то, что какая-то часть сосудов — лепные (рис. 9, *3*). Последние наиболее отчетливо выступают в памятниках, расположенных в пограничной полосе лесостепи и степи, таких как Салтово, Нежегольское, Добрая и некоторые другие. В каком соотношении находятся эти две группы сосудов между собой — сосуществуют они или предшествуют одна другой,— сказать трудно, ибо материалы салтово-маяцкой культуры до сих пор датируются широкими хронологическими рамками — VIII—X вв. Выделить из состава этих материалов более ранние и более поздние комплексы пока нет возможности.

Наряду с изделиями, изготовленными явно на гончарном круге и способом лепки, в составе салтово-маяцкой керамики необходимо отметить большую группу сосудов, технику изготовления которых установить очень трудно. Основную массу их составляют сосуды третьей группы (лощеная столовая посуда), кувшины по преимуществу. По изяществу формы и безукоризненности внешней отделки сосудов, казалось бы, изготовление их на гончарном круге не должно подлежать никакому сомнению, однако при внимательном рассмотрении оказывается, что на многих из них следы обработки на гончарном круге совершенно отсутствуют. Не соответствует гончарному способу производства и своеобразная слоистая структура их теста.

---

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 467, табл. XXIII, XXIV.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 238/1926, лл. 2 об. и 45.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 100.

Среди материалов, найденных при исследовании поселений, большое место занимает хозяйственный инвентарь, почти совершенно неизвестный по данным раскопок могильников: орудия земледелия, рыбных промыслов, обработка дерева, камня и др. Наиболее полно представлены земледельческие орудия. В их составе орудия пахоты — сошники и плужные ножи, орудия уборки урожая — косы и серпы, орудия переработки зерна — жернова. Сошники симметричные, довольно устойчивой формы. Средние размеры их такие: общая длина около 20—22 см, длина рабочей части около 15 см, наибольшая ширина рабочей части около 14 см. Большим совершенством формы и выделки отличаются плужные ножи (рис. 10). Они довольно массивные. Общая длина их около 50 см, длина лезвия 21—23 см, наибольшая ширина лезвия около 5 см. Сечение черена ножа прямоугольное, со сторонами около 4×4 см.

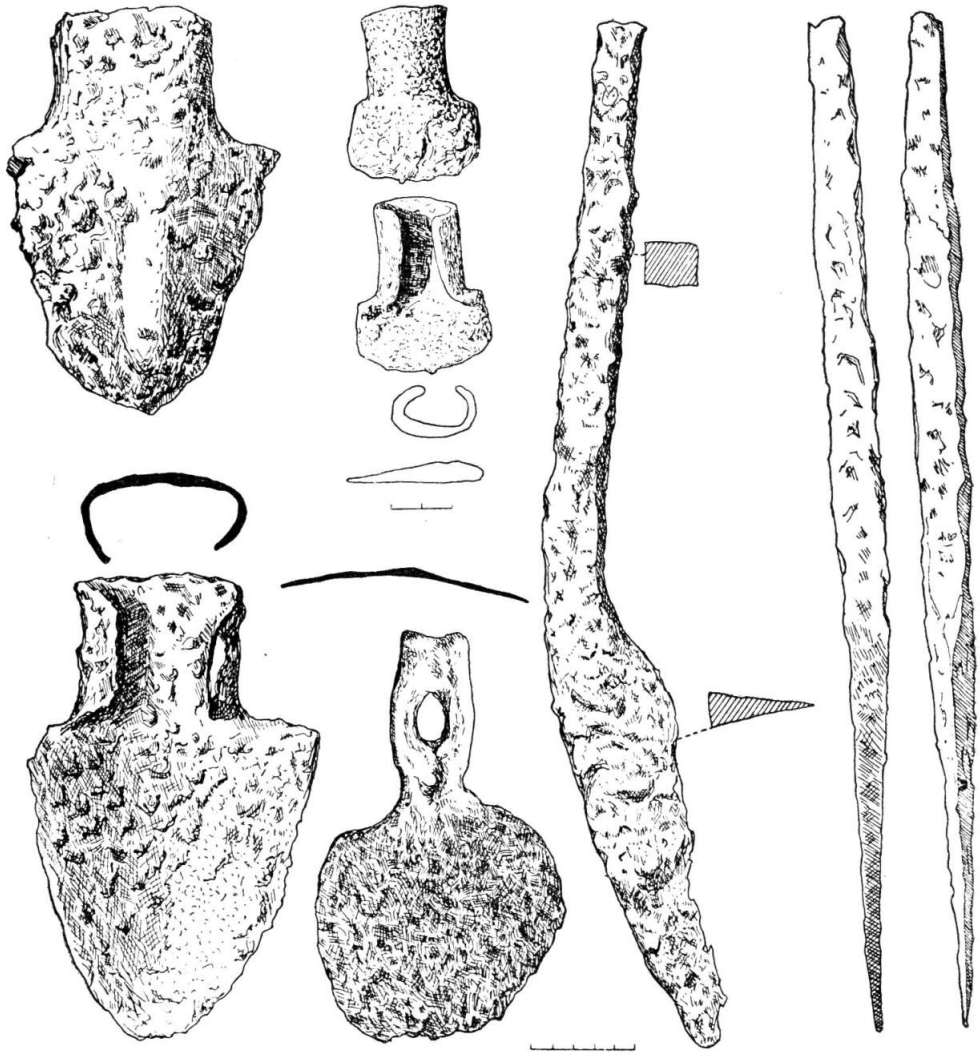


Рис. 10. Правобережное Цимлянское городище. Земледельческие орудия. Орудия обработки земли.

Менее совершенны орудия уборки урожая — косы и серпы (рис. 11). Косы небольшие, узколезвийные, с пяткой, посаженной под тупым углом. Общий облик

их близок к облику кос-горбуш. Общая длина кос около 40—42 см, длина лезвия около 37 см. Серпы разнообразные. Одни как и современные, в насечку. Размеры серпов разнообразные, но длиннее 30 см они не встречались.

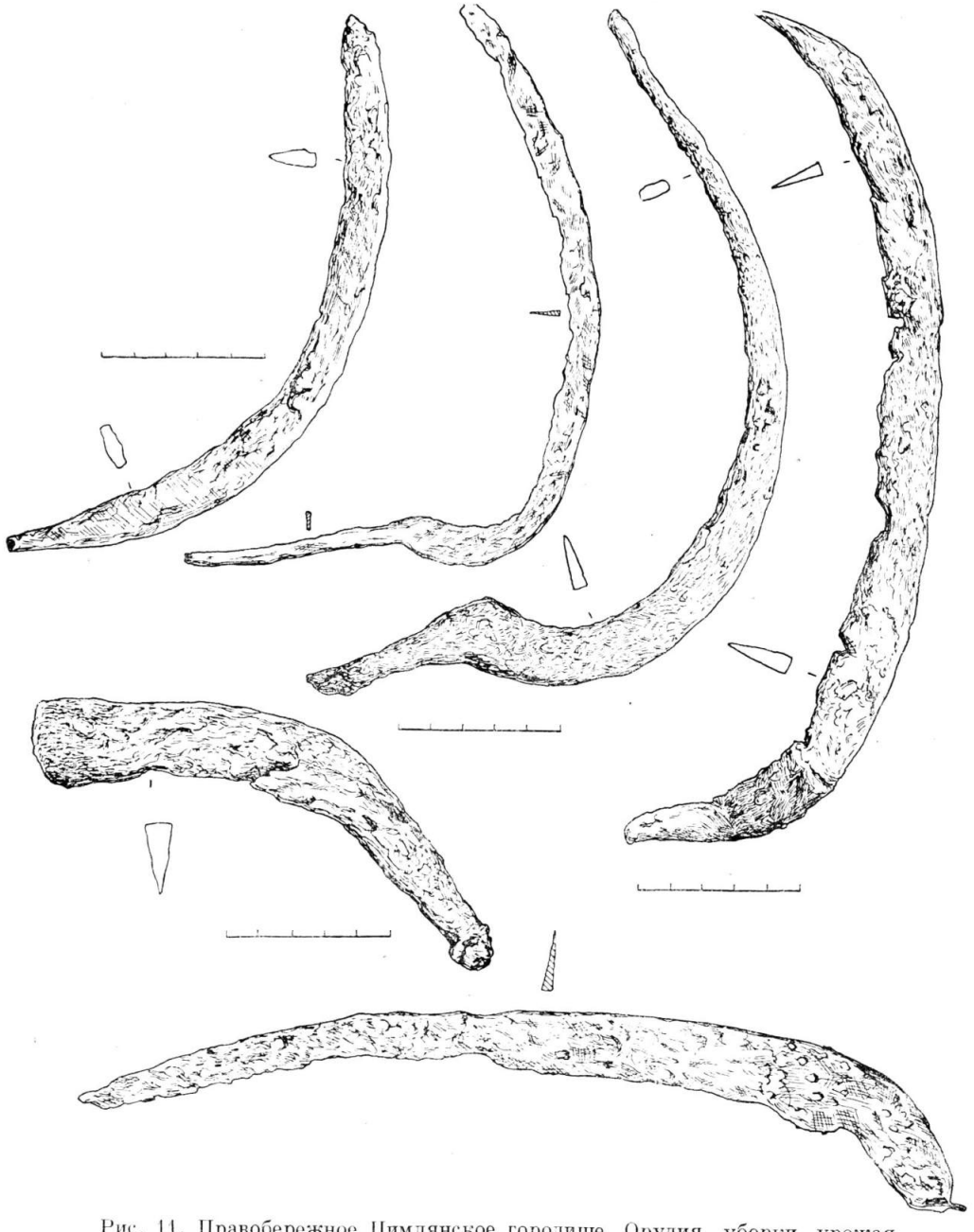


Рис. 11. Правобережное Цимлянское городище. Орудия уборки урожая.

из них почти одинаковы с современными, отличаясь от последних лишь меньшими размерами, другие резко выделяются своей незначительной кривизной, напоминая косу-горбушу. Лезвия серпов зубрились так же,

Широко распространены на поселениях жернова (рис. 12). Они небольшие, плоские, округлой формы, диаметр их 50—70 см, толщина нижнего (постава) около 4—6 см, верхнего (бегуна) около 5—7 см. В центре

жерновов небольшое (около 4—6 см в диаметре), округлое в плане, сквозное отверстие. Изготовлялись они из ракушечника или песчаника.

Найдены на поселениях и небольшие железные лопаточки (мотыжки?), хорошо известные по материалам могильников [1] (рис. 10). К числу земледельческих орудий следует отнести, по-видимому, и своеобразную мотыжку с округлой рабочей частью и тяжелым обухом, напоминающую кетмень. Диаметр рабочей части мотыжки около 12 см, высота обуха около 8 см, толщина его около 4 см (рис. 10).

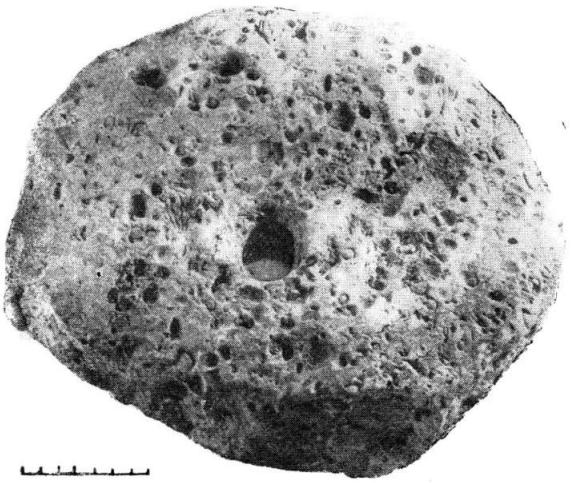


Рис. 12. Карнауховское поселение. Жернов.

Земледельческие орудия найдены на ряде поселений — Правобережном Цимлянском, Карнауховском, Суворовском, Левобережном Цимлянском, Салтовском, Подгоровском и некоторых других, но нигде они не представлены так полно и в такой сохранности, как на Правобережном Цимлянском.

Менее разнообразны, чем земледельческие орудия, найденные на поселениях рыболовные принадлежности: крючки, пешни, грузила (рис. 13). По своему устройству крючки очень близки с современными. Изготовлялись они из железа. Бородка выражена довольно отчетливо; верх стержня заканчивается колечком. Размеры крючков по сравнению с современными очень большие. Длина стержня (спинки) колеблется в пределах 4—11 см. Наряду с обычными крючками найдены крючки без бородок, напоминающие багры, но только небольших размеров. Длина стержня их около 12 см. Пешни небольшие, длина их около 15 см, диаметр трубки около 2 см. Грузила преимущественно каменные.

Из орудий обработки дерева следует отметить топоры, долота, ложкорезы. В целом виде топоров не найдено; сохранились лишь обухи, так что восстановить облик топоров не представляется возможным. Судя по обухам, это были рабочие топоры, отличные от находимых в могилах боевых топоров (рис. 14).

Орудия обработки металла и камня представлены единичными находками. Из числа первых следует отметить бородки, из числа вторых — небольшие долота для тески камней. Бóльшая часть этих орудий, как и орудий обработки земли, найдена на Правобережном Цимлянском городище.

При исследовании поселений найдены также изделия, хорошо знакомые по раскопкам могильников. В их числе предметы конского снаряжения, оружие, украшения и др. Из предметов конского снаряжения следует отметить стремена, удила, подпружные пряжки. По своим формам эти вещи совершенно одинаковы с такими же вещами из Салтовского и других, аналогичных ему могильников [1] (рис. 15).

Из оружия наиболее богато представлены наконечники стрел. Все они железные, черешковые. Форма их довольно разнообразна. Наряду с известными ранее по материалам могильников трехперыми и ланцетовидными, [2] при раскопках поселений были найдены и некоторые другие — листовидные, ромбовидные, а также единичные экземпляры с пятиугольным плоским прорезным острием и с острием в виде ласточкина хвоста. Есть и наконечники копий. Они железные, трубчатые, листовидной формы. Переход от втулки к перу хорошо прослеживается по довольно отчетливым плечикам. Длина трубки относится к длине пера как 1 к 1 (рис. 16).

---

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 470, табл. XX, *8*; В. Бабенко. Дневник раскопок 1-го катакомбного могильника в селе Верхнем Салтове 1908 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 236—237 (катакомба 21).

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 468, табл. XXII.

[2] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 469, табл. XX.

Украшения представлены отдельными случайными вещами: перстнями, поясными бляшками, браслетами, зеркалами, серьгами и др. По своим формам все они находят аналогии среди могильных инвентарей Салтова и других родственных ему могильников.

Более многочисленны (количественно) среди материалов поселений остатки железной посуды — котлов или ведер. Сохранились они очень плохо, в виде груд тонких, сильно окислившихся железных пластинок. О принадлежности последних ведрам или котлам

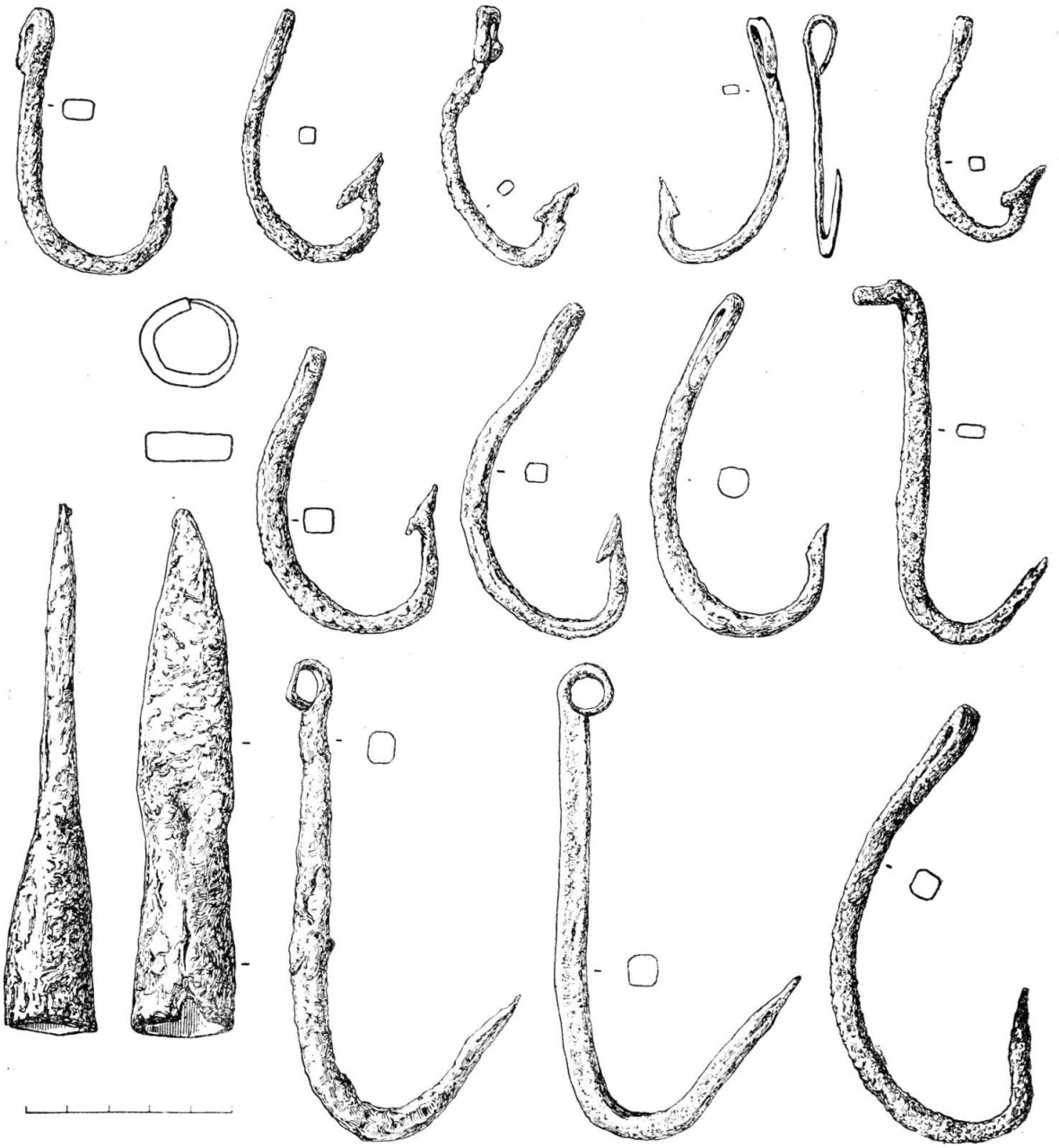


Рис. 13. Правобережное Цимлянское городище. Рыболовные принадлежности.

можно судить лишь по сохранившимся дужкам и петлям (рис. 17). Среди железных изделий большое место занимают ножи (рис. 18).

Заслуживает быть отмеченной еще одна группа находок, проливающая свет на хозяйственную деятельность населения, — это куски железа (бесформенные или, чаще, представляющие части готовых изделий) с отчетливыми следами рубки металла, а также небольшие железные крицы.

Наконец, нельзя не упомянуть находок монет. Встречаются они в памятниках салтово-маяцкой культуры, особенно в погребениях, сравнительно часто, почти всегда в качестве украшений — в виде подвесок в составе ожерелий или в головных уборах.[1] Большую ценность имеют монеты как датирующий материал отдельных могильных комплексов, а также и культуры в целом. Именно монетными данными обосновывалась первая датировка Салтовского могильника, предложенная А. М. Покровским на XII Археологическом съезде. А. М. Покровский датировал могильник VIII—X вв., причем период VIII—IX вв. он считал временем наибольшего расцвета жизни Салтовского поселения.[1] Эта дата была принята большинством исследователей.[2] Материалы последующих раскопок

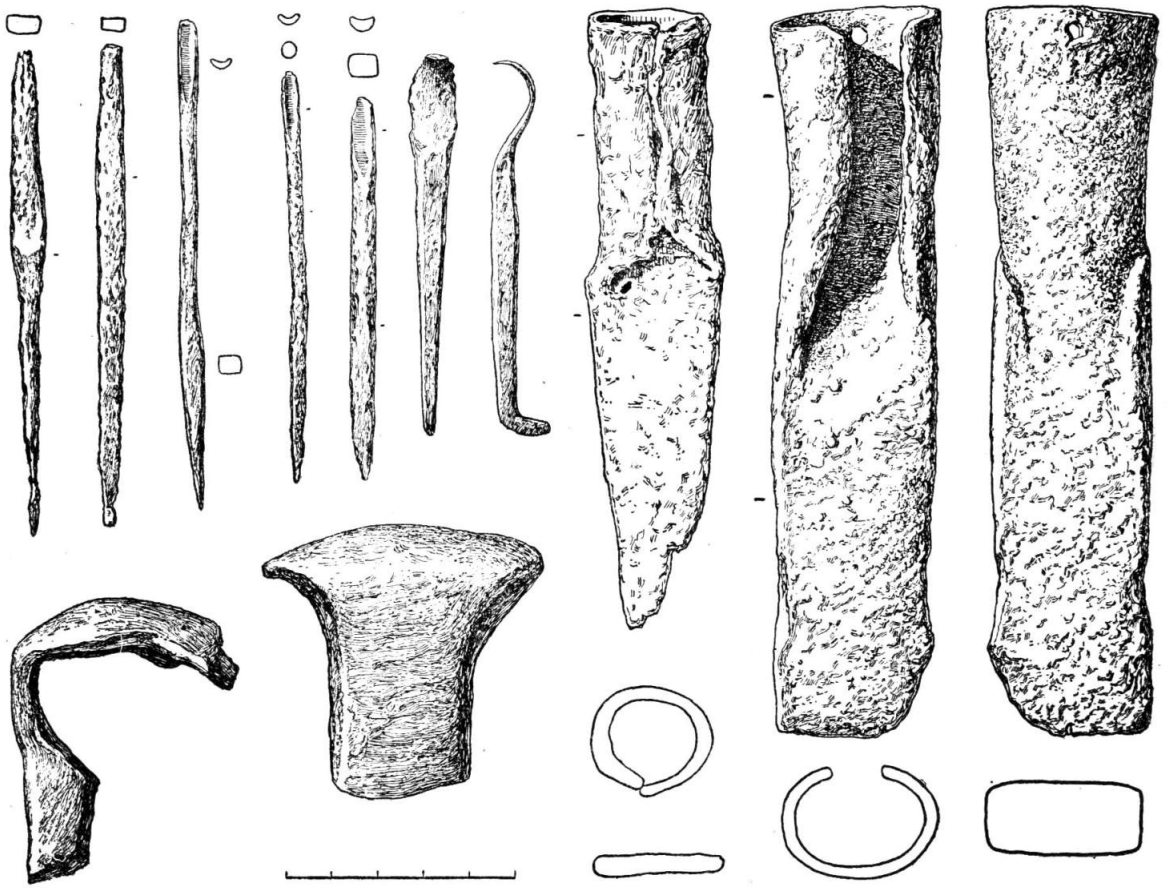


Рис. 14. Правобережное Цимлянское городище. Орудия обработки дерева.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—478; А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв. Вестн. Харьковск. истор.-филолог. общ., вып. 3, Харьков, 1913, стр. 1—15.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 475.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72; А. С. Федоровский.

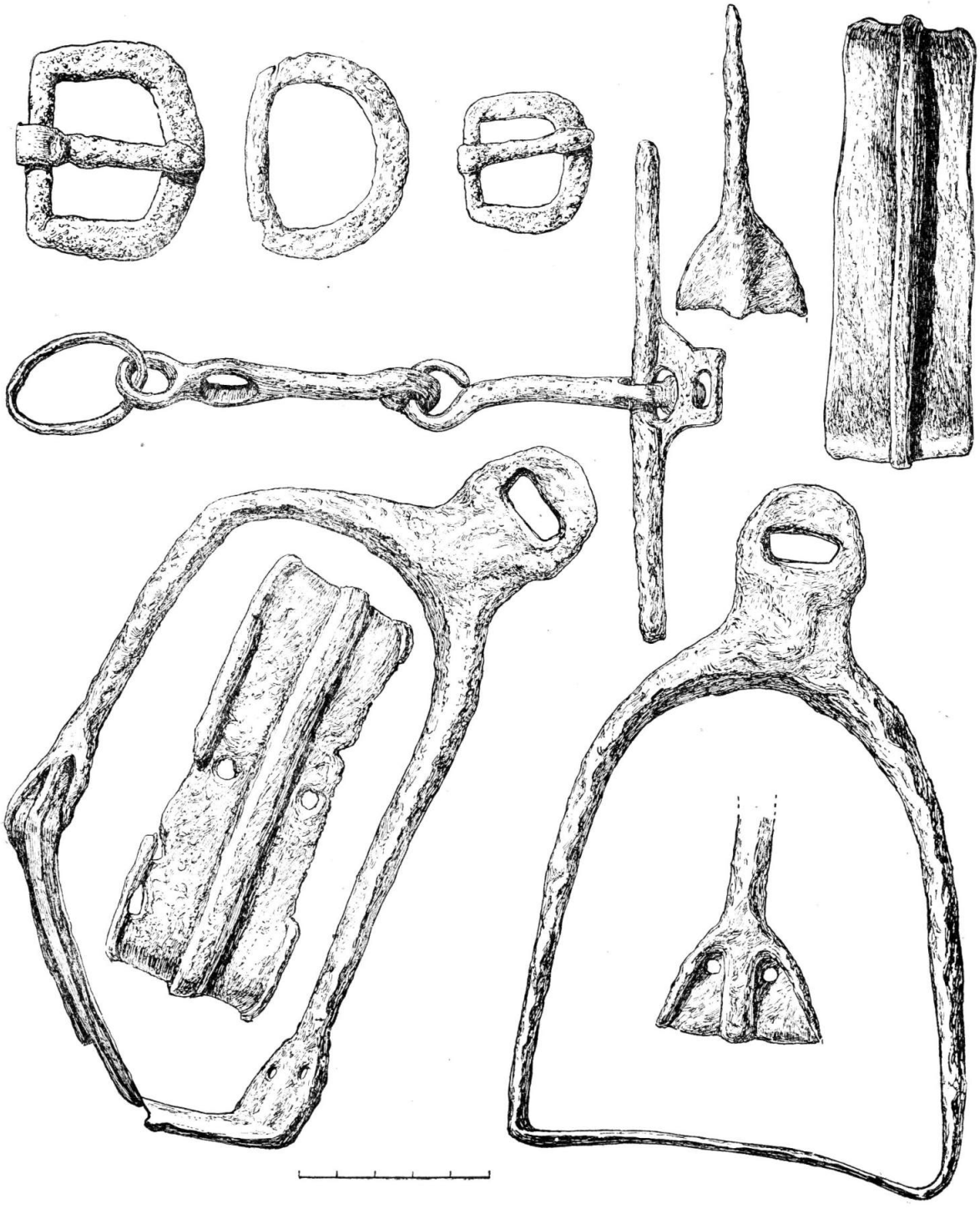


Рис. 15. Правобережное Цимлянское городище. Конское снаряжение.

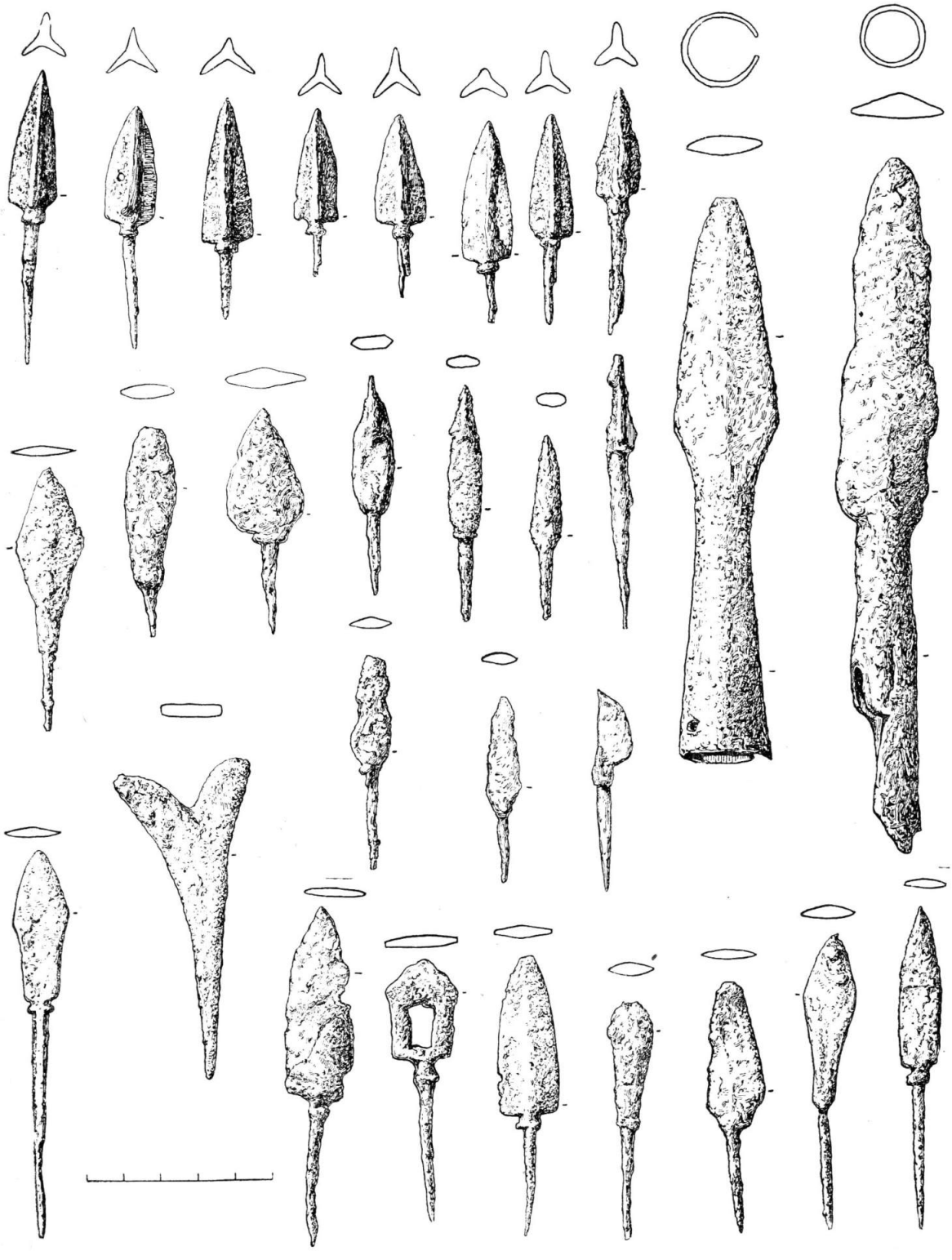


Рис 16. Правобережное Цимлянское городище. Оружие.

полностью подтвердили датировку А. М. Покровского. Монет более позднего времени, чем X в., найдено не было ни в поселениях, ни в могильниках. Выдвинутая датировка нашла подтверждение в массовом керамическом материале поселений и могильников, в частности в амфорах, датировка которых в настоящее время разработана более или менее удовлетворительно.[1] Среди многочисленных керамических остатков поселений и могильников салтово-маяцкой культуры амфор, относящихся ко времени позже X в., хорошо известных нам по материалам поселений бассейна Дона (Левобережное Цимлянское городище русского периода), а также и смежных районов Поднепровья, совершенно не было встречено.

Это подтверждается также тем, что керамика салтово-маяцкого комплекса была находима в составе материалов славянских поселений VIII—X вв., датированных монетами, найденными в жилищах, которые закончили свое существование вместе с прекращением жизни на всем поселении.[2]

Судя по этим данным, салтово-маяцкая культура просуществовала от 200 до 250 лет. Конечно, это вовсе не означает, что жизнь во всех поселениях охватывает такой период. Одни из них существовали дольше, чем другие. О продолжительности их жизни можно будет судить лишь в результате исследования каждого памятника путем раскопок. Сейчас несомненно лишь одно: подавляющее большинство известных нам поселений являются однослойными, содержащими хотя и многочисленные, но довольно однообразные культурные остатки, что свидетельствует о сравнительно непродолжительной жизни в них.

Такая же картина была выявлена и по материалам погребений. Еще А. М. Покровский, выступая с докладом на XII Археологическом съезде о первых раскопках Салтовского могильника, указывал, что хотя «Количество вещей, находимых при погребениях Верхне-Салтовского могильника, по большей части довольно велико, но самые предметы не поражают своим разнообразием, а скорее имеют один общий характер и повторяют одни и те же формы».[1] То же самое отмечает и А. А. Спицын.[2]

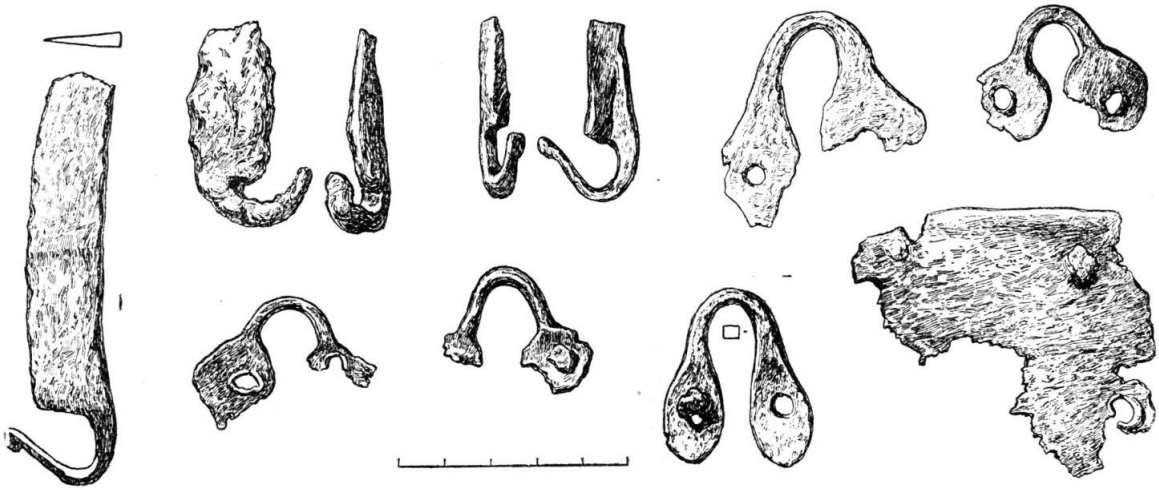


Рис. 17. Правобережное Цимлянское городище. Фрагменты железной посуды.

Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 38.

[1] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 325—344.

[2] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. Такой же материал найден на Новотроицком городище во время наших раскопок 1952 г. (не опубликован).

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 468.

[2] А. А. Спицын. Историко археологические разыскания, стр. 72.

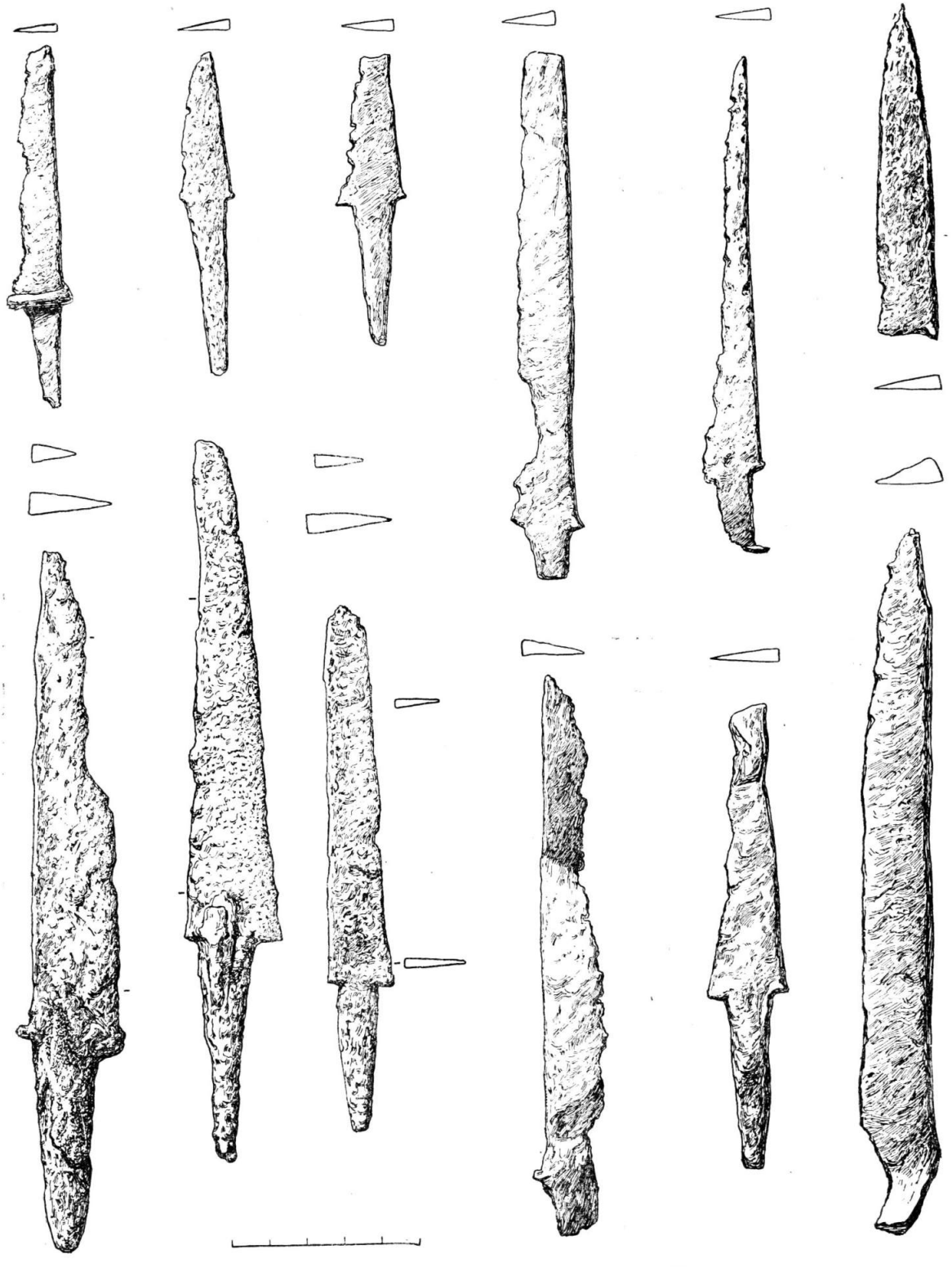


Рис. 18. Правобережное Цимлянское городище. Ножи.

IV

Материалы поселений, рассмотренные нами выше, дают возможность сделать ряд выводов как о характере общественной, хозяйственной и культурной жизни населения, оставившего памятники салтово-маяцкой культуры, так и о заселении края в целом.

Уже одно число известных нам в исследованном районе поселений, далеко еще не полностью обследованном, позволяет сделать заключение, что область бассейна Дона была занята в изучаемый период (VIII—X вв.) не только кочевым населением, наличие которого здесь было хорошо известно по письменным источникам, но и оседлым, причем оседлость была довольно хорошо выраженной, с установившимся типом поселений, выработанной формой жилищ и более или менее единообразным бытом и хозяйственной деятельностью. Судя по данным раскопок, одним из основных занятий населения было земледелие. Об этом свидетельствуют как находки сельскохозяйственных орудий в широком смысле этого слова (орудия обработки земли, уборки урожая, переработки продуктов), так и находки самих продуктов земледелия — зерен ячменя, пшеницы, проса, а по косвенным данным, и некоторых других культур. Ценным свидетельством наличия земледелия наряду с земледельческими орудиями является побочный продукт обмолота зерна — мякина (полова), найденная в качестве примеси к глиняной обмазке на одном из обследованных поселений (близ хут. Карнаухова).

О степени развития земледелия можно судить по характеру земледельческих орудий. Находки сошников вместе с плужными ножами говорят, что это было несомненно пашенное земледелие с применением довольно сложного плуга, снабженного специальным ножом, облегчающим вспашку тяжелых целинных земель, которые преобладали на исследуемой нами территории. О высоком уровне земледелия свидетельствуют и орудия уборки урожая — серпы, косы-горбуши, имеющие выработанные, устойчивые формы и высокое качество выделки. Как отмечалось нами выше, форма некоторых серпов близка к современной. О значительности удельного веса земледелия в жизни населения говорят и многочисленные находки крупных ручных жерновов. На поселениях, где культурные отложения обнажены (например, Карнаухово), обломки жерновов встречаются буквально около каждой усадьбы.

Наиболее яркие материалы, характеризующие культуру земледелия, были обнаружены на Правобережном Цимлянском городище. Здесь наряду с находками в культурных отложениях отдельных орудий в одном из жилищ был найден целый комплекс, состоящий из плужного ножа, двух симметричных сошников, косы-горбуши и небольшой железной лопатки. Находки злаков немногочисленны. Кроме Левобережного Цимлянского городища, мы можем назвать еще лишь одно поселение у хут. Карнаухова, где в обожженной глиняной обмазке были обнаружены отпечатки карликовой пшеницы, двурядного ячменя и проса.[1]

Не менее крупное место в хозяйственной деятельности средневекового населения бассейна Дона занимало скотоводство. Основными данными для суждения о составе стада являются костные остатки, собранные при раскопках поселений: Правобережного Цимлянского (1939 г.) и Карнауховского (1950—1951 гг.). Многочисленны костные остатки Левобережного Цимлянского городища, но использовать их в качестве источника салтовской культуры, к сожалению, невозможно. Городище это многослойное, сильно перекопанное как в прошлом, так и в наши дни, вследствие чего отделить остатки одного периода от другого нет возможности.

При характеристике остеологического материала Правобережного и Карнауховского городищ мы не будем, в связи с тем, что соотношение костных остатков в основных своих показателях на обоих поселениях совпадает, останавливаться на материалах каждого из них в отдельности, а рассмотрим их совместно, отметив лишь особенности каждого.

Костные остатки из раскопок Правобережного Цимлянского городища были определены научным сотрудником ИИМК В. В. Карачаровским, из раскопок Карнауховского поселения — К. Б. Юрьевым. Судя по этим данным, домашние животные играли в хозяйственной жизни преобладающую роль. Им принадлежит от 75 до 80% всех костных остатков, найденных на поселениях, и только 20—25% составляют кости диких животных. Такое же

[1] Определения злаков сделаны В. А. Петровым.

соотношение имеет место и по числу особей. Среди домашних животных первое место занимает бык, следующее — мелкий рогатый скот (баран и козел), затем идут лошадь, свинья, собака. При раскопках Карнауховского поселения в 1950 г. были найдены кости верблюда.[1] Из костей домашних птиц следует отметить кости гуся и курицы. Наличие последних в хозяйстве населения салтово-маяцкой культуры засвидетельствовано также остатками яичной скорлупы, найденными в катакомбных могилах Салтовского могильника.[2]

Любопытно отметить, что в составе костных остатков Правобережного Цимлянского городища совершенно не обнаружено костей домашней свиньи, но зато довольно многочисленны кости дикого кабана очень крупных размеров. Удельный вес его остатков приблизительно такой же, что и остатков домашней свиньи на Карнауховском поселении.

Из костей диких животных отчетливо выступают лишь остатки дикого кабана. Они найдены и на Карнауховском и на Правобережном Цимлянском городищах, занимая в составе остатков довольно значительное место. Кости других животных немногочисленны. На Карнауховском поселении найдены кости оленя (1 особь), на Правобережном Цимлянском — кости лося (2 особи), сайги (4 особи), лисицы (3 особи), зайца (9 особей). Из костей птиц найдены кости тетерева. Такой состав костных остатков диких животных свидетельствует о том, что в хозяйстве населения дикие животные не играли заметной роли. Больше того, за исключением кабана все они, по-видимому, являлись случайной добычей, а не объектом промысловой охоты.

Характерной чертой костных остатков является раздробленность, доведенная до крайнего предела. По замечанию В. В. Карачаровского, «раздроблению подвержены даже мелкие фаланги барана, не говоря уже об эпифизах костей всех прочих животных». Объяснение этому он усматривает в «максимальной утилизации костного мозга как продукта питания».

На крупное значение скотоводства в хозяйстве указывает широкое бытование в составе хозяйственных построек усадьб специальных сооружений (полуземляночных хлевов) для мелкого рогатого, а также, по-видимому, и для молодняка крупного рогатого скота с целью укрытия его от зимних холодов и дождливой осенней погоды. Вскрытые при раскопках усадебные комплексы показывают, что такие хлева являются составной частью многих усадьб. Значительные размеры их (5—12×3—4 м) дают основание предполагать, что каждое хозяйство имело не один десяток голов только мелкого рогатого скота, причем последний, как показывают данные костных остатков, количественно уступает крупному рогатому скоту, служившему, очевидно, основной тягловой силой при выполнении тяжелых хозяйственных работ, в первую очередь земледельческих. Наличие больших стад домашних животных подтверждается и некоторыми косвенными данными, в частности применением на некоторых поселениях в качестве топлива почти исключительно кизяка, о чем свидетельствует состав зольных остатков, сохранившихся вплоть до наших дней в виде громадных куч (зольников) около большинства древних усадьб.

Из сельскохозяйственных промыслов следует отметить рыболовство, занимавшее в жизни населения одних поселков большее, в других меньшее место, в зависимости, видимо, от местоположения поселения по отношению к водоемам. Наиболее отчетливо, судя по материалам исследованных поселений, рыбный промысел выступает на Правобережном Цимлянском городище, расположенном непосредственно у Дона. Здесь наряду с многочисленными пищевыми отбросами рыб (чешуя, кости), найденными как непосредственно в жилищах, так и около них, обнаружены и рыболовные принадлежности: крючки различных размеров, грузила от сетей, пешни для прорубки льда в зимнее время. Высокое качество рыболовных крючков, выработанность их форм и разнообразие размеров (от 4 до 12 см длины) наряду с многочисленными рыбными остатками говорит о значительном развитии этого промысла. Последнее подтверждается и находками специальных крючков-багров без бородки и кольца для привязки шнура. Судя по этно-

---

[1] Наличие в составе стада населения салтово-маяцкой культуры верблюда подтверждается изображением этого животного, запряженного в повозку, на костяной трубке, обнаруженной С. Н. Замятниным при раскопках в 1926 г. могильника катакомбного типа у хут. Подгоровки Уразовского района Харьковской области.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439.

графическим данным, такие крючки, прикрепленные к деревянным рукояткам длиной около 1 м, употребляются и сейчас для вытаскивания крупных рыб (щук и др.), попавшихся на обычный рыболовный крючок.[1] В частности, под именем «котич» бытуют эти крючки на Дону.

Чешуя и костные остатки позволяют судить как о составе вылавливаемой рыбы, так и ее размерах. Подавляющее большинство остатков принадлежит таким рыбам как сом, щука, сазан, лещ и некоторым другим. В основном размер рыб средний, но встречаются и довольно крупные экземпляры. Диаметр некоторых найденных позвонков достигает 3—4 см. Только на крючки вышеописанных размеров (4—12 см длины) и можно было поймать такую рыбу. Наряду с остатками обыкновенных рыб встречаются остатки и осетровых (ганоидных), но последние в значительно меньшем количестве, чем первые.

Большое количество рыбных остатков, а равно и рыболовных принадлежностей обнаружено при исследовании Левобережного Цимлянского городища. Но, к сожалению, использовать их при исследовании нашего вопроса, как и костные остатки животных, в силу многослойности памятника нет никакой возможности.

Рассмотренные выше материалы, добытые при исследовании поселений, позволяют с полной уверенностью говорить о том, что население салтово-маяцкой культуры занималось не только сельским хозяйством и связанными с ним промыслами, но и некоторыми ремеслами. Из числа последних наиболее отчетливо выступает гончарное ремесло.

О наличии гончарного ремесла свидетельствуют остатки гончарных обжигательных печей, обнаруженных при раскопках Левобережного Цимлянского и Суворовского поселений. Найденная при их исследовании керамика дает основание говорить, что применявшаяся в обиходе населения глиняная посуда изготовлялась здесь же на месте, в бассейне р. Дона, в укрепленных и неукрепленных поселках. Основываясь на указанных данных, попытаемся раскрыть характер этого ремесла. Одним из основных показателей уровня гончарного производства является наличие производственных сооружений — гончарных обжигательных печей. По своему устройству они довольно сложные, двухъярусные, ямного типа. Одни из них с подпорным столбом, другие без столба. Первые найдены лишь в одной точке, на Левобережном Цимлянском городище. Конструктивно они довольно близки средневековым гончарным печам Крыма, продолжающим античные традиции. Появление их в поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности на Левобережном Цимлянском городище, вероятнее всего следует рассматривать как заимствование. Последнее можно поставить в связь с пребыванием в Саркеле (Левобережном городище) византийских мастеров, приезжавших для постройки крепости. Печи второго типа без подпорного столба открыты в двух точках — на Левобережном Цимлянском и Суворовском поселениях. Подобных печей в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. мы почти не знаем. Печи первой половины I тысячелетия (культуры «полей погребений») все с подпорными столбами. Без подпорного столба есть еще лишь одна печь у с. Дуба-Юрт (Северный Кавказ), открытая Северо-Кавказской экспедицией в 1939 г.[1] По общему облику она очень близка к печам салтово-маяцкой культуры без подпорного столба. Найденные около печи и в печи керамические остатки принадлежат к комплексу салтово-маяцкой керамики. По-видимому, печь синхронна Дуба-Юртовскому могильнику,[2] т. е. одновременна печам Суворовского поселения. Печи этого типа в Восточной Европе имеют широкое распространение в более позднее время, в XI—XIII вв.; они доживают вплоть до наших дней.[3]

Характерной чертой салтово-маяцкого гончарного ремесла является сосредоточенность его в определенных населенных пунктах, что обусловливалось, с одной стороны, наличием соответствующего сырья (глины), а с другой — бо́льшими возможностями распространения производственных навыков среди населения в условиях, где это производство уже существует (традиции). С этим

---

[1] Л. П. Сабанеев. Рыбы России. Изд. 3-е, М., 1911, стр. 985—986.

[1] Архив ИИМК, ф. ГАИМК, д. № 165/1939, лл. 76—79; Фотоархив ИИМК, № 01470, сектор Средней Азии и Кавказа, по описи 1947 г. № 3/8.

[2] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938 (Зап. Чечено-Ингушетск. научно-исслед. инст. языка и истории, т. I), стр. 13—31.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 342—352; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 114—120.

явлением мы сталкиваемся и на Суворовском и на Левобережном Цимлянском поселениях. В обоих поселениях были открыты не отдельные печи, а целые гнезда их (рис. 19 и 20). Каждая из таких печей могла вмещать в себя до полсотни сосудов средних размеров. Эти данные говорят о том, что гончарное производство достигло значительной ступени развития, что оно прочно выделилось в самостоятельную отрасль хозяйственной деятельности, что продукция изготовлялась на сбыт.

Другим показателем уровня гончарного производства является качество изготовляемой продукции. Как отмечалось выше, салтово-маяцкая керамика на первых этапах своего изучения вошла в научный обиход в искаженном виде, неполно, лишь той своей частью, которая представлена в погребальном инвентаре, — лощеными кувшинами, кружками и некоторыми другими близкими к ним формами. Такое представление о салтово-маяцкой керамике в какой-то мере сохраняется и по сей день.[1] Длительное время считалось также, что салтово-маяцкая керамика делалась не на гончарном круге.[1]

Материалы поселений позволяют полнее раскрыть богатство и многообразие керамики этой культуры. Уже сейчас, на первых этапах ее изучения, можно считать установленным, что подавляющая масса глиняной посуды изготовлялась на гончарном круге. Лепная посуда составляет незначительный процент; остатки ее отчетливо выступают лишь в поселениях и могильниках, расположенных в пограничной полосе лесостепи и степи — у сел Салтово и Архангельское и у дер. Доброй. Остатки гончарной посуды встречены повсеместно, как на поселениях, так и в могильниках. Судя по наличию клейм, а также по покрытию дна песком, сосуды изготовлялись на ручном круге. Формы их, как видно из приведенной выше характеристики, весьма разнообразны. Многие из них являются довольно оригинальными, не имеющими себе аналогий в соседних, в частности северо-западных, районах. Но среди них есть и такие, которые широко

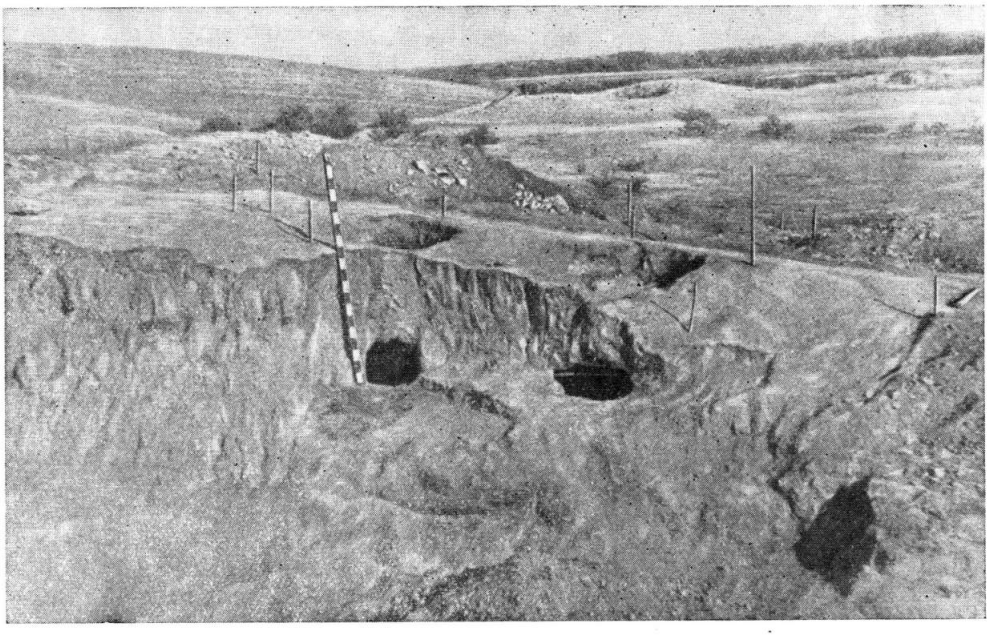


Рис. 19. Поселение у ст. Суворовской. Гончарные печи. Общий вид.

[1] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, стр. 60—61; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 477; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 439—440.

бытуют и за границами распространения салтово-маяцкой культуры. К числу их относятся амфоры яйцевидной формы, известные в литературе под названием салтовских. Последнее название укрепилось за ними в связи с находками В. А. Бабенко нескольких таких амфор в хозяйственной яме Салтовского поселения, принятой им за

Рис. 20. Поселение у ст. Суворовской. Гончарные печи. Обжигательные камеры.

гончарную печь.[1] Ошибочность этого утверждения В. А. Бабенко мы разобрали выше довольно подробно, однако вопрос о месте производства этих амфор и, в частности, о том, изготовлялись ли они населением салтово-маяцкой культуры, нашими выводами ни в какой мере не предрешается. Следует все же иметь в виду, что как по форме, так и по технологическим свойствам яйцевидные амфоры резко выделяются из всего остального керамического комплекса салтовской культуры. Любопытно также и то, что при исследовании гончарных печей Суворовского поселения никаких следов производства яйцевидных амфор не обнаружено. Больше того, остатки амфор совершенно не найдены на всей территории Суворовского поселения, как при раскопках жилищно-хозяйственных сооружений, так и при внешнем осмотре всей площади поселения. Эти данные позволяют предполагать, что если амфоры и производились населением салтово-маяцкой культуры, то далеко не повсеместно, по-видимому лишь в определенных точках, там, где была потребность в такой таре (район виноделия); если же это действительно было так, имеются все основания предполагать, что в гончарном ремесле уже зародилась узкая специализация, т. е. отдельными мастерами изготовлялись лишь определенные типы сосудов.

В технологическом отношении сосуды изготовлялись со знанием дела, хотя и далеко еще не были совершенными. Они производились из довольно чистой глины и сравнительно хорошо обжигались. При этом состав теста не был постоянен, он изменялся путем добавления различных примесей в зависимости от назначения посуды. Сосуды для хранения продуктов, как мы отмечали выше, имели свой состав теста; своими особенностями характеризовался также состав теста кухонных сосудов и столовой посуды. В этом отношении, как и во многом другом, в керамическом производстве чувствуются традиции предшествующей поры, первой половины I тысячелетия н. э., когда состав теста посуды также был непостоянен и всецело определялся назначением сосудов.[1] Назначением сосудов определялась, по-видимому, и их орнаментация, которая применялась широко. С помощью лощения и прочерчивания горизонтальных и волнистых борозд создавались простые, но довольно своеобразные рисунки. Наиболее «нарядно» обрабатывалась столовая посуда. Бóльшая часть ее покрывалась лощением — или сплошь, или в виде геометрических фигур (треугольников, ромбов и т. п.). Кухонная посуда, как правило, не лощилась. На ее поверх-

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—470.

[1] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений». . ., стр. 10—14.

Рис. 21. Салтовск ий могильник. Могильный инвентарь. Изделия из цветных металлов.

ность наносились горизонтальные или волнистые линии в самых различных сочетаниях. Сосуды для хранения продуктов орнаментировались обоими приемами: одни из них покрывались различными узорами, нанесенными с помощью лощения, на других прочерчивались незатейливые горизонтальные и волнистые бороздки.

Гончарное ремесло салтово-маяцкой культуры только начинает изучаться, но уже и то, что мы знаем сейчас, позволяет сделать вывод о его сравнительно высокой ступени развития для своего времени. Об этом красноречиво говорит как характер изготовляемой продукции, так и технология производства.

В составе могильного инвентаря, а также материалов, собранных при исследовании поселений, значительное место занимают изделия из металла — железа, бронзы (меди), серебра. Одни из них кованые, другие литые, третьи штампованные (рис. 21). Многие из них являются образцами тонкого ювелирного искусства и умелой обработки черных металлов. Вполне естественно встает вопрос: какие из известных нам металлических вещей являются продукцией местного производства и какие привозными? Каков был уровень обработки металлов? Мы не сомневаемся в том, что многие (если не большинство) металлические изделия, находившиеся в обиходе населения, как из орудий труда, так и из украшений, изготовлялись на месте. Однако отсутствие среди известных нам материалов каких-либо следов производства большей части металлических вещей не дает оснований для выводов ни о степени развития обработки различных металлов, ни о формах этого производства. Не считаем мы возможным принять за основу и точку зрения предшествующих исследователей, считавших все «изящное» привозным с Востока, из Византии и т. д., а все обычное — изготовлявшимся здесь, на месте.[1] Единственное, о чем мы в настоящее время можем говорить с какой-то достоверностью, это о существовании кузнечного дела. Правда, следует прямо признаться, что для освещения и этого вопроса мы располагаем очень скудными данными. В сущности, эти данные сводятся только к установлению следов обработки железа. Мы имеем в виду отмеченные нами выше куски железа с отчетливо выраженными признаками ковки и рубки, найденные при раскопках Правобережного Цимлянского городища и не могущие быть ничем иным, как только отходами кузнечного производства. Следует отметить, что в их составе наряду с бесформенными кусками железа имеется значительное количество обрубков от готовых изделий, например от стремян, клинка, меча или кинжала и некоторых других неопознанных изделий. Наряду с отбросами кузнечного производства на том же поселении были найдены отдельные кузнечные инструменты — бородок и зубило (рис. 22).

Наблюдения над этими материалами позволяют заключить, что кузнечное дело не было чуждо населению салтово-маяцкой культуры. Вывод этот весьма существенный, но в данном случае не решающий, ибо он не дает ответа на основной интересующий нас вопрос: какова же техника и организация кузнечного дела? Единственным источником, способным в какой-то мере ответить на этот вопрос, остаются многочисленные железные изделия, найденные при раскопках могильников и поселений. Состав этих изделий по техническим приемам их изготовления весьма разнообразен, начиная от вещей, могущих быть изготовленными одним кузнецом с помощью самых элементарных приемов (ножи, шилья, гвозди), и кончая изделиями, требующими для своего изготовления участия не менее двух человек и самых сложных технических приемов — сварки, клепки и т.п. (плужные ножи, лемехи, топоры, сабли). Все эти изделия отличаются прекрасным качеством ковки, сварки и чистотой отделки, стандартностью форм, свидетельствуя тем самым, что в кузнечном деле выработались определенные традиции и навыки, овладение которыми требовало длительной, специальной подготовки.

Изучая кузнечное дело, нельзя обойти полным молчанием основной вопрос — о выплавке железа, хотя здесь мы и находимся в полном неведении. До сего времени ни на одном поселении не было обнаружено никаких следов этого производства. Неизвестны нам и находки кричного железа. Все, что мы знаем по этому вопросу из материалов Левобережного Цимлянского городища, относится к славянскому периоду жизни поселения. Не исключена возможность, что в силу отсутствия соответствующей сырьевой базы выплавка железа здесь не

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 435—445.

производилась и оно было привозным из более северных или южных районов.[1] Это обстоятельство должно объяснить и тот факт, почему салтово-маяцкое население так бережно обращалось с железом, перерабатывая ненужные и износившиеся железные изделия в новые. По-видимому, как ни широко было распространение этого металла в быту, он являлся дефицитным материалом.

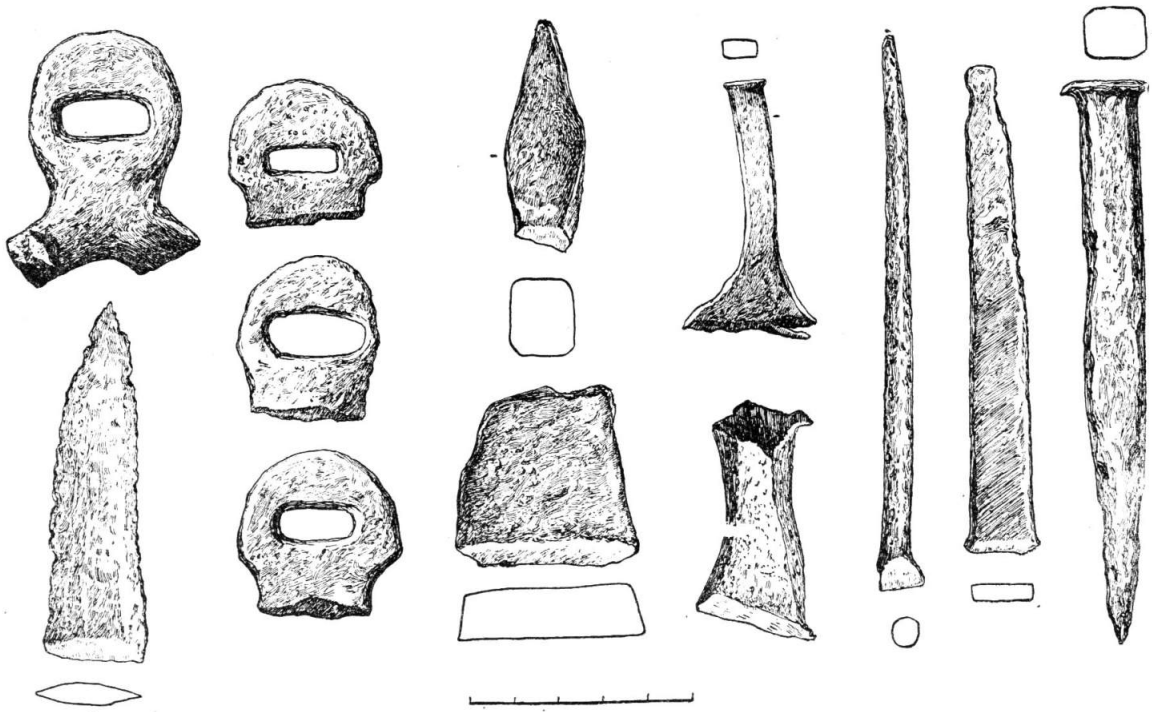


Рис. 22. Правобережное Цимлянское городище. Остатки кузнечного производства.

При всей отрывочности и неполноте имеющихся в нашем распоряжении данных для суждения о технике и организации кузнечного дела их все же достаточно для того, чтобы сделать вывод о месте кузнечного дела в хозяйственной жизни населения, — о том, что кузнечное дело являлось самостоятельной, обособившейся отраслью хозяйственной деятельности — ремеслом.

Из других отраслей производства необходимо остановиться на обработке волокна и дерева, т. е. на тех отраслях, которые в жизни человека всегда играли заметную роль. Приходится очень сожалеть, что в памятниках материальной культуры они не находят достаточного отражения.

Наиболее частыми и повсеместными находками на поселениях являются пряслица — небольшие круглые и плоские изделия, просверленные в центре, изготовленные из камня или обломков глиняной посуды и применяющиеся для усиления вращения веретена (рис. 23). Они свидетельствуют о широком распространении прядения. Несомненно, прялась прежде всего шерсть, имевшаяся в каждом хозяйстве благодаря широко развитому скотоводству. Наряду с шерстью пряли и растительное волокно, нити из которого неоднократно были находимы среди материалов погребений.[1] Прядение теснейшим образом переплетается с ткацким делом, изготовлением тканей. Наличие последнего у салтово-маяцкого населения не вызывает сомнений, хотя следов производственной деятельности среди археологических материалов пока не обнаружено. Существование ткацкого дела подтверждается лишь многочисленными находками пред-

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 35—40.

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 440—443.

метов производства, остатками шерстяных и пеньковых тканей, применявшихся для изготовления одежды.

Очень мало данных сохранилось и для суждения об обработке дерева. Среди материалов, добытых при исследовании поселений, имеются топор (дефектный, только обух), долото, ложкорез и некоторые другие мелкие инструменты. Почти все эти орудия являются необходимыми в обиходе каждого хозяйства. Исключение составляет ложкорез, орудие специальное, связанное с узким кругом работ по дереву даже в наши дни. Наличие перечисленных орудий обработки дерева, однако, не дает еще каких-либо оснований для заключения о существовании обособленной деревообделочной отрасли производства, тем более что изделий из дерева среди археологических материалов салтово-маяцкой культуры совершенно не найдено. Очевидно, и обработка волокна, и обработка дерева не представляли собой обособленных отраслей хозяйственной деятельности. Они носили характер домашнего производства, обслуживая, как правило, нужды каждого хозяйства в отдельности.

Особо хочется остановиться на знакомстве населения салтово-маяцкой культуры с обработкой камня и на широком использовании последнего в качестве строительного материала. Данные, свидетельствующие об этой стороне хозяйственной деятельности, довольно многочисленные. Мы имеем в виду прежде всего остатки каменных стен укрепленных поселений, охарактеризованных нами выше. Наиболее исследованными из них, дающими представление как о технике обработки камня, так и о способах кладки, являются стены Маяцкого городища. По данным раскопок Н. Е. Макаренко, внешние части стен «были сложены из тесаных камней, плотно уложенных друг на друга, без цемента и без всяких скреп, в один, иногда в два ряда. Промежуток между такими стенками засыпан щебнем, мелкими и более крупными камнями, а пространство между ними заполнено мелким белым, слегка желтоватым составом в виде извести или толченого мела». По мнению Н. Е. Макаренко, «этот порошок есть остатки прежнего цемента». Все камни внешних частей кладки стен были обработаны способом тески, «орудием в виде плоскожелобчатого лезвия около 1 вершка шириной». Стены возводились непосредственно на материке, без фундамента. На многих облицовочных камнях Н. Е. Макаренко обнаружил различные знаки и изображения. Некоторые из них он рассматривал как надписи.[1]

Рис. 23. Карнауховское поселение. Пряслица.

[1] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг., стр. 7—34.

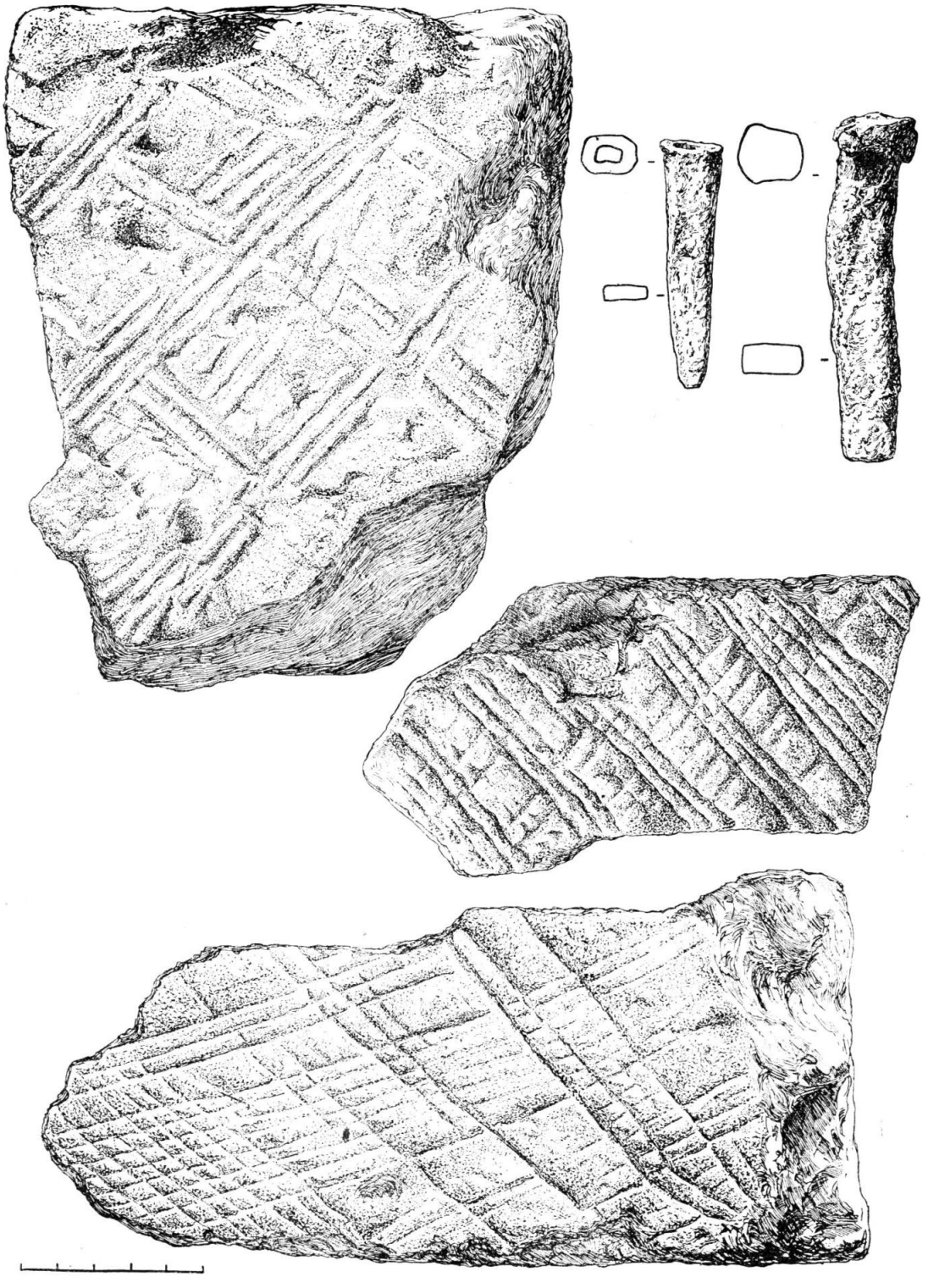


Рис. 24. Правобережное Цимлянское городище. Облицовочные камни.

Совершенно такой же технический прием кладки стен (внешние части сложены из тесаных камней, а промежуток между ними забутован рваным камнем) прослежен на Ольшанском,[1] Салтовском[2] и Правобережном Цимлянском[3] городищах. Судя по фрагментам облицовочных плит, найденных при исследовании Правобережного Цимлянского городища, теска камней производилась при помощи узких долот и зубил. Долота такого типа были найдены при раскопках того же городища. Обработка камней выполнена довольно искусно. Мастера так умело производили теску камней, что, сглаживая поверхность, одновременно наносили на нее с помощью тонких, едва уловимых линий своеобразный орнамент в виде различных геометрических фигур — ромбов, квадратов и т. п. (рис. 24). Как и на Маяцком городище, стены Правобережного Цимлянского и Салтовского городищ были возведены непосредственно на поверхности без каких-либо фундаментов (рис. 25).[1] По-видимому, такова же была кладка и стен Ольшанского городища. На облицовочных камнях Ольшанского и Салтовского городищ встречены знаки и изображения.

Вторую группу остатков, в какой-то мере характеризующих «каменное дело», составляют жернова. Находки их, как отмечалось выше, довольно часты и повсеместны. Жернова изготовлялись из кварцита, ракушечника и некоторых других горных пород (рис. 12). Обработка жерновов довольно тщательная, особенно рабочей стороны. Ей придавалась ровная, слегка шероховатая поверхность. Где, кто и как изготовлял жернова, неизвестно. Никаких исследований в этом направлении не производилось. Было бы весьма ценно произвести наблюдения, из каких горных пород в тех или иных районах изготовлялись жернова и имеются ли там данные породы.

Плохая изученность дошедших до нас памятников «каменного дела» не позволяет восстановить с должной полнотой ни технические приемы обработки камня, ни организации каменных работ. О последней,

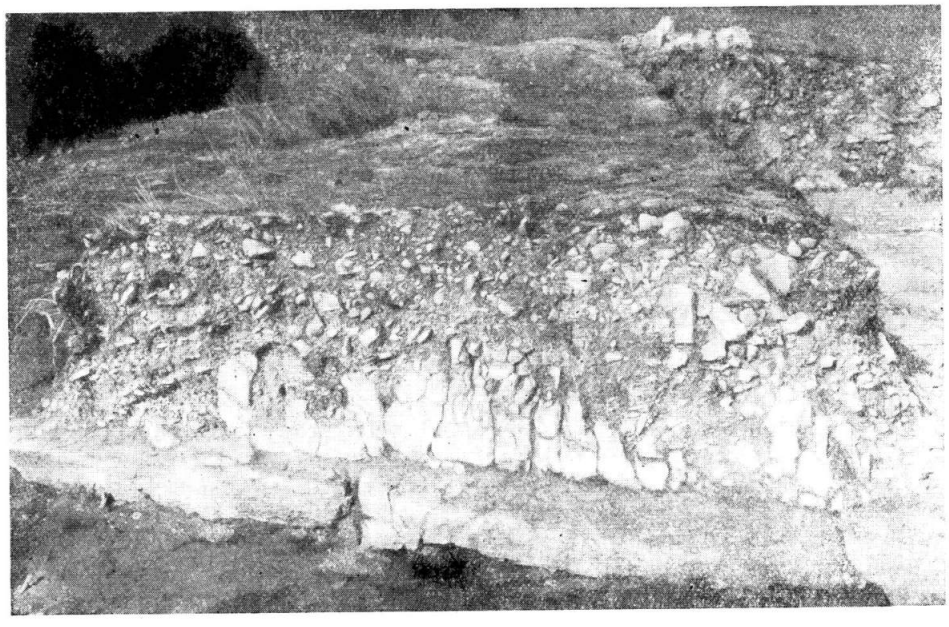


Рис. 25. Основание стен Правобережного Цимлянского городища.

[1] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах, стр. 2—4.

[2] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России, стр. 467—468.

[3] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.

[1] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России.

по сути дела, мы просто ничего не знаем. Несомненно одно: «каменное дело» стояло на такой ступени развития, при которой оно должно было выделиться в специальную отрасль; не исключено, однако, что занятие «каменным делом» носило сезонный характер.

Естественным результатом отделения ремесла от земледелия должно было явиться возникновение внутреннего обмена между группами населения, занятыми в различных областях хозяйственной деятельности. К сожалению, отсутствие данных не позволяет сказать что-либо о степени развития внутреннего обмена и о его формах. Несомненно, что существовали торговые связи и с другими племенами. О наличии их свидетельствуют находки таких вещей, о которых можно говорить с уверенностью, что они не местного производства. Это прежде всего те вещи, изготовление которых на месте невозможно из-за отсутствия соответствующего сырья. Таковы сердоликовые, хрустальные,[1] янтарные, ляпис-лазуревые и агатовые [2] бусы. По-видимому, привозными были также изделия из стекла, в том числе и бусы, а также некоторые типы глиняных сосудов (тара), например кувшины с плоскими ручками и амфоры. О наличии внешних торговых связей свидетельствуют и находимые восточные и византийские монеты. Несомненно, об этих же внешних торговых связях говорят и находки сосудов салтово-маяцкого типа в составе материалов славянских поселений бассейна Верхнего Дона и Днепровского Левобережья,[3] а также находки различных металлических изделий салтовского типа в погребальном инвентаре таких могильников, как Томниковский и Лядинский.[4] Все это дает основание говорить, что внешние торговые связи были развиты довольно широко. Однако ни о характере этих связей, ни об объеме их судить также нет никакой возможности.

[1] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, стр. 465—478.

[2] А. С. Федоровский. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII—X вв., стр. 1—15.

[3] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, стр. 37—44; И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда Славянской археологической экспедиции 1952 г. Архив ИИМК.

[4] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, т. X, 1893, табл. III, VI—X.

При изучении жизни и быта населения салтово-маяцкой культуры наиболее сложным вопросом является характер общественных отношений. Сложность его, помимо недостаточной изученности памятников, состоит между прочим и в том, что исследуемое общество выступает перед нами лишь на незначительном отрезке своей жизни (VIII—X вв.), в отрыве как от предшествующего, так и от последующего этапов, остающихся пока что неизвестными, вне связи с исторической перспективой. В силу этих причин исчерпывающего ответа на вопрос — каков же характер общественных отношений — дать нельзя; освещению поддаются лишь некоторые его стороны. Наиболее ценным источником в этом отношении являются материалы погребений, прежде всего Салтовского могильника. При его исследовании наряду с погребениями в небольших катакомбах, имеющими немногочисленный и бедный инвентарь, состоящий из глиняного горшка, ножа, нескольких пастовых бус и бронзовых подвесок, встречаются, и довольно часто, погребения в больших и сложных по устройству могилах, с многочисленным и богатым инвентарем, состоящим из золотых и серебряных изделий, оружия, конского снаряжения и т. п. Последние погребения иногда сопровождаются отдельными захоронениями коня.[1] Этот факт позволяет установить существование явного имущественного неравенства, наличия богатых и бедных в среде населения, оставившего могильник. Об этом же свидетельствуют и некоторые, правда не совсем пока отчетливые, материалы поселений, в частности наличие наряду с массовыми жилищами полуземляночного типа, принадлежащими рядовому населению, единичных наземных построек из камня, расположенных, как правило, внутри укреплений.

Это экономическое неравенство явилось прежде всего естественным результатом того сравнительно высокого состояния производительных сил, которое так отчетливо раскрывается в археологических памятниках земледелия, ремесла и торговли. Однако констатация факта наличия имущественного неравенства и отделения ремесла от земле-

[1] В. А. Бабенко. 1) Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове»; 2) Дневник археологических раскопок в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907; 3) Памятники хазарской культуры на юге России.

делия не дает еще ответа на основной вопрос: на какой же ступени развития находилось исследуемое общество? Имеем ли мы здесь дело с обществом классовым, или перед нами последняя ступень первобытно-общинного строя с ярко выраженной, богатой родоплеменной верхушкой?

М. И. Артамонов, исследуя укрепленные поселения салтово-маяцкой культуры (Салтовское, Маяцкое, Правобережное Цимлянское городища), выставил предположение: «Эти крепости были центрами формирующихся феодальных образований, и каждая из них, по-видимому, господствовала не только над тем населением, которое жило непосредственно возле ее стен, но и над жителями неукрепленных поселков, находящихся в ее окрестностях».[1] В своих суждениях о характере социальных отношений М. И. Артамонов исходит из представлений, что салтово-маяцкое оседлое население появляется в бассейне Дона в VIII—IX вв. в результате оседания болгаро-хазарских кочевых племен. М. И. Артамонов полагает, что одновременно с хозяйственными переменами у кочевого населения юго-восточных степей происходят серьезные изменения и в его социально-экономической организации, которую, как мы отмечали выше, он считает полуфеодальной или даже феодальной. Автор выдвигает предложение о возможности связать с этим процессом «и самое возникновение Хазарского государства как более развитой и сложной социальной организации по сравнению с союзами племен его кочевых соседей».[1]

Трудно что-либо возразить против оценки салтово-маяцкого общества как общества феодализирующегося. Нам кажется, что это положение вполне может быть принято как рабочая гипотеза. Однако мы не можем согласиться со вторым выводом М. И. Артамонова — утверждением о кочевнической хазаро-болгарской основе салтово-маяцкого населения и его месте в образовании Хазарского государства.

V

Вопрос об этническом облике населения салтово-маяцкой культуры и о месте этого населения в истории Юго-Востока нашей страны не новый. Он был поставлен еще на первых шагах изучения основного памятника этой культуры — Салтовского могильника. Еще до полной публикации материалов первых раскопок Салтовского могильника, произведенных накануне XII Археологического съезда Харьковским предварительным комитетом, А. А. Спицын, со свойственным ему чутьем, на основании газетных сообщений сумел осмыслить открытый памятник и в общих чертах верно наметить место этой новой культуры Подонья в истории Юго-Востока нашей страны. В докладе об открытии Салтовского могильника, сделанном на заседании Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества в январе 1902 г., им было высказано предположение, что могильник следует связать с аланским населением.[2] Эта точка зрения в развернутом виде была изложена в специальной статье «Исконные обитатели Дона и Донца».[2]

В названной работе автор, мобилизуя все письменные и вещественные источники, пытается показать, что начиная с половины I тысячелетия до н. э. и вплоть до монгольского завоевания бассейн р. Дона был занят иранской народностью, в разное время и у разных народов носившей различные наименования — сарматы, аланы, роксаланы, ясы. Именно этой иранской народности VIII—X вв. и принадлежат, по мнению А. А. Спицына, памятники салтовского типа (Салтово, Зливки, Покровское и др.). «По первым же газетным известиям об этом открытии (Салтовского могильника, — *И. Л.*), — пишет автор, — можно было понять, что этот могильник VIII—IX вв. и именно аланский».[3] И глубоко был неправ Ю. В. Готье, считавший вслед за А. А. Спицыным Салтовский могильник аланским, утверждая, что «когда Салтовский могильник был впер-

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 159.

[2] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания.

[3] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 67—79.

вые открыт и подвергнут исследованиям, то как-то сразу установилось среди русских археологов мнение, что жители Салтова должны быть хазарами».[1] Мысль о принадлежности Салтовского могильника хазарам впервые была высказана лишь на XII Археологическом съезде, происходящем в августе 1902 г., в связи с докладом А. М. Покровского о Верхне-Салтовском могильнике. Мысль эта принадлежала Д. Я. Самоквасову. Она была поддержана Д. И. Багалеем; этот же взгляд разделял и В. А. Бабенко.[2] Таким образом, мнение русских археологов о населении оставившем Салтовский могильник не было единым с самого начала. При этом первым был высказан (А. А. Спицыным) взгляд о принадлежности могильника аланам,[3] а не хазарам, как уверяет Ю. В. Готье.[4] Обе точки зрения в различных вариантах дожили вплоть до наших дней. Взгляды М. И. Артамонова, утверждающего болгаро-хазарскую принадлежность салтово-маяцкой культуры, являются одним из вариантов «хазарской» точки зрения.

Основной аргумент исследователей, защищающих аланскую принадлежность салтово-маяцкой культуры, состоит в том, что памятники Салтова тождественны с северокавказскими памятниками типа могильников Чми и Балта и современны им, а так как последние находятся в области, где, по всем данным, находилась древняя Алания и где в настоящее время живут потомки алан — осетины, то северокавказские памятники должны быть тоже аланскими. Отсюда делается вывод, что и салтовские памятники принадлежат аланам — потомкам длительно обитавших на Юго-Востоке сармат.

В своих критических заметках по поводу мнения о принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам М. И. Артамонов не отрицает, а, наоборот, всецело поддерживает сарматские истоки салтово-маяцкой культуры, однако признать в носителях этой культуры алан он не считает возможным. Аланы, согласно мнению М. И. Артамонова, основанному на письменных источниках, во второй половине I тысячелетия помещались в средней части Северного Кавказа, где они, по-видимому, укрылись после гуннского погрома. Здесь в горах «часть алан, — указывает он, — могла вследствие своей независимости не только сохранить хотя бы в устах соседей то имя, которое принадлежало до гуннского разгрома союзу Азовско-Каспийского междуморья, и . . . иранские элементы . . . но и развить их . . . Степные племена, подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем с тюрками, этнически не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху то же самое, что и ироны — осетины. Свое происхождение они вели также от сармат, или алан, но в это время они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан Осетии».[1]

Исходя из этих данных, автор утверждает, что «с изложенной точки зрения сарматские элементы могли сохраниться не только в культуре алан—осетин, но и тех болгаро-хазарских племен, которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство, охватывавшее, между прочим, и район распространения салтовской культуры».[2]

Эти выводы находятся в прямом противоречии с данными письменных источников, свидетельствующими, что болгары и хазары являются народами тюркской группы. Что касается сарматских племен, ранее обитавших на этой территории, то судьба их могла быть двояка: те части, которые были ассимилированы тюркскими племенами, перестали быть сарматами, остальные сохранили свое этническое лицо.

Касаясь второго довода в защиту принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам — сходства этой культуры с культурой центральной части Северного Кавказа, — М. И. Артамонов отмечает: «На основании этого сходства действительно можно заключить, что в хазарскую эпоху одна и та же культура обнимала территорию между До-

---

[1] Ю. В. Готье. 1) Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 76, 77; 2) Железный век в Восточной Европе, стр. 53—90.

[2] Изв. XII АС в Харькове 15—27 августа 1902 г., Харьков, 1902, стр. 124—128; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 234.

[3] ИАК, вып. 3, 1902, Прибавление, стр. 5—6; ЗОРСАРАО, т. V, вып. 2, 1904, стр. 108—109.

[4] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 80—82.

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 161—162.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 161.

ном и Донцом и центральную часть Кавказа, свидетельствуя об общности своего происхождения в обоих этих районах. Однако мы не можем быть уверены, что распространение этой культуры ограничивалось указанными местностями, что в других частях Хазарии ее вовсе нет. Никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно (разрядка наша, — *И. Л.*), и сторонникам аланской гипотезы нечем поэтому подкрепить свои положения, которые приобретут полную убедительность только тогда, когда будет доказано, что у хазаро-болгарских племен была другая культура, чем у алан».[1]

В качестве обоснования этого положения М. И. Артамонов указывает на тот факт, что «раскопки в Саркеле, крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, доставили вещественные памятники, представляющие территориально-хронологический вариант той же салтовской культуры, свидетельствующей, что население Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде». Однородность культуры всего Юго-Востока подтверждается, по мнению М. И. Артамонова, и тем, «что ни при одном из донских поселений хазарской эпохи до сих пор не найдено современных с ними могильников», из чего он делает вывод, «что связанные с ними погребения принадлежат к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи».[2]

Итак, поскольку на территории Хазарии других памятников, кроме салтово-маяцких, неизвестно, М. И. Артамонов не может согласиться с принадлежностью их аланам, пока не будет доказано, что у хазаро-болгар была другая культура, чем у алан. Однако, требуя от своих противников обоснования тех или иных выдвигаемых ими положений, нужно соблюдать одно условие, а именно чтобы само требование исходило из обоснованных предпосылок. Такой предпосылки у М. И. Артамонова мы не находим. Он исходит в своем требовании из положения, что территория между Доном и Северским Донцом, где находятся памятники салтово-маяцкой культуры, являлась составной частью Хазарии в собственном смысле этого слова. Что М. И. Артамонов имеет здесь в виду Хазарию в узком смысле слова, в этом нет никакого сомнения, ибо он прекрасно знает, что на территории Хазарии в широком смысле этого слова (т. е. включая в нее области, платящие ей дань) известны памятники не только салтово-маяцкой, но и ряда других культур. Между тем это исходное положение о принадлежности территории между Доном и Донцом Хазарии в собственном смысле слова явно неверное, что подтверждается письменными источниками. Мы имеем в виду письмо хазарского царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаю Ибн-Шафруте. Письмо, как известно, дошло в двух редакциях — краткой и пространной. Нужные нам сведения содержатся в обоих вариантах. В них дается описание пределов Хазарии как в узком смысле этого слова, так и в широком, т. е. территории, включающей области, платящие ей дань. Нас интересуют в данный момент пределы Хазарии, как описываются они в краткой редакции: «Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, и в южную сторону на 30 фарсахов пути, и в западную сторону на 40 фарсахов пути. . . В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути».[1]

Свои измерения царь Иосиф ведет от столицы Итиль, расположенной где-то в устье р. Волги. Исходя из этих данных, следует признать, что интересующая нас западная граница отстояла от устья Волги на расстояние менее 300 км, т. е. не выходила за пределы левого берега Дона. Что касается пространной редакции, то в ней пределы каганата в западном направлении еще менее — 30 фарсахов, т. е. около 200 км. Эти сведения подтверждаются и некоторыми другими данными, содержащимися в письме царя Иосифа. Так, в пространной редакции царь Иосиф, очерчивая границы своих владений с западной стороны, в числе пограничных пунктов называет «Ш-р-кил»,[2] в котором нельзя не признать хазарскую крепость Саркел на левом берегу р. Дона.

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162—163.

[1] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 87.

[2] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 98—103.

Таким образом, область междуречья Дона и Северского Донца, занятая памятниками салтово-маяцкой культуры, в состав Хазарии в узком ее значении, т. е. территории, занятой собственно хазарами, не входила, а являлась одной из областей, находящихся, по-видимому, в даннических отношениях. А если это так, то почему для доказательства положения о принадлежности салтово-маяцкой культуры аланам нужно доказывать, что у хазар была другая, чем у алан, культура? Ведь если идти по этому пути, аналогичное требование с равным правом можно предъявить исследователю любой средневековой культуры, связанной с областью, население которой находилось в даннических отношениях к хазарам, а не только салтово-маяцкой. Но нам кажется, что такая постановка вопроса уведет нас в сторону от сути дела.

Несмотря на всю несостоятельность разобранного нами выше положения, мы считаем все же необходимым остановиться на нем по существу. Как отмечалось, в своих суждениях о возможном бытовании салтово-маяцкой культуры на всей территории Хазарии М. И. Артамонов одним из доводов в защиту этой точки зрения выдвигает положение, что «никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно». В данный момент это положение уже устарело, о чем свидетельствует ряд фактов. Одним из них является то, что в настоящее время в границах территории Хазарии, кроме памятников салтово-маяцкой культуры, стали известны памятники, принадлежащие другим культурам, относящиеся к хазарскому времени и территориально расположенные ближе к центру Хазарии, в той ее части, которую М. И. Артамонов считает важнейшей, характеризуя ее словами Константина Багрянородного как область, откуда «идут все средства к жизни и все довольство Хазарии».[1] Мы имеем в виду Агачкалинский могильник близ г. Буйнакска (северо-западное побережье Каспия), исследуемый в последние годы К. Ф. Смирновым.[2] Агачкалинский могильник, по характеристике К. Ф. Смирнова, входит в общую группу памятников Северного Кавказа алано-хазарского времени (VI—X вв.). Территориально и хронологически ближе всего к Агачкалинскому могильнику, по заключению автора, стоит катакомбный могильник IX в. у с. Дуба-Юрт на р. Аргуни Грозненской области. Однако Агачкалинский могильник имеет специфические черты в сооружении земляных могил и склепов, в обряде погребений и в составе погребального инвентаря. К. Ф. Смирнов предполагает, что могильник принадлежал, по-видимому, местному населению, известному в письменных источниках под именем барсилов.[1] Приводя эти данные, мы вовсе не хотим сказать, что Агачкалинский могильник относится к той культуре, которая свойственна хазарам. Для нас этот факт важен в другом отношении: он опровергает положение М. И. Артамонова, что «никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно».

В качестве доказательства общности «культурно-этнической среды» всей Хазарии М. И. Артамонов ссылается также на сходство материалов из раскопок Саркела — крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, — с материалами салтово-маяцкими и на однотипность погребального обряда донских могильников и Верхне-Салтовского.

В отличие от других поселений салтово-маяцкой культуры — памятников, как правило, однослойных, — Саркел является многослойным. Наряду с отложениями салтово-маяцкой культуры в нем есть остатки и иных культур, прежде всего славяно-русской и некоторых других. Расчленение остатков салтово-маяцкой и славяно-русской культур не вызывает особых затруднений. Более сложным является вопрос об отношении материалов салтово-маяцкой культуры к населению Саркела времени пребывания здесь хазарского гарнизона. Соглашаясь с положением М. И. Артамонова, что в отложениях Саркела имеются остатки салтово-маяцкой культуры, не следует, однако, считать, что мы тем самым признаем эти остатки тождественными культуре Салтова в собственном смысле слова, т. е. той культуре, которую отождествляют с культурой

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162.

[2] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 95—96.

[1] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 95.

центральной части Северного Кавказа и считают аланской. Салтово-маяцкая культура в том представлении, какое сложилось о ней на основании известных нам материалов, является далеко не единым целым, как это было принято считать с первых дней ее открытия.

Наиболее ярко неоднородность салтово-маяцкой культуры выступает в могильных памятниках. Как хорошо известно, в составе погребений салтово-маяцкой культуры с первых же шагов ее изучения были выявлены два обряда захоронения — катакомбный (Салтово) и в обычных ямах (Зливки). Особого значения этому различию не придавали. И Салтово и Зливки во всех работах, посвященных салтово-маяцкой культуре, выступают как памятники одной культуры.[1] Более бедный характер Зливкинского могильника по сравнению с Салтовским заставил В. А. Городцова, исследовавшего Зливкинский могильник, прийти к выводу, что «такое явление, вероятнее всего, объясняется разницей сословного, а может быть, экономического положения владельцев обоих могильников: Салтовский могильник, как показывает богатая обстановка погребений, принадлежит богатому, скорее всего городскому сословию, тогда как Зливкинский могильник мог принадлежать лишь небогатым поселянам. . . Очевидно, в обоих могильниках похоронены люди, жившие в одно время, весьма возможно принадлежавшие к одному племени, хотя этот вопрос может быть лучше вырешен антропологией на основании вполне достаточных материалов, представленных из обоих могильников».[2]

Если первая часть вывода В. А. Городцова о Зливкинском могильнике как бедном сельском могильнике салтово-маяцкой культуры получила широкое распространение в нашей научной литературе, то вторая часть о том, что вопрос о населении «может быть лучше вырешен антропологией», не нашла места при изучении этих памятников, а между тем именно в данных антропологии мы находим разъяснение различиям погребального обряда Салтовского и Зливкинского могильников. Оказывается, что погребения этих могильников различаются не только по количеству инвентаря, но и по антропологическим данным. Один из последних исследователей антропологических материалов Салтовского и Зливкинского могильников, Г. Ф. Дебец, прямо указывает, что черепа зливкинцев «существенно отличаются от салтовских», что между поселениями, оставившими Зливкинский и Салтовский могильники, имеется глубокая разобщенность. Основной антропологический тип Салтовского могильника — длинноголовый, а Зливкинского — короткоголовый.[1]

Изучение материалов других могильников показывает, что выявленные антропологические различия между катакомбными и ямными захоронениями в материалах Салтова и Зливок являются не случайными. Оказывается, что все катакомбные могильники как Северного Кавказа, так и бассейна Дона дают тот же самый длинноголовый тип. Меньше данных имеется о погребениях в ямах, но и то, что известно, например постоянство ориентировки погребений головой на запад, говорит об устойчивости этой группы захоронений. Весьма интересный материал дает небольшой могильник, открытый в 1949 г. при исследовании Левобережного Цимлянского городища. Могильник обнаружен во внешнем дворе городища, между валом и кирпичной крепостью. Раскопано 17 погребений; костяки лежали в вытянутом положении в направлении с запада на восток с небольшим отклонением к югу. Антропологически все черепа брахикефального типа.[2] Отстаивая культурно-этническую общность населения Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района, М. И. Артамонов в качестве одного из доводов выставляет то положение, что близ донских поселений до сего времени не найдено современных с ними могильников, а это, по его мнению, объясняется тем, что «связанные с ними погребения принадлежат

[1] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70; М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 157; В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины, стр. 38—39 и др.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, стр. 212—213.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948 (Тр. Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. IV), стр. 251—256.

[2] М. И. Артамонов. Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. Вопросы истории, 1951, № 4, тр. 149—150.

к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи».[1] Раскопки немногочисленных могил близ Саркела показали, что наружных признаков они действительно не имеют, однако тип могильных сооружений оказался не верхнесалтовский (катакомбный), как утверждал М. И. Артамонов, а зливкинский (ямный).

О неоднородном характере салтово-маяцкой культуры свидетельствуют материалы и второй группы памятников—поселений, в первую очередь жилые постройки. Как отмечалось, в поселениях салтово-маяцкой культуры мы встречаемся с двумя основными типами массовых жилищ — прямоугольными полуземляночными жилищами столбовой конструкции (Маяцкое, Суворовское и Карнауховское поселения) и овальными полуземлянками, по-видимому юртообразного типа (Правобережное Цимлянское городище). Каждому поселению, как правило, свойственны жилища лишь одного какого-либо типа; только на Левобережном Цимлянском городище — поселении не только многослойном, но и пестром в этническом отношении для каждого отдельного периода его жизни — встречаются жилища обоих рассматриваемых типов. К сожалению, проследить, в каком отношении находятся различные типы жилищ с различными обрядами захоронения у населения салтово-маяцкой культуры не представляется возможным. Бессистемность раскопок памятников салтово-маяцкой культуры, отмеченная выше, привела к тому, что памятники как целостные комплексы не изучались. Есть исследованные могильники (Верхний Салтов, Подгоровка, Зливки), но ничего не известно о поселениях при них, и наоборот, около исследованных поселений совершенно неизвестны могильники. Лишь Маяцкое городище и могильник при нем раскапывались комплексно. Но этого, конечно, недостаточно. Косвенные данные содержатся в материалах Правобережного Цимлянского городища, при раскопках которого были найдены человеческие костяки.[2] Изучение сохранившихся черепов показало, что население городища в антропологическом отношении представляло короткоголовый (брахикефальный) европеоидный тип с некоторыми отдельными монголоидными признаками, т. е. тот же тип, что и в Зливках.[1] Возможно, мы встретим здесь, как и в Саркеле, зливкинский ямный тип погребения.

Делать из изложенного какие-либо определенные выводы, безусловно, преждевременно, но намечающиеся связи между катакомбным типом погребения и прямоугольными полуземляночными жилищами, с одной стороны, и овальными полуземляночными жилищами и зливкинским типом погребения—с другой, следует иметь в виду.

Таким образом, салтово-маяцкая культура в том широком понимании, какое установилось в литературе, не представляет единого целого. Это единство внешнее, кажущееся, проявляющееся лишь в единообразии керамического комплекса и в более или менее одинаковом могильном инвентаре (предметах украшения, оружии, конском снаряжении). Внимательное изучение показывает, что за этим единством скрывается существенное отличие памятников друг от друга. Уже сейчас, когда изучение салтово-маяцкой культуры только начинается, в ней явно прослеживаются две обособленные группы памятников, отличающиеся одна от другой как характером могильных сооружений и антропологическими типами, присущими каждому из этих видов могильных сооружений, так и, возможно, особыми типами жилищных построек.

Этого не заметили ни те, кто доказывал принадлежность памятников салтово-маяцкой культуры аланам и объединял вместе с Верхне-Салтовским могильником Зливкинский и подобные ему могильники,[2] ни М. И. Артамонов, объединивший в одну «культурно-этническую среду» население Саркела и Верхнего Салтова.[3]

Исходя из изложенного, материальную культуру Саркела IX—X вв. следует рас-

---

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163.

[2] И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62.

[1] В. В. Гинзбург. Антропологические данные по этногенезу хазар. СЭ, 1946, № 2, стр. 86; Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. Сб. МАЭ, т. XII, 1949, стр. 346, прим. 4.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72—73; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 70—72.

[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 162—163.

сматривать как салтово-маяцкую лишь в широком понимании этого термина; ее нельзя отождествлять с культурой Верхнего Салтова, а тем самым и с культурой центральной части Северного Кавказа, как это утверждает М. И. Артамонов.

Для более отчетливого представления о связи салтово-маяцкой культуры с хазарами нельзя не остановиться еще на одном вопросе — о распространении этой культуры в границах собственно Хазарии, т. е. между Волгой и Доном. Нужно прямо заявить, что, несмотря на довольно тщательное обследование указанной территории, особенно бассейна нижнего течения Волги, никаких следов салтово-маяцкой культуры здесь до сих пор не найдено. Мы думаем, что это не случайно. Очевидно, салтово-маяцкая культура оседлого населения не была свойственна кочевникам, каковыми хазары были и оставались вплоть до последних дней существования Хазарского каганата, что с полной наглядностью вытекает как из письма царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаю Ибн Шафруте,[1] так и из арабских источников.[2]

М. И. Артамонов прекрасно чувствует слабую сторону своей позиции и пытается ее защитить путем доказательств, что салтово-маяцкая культура есть культура кочевников, переходящих к оседлому образу жизни. Заключая свой критический разбор о принадлежности салтово-маяцких памятников аланам, М. И. Артамонов пишет: «Итак, аланская принадлежность салтовской культуры отнюдь не бесспорна. Однако наибольшее значение, с нашей точки зрения, представляет не вопрос об этнической принадлежности салтово-маяцких и нижнедонских могильников и поселений, а самый факт появления в степях, а в особенности на границе степи, оседлых поселений».[3] Появление последних в степях М. И. Артамонов связывает с процессом оседания кочевников. Для времени I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. М. И. Артамонов указывает два периода, когда процесс этот выступал наиболее отчетливо. Первый он относит к концу I тысячелетия до н. э. и началу I тысячелетия н. э.; возникшие в это время поселения к IV в. в связи, по-видимому, с гуннским нашествием прекращают свое существование. Второй период начинается около VIII в. н. э. «Салтовская культура с ее могильниками и городищами,—указывает М. И. Артамонов, — как раз и является наиболее выразительным памятником этого процесса».[1]

Попытаемся разобраться в этом вопросе. Чем обосновывает М. И. Артамонов свои выводы? В работе автора доказательства полностью отсутствуют. Все строится на априорных заключениях, причем и они немногочисленны. Вот один из примеров. «Оседлые земледельческие поселения прежде всего появляются по южной границе степи, в частности в Предкавказье, по Кубани. К настоящему времени в этом районе известен ряд поселений, относящихся к раннему средневековью, и хотя ни одно из них еще надлежащим образом не исследовано, можно не сомневаться ни в их земледельческом характере, ни в этнической связи их с исконным населением степей.

«О характере культуры этих поселений до некоторой степени можно судить по случайным находкам на месте Пашковского могильника (№ 1) близ Краснодара, представляющего в составе своего инвентаря ряд аналогий как с комплексами и отдельными находками горного Северного Кавказа, так и Черноморского побережья и Крыма. Эта культура широко распространенная, непосредственно предшествующая и генетически связанная с так называемыми аланскими могильниками Северного Кавказа».[2] Все это верно. Но какое отношение Пашковский могильник V—VII вв. имеет к кочевникам? Инвентарь, собранный при обследовании территории разрушенного могильника, ближе всего стоит к материалам Борисовского могильника, могильников средневекового Крыма и центральной части Северного Кавказа. Все они являются памятниками оседлого, а не кочевого населения и тем самым не могут служить основанием для заключения

---

[1] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 85—87.

[2] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 17.

[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163.

[1] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163—164.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 164.

о принадлежности Пашковского могильника осевшим кочевникам, вчерашним обитателям степей. По своему облику этот могильник тяготеет не к северу (степям), а к югу, к пограничью лесостепи и степи, к району, где оседлость не прерывалась с первых веков нашей эры.

Если мы обратимся непосредственно к памятникам салтово-маяцкой культуры, то в них мы найдем еще меньше оснований для подобных заключений. Памятники этой культуры датируются VIII—X вв. Некоторые исследователи отодвигают нижнюю границу до VII вв., но для этого пока нет оснований. Наиболее ранними из этих памятников являются памятники пограничной полосы лесостепи и степи (Салтово, Маяцкое, Добрая и некоторые другие), т. е. группа памятников с катакомбным обрядом захоронения верхнесалтовского типа. В степной полосе, а также по нижнему течению Дона поселения возникают несколько позже, повидимому на рубеже VIII—IX вв. Изучение памятников салтовской группы показывает, что с момента своего появления в бассейне р. Дона салтово-маяцкая культура выступает как вполне сложившаяся культура оседло-земледельческого населения, ведущего пашенное земледелие (при помощи сравнительно высокой земледельческой техники), знакомого со строительным делом, широко применявшимся как при постройке жилых и хозяйственных помещений, так и при возведении оборонительных сооружений укрепленных поселений, имеющего высокоразвитое гончарное ремесло, кузнечное дело и т. д. В свете этих данных нет никаких оснований считать собственно салтовскую группу поселений памятниками, принадлежащими оседающим кочевникам. Но это не дает, конечно, права полностью отрицать наличие в составе населения салтово-маяцкой культуры кочевников. Последнее противоречило бы тому, что было показано нами выше при анализе памятников салтово-маяцкой культуры в целом.

Судя по археологическим данным, оседлое население в бассейне Дона и Северского Донца появляется на рубеже VII—VIII вв. Основу его составляло именно оседлое земледельческо-скотоводческое население пограничной полосы лесостепи и степи, с которым мы связываем группу памятников собственно салтовского типа, т. е. Верхне-Салтовское, Маяцкое и некоторые другие поселения и могильники. В них мы находим наиболее ранние керамические комплексы, отдельные вещи и монеты. Естественно, возникает вопрос: откуда же собственно могло явиться население? Вопрос этот сложный. Ответить на него — значит указать, где и когда сложилась салтово-маяцкая культура, где обитало население, оставившие эту культуру, в предшествующий период (V—VII вв.), — в период наиболее темный в археологическом отношении в Восточной Европе вообще и в южной ее части в особенности. Исследователи, считавшие салтово-маяцкие памятники хазарскими (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалей, В. А. Бабенко) и исходившие в своих построениях из общего положения о господстве в VII—X вв. на Юго-Востоке (в том числе на Дону и Северском Донце) хазар и наличия у хазар полуоседлого образа жизни, этого вопроса вообще не касались.[1] А. А. Спицын и Ю. В. Готье, утверждавшие, что салтово-маяцкая культура принадлежит аланам, рассматривали памятники этой культуры в бассейне Дона как одно из звеньев сармато-аланской культуры вообще, не делая никакой попытки показать конкретную связь памятников этого периода с предшествующими. Больше того, Ю. В. Готье просто датировал их V—IX вв.[2] Не касались этого вопроса и сторонники хазаро-болгарской точки зрения. Они считали, очевидно, что поскольку появление оседлости рассматривается как результат оседания кочевников, обитавших в степи и в пограничье лесостепи и степи, постольку само собой разумеется, что и салтово-маяцкая культура слагалась здесь же.[3]

А между тем, как нам кажется, сторонникам именно этой точки зрения нужно было бы обратить внимание на данную сторону в первую очередь. Для доказательства правоты нужно было бы показать с фактами в руках наличие не только отдельных элементов этой культуры, но и целых комплексов ее у кочевого населения на территории степи V—VII вв., ибо без этого салтово-

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 232—234; В. А. Бабенко. Дополнение к докладу «Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове», стр. 394—410.

[2] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 71—75; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? стр. 80—84.

[3] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие поселения в северо-западной Хазарии, стр. 130—167.

маяцкая культура как культура осевших кочевников — явление совершенно неожиданное.

Сделанная в последнее время Н. Я. Мерпертом попытка выяснить происхождение салтово-маяцкой культуры также не привела к ясным выводам. Вместо показа возникновения культуры в целом как устойчивого комплекса, включающего в себя поселение со всеми присущими ему элементами (жилища, хозяйственные постройки, орудия труда, бытовой инвентарь) и могильник (обряд захоронения, погребальный инвентарь, антропологический тип погребения и т. д.), автор занялся прослеживанием развития форм отдельных вещей, свойственных погребальному инвентарю, подыскивая аналогии этим вещам среди могильных памятников обширной территории, от Волги до Днепра и от верховьев Дона до Северного Кавказа. Это привело автора к выводу «о местном характере основной части салтовского инвентаря и генетической связи его с исконными культурами Юго-Востока европейской части СССР».[1] Ничего другого такой подход, естественно, и не мог дать.

В полной мере обоснованный ответ на поставленный вопрос в настоящее время дать очень трудно. Единственное, что мы сейчас можем сделать, это обозначить направление, по которому, нам кажется, следует повести дальнейшие изыскания.

Нет никаких сомнений в том, что салтово-маяцкая культура, как культура оседлого населения, не только в отдельных ее частях и элементах, а и в целом, взятая комплексно, в основе своей местная, юго-восточная, а не привнесенная откуда-либо в эти края. Складывалась и развивалась она на широкой территории Юга и Юго-Востока. Следы ее отчетливо начинают выступать здесь в III—IV вв. Наиболее показательными в этом отношении являются памятники у с. Кантемировки Полтавской области (поселение и могильник),[2] близ с. Николаевки[3] на Днепре бывш. Херсонской области (поселение и могильник), на Северном Кавказе и др. Эти памятники представляют собой комплексы, близкие к памятникам верхнесалтовского типа, правда, в отдельных частях еще не приобретшие тех законченных форм, какие мы наблюдаем в последних, например в устройстве погребальных камер.

Однако в условиях пограничья лесостепи и степи памятники типа поселений Кантемировки и Николаевки дальнейшего развития не получили; с конца IV в., по-видимому, в результате нашествия гуннов, нарушивших мирный труд земледельческого населения, жизнь в этих поселениях прекращается. От V—VII вв. никаких следов оседлой культуры в районах, пограничных с лесостепью, до сих пор не обнаружено. Уровня салтово-маяцкой культуры эта оседлая культура достигла, по-видимому, лишь в одном районе — в предгорьях центральной части Северного Кавказа, в памятниках типа могильников Чми, Балта, Комунта и др. Судя по некоторым данным, в указанном районе есть возможность проследить непрерывное развитие этой культуры, начиная с IV—V вв., т. е. со времени исчезновения ее в северных районах, вплоть до VIII—X вв. и далее, когда памятники ее вновь появляются в пограничье лесостепи и степи (поселение и могильник в Верхнем Салтове и др.).

В свете этих данных появление в VIII в. в пограничье лесостепи и степи оседлого населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, может быть объяснено только как результат расселения племен этой культуры, обитавших до того времени в центральной части Северного Кавказа.

До VII—VIII вв., т. е. в то время, когда в степях и пограничных районах происходило сильное движение кочевников — сначала гунно-болгарских племен, а затем аваров, — оседлое население Юга и Юго-Востока могло обитать лишь за границами степи, куда кочевники если и проникали, то редко. Предгорье Северного Кавказа, как показывают археологические данные, и было одним из таких районов наряду с горным Крымом и лесными районами Севера и Северо-Запада. Около VII в. движение кочевников в южнорусских степях ослабевает: авары и часть болгарской орды уходят на запад, другая часть болгар переселяется на север, в район Прикамья, хазары на границе Европы и Азии создают свой каганат.

[1] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры, стр. 14—30.

[2] М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби. Зап. ВУАК, т. I, Київ, 1930.

[3] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, Bd. V, 1913, Heft 1/2, Leipzig, 1913, стр. 80—100; В. П. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 117—145.

Устанавливается относительное затишье. Оседлое население получило возможность выйти за пределы той территории, на которой оно вынуждено было замкнуться в течение ряда столетий. Мы имеем этому прекрасное свидетельство в археологических материалах. Именно в это время начинается продвижение роменской группы славян в лесостепь и пограничные районы Юго-Востока, причем это движение приобретает такой широкий размах, что часть роменцев отрывается от основной группы и проникает в степные районы почти до Дона (поселение у хут. Ближняя Мельница на р. Чир). Нет никакого сомнения в том, что подобное устремление в лесостепные и пограничные с лесостепью районы имело место и из предгорья Северного Кавказа. Памятники салтовского типа, тождественные одновременным памятникам центральной части Северного Кавказа, являются наиболее убедительным доказательством этого процесса. Близость этих памятников подтверждается всеми исследователями, независимо от того, какой точки зрения они придерживаются в отношении этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, а единство взглядов противников нельзя не признать наиболее верным признаком правильности оценки тех или иных явлений.

Так и только так, нам кажется, могло появиться население салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. Других источников для этой культуры на Юго-Востоке мы пока не знаем. Кочевники, о которых говорит М. И. Артамонов, воспринявшие эту культуру от местного населения в период V—VII вв., едва ли могли развить ее далее в том же направлении, в каком она развивалась в условиях оседлости Северного Кавказа. Но если даже допустить, что это могло случиться, то следует задать вопрос: где же следы этой, развивающейся параллельно с северокавказской, культуры кочевников V—VII вв., выступающей в VIII в. в бассейне Дона в таких выработанных, устойчивых формах? Их нет. И, наконец, почему эти кочевники приобрели одинаковый с северокавказцами антропологический облик?

В изложенном выше мы выразили наши представления лишь о происхождении салтово-маяцкой культуры, совершенно не касаясь вопроса о том, к какой этнической группе принадлежит это население. При нашей трактовке происхождения салтово-маяцкой культуры вопрос об этнической природе ее носителей приобретает более широкий характер, естественно упираясь в вопрос об этнической природе населения, ответвлением которого мы считаем салтовцев, т. е. населения центральной части Северного Кавказа (Чми, Балта, Комунта). Исследование этого вопроса не является предметом нашей темы, да в этом и нет, как нам кажется, необходимости. В наши дни разногласий на этот счет как будто нет ни среди археологов, ни среди лингвистов.[1] Все признают, что центральная часть Северного Кавказа в изучаемое нами время была заселена аланами, а тем самым им несомненно должны принадлежать и интересующие нас памятники. Такое решение дает нам основание считать, что и население бассейна Дона, оставившее памятники салтово-маяцкой культуры типа Верхне-Салтовского поселения, должно относиться также к аланам.

Однако в составе салтово-маяцкой культуры, как показано выше, наряду с памятниками верхнесалтовского типа имеется и другая группа, отличная от первых, которую мы условно назвали зливкинской. С каким же населением следует связать эту группу памятников? В общей форме на этот вопрос можно ответить так, что памятники зливкинской группы и есть, по-видимому, памятники кочевников, переходящих к оседлому образу жизни. Какие имеются основания для такого заключения? Их немного, но они все же есть. Одним из доводов является наличие у населения, оставившего указанную группу памятников, явно кочевнических традиций в типе жилищ. Мы имеем в виду округлые в плане, покрытые, по-видимому, коническим верхом, полуземляночные жилища Правобережного Цимлянского городища. По своей планировке, расположению в центре помещения очага открытого типа, это настоящие кочевнические юрты. Традиции явно кочевнического характера прослеживаются также и в составе бытового инвентаря. В частности, следует отметить широкое распространение у населения этой группы несомненно кочевнического типа сосудов с внутренними ушками, отчасти напоминающих современные полевые котлы (ка-

[1] См. последнюю сводку по этому вопросу: Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 38—54.

заны). Кстати заметим, что среди материалов памятников первой группы (верхнесалтовского типа) сосуды этого типа пока неизвестны.

Наконец, следует отметить еще одну черту, которая, по нашему мнению, является хотя и косвенным, но все же свидетельством связи зливкинской группы населения с кочевническим миром; мы имеем в виду наличие некоторых отдельных монголоидных признаков в антропологическом облике этого населения.[1]

Затишье в степи, наступившее после длительного (IV—VII вв.) разгула кочевников в Северном Причерноморье, должно было привести к установлению мирных экономических отношений между оседлым населением и кочевниками, к постепенному вовлечению последних в сферу оседлой жизни, чему в значительной мере могло способствовать и отмеченное выше продвижение оседлого населения ближе к степи. Судя по размещению археологических памятников зливкинского типа, поселения кочевников, в отличие от поселений верхнесалтовцев, возникали в степных районах по берегам рек, в условиях, близких к тем, к которым они привыкли при кочевом образе жизни. Хронологически, как уже не раз отмечалось в литературе, степные поселения возникают несколько позднее, чем собственно салтовская группа поселений, по-видимому около рубежа VIII—IX вв.,[2] что находит свое объяснение в приведенных нами выше соображениях.

Вместе с переходом к оседлости кочевое население постепенно воспринимало от оседлого населения и его культуру и быт. Но и оседлое население, по-видимому, не оставалось вне влияния со стороны кочевников. Под воздействием кочевнического общества проникли к оседлому населению некоторые новые элементы вооружения (сабля), а также конского снаряжения (стремена). Однако полного слияния населения этих групп, как показывают археологические памятники, не произошло. Больше того, судя по антропологическим данным Салтовского и Зливкинского могильников, между этими двумя группами населения существовала глубокая разобщенность.[1]

Кто же были эти кочевники?

Для периода V—VII вв. на Юго-Востоке (в Приазовье и к северу от него) письменные источники отмечают две большие кочевые группы населения — гунно-болгарскую в ее многочисленных разветвлениях, главными из которых начиная с V в. были утигуры, обитавшие к востоку от Азовского моря, и кутригуры, обитавшие к западу от Азовского моря, и аварскую. Последняя недолго оставалась в восточной части южнорусских степей. Появившись здесь около середины VI в., авары уже во второй половине этого столетия продвинулись на запад, в бассейн Дуная. Около середины VII в. южнорусские степи покидает и часть болгарских племен. Одни из них ушли на север в область Прикамья, другие — на запад, в Подунавье. Оставшаяся часть, известная позднее в древнерусских летописях под именем черных болгар, подпала под власть образовавшегося в это время в прикаспийских степях Хазарского каганата. Таким образом, к моменту появления изучаемой нами оседлости в степной полосе междуречья Дона и Северского Донца, а также в Приазовье из кочевых племен здесь могли обитать лишь болгары. Они-то, по-видимому, и являются той второй группой населения, которую мы прослеживаем в археологических памятниках салтово-маяцкой культуры. Помимо изложенного, имеются и некоторые другие основания, в какой-то мере подтверждающие принадлежность рассматриваемой нами группы населения к болгарам. Мы имеем здесь в виду археологические материалы, собранные при раскопках древнеболгарской столицы Абоба-Плиски, содержащие в своем составе ряд элементов материальной культуры (в частности, керамический комплекс), близко стоящих к материалам рассматриваемых нами памятников. Среди них особого внимания заслуживают глиняные сосуды с внутренними ушками для подвешивания (глиняные котлы).[2]

---

[1] В. В. Гинзбург. Археологические данные по этногенезу хазар, стр. 86; Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма, стр. 346, прим. 4.

[2] М. И. Артамонов. 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 117—118; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии, стр. 163—165.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 251—256.

[2] Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска. Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. X, София, 1905, гл. XII, XIII; М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. Вопросы истории, 1949, № 10, стр. 140.

Раскопками последних лет на территории Болгарии в районе Абоба-Плиска добыты новые материалы, подтверждающие изложенные нами соображения. К числу их следует отнести могильник Нови-Пазар (Коларовградской околии).[1] Не менее убедительны в этом отношении данные, полученные при исследовании территории Волжской Болгарии и прилегающих к ней районов (на путях продвижения Болгар из Приазовья в Прикамье). Часть материалов опубликована,[2] другие находятся в процессе обработки.

Переход болгар к оседлости наблюдается не только в исследуемом нами районе; он хорошо известен и на Балканах, и в Прикамье. По-видимому, за счет оседания болгар происходит в то же самое время рост населения в поселениях восточной части Крыма, на Тамани и в Прикубанье, где за последние годы в средневековых отложениях ряда поселений и могильников обнаружены культурные остатки, по общему облику весьма близкие к памятникам салтово-маяцкого типа в широком понимании этого слова.[3] Однако и во всех этих районах оседание кочевников происходит не непосредственно, в отрыве от оседлого населения , а в окружении последнего и под его воздействием.

[1] С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА XXVII, М., 1957, стр. 107—132.

[2] П. Ф. Ищериков. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. XLVII, М., 1952, стр. 78—85; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА XXII, М., 1955, стр. 153—176; Т. А. Трофимова. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. Институт этнографии. Краткие сообщения, XVII, М., 1952, стр. 56—65; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА № 42, Труды Куйбышевской археологической экспедиции, с. I., М., 1954, стр. 104; 126—129; 155—156.

[3] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г., стр. 67—68; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. . ., стр. 191—244; Материалы и исследования по археологии СССР, № 4, М.—Л., 1941, стр. 32—36; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 100—105, 133—134; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 177—178, 218—219.

В X в. жизнь на поселениях салтово-маяцкой культуры прекращается. Насколько этот процесс проходил одновременно, сказать трудно. Это может быть выяснено лишь тогда, когда раскопками будет охвачено значительно большее число памятников и к тому же в различных районах. Среди известных материалов вещей позже X в. как будто нет. По какой причине население салтово-маяцкой культуры оставило занимаемый им край, ответить, исходя из материалов этой культуры, нет возможности. Вопрос этот выходит за рамки рассматриваемой темы. Нужно иметь в виду, что одновременно с прекращением жизни на поселениях салтово-маяцкой культуры прекратилась жизнь на многих поселениях смежной полосы, занятой славянами, причем как в тех, так и в других заметны следы ярко выраженного насильственного разрушения поселений, сопровождающегося пожарами и человеческими жертвами.[1] Приблизительно в то же время (X в.) прекращается жизнь и на большей части поселений восточного Крыма: Планерное (бывш. Коктебель), Илурат, Тиритака, Мирмекий и др. Нет никакого сомнения в том, что на Юго-Востоке произошли какие-то крупные политические события, повлекшие за собой перемещение значительных масс населения. Но это уже особая тема и касаться ее здесь нет возможности, ибо она требует специальной разработки более широкого круга источников, а не только памятников салтово-маяцкой культуры. Это же самое обстоятельство не позволяет нам остановиться сейчас и еще на одном весьма важном для понимания истории Юго-Востока вопросе — на взаимоотношении населения салтово-маяцкой культуры и славяно-русского населения, юго-восточные поселения которого примыкали непосредственно к поселениям салтово-маяцкой культуры. Здесь также нужны дополнительные полевые изыскания.

[1] И. И. Ляпушкин. 1) Раскопки Правобережного Цимлянского городища, стр. 58—62; 2) Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда славянской археологической экспедиции за 1952—1954 гг. Архив ИИМК АН СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, БЛИЗ КОТОРЫХ РАСПОЛОЖЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

1 — Алексеевка, Белгородская обл. (правый берег р. Тихой Сосны) — городище и селище;
2 — Архангельское, Белгородская обл., Шебекинский район, Нежегольское городище (правый берег р. Сев. Донца) — городище и селище;
3 — Ближний Подгорский, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир) — селище;
4 — Бублайка, Харьковская обл., Савинский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
5 — Валуйки, Белгородская обл. (правый берег р. Валуй) — могильник (?);
6 — Васищево, Харьковская обл., Харьковский район (левый берег р. Уды) — селище;
7 — Верхний Ольшан, Воронежская обл., Острогожский район (левый берег р. Тихой Сосны) — городище и селище;
8 — Верхний Салтов, Харьковская обл., Старо-Салтовский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище, селище и могильник;
9 — Волчанск, Харьковская обл. (правый берег р. Волчьей) — городище и селище;
10 — Воробьевка, Воронежская обл. (бассейн р. Толучеевой) — могильник;
11 — Голубовка, Харьковская обл., Купянский район (правый берег р. Оскола) — селище;
12 — Гороховатка, Харьковская обл., Боровский район (правый берег р. Оскола) — городище и селище;
13 — Дивногорье, Воронежская обл., Лискинский район, Маяцкое городище (правый берег р. Тихой Сосны, при впадении в Дон) — городище, селище и могильник;
14 — Добрая (Козеевка), Белгородская обл., Шебекинский район (правый берег р. Корочи) — городище, селище и могильник;
15 — Заливанье, Харьковская обл., Савинский район (правый берег р. Сев. Донца) — селище и могильник;
16 — Зливки, Сталинская обл., Краснолиманский район (левый берег р. Сев. Донца) — могильник;
17 — Ильменский (Суворовский), Сталинградская обл. (левый берег р. Дона) — селище;
18 — Каменск-Шахтинский (Рыгинский хутор), Каменская обл. (правый берег р. Сев. Донца) — городище и могильник;
19 — Карнаухов, Каменская обл., Цимлянский район (левый берег р. Котлубанки) — городище и селище;
20 — Кобяково, Ростовская обл., Аксайский район (правый берег р. Дона) — городище (?);
21 — Константиновская, Каменская обл. (правый берег р. Дона) — селище;
22 — Крутой, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона) — селище;
23 — Лысогорка, Харьковская обл., Савинский район (левый берег Сев. Донца) — селище и могильник;
24 — Мариинская, Каменская обл., Николаевский район (правый берег Сев. Донца) — селище;
25 — Мартово, Харьковская обл., Печенежский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
26 — Маяки, Сталинская обл., Славянский район (правый берег Сев. Донца) — городище;
27 — Мохнач, Харьковская обл., Змиевский район (правый берег Сев. Донца) — городище;
28 — Мохнач, Харьковская обл., Змиевский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
29 — Нежеголь, Белгородская обл., Шебекинский район (левый берег Сев. Донца) — селище;
30 — Нижне-Калиновский, Сталинградская обл., Суровикинский район (правый берег р. Чир) — селище;
31 — Нижне-Кундрюческая, Каменская обл., (правый берег Сев. Донца) — селище;
32 — Нижне-Чирская, Каменская обл., (правый берег р. Дона) — селище;
33 — Николаевская, Каменская обл. (правый берег р. Дона) — селище;
34 — Новоселье, Харьковская обл., Двуреченский район (правый берег р. Оскола) — селище;
35 — Норцовка 2, Харьковская обл., Савинский район (правый берег р. Сев. Донца) — селище;
36 — Островской, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Чир) — селище;
37 — Печенеги, Харьковская обл. (правый берег р. Сев. Донца) — могильник (?);
38 — Подгоровка, Белгородская обл., Уразовский район (правый берег р. Ураевой) — селище и могильник;
39 — Покровское, Ворошиловградская обл. (правый берег р. Дуванки) — могильник;
40 — Попов, Ростовская обл., Романовский район (левый берег р. Дона) — городище и могильник (?);
41 — Потайновский, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Дона) — селище (?);
42 — Пристен, Харьковская обл., Купянский район (правый берег р. Оскола) — городище (?);
43 — Рогалик (Петропавловское) Ворошиловградская обл., Верхне-Тепловский район (левый берег Сев. Донца) — селище;

44 — Рубцово, Сталинская обл., Краснолиманский район (левый берег р. Оскола) — могильник;

45 — Семикаракорская, Ростовская обл. (левый берег р. Дона, при устье р. Сал) — городище;

46 — Сидорово, Сталинская обл., Славянский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище и селище;

47 — Средний, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Котлубанки) — городище и селище;

48 — Сторожевое, Воронежская обл., Давыдовский район (правый берег р. Дона) — городище;

49 — Суворовская, Каменская обл., Нижне-Чирский район (правый берег р. Дона) — селище;

50 — Сухая Гомольша, Харьковской обл., Змиевский район (правый берег р. Сев. Донца) — городище (?);

51 — Тополи, Харьковская обл., Двуреченский район (правый берег р. Оскола) — селище;

52 — Урыв, Воронежская обл., Коротоякский район (правый берег р. Дона) — могильник;

53 — Хороший, Каменская обл., Цимлянский район (правый берег р. Котлубанки) — селище;

54 — Цимлянская, Каменская обл., Правобережное городище (правый берег р. Дона) — городище;

55 — Шейковка, Харьковская обл., Боровский район (бассейн р. Оскола, левый берег) — могильник;

56 — Ютановка, Белгородская обл., Волоконовский район (правый берег р. Оскола) — могильник (?);

57 — Кабановское городище, Харьковская обл., Змиевский район (правый берег р. Уды) — городище (?).

С. А. Плетнева

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

ВВЕДЕНИЕ

Тюркоязычные кочевники раннего и позднего средневековья, заселявшие необозримые пространства от Монголии до Дуная, играли огромную роль в этногенезе и жизни народов соседних с ними оседлых государств Азии и Восточной Европы. Отношение кочевников с каждым из государств могут быть предметом специального исследования. Настоящая работа посвящена истории кочевников конца IX—середины XIII в. на территории южнорусских степей, т. е. кочевников, являвшихся соседями крупнейшего в Восточной Европе того времени государства — Руси.

Печенеги, торки и половцы были тесно связаны родственными и племенными узами с кочевниками Заволжья, Средний Азии и Сибири. Однако политическая их история развивалась исключительно в зависимости от западных соседей. Обособление южнорусских кочевников в отдельную ударную группу позволяет выделить и изучать их в отрыве от основного азиатского кочевого массива. Отдельные орды мощных племенных союзов кочевников, разбитые Русью, устремлялись в дунайские степи, но взаимоотношение их с балканскими государствами не будет рассматриваться в настоящей работе, поскольку это уже другая тема, требующая особого изучения.

Несмотря на большую роль, которую играли печенеги, торки и половцы в жизни Русского государства, в русской историографии им принадлежит очень скромное место. В общих трудах по истории России (М. Погодин, С. М. Соловьев, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Багалей, В. О. Ключевский) неоднократно указывалось, что кочевники были «несчастьем Руси», что они явились одной из основных причин перемещения центра Руси из Приднепровья во Владимиро-Суздальское княжество. Собственно же о кочевниках писалось мало. Объясняется это тем, что вопрос о них был слабо разработан. До капитальной монографии П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», изданной в 1884 г., не было ни одной крупной работы, посвященной кочевникам. Монография П. В. Голубовского исчерпывающе для того времени освещает взаимоотношения между степняками и Русью, основываясь на данных русских летописей. Наиболее слабым ее разделом является глава о быте и общественных отношениях кочевников, что признает сам автор, ссылаясь на бедность материала.

С 80-х годов XIX в. начались поиски и исследования археологических памятников, оставленных кочевниками в южнорусских степях. Курганные раскопки Н. Е. Бранденбурга в Поросье в 1888—1902 гг. дали науке богатейший материал.[1] Особенно активизировались археологические изыскания в период XII—XIII археологических съездов (в 1902—1904 гг.), проводившихся в центрах областей, занятых некогда кочевниками — в Харькове и Екатеринославле (Днепропетровске). Таковы раскопки Гош-

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908.

кевича, Миллера, Харламова, Трефильева, Эварницкого, Самоквасова, Городцова.[1]

В советское время кочевникам южнорусских степей по-прежнему уделялось мало внимания. Опубликованы всего две сравнительно крупные работы, посвященные истории половцев: статья А. И. Попова «Кипчаки и Русь»[2] и сборник очерков К. В. Кудряшова «Половецкая степь».[3] Обе работы написаны исключительно на основании анализа русской летописи.[4]

Почти совершенно прекратились археологические исследования кочевнических памятников на территории Восточной Европы. Только те погребения, которые попадались случайно при раскопках курганов других эпох, расчищались, фиксировались и иногда публиковались. Единственные раскопки, прямой целью которых было изучение кочевнических древностей, проводились в числе многих других работ Волго-Донской экспедицией (на кочевническом могильнике близ Саркела—Белой Вежи).

Из всего сказанного ясно, что в русской литературе, как дореволюционной, так и советской, нет ни одного труда, который осветил бы историю кочевников, исходя из совокупности всех исторических источников (письменных и археологических).

В 1952 г. в Москве были защищены две диссертации о кочевниках Восточной Европы: Л. П. Зяблина «Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы» и С. А. Плетневой «Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв.». Обе представляют собой первую попытку освоить археологические памятники кочевников как исторический источник и, связав их с письменными данными, по-новому осветить многие стороны жизни кочевников. Предлагаемая статья является сокращенным изложением второй диссертации.

Благодаря раскопкам конца XIX—начала XX в., а также раскопкам Волго-Донской экспедиции 1949—1951 гг. в моих руках оказался значительный археологический материал, состоящий из 332 археологических комплексов. В действительности кочевнических погребений в южнорусских степях за последние 100 лет раскопано значительно больше (около 700). Однако небрежность фиксации и хранения привели к тому, что половина их пропала для науки. От них сохранилось только неполное описание погребального обряда или один инвентарь. Другая половина сохранилась или полностью, т. е. с подробным описанием погребального обряда и с вещами, или без вещей, но с точным описанием их. Эту часть комплексов можно считать полноценной; именно она и использована мной в археологической части работы. Кроме того, для изучения быта и одежды кочевников привлечены коллекции каменных баб, собранные в Киевском, Ждановском, Новочеркасском, Таганрогском и Днепропетровском музеях.

Что касается письменных источников, то в первую очередь в работе использована русская летопись,[1] дающая по истории степняков наибольшее количество сведений. Сообщения русского летописца дополняются данными, взятыми из других русских, византийских и восточных произведений X—XIII вв.[2] Из последних особенного внимания заслуживают трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством»,[3] «Сказание о пленном половчине»[4] и половецко-латинский словарь, известный в мировой исторической литературе под названием «Codex Cumanicus».[5]

В первой главе настоящей работы дается классификация кочевнических памятников, обнаруженных на территории южнорусских степей. Анализ вещественных находок из

---

[1] Тр. XII АС, М., 1905; Тр. XII АС I, т. I, М., 1907; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908.

[2] А. И. Попов. Кипчаки и Русь. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, вып. 14, 1949.

[3] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Зап. Всесоюзн. геогр. общ., нов. сер., т. 2, 1948.

[4] Ряд других, менее значительных работ освещает только отдельные вопросы быта или языка кочевников: В. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН, Отд. яз. и литер., № VI, 1947; С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». ИАН, Отд. яз. и литер., № V, 1946.

[1] В основном использована Ипатьевская летопись, т. е. «Повесть временных лет», переработанная в XII в. киевским монахом, приверженцем Мономаховичей.

[2] Византийские и арабские источники использованы мной в переводах на русский или новые европейские языки.

[3] Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934.

[4] Киево-Печерский патерик. М., 1870.

[5] Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

этих памятников, принадлежавших различным племенным союзам, и сопоставление их с письменными источниками позволяют в ряде случаев восстановить этническую географию степи в ту эпоху. Следующие главы, написанные на основании письменных источников и археологического материала, посвящены хозяйству, социальному строю и культуре кочевников. В последнем разделе работы излагается политическая история трех основных кочевнических союзов, известных средневековым авторам на территории южнорусских степей в X — XII вв.

I. ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ X—XIII вв.

«Аще либо си суть от пустыни Етривськия межи въстоком и севером; ищьло жь есть их колен 4: торкмени и печенези, торци, половце».[1] Русский летописец этими словами как нельзя лучше подчеркивает родство трех основных тюркоязычных народов — печенегов, торков и половцев, обитавших в южнорусских степях в IX—XIII вв. О родстве и тесных связях между ними неоднократно писали также арабские и византийские ученые (Ибн-Хордадбех, Махмуд Кашгарский, Константин Багрянородный, Анна Комнин и др.).[2]

Различить эти народы как исторически, так и археологически очень трудно. Сведения об одном народе переплетаются с данными о другом. Вещевой материал у всех трех народов почти однороден. Погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями. Эти последние в свою очередь исчезают и заменяются новыми при слиянии или смешивании народов, что постоянно происходило в среде кочевников при передвижении их по южнорусским степям. Тем не менее весь имеющийся у нас в руках полноценный археологический материал (332 курганных комплекса) по ряду признаков погребального обряда и частично по вещам разделен на 5 групп.

1

В первую группу включено 48 погребальных комплексов[3] (рис. 1, *4*; 2). Для них характерны:

1. Небольшие курганные земляные насыпи. Следует отметить, что подавляющее большинство могил первой группы — впускные в насыпи курганов предыдущих эпох, а потому говорить о форме или строении курганной насыпи в таких случаях нет смысла.

2. Грунтовые неглубокие (до 0.8 м), прямоугольные или овальные в плане могилы, в которых только в виде исключения встречаются различные земляные сооружения — подбои, приступки, подсыпки.[1] Глубина и строение впускных могил почти никогда не прослеживались исследователями. Впускные погребения обнаруживались обычно случайно, в насыпи или на подошве кургана.

3. Ориентировка покойника всегда головой на запад (с отклонениями, зависящими от времени года, в которое производилось захоронение).

---

[1] Ипат. лет., стр. 163.

[2] МИТТ, стр. 17—18; В. В. Бартольд. История турко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 12; Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной, ч. I. Перевод под ред. проф. В. И. Карпова. СПб., 1859 (сер. «Византийские историки»).

[3] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 219, 306, 311, 343), с. Кагарлык (кург. 218, 238/1, 238/2, 239, 241), с. Краснополка (кург. 221, 275, 276/1, 276/2), с. Забара (кург. 321, 322), с. Шандры (кург. 409), с. Поток (кург. 400, 415, 417), с. Бурта (кург. 337), с. Липовец (кург. 266), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. Кишиневская обл.: с. Екатериновка (кург. 1/11), см.: Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 48. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 1/10), см.: ОАК за 1908 г., стр. 162—163; с. Будаки (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г., стр. 50—51. Гор. Симферополь (кург. 1), см.: ОАК за 1895 г., стр. 13—14. Харьковская обл.: с. Ямполь (кург. 1/6), с. Ковалевка (кург. 2/2), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 246—247, 299. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 8, 10, 16, 21, 34, 37, 40, 47—49, 53, 54, 56, 59, 15/4, 45, 68/1, в яме на городище), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции 1934—1936 и 1949—1951 гг.; с. Покровское (кург. Д), см.: колл. ТИКМ, № 171; с. Мануйловка (кург. б/№), см.: колл. ГИМ, № 15/13-б. Казанская обл.: с. Танкеевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1904 г., стр. 135—136.

[1] Изменения основного обряда — результат влияния чуждых обычаев, вероятнее всего это отголосок «накатных» сооружений над могилами.

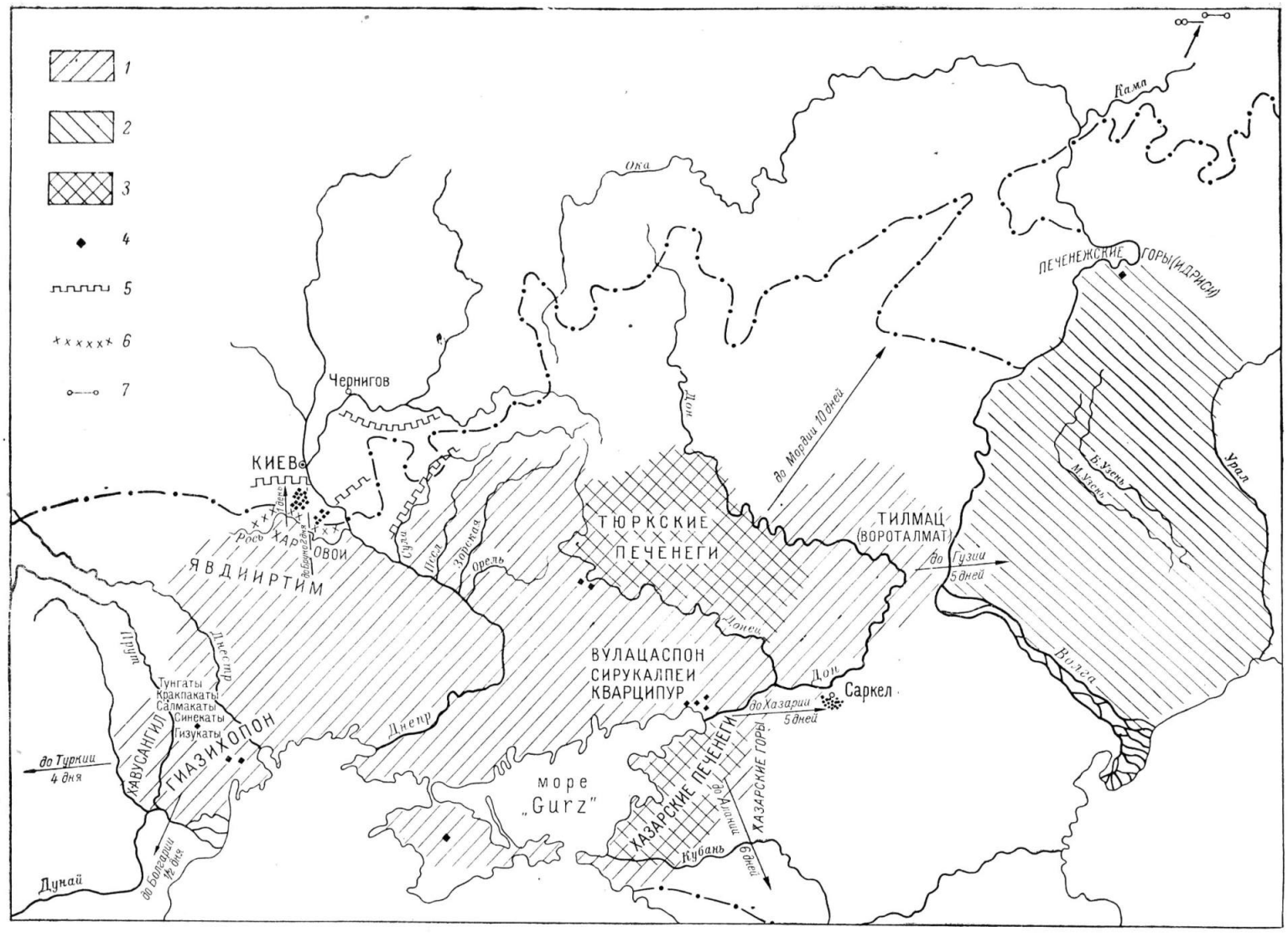


Рис. 1. Карта кочевий печенегов в IX—XI вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

1 — печенеги в X в. (по Константину Багрянородному); *2* — печенеги в VIII—IX вв.; *3* — печенеги в конце IX—начале X в. (по Худуд-ал-Алему); *4* — погребения печенегов на территории южнорусских степей; *5* — оборонные линии Руси в X в.; *6* — оборонные линии Руси в XI в.; *7* — находки удил без перегибов.

4. Положение покойника: вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками[1] (чаще в гробу, реже без гроба).

5. Наличие в могиле отрубленных головы и ног коня, разложенных в анатомическом порядке слева от покойника, рядом с ним или на приступке-подсыпке.

6. Наличие удил, сделанных из одного железного прута,— так называемых удил без перегиба.

Ни один из перечисленных признаков, взятый в отдельности, не может быть решающим при определении принадлежности какого-либо погребения к этой группе, поскольку все они отдельно взятые встречаются и в погребениях других групп. Только удила без перегиба находятся в других группах как исключение, а потому могут служить определителем принадлежности погребения к данной группе, особенно если они встречены в захоронении, имеющем хотя бы часть вышеизложенных признаков. Так, к первой группе условно,

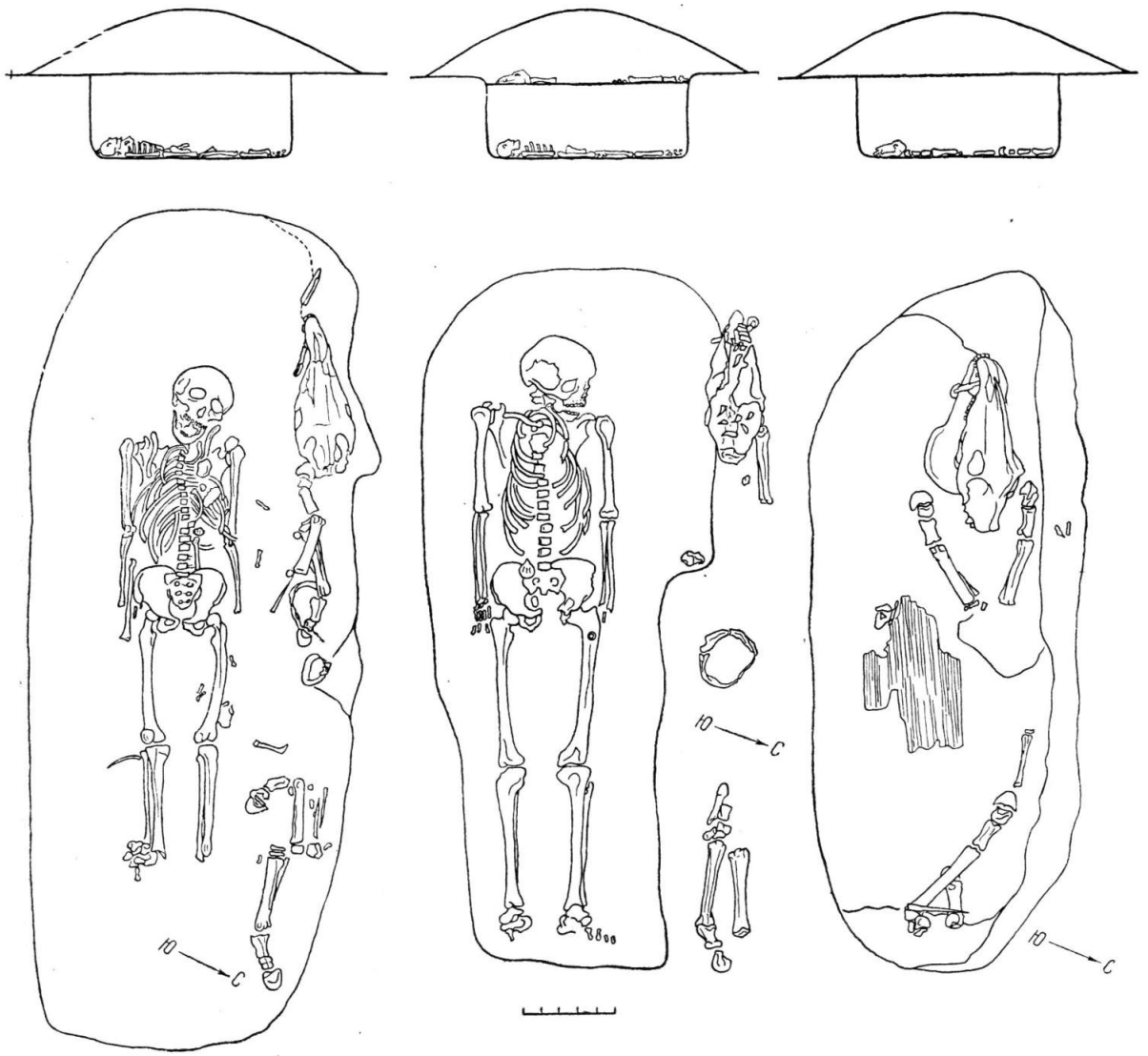


Рис. 2. Типы погребений печенегов.

[1] Изредка руки немного согнуты в локтях и лежат на тазу.

только по форме удил, отнесено несколько разграбленных погребений, а также погребения, описания обряда которых не дошли до нас. Таковы погребение из кургана Д в с. Покровском (Ростовская обл.), погребение из с. Танкеевки (Казанская обл.) и некоторые другие. Только в редких случаях, когда удила без перегиба встречаются в погребениях с резко отличным от вышеописанного обрядом, мы можем говорить об иной групповой принадлежности этих погребений.

К первой группе относятся также 7 погребений частей коня (головы и ног) без захоронения человека.[1] Групповая принадлежность их устанавливается прежде всего по обряду захоронения. Голова коня ориентирована мордой на запад, передние и задние ноги разложены в анатомическом порядке. На узком пространстве справа от костей в некоторых могилах положены вещи покойника, в честь и память которого совершено было ритуальное захоронение коня. Форма удил в четырех случаях неизвестна, в двух обнаружены были удила без перегиба, в одном — с перегибом. Тем не менее общий вид погребений и тот факт, что в двух из них встречены удила без перегиба, позволяют причислить все 7 комплексов к первой группе.

Помимо перечисленных выше признаков, первая группа погребений отличается от последующих менее заметной, но весьма существенной особенностью, а именно архаичностью вещевого комплекса. В связи с этим ряд погребений IX—X вв. с признаками первой группы, но с удилами с перегибом или совсем без удил причислены мной к данной группе.[2]

В целом ассортимент вещей в погребениях очень ограничен. В них почти совершенно отсутствуют посуда, украшения, зеркала, остатки дорогой одежды, и наоборот, как правило, в них встречаются копья, стрелы, иногда сабли и части сбруи — удила, стремена, пряжки (рис. 3, 4). Очевидно, большинство покойников были мужчины-воины.

[1] Киевская обл., кург. 238, 311, 343; Ростовская обл., хут. Попов, кург. 15/4, 45, 61/1, в яме на городище.

[2] Киевская обл., кург. 322, 415; г. Симферополь, кург. 1; Ростовская обл., кург. б/№, Д; Казанская обл., кург. 1.

В наборе оружия также прослеживается большое своеобразие. Во-первых, совершенно отсутствуют оборонительные доспехи (т. е. шлемы, кольчуги и т. д.). Во-вторых, оружие клалось в могилу в очень ограниченном количестве. Обычно это 1—3 стрелки, лук или колчан, копье и, в виде исключения, сабля. Последнюю как наиболее дорогое оружие мог положить в могилу к родичу только богатый степняк.[1]

Не только подбор вещей в погребениях, но и самые формы вещей говорят о своеобразии первой группы. Прежде всего это наличие упомянутых выше удил без перегиба. Они имеют вид прута с загнутыми концами, в неподвижные колечки вставлены подвижные, крупные, круглые в разрезе кольца. Иногда, помимо подвижных колец, удила без перегиба снабжались псалиями — железными, так называемыми «крылатыми», костяными или деревянными. В последнем случае на концах удил имеется не одно, а два неподвижных колечка (рис. 3, *4*). Удила без перегиба с первого взгляда могут показаться примитивными — они рвали рот лошади при каждом неосторожном натягивании поводьев. Однако известно, что современные мундштучные удила, служащие всаднику для более тонкого и строгого управления лошадью, также изготовлены из одного негнущегося прута. В Западной Европе в XI—XII вв. наряду с обычными удилами употреблялись и удила без перегиба.[2] Изредка ими пользовались и русские воины.[3] Хронологически удила без перегиба распространены широко — от конца IX до XIII в., однако чаще их можно встретить в комплексах X—XI вв.

Почти исключительно в комплексах первой группы встречаются овальные стремена с петлей для ремня, пробитой в специальном выступе, а также продолговатые, с вогнутыми длинными сторонами подпружные пряжки (рис. 3, *1*, *4*, *6*; 4, *11*). Безусловно предшественниками стремян с выделенной петлей являются стремена из могильников VII—VIII вв. в Восточной Европе (в Салтово, на Северном Кавказе, в муромо-мерянских могильниках). В IX—X вв. эти стремена

[1] В качестве дорогого оружия сабля могла передаваться по наследству от отца к сыну.

[2] A. Demmin. Guide des amateurs d'armes. Paris, 1869, стр. 174, рис. 5.

[3] Экспозиция ГИМ, раскопки Молчановского 1935 г.

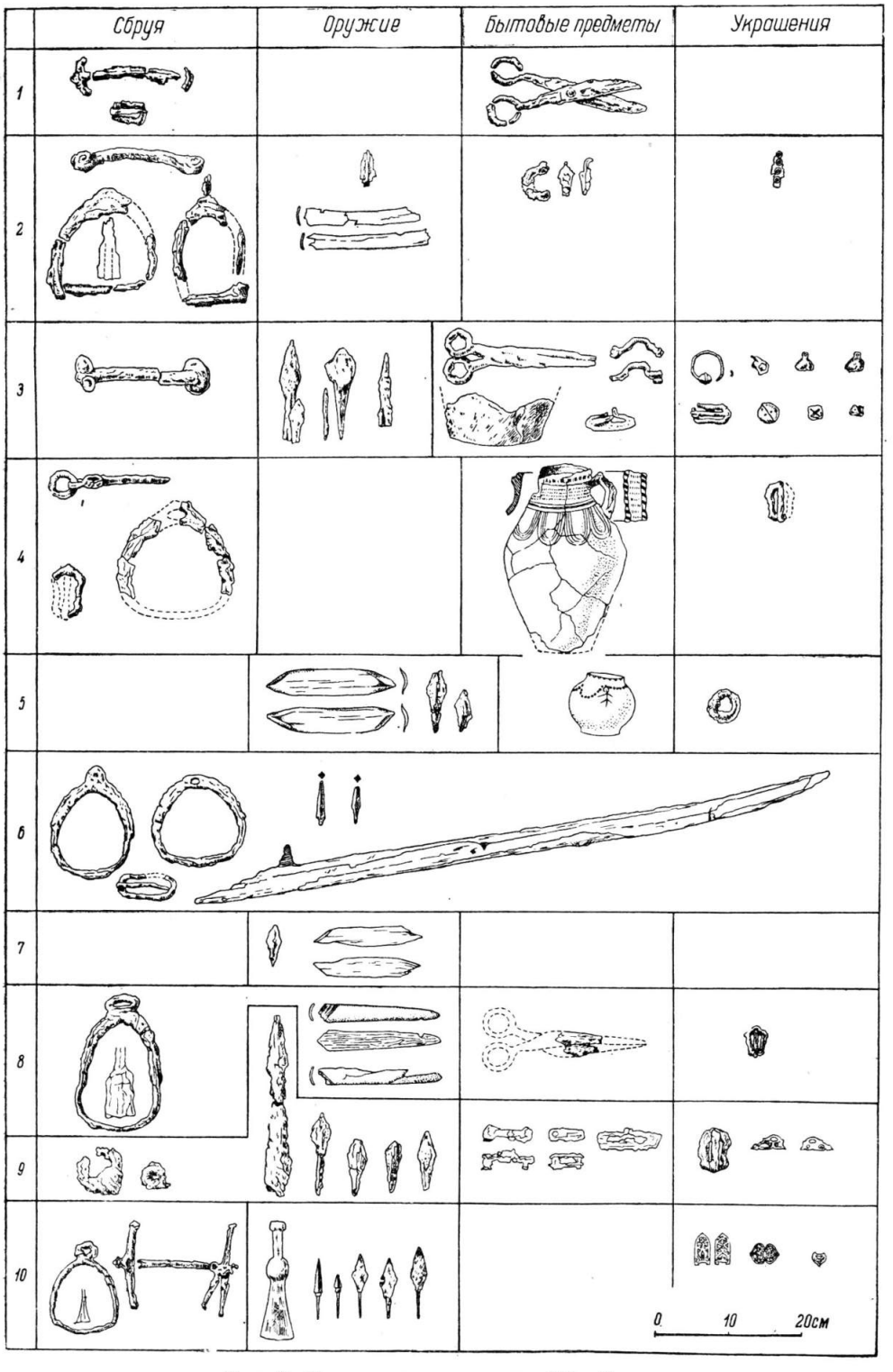


Рис. 3. Печенежские древности IX—X вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 47; *2* — там же, кург. 8; *3* — Кишиневская обл., дер. Екатериновка, кург. 1/11; *4* — Ростовская обл., с. Покровское, кург. Д; *5* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 10; *6* — там же, кург. 34; *7* — там же, кург. 49; *8* — там же, кург. 40; — там же, кург. 21; *10* — Казанская обл., дер. Танкеевка, кург. б/№.

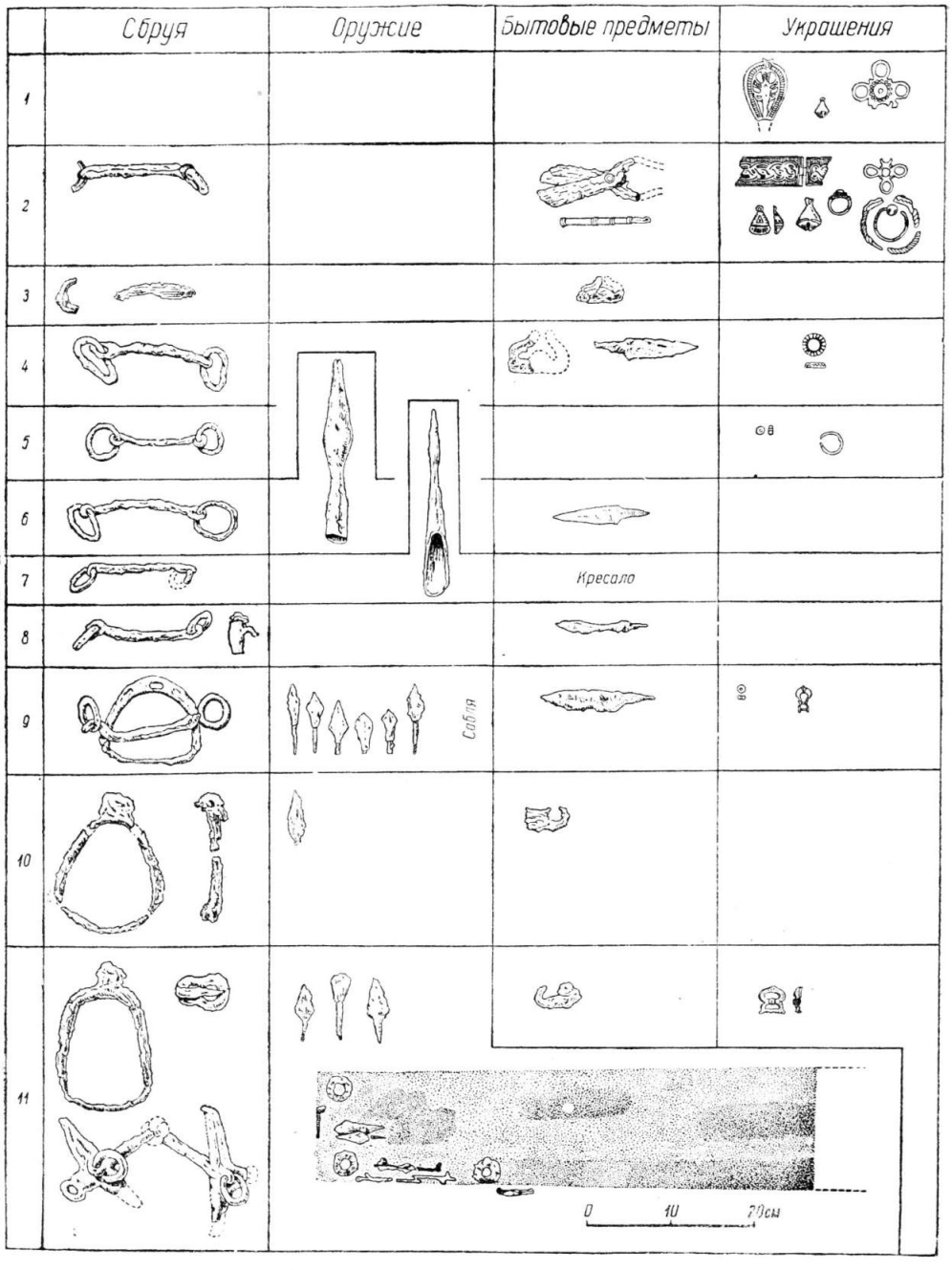


Рис. 4. Печенежские древности X—XI вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 59; *2* — там же, кург. 37; *3* — там же, кург. 45; *4* — Киевская обл., с. Шандры, кург. 409; *5* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 305; *6* — Киевская обл., с. Краснополка—с. Кагарлык, кург. 275; *7* — там же, кург. 221; *8* — Киевская обл., с. Забара, кург. 321; *9* — Одесская обл., с. Павловка, кург. 1/10; *10* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 56; *11* — там же, кург. 54.

видоизменились, потеряли свои первоначальные прямоугольные очертания и приобрели форму овалов. В погребениях первой группы овальная форма стремян встречается только вместе с продолговатыми пряжками, датирующимися по аналогиям не позже середины X в. (они известны в салтовском и северокавказском могильниках VII—VIII вв., в венгерских могильниках VI—VIII вв., в муромо-мерянских VIII—IX вв. и, наконец, в русских языческих курганах IX—начала X в.). Другие формы стремян характерны для всех кочевнических древностей в целом (рис. 3, *2*, *4*, *6*; 4, *9*).

Сабли из погребений первой группы однотипны, это массивные, широкие, слабо искривленные клинки (рис. 3, *6*). Длина их не превышает 1 м. Рукояти их были деревянные, перекрестия деревянные или железные, эллипсовидные. Датируется этот тип сабель ранним временем. Они почти тождественны венгерским и древнерусским саблям IX—X вв.

Костяные накладки — единственное, что сохраняется в могилах от лука. Для погребений первой группы характерны массивные парные «рыбообразные» накладки, имеющие аналогии в могильниках VIII в. в Сибири [1] и датирующиеся, по-видимому, не позднее X в. (рис. 3, *5*, *7*).

Несмотря на то, что находки посуды в погребениях первой группы исключительно редки, в двух комплексах были обнаружены сосуды, позволившие связать всю группу с кочевниками, жившими в IX—X вв. в Тмуторокани и Саркеле—Белой Веже. Один из них имеет форму кувшина (рис. 3, *4*), украшенного пышным орнаментом из наколов, валиков, гирлянд. Другой — небольшой горшочек с раздутыми боками. Он также орнаментирован наколами по плечикам. Кроме того, на нем по сырому тесту прочерчен знак тюркской письменности или кочевническая тамга. Ближайшие аналогии этому знаку встречаются в салтово-маяцкой письменности (рис. 3, *5*). Обломки сосудов, орнаментированных наколами и гирляндами, в большом количестве были найдены в слоях IX—X вв. в Тмуторокани и особенно в Саркеле. Следующим бытовым датирующим предметом является овальное кресало с незамкнутыми, загнутыми в завитки концами (рис. 3, *9*). Аналогии ему известны в русских древностях IX—X вв.

Только в наиболее богатых мужских погребениях попадаются какие-то остатки богатой одежды, например серебряный поясной набор IX в. из погребения в Танкеевке (рис. 3, *10*). Вещи из немногочисленных женских погребений не типичны для кочевнических древностей: крученые и черненые браслеты, перстни, височные кольца или серьги с дутой нанизкой, аналогичные русским изделиям X—XI вв. Исключением являются обломки двух бронзовых крестовидных фибул из женского и детского погребений Саркелского могильника (рис. 4, *1*, *2*) и листовидная, прорезная, литая, обломанная с острого конца бляха с изображением древа жизни или птицы с распростертыми крыльями из детского погребения (рис. 4, *1*). Фрагменты подобных подвесок обнаружены были на городище Саркел—Белая Вежа в слое X—XI вв. Целая бляха с аналогичным изображением древа жизни или птицы найдена была в одном из волжских кочевнических курганов. А. Кушева-Грозевская весьма необоснованно датирует эту бляху XIV в. и сближает ее с чудскими сулде.[1] Однако известно, что изображение древа или птицы с солнцем-кругом над головой, олицетворявшее главные силы природы — землю и небо, свойственно не только чудским народам. Многочисленные, сравнительно единообразные изображения этих стихий встречаются в древностях всех времен, племен и народов. Упрощенный вариант точно таких же подвесок известен по находкам на Саркелском городище (X в.) и в заволжских курганах кочевников.[2] В Заволжье обнаружены были целые экземпляры. Это оказались большие копоушки с навершием в виде сложно орнаментированной бляхи (пальметка, или «процветший крест», вписанная в традиционную листовидную фигуру).

Таким образом, анализ вещевого материала первой группы позволяет датировать ее в основном X в. Только некоторые вещи, а следовательно и погребения, могут дати-

---

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948.

[1] А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928, стр. 14—15.

[2] См. колл. ИИМК и ЛОИИМК, раскопки К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова в Нижнем Поволжье в 1955 г.

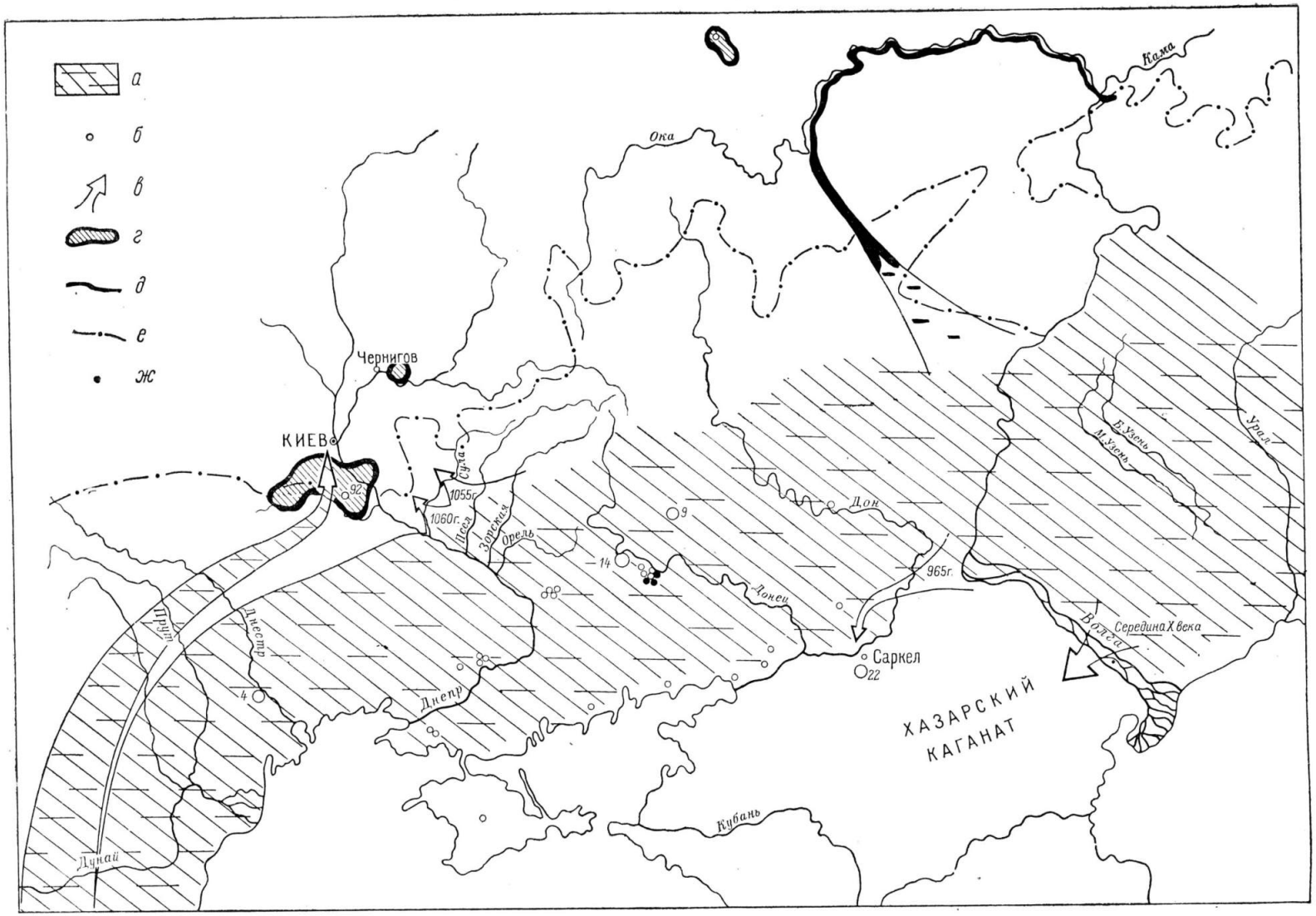


Рис. 5. Карта кочевий торко-печенегов и черных клобуков в X—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — территория кочевий сельджуков и черных клобуков в XI—XII вв.; *б* — погребения торко-печенегов и черных клобуков (цифра у кружка обозначает количество погребений); *в* — нападения торков на Хазарию и Русь; *г* — кочевья черных клобуков; *д* — поход торков совместно с Владимиром в 985 г.; *е* — границы леса и лесостепи; *жс* — погребения торков.

роваться IX—X вв. (рис. 3, *4*, *5*, *10*) или X—XI вв. (рис. 4, *1—4*).

Расовая принадлежность костяков первой группы определялась только по материалам из кочевнического могильника близ Саркела и из нескольких курганов, раскопанных В. А. Городцовым на Северском Донце.

Все исследованные костяки — брахицефалы-европеоиды или же европеоиды с небольшой примесью монголоидности, т. е. метисированные европеоиды. Метисированные черепа по числовым показателям почти тождественны современным узбекским.

Географически погребения первой группы распространены на всем протяжении степей от Волги до Молдавии (рис. 1, *4*). Известны они и в Подунавье (погребения «всадников» в Венгрии).[1] Однако подавляющее большинство их обнаружено в Поросье (в Киевской обл.), на Северском Донце (в Харьковской обл.) и на Дону (в Ростовской обл.). Это говорит, во-первых, о том, что указанные районы наиболее исследованы археологами, а, во-вторых, о концентрации населения первой группы на берегах крупных южнорусских рек.

[1] J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Bd. I, стр. 78, 79, рис. 88—89; Bd. III, tab. 501; Archaeologica Ertesito, vol. XLVIII. Budapest, 1935, стр. 216, рис. 152.

2

Во вторую группу входит всего 3 погребения. Они, как и погребения первой группы, характеризуются земляными курганными насыпями, грунтовыми могилами, западной ориентировкой костяка, захоронением костей коня вместе с покойником. Основным признаком, отличающим их от погребений первой группы, является конструкция могилы — наличие в ней деревянных сооружений, облицовок и настилов над погребением человека. Форма удил, встречаемых в погребениях второй группы, неустойчива: в одном случае в погребение положены удила без перегиба, в другом — с перегибом, в третьем форма удил не указана автором отчета.

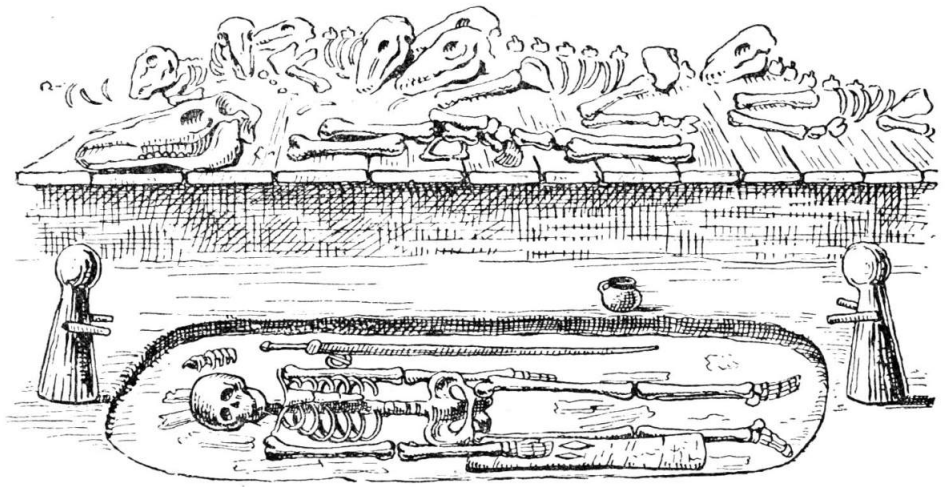


Рис. 6. Погребения торков (реконструкция по В. А. Городцову).

Все погребения обнаружены в местности недалеко от ст. Торской Купянского района Харьковской области, т. е. на Северском Донце (рис. 5, *ж*). Два из них раскопаны Е. П. Трефильевым, одно — В. А. Городцовым.[1] Последнее, наиболее богатое и сложное по устройству, заслуживает особого внимания (рис. 6). Оно произведено в на-

[1] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 141—144; Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 346. Все три погребения дошли до нас только в описаниях, вещевой материал, сданный исследователями в Харьковский музей, погиб во время Великой Отечественной войны.

сыпи большого земляного кургана (высота около 1.8 м). На специальном настиле над могилой было положено 6 телят. Здесь же лежала обращенная мордой на запад голова коня, а также его ноги, расположенные в анатомическом порядке. Гроб с покойником, ориентированным головой на запад, стоял в глубокой и широкой могиле. У ног и изголовья были поставлены деревянные, грубо сделанные статуэтки без ног, с вставленными перпендикулярно к телу руками-палочками, а слева от гроба — глиняный горшок. Похороненный был мужчина. Рядом с ним лежала сабля и колчан со стрелами. Лошадиная сбруя — удила и стремена — были обнаружены у костей лошади.

Два других комплекса более просты. Над могилой на настиле лежали только кости коня, а в самой могиле не было деревянных статуэток. Их заменяли, вероятно, грубо высеченные каменные статуи — бабы, стоявшие на курганах.

Погребальный обряд второй группы захоронений в деталях совпадает с описанным в начале X в. Ибн-Фадланом погребальным обрядом гузов, или торков.[1] Табл. 1 дает возможность сопоставить это описание Ибн-Фадлана с данными, полученными при изучении комплексов второй группы. Таким образом, очевидно, что погребения второй группы сооружались гузами—торками.

Что касается этнической принадлежности погребений первой группы, то о ней высказывались соображения А. А. Спицыным, В. А. Городцовым и в последнее время Н. Д. Мец.[2] Все они считали, что погребения с костями коня и удилами без перегиба принадлежат торкам. Однако против этого говорит уже то, что торки оставили после себя яркие и не вызывающие сомнения памятники — погребения второй группы. Топонимические и исторические данные, привлеченные указанными исследователями для подтверждения своей гипотезы, далеко не достаточны. Свидетельство Ибн-Фадлана, привлеченное Н. Д. Мец в качестве основного аргумента, использовано методологически неверно, поскольку из описания всего обряда взят только один признак — погребение костей коня. Этот признак встречается и в других группах, например В. Рубрук в XIII в. упоминает о нем, описывая погребальный обряд половцев.

Другим немаловажным фактом, свидетельствующим не в пользу положения, высказанного В. А. Городцовым и Н. Д. Мец, является то обстоятельство, что в Средней Азии, на исконной территории гузов—торков, удила без перегиба не попадались ни разу. Распространение их в Заволжье, в лесных и лесостепных землях (северная граница их распространения проходит по Каме—Вятке, южная — по р. Урал), говорит о том, что они принадлежали какому-то полулесному народу, обитавшему на территории от Урала до Днепра и даже Дуная в IX—XII вв. Народом этим могли быть только печенеги.

Печенеги были авангардом мощного движения тюркоязычных народов, хлынувших в начале IX в. в восточноевропейские степи. Это было одно из крупных племен сильного племенного союза, известного в среднеазиатских степях под именем союза канглов («кангюй» китайских источников).[1] С захвата заволжских земель, принадлежавших ранее сарматским племенам, началось образование нового племенного союза — печенежского. В него вошли печенеги-канглы и покоренные ими сарматские и отчасти лесные фино-угорские племена.[2] Константин Багрянородный, описывая племенной состав печенежского союза в X в., отмечал, что печенеги делились на восемь округов, три из которых, именуемые «кангар» (канглы), считались знатнейшими. Остальные пять округов были, по-видимому, сильно сарматизированы. Сильная европеоидность печенегов, отмечаемая антропологами, объясняется большим количеством влившихся в печенежский союз сарматов.

---

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. под редакцией И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 63. Тождество гузов, узов, торков доказано уже в работе П. В. Голубовского (Об узах или торках. ЖМНП, 1884, июль).

[2] А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 156—160; В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910; Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

[2] От них печенеги могли получить и свое имя: слово «печенеги» в переводе на угорские наречия означает «лесные люди» (см.: Д. Й. Европеус. Об угорском народе. Тр. II АС, т. I, СПб., 1876, стр. 84).

Таблица 1

	По Ибн-Фадлану	Курган, раскопанный Городцовым	Курганы, раскопанные Трефильевым	
			№ 1	№ 2
Надмогильные сооружения.	«Накладывают подобие юрты из глины».	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.
Строение могилы.	«Роют большую могилу наподобие дома... покрывают настилом дом (т. е. могилу, — *С. П.*) над ним (покойником, — *С. П.*)».	Настил над могилой.	Остатки деревянной кладки над могилой.	Кладка над покойником сгнила, кости лошади лежали, по-видимому, на ней, на 70 см выше человеческого скелета.
Кости жертвенных животных.	«Съедают их (лошадей, — *С. П.*) мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста».	На настиле кости лошади и 6 телят.	Кости лошади на кладке.	Кости лошади над костяком человека.
Сосуды.	«Оставляют перед ним (покойником, — *С.П.*) сосуд с набидом».	Глиняный сосуд у стенки гроба.	Сосуда нет.	3 глиняных сосуда: 2 горшка и 1 чашка рядом с костями коня.
Статуи.	«Вырезают изображения из дерева и помещают их на его (покойника, — *С. П.*) могиле».	Деревянные статуэтки у ног и изголовья покойника.	Каменная баба на кургане.	Каменная баба на кургане.
Вещи.	«Одевают на него (покойника, — *С. П.*) куртку и его пояс, его лук... приносят все его имущество и кладут с ним».	Вещи: сабля, остатки кожаного колчана, горшок, железная поясная пряжка, удила с перегибом, два стремени.	Вещи: ножик, одежная пряжка, серебряная гривна, янтарная буса, серебряная витая рукоять плети, удила без перегиба, стремя.	Вещи: наконечник стрелы, ножик, глиняная лепная посуда (чашка и 2 цилиндрических горшка), удила с перегибом, стремя.
Пол захороненного.	Ибн-Фадлан говорит только о погребениях мужчин-воинов.	Покойник — мужчина-воин.	Пол погребенного неизвестен; возможно, судя по инвентарю, это женщина или богатый юноша (украшения, в частности гривна, носились и мужчинами, преимущественно молодыми). [1]	Покойник — мужчина-воин.

[1] См. погребение мальчика с жеребенком из кургана, сооруженного черными клобуками в Поросье (Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260; см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 66).

О заволжском периоде печенежской истории, длившемся около столетия (IX в.), сохранилось очень мало сведений. Тем не менее, дошедшие до нас известия позволяют восстановить границы заволжской Печенегии, лежавшей между реками Волгой и Уралом в лесостепной зоне.[1] Северная ее граница доходила по Волге до Жигулевских гор, называемых в некоторых источниках Печенежскими.[2] Лесистость печенежской земли неоднократно отмечалась восточными авторами. Естественно, что именно в лесистой, сильно пересеченной местности впервые появились у кочевников удила без перегиба, которые служили всаднику для более строгого управления лошадью. От печенегов удила без перегиба проникли далеко на север, на вятские и камские городища (рис. 1, 7).

В конце IX в. печенеги, вытесненные более сильными племенными союзами гузов и кипчаков (торков и половцев), хлынули в донецкие степи и в короткое время заняли огромную территорию от Волги до Прута.

Б. А. Рыбаков составил и издал карту Восточной Европы и, в частности, Печенегии по данным Константина Багрянородного.[3] В основном она представляется мне вполне убедительной, только на востоке Печенегия не ограничивалась Северским Донцом, как изобразил ее Б. А. Рыбаков, а доходила до Волги, о чем свидетельствует географическое сочинение начала X в. Иосифа-бен-Гориона.[4] Указанный автор сообщает, что племя «тилмац», названное Константином Багрянородным правобережным племенем талмат-вороталмат, кочует по р. Итиль, т. е. Волге.

В первой половине XI в. началось отступление печенегов из южнорусских степей к Дунаю (в основном в Венгрию).

Таким образом, есть все основания полагать, что погребения X—XI вв. с удилами без перегиба и с покойниками европеоидного и метисированного типов, распространенные на территории от Волги до Прута и Дуная, оставлены печенегами.

Собственно гузы—торки сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, несмотря на то, что в Средней Азии они представляли мощное племенное объединение. Гузы в IX в. занимали земли по Сыр-Дарье (называемой рекой гузов) и вокруг Аральского моря. С. П. Толстов, основываясь на ряде исторических свидетельств (письменных и археологических), доказывает, что гузы были развитым полуоседлым скотоводческо-рыболовецко-земледельческим народом, имеющим города и центрального правителя — ябгу.[1] До конца IX в. гузские владения не переходили через р. Урал. В конце IX в. гузы, разбив печенегов, захватили Заволжье.

В первой половине XI в. началось гузское движение на запад, известное в литературе под именем сельджукского.[2] Гузы шли двумя путями — южным и северным. Единый, целеустремленный план этого движения предусматривал завоевание всех крупных и богатых западных государств — Персии, Византии, Руси и др. Состав гузского союза не был однородным, в него входили племена и народности различного происхождения. Одной из крупных частей его было племя печенегов, влившееся в союз после захвата гузами Заволжья. Вот что писал об этом Константин Багрянородный: «. . . в то время, когда печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с так называемыми узами и доселе остаются среди них».[3] В число гузов, продвигавшихся на запад по южнорусским степям, входили, вероятно, большие отряды этих печенегов, поскольку они были самым северозападным племенем, находившимся в составе гузского союза. Кроме гузов и печенегов, двигался ряд племен, перечисленных впоследствии русским летописцем в записях XII в.,

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗАН, истор.-филолог. отд., сер. VII, т. I, № 1, 1897, стр. 120; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65.

[2] P. A. Jaubert. Geographie d'Edrisi, t. II. Paris, 1840, стр. 437.

[3] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

[4] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. ТВОАО, ч. 17, 1874, стр. 219.

[1] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

[2] См. работы: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. 1, СПб, 1908; С. П. Толстов. Города гузов; В. С. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М., 1941.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14, стр. 16.

касающихся истории Поросья, а именно берендеи, коуи, каепичи, боуты. С. П. Толстов делает сопоставления некоторых из этих названий с названиями 24 племен, входивших в состав гузского союза: берендеи—баяндур, каепичи—коуи—кайи, боуты—баят. Возможно, что некоторые из указанных племен вели происхождение, как и печенеги, от чуждых гузам народностей. Например, берендеи—баяндур могли происходить от кипчаков—половцев, так как в состав этих последних входил род бояндер, о чем писал Гардизи.[1] Во время движения многоплеменных сельджукских орд по южнорусским степям в них постоянно вливались новые отряды печенегов, основные силы которых отступали под давлением торков и руси на запад.

Таким образом, торки, прошедшие по южнорусским степям, были настолько смешаны с другими народами и, в частности, с печенегами, что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным (исключение — три погребения второй группы).

После разгрома в 1060 г. Русью северной ветви гузского—торческого союза большая часть племен, входивших в него, пошла на службу к киевскому князю и была поселена им в Поросье (на левом берегу р. Роси). Кочевники, заселившие Поросье в XII в., объединились в новый племенной союз — черноклобуцкий.

Племенное многообразие торческого и позднее черноклобуцкого союзов привело к тому, что в результате тесного общения племен между собой у всех их выработался новый погребальный обряд. Следует, правда, отметить, что в основу этого обряда лег, по-видимому, печенежский обряд, поскольку печенеги были наиболее многочисленным племенем в союзе торков. Особенности обрядов других племен лишь несколько изменили описанный выше печенежский обычай.

3

Третья группа включает в себя все погребения смешанного типа, т. е. погребения людей, входивших в гузский—торческий и черноклобуцкий союзы. В нее входит более 150 комплексов, из которых 88 обнаружено в Поросье, т. е. на основной территории черных клобуков (рис. 5, *б*).[1]

Естественно, что основные признаки погребений третьей группы, касающиеся погребального обряда, совпадают с печенеж-

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 105.

[1] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 215, 220, 293, 296—298, 299/1, 299/2, 306, 307, 309/1, 309/2, 310, 312—314, 317, 319/1, 319/2, 344—347, 365), с. Ковали (кург. 394), с. Кагарлык (кург. 217, 334—336, 338/5), с. Краснополка (кург. 224, 270, 271/1, 271/2, 280, 281), с. Краснополка—с. Гадомка (кург. 222, 224), с. Бурты (кург. 258, 259, 261, 262, 263/1, 263/2, 270, 272, 273, 276), с. Степанцы (кург. 215, 216, 347), с. Поток (кург. 398, 401, 417, 452), с. Юзефовка (кург. 247, 248), с. Цозаровка (кург. 250/1, 250/2, 260, 269), с. Емчиха (кург. 348—350, 352, 354, 357/1, 357/2, 359, 360), с. Липовец (кург. 264, 265/1, 265/2, 267), с. Занудевка (кург. 268/1, 268/2), с. Карамыши (кург. 391/1, 391/2), с. Хальча (кург. 325, 328, 329), с. Гороховатка (кург. 283/1, 283/2), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; с. Лучка (кург 1—3), с. Клиново (кург. 1), с. Яблоновка (кург. 1), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 223—225, 237, 238. Черкасская обл.: с. Берестняги (кург. 27, 54), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы (дневники раскопок 1889—1897 гг.), т. III. СПб., 1901, стр. 106, 124. Переяславская обл.: с. Войницы (кург. б/№), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 238. Херсонская обл.: с. Александровка (кург. б/№), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; с. Дымовка (кург. 3, 9), см.: ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1899, стр. 147, 173. Днепровская обл.: с. Афанасьевка (кург. 5), с. Григорьевка (кург. 6), с. Бузовка (кург. 2), с. Татарбранка (кург. 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 119, 122, 128, 147. Гор. Никополь (кург. 1/19, 4/1, 4/2), см.: Отчет Б. Н. Гракова за 1939 г. (Архив ИИМК). Харьковская обл.: с. Пески (кург. 24), с. Каменка (кург. 10/2, 16, 1/7), с. Ступки (кург. 3/3, 5/7), дер. Ново-Александровская (кург. 2), дер. Переездная (кург. 3/1), с. Щеглово (кург. 12/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 281, 296, 301, 309, 317, 320, 323, 333, 344. Харьковская обл.: хут. Червенков (кург. 1/3), хут. Камышеваха (кург. 2/1), хут. Стратилатовка (кург. 8/1, 9/1), хут. Урусовка (кург. 2/1), хут. Николаевка (кург. 3/1, 3/2, 4/3), хут. Ковалевка (кург. 1/2, 2/1), хут. Верхний Степок (2/7, 1/7, 2/1), с. Кунье (кург. 1/1), с. Рай-городок (кург. 2/2, 3/1), хут. Бражковский (кург. 2/3), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 236, 261—264, 271, 280—282, 284, 286, 287, 293, 297, 298. Гор. Жданов (кург. б/№), см.: колл. ЖИКМ, № 680. Гор. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 162. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 5, 11, 12, 15, 20, 27—29, 33, 35, 36, 38/1, 39, 42, 46, 15/1, 18/1, 19/22, 19/26, 19/29, 19/56), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; с. Елисаветинское (кург. 2), см.: ОАК за 1909—1910 гг., стр. 142; с. Недвиговская (кург. 41), см.: ОАК за 1908 г., стр. 129, г. Новочеркасск (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г.,

скими, поскольку именно этот народ составлял ядро обоих союзов (рис. 7).

Земляные насыпи, простые грунтовые могилы, вытянутое положение покойника, западная ориентировка типичны как для печенежских, так и для черноклобуцких погребений. Это долгое время затрудняло работу по разделению всей массы погребений с перечисленными признаками на две указанные группы. Потребовался подбор дополнительных признаков, отличающих погребения третьей группы от печенежских.

В первую очередь бросается в глаза разница в захоронении останков коня. В двух предыдущих группах при покойнике было обязательно захоронение частей коня. В третьей группе 17.5% всех захоронений сделано с полным остовом коня, 48% совсем без останков лошади и два погребения с частями быка вместо частей лошади. Во-вторых, в третьей группе много бедных вещевым материалом комплексов. Как правило, во всех безлошадных погребениях вещей очень мало или нет совсем. В-третьих, судя по инвентарю, количество женских погребений почти равно числу мужских. В-четвертых, в третьей группе никогда не встречаются удила без перегиба, характерные для печенегов. В-пятых, меняется по сравнению с первой группой ассортимент вещей в погребениях, он становится шире, разнообразнее. Появляются оборонительные доспехи, остатки одежды, украшения сбруи, пряслица и т. д. И, наконец, последним и едва ли не самым важным является хронологическая разница погребений первой и третьей групп. В то время как печенежские погребения датируются временем не позднее первой половины XI в., погребения третьей группы доходят до XIV в. Несомненно, что чисто печенежские погребения не могли относиться к позднему времени, так как основная масса печенегов покинула степи в середине XI в.

Остановимся на вещевом материале, характеризующем погребения третьей группы и позволяющем сделать ряд необходимых датировок (рис. 8—10).

Удила, найденные в могилах третьей группы, всегда с перегибом; трензельные кольца у них двух видов: небольшие, диаметром 3—4 см, круглые в сечении (рис. 8, *1*, *3*; 9, *2*, *6*) и большие, 5—8 см диаметром, овальные или чаще плоские (рис. 8, *2*; 9, *1*; 10, *3*, *7*). Большие плоские кольца датируются более поздним временем, чем первые, а именно концом XII—XV в. Стремена с полукруглыми, треугольными или квадратными дужками (рис. 8, *2*, *3*, *4*, *8*; 9, *1*, *2*; 10, *3*, *6*, *7*) и узкими подножками, укрепленными жгутом, датируются временем до начала XIII в. Поздних стремян с широкими плоскими подножками (XIII—XIV вв.) почти нет. Сбруйные украшения встречаются только в богатых погребениях. Особенного внимания заслуживают бронзовые бляхи в виде гусиных лапок (рис. 8, *3*). Они изготовлены, по-видимому, под воздействием искусства фино-угорских народов, в среде которых были широко распространены подвески в виде гусиных лапок.

Набор оружия в погребениях третьей группы чрезвычайно обширен: сабли, копья, луки, колчаны, стрелы, шлемы, кольчуги и даже наколенники. Сабли, как дорогое оружие, встречаются только в половине погребений воинов. Это тонкие однолезвийные клинки, кривизна которых значительно заметнее, чем печенежских (рис. 9, *2*, *4*, *5*; 10, *3*, *6*). Однако и в могилах черных клобуков попадаются слабо изогнутые клинки без эфесов, часто с тупыми концами (рис. 8, *1*; 9, *1*). Они подробно описаны Н. Е. Бранденбургом, связывающим их с азиатскими кончарами.[1] Что касается копий, то, судя по тому, как редко их находят в погребениях третьей группы, можно утверждать, что у этого народа они были значительно менее распространенным видом оружия, чем у печенегов.

От луков и колчанов сохраняются в земле только костяные и железные части.

стр. 45; с. Морской Гуляк (кург. 3), см.: ОАК за 1900 г., стр. 48. Каменская обл.: ст. Вешенская (кург. б/№), см.: Печатный каталог НИКМ, №№ 2581—2591. Запорожская обл.: г. Ногайск (кург. 3), см.: ОАК за 1889 г., стр. 16, 17. Гор. Симферополь (кург. б/№), см.: ОАК за 1892 г., стр. 6, 7. Винницкая обл.: с. Каменка (кург. 442), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 172, 173. Молдавская ССР: г. Тирасполь (кург. 23), с. Поркан (кург. 100), с. Суклея (кург. 319), с. Плоское (кург. 228), см.: Віснік Одеської комісіі краезнавства, ч. 4—5, Одесса, 1930, стр. 104, 106, 107, 109. Владимирская обл.: г. Юрьев Польский (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 15, 1905, стр. 78, рис. 1.

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 62—63 (кург. 248).

В редких случаях доходят до нас берестяные колчаны, имеющие вид длинных футляров, расширенных в нижней части. Носились они на широких ремнях с костяными петлями на концах (рис. 11). Костяные петли — одна из наиболее частых находок в кочевнических древностях XI—XIV вв. Так же широко датируются и костяные накладки на луки. Стрелы во всех кочевнических группах аналогичны одновременным с ними стрелам соседних народов (Русь, Венгрия и др.). Это небольшие, ромби-

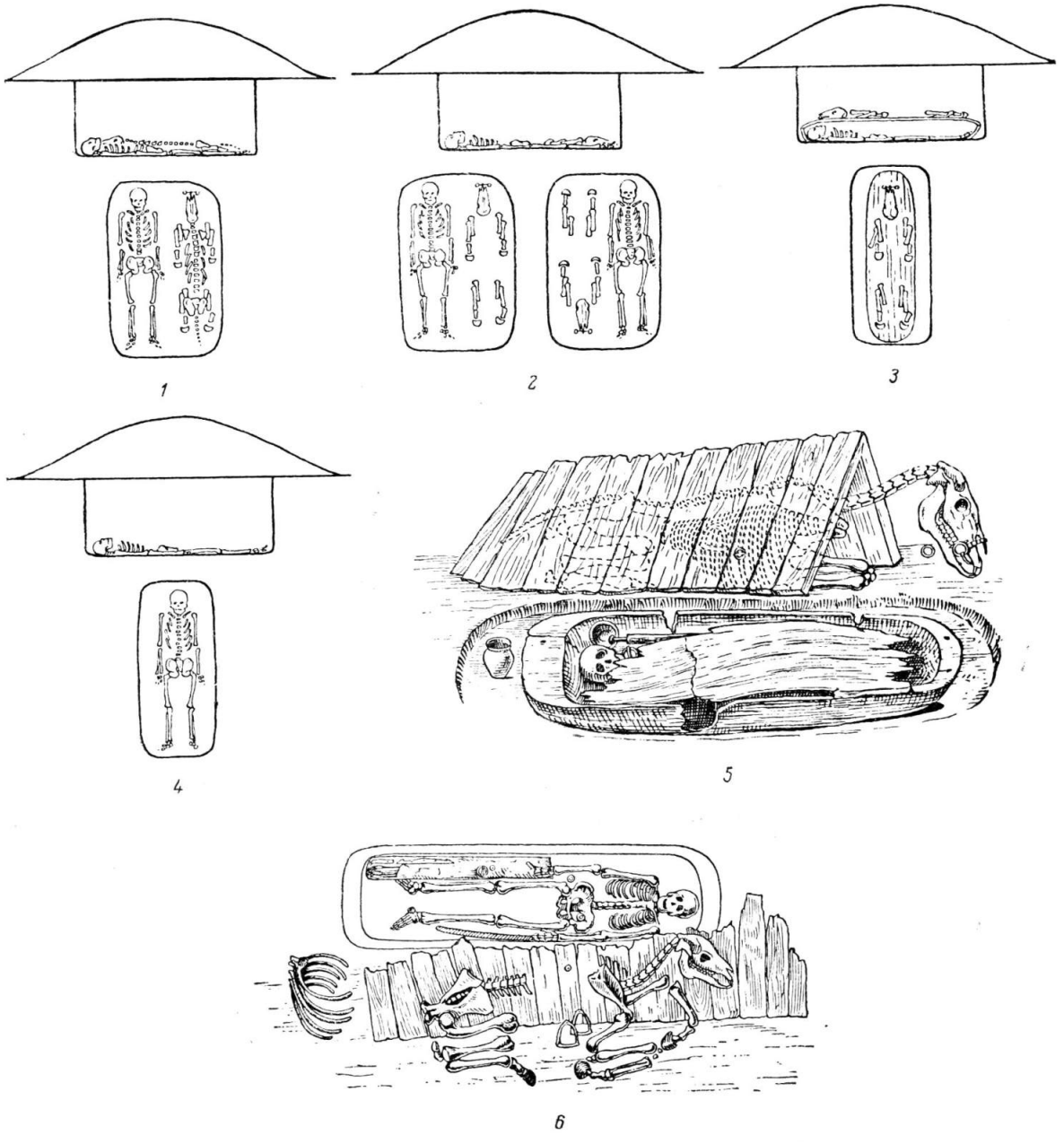


Рис. 7. Типы погребений торко-печенегов и черных клобуков.

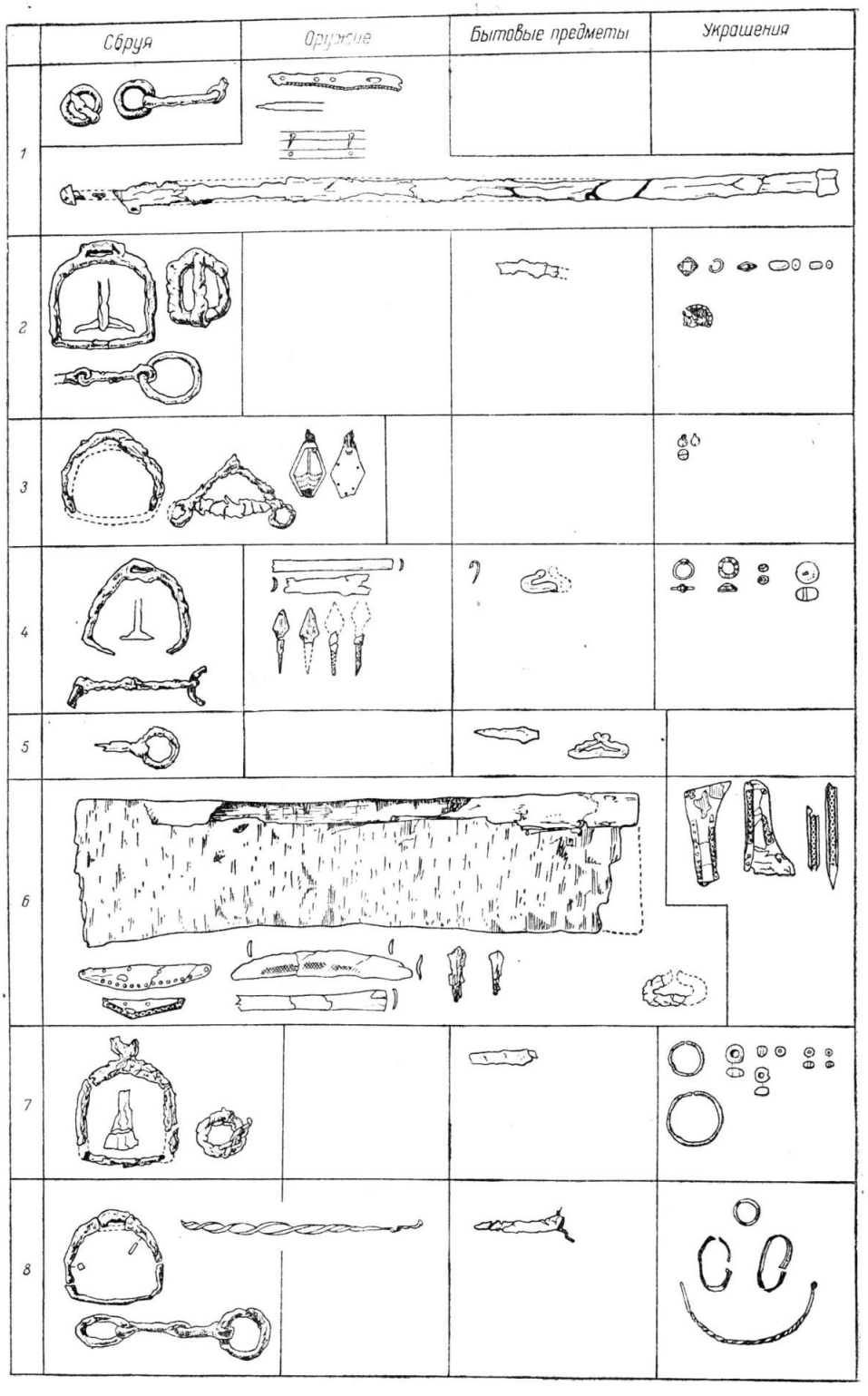


Рис. 8. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI в.

1 — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 250/2; *2* — Киевская обл., с. Бурты, кург. 272; *3* — Киевская обл., с. Кагарлык, кург. 217; *4* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 16; *5* — Киевская обл., с. Поток, кург. 417; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *7* — там же, кург. 19/26; *8* — там же, кург. 19/56.

ческие или удлиненно-ромбические, черешковые наконечники.

Особо следует отметить характерные для черных клобуков кожаные шлемы на сферическом железном каркасе, упоминания о находках которых есть в отчетах Н. Е. Бранденбурга.[1]

Подавляющее большинство погребений сопровождается бытовыми предметами: ножиками, кресалами, ножницами и т. д. Наиболее важны для датировок кресала: треугольные с завитыми концами XI в., овальные замкнутые середины XII в., прямоугольные замкнутые начала XIII в. (рис. 8, *4—6*; 9; 10, *3*).

Женские погребения третьей группы содержат серьги, гривны, браслеты, синие

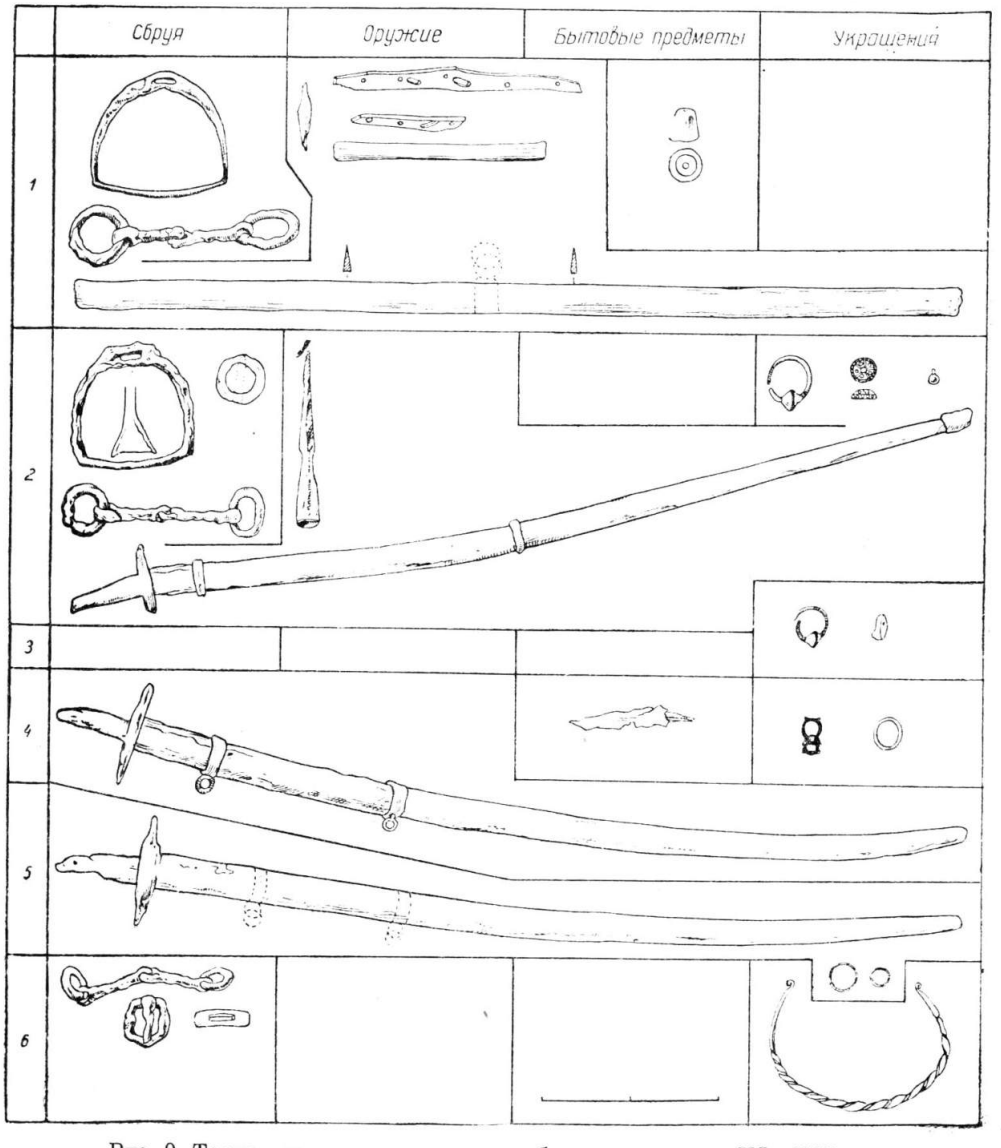


Рис. 9. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI—XII вв.

1 — Киевская обл., с. Краснополка—с. Гадомка, кург. 222; *2* — Киевская обл., с. Краснополка, кург. 271/1; *3* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 365; *5* — Киевская обл., с. Степанцы, кург. 215; *5* — там же, кург. 216; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260.

---

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 69, 70 (кург. 261).

каменные подвески, серебряные нашивки на головной убор и остатки головных уборов, сделанных из шелковых тканей и серебряных цепочек и бубенчиков. Серьги в виде массивных серебряных колец с дутой биконической или «рогатой» нанизкой привозились к кочевникам из Руси, где они датируются XI—XII вв. (рис. 9, *2*, *3*; 10, *2*). То же можно сказать и о пластинчатых наручах и витых браслетах со вставками на концах из ляпис-лазури, а также крученных из квадратного жгута гривнах с петлями на концах (рис. 4, *2*; 8, *8*; 9, *6*). Типичными кочевническими предметами,

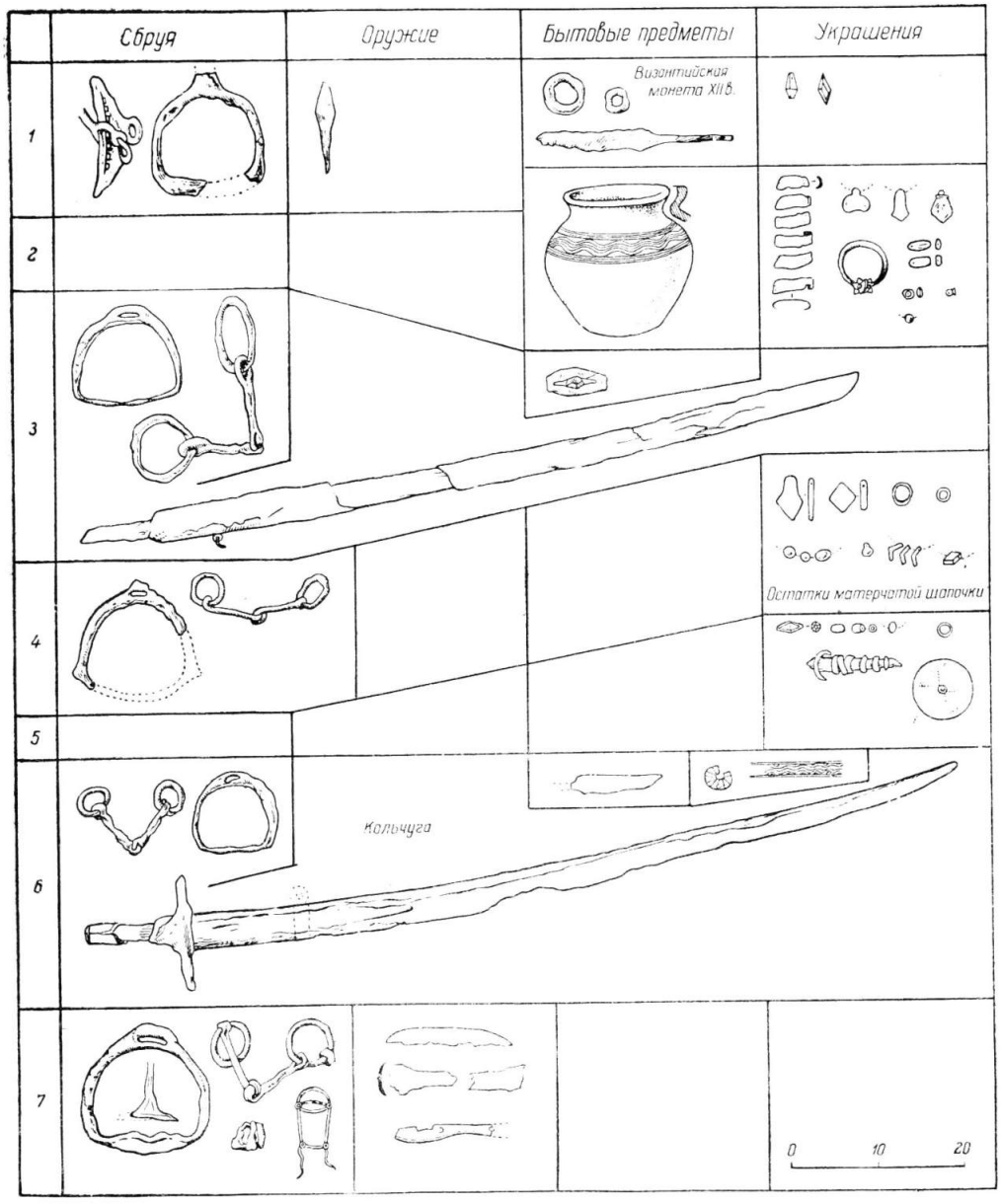


Рис. 10. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XII в.

1 — Киевская обл., дер. Яблоновка, кург. 1; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 297; *3* — Киевская обл., с. Ковали, кург. 394; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 317; *5* — там же, кург. 299/2; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 250/1; *7* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 312.

встречающимися одновременно с привозными, можно назвать серебряные пластинки-полукольца, являющиеся частью головных уборов или причесок (рис. 10, *2*, *4*). Полукольца находят обычно нашитыми на войлочные или кожаные валики, лежащие на лбу или у висков покойницы. Подобные же валики изображались на головах женских каменных статуй. Другим предметом, характерным только для кочевников, являются синие, ромбические и треугольные подвески, распространенные в то же время, что и головные украшения из валиков, и также изображающиеся на шее и груди каменных статуй.

В мужских погребениях украшений почти нет. Исключение составляют бронзовые бубенчики, небольшие бляшки и костяные пластинки на сапогах.

Бесспорную дату, во всяком случае самую раннюю, дают ряду комплексов находки монет. В Поросье было обнаружено погребение с византийской золотой монетой XII в., в Молдавии — 4 погребения с татарскими монетами конца XIII—XIV в.

Итак, изучение инвентаря погребений третьей группы определяет их хронологические рамки — IX—XII вв. К этому отрезку времени относится основная масса погребений, лишь небольшая группа датируется более поздним временем — XIII—XIV вв.

Антропологическая принадлежность костяков определена только на материале могильника Белой Вежи. Преобладающее большинство покойников — европеоиды-брахикраны или метисированные европеоиды, однако встречаются среди них и чистые монголоиды. Наличие монголоидов в третьей группе объясняется, вероятно, тем, что в огузский союз влились многие племена, в числе которых могли быть и чисто монголоидные. Обряд их погребения или мало разнился от печенежского или был заимствован у печенегов в результате тесного общения. Погребения у Белой Вежи датируются X—XII вв., т. е. оставлены были населением, обитавшим у этого города в его русский период (с 965 по 1117 г.). По-видимому, это были кочевники — вассалы русского города, подобные черным клобукам

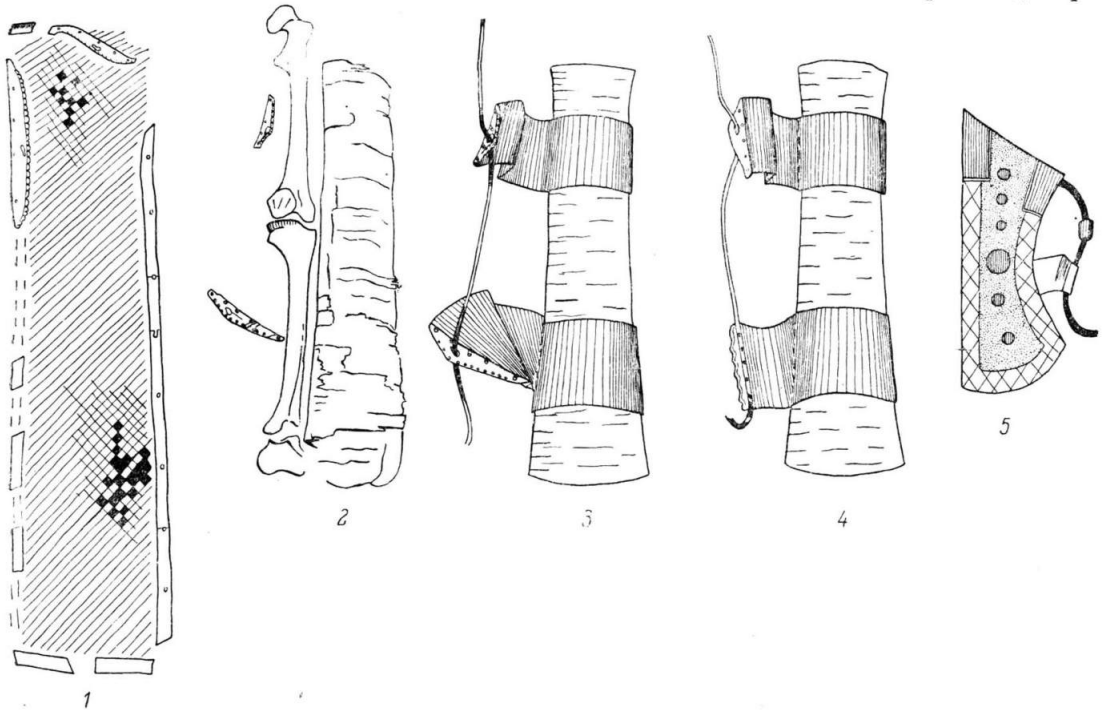


Рис. 11. Колчаны.

1 — кожаный колчан с костяными накладками, Поросье, кург. 269; *2* — расположение колчана и петель в погребении, Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *3* — реконструкция колчана с двумя петлями; *4* — реконструкция колчана с одной петлей; *5* — башкирский колчан XIX в.

в Поросье. О связях беловежцев с кочевниками свидетельствуют три женские погребения с кочевническим обрядом захоронения на христианском беловежском кладбище. Вероятно, захоронения эти принадлежали женам кочевников, происходившим из семей христиан-беловежцев.

Среди поросских погребений третьей группы выделяются погребения с захоронением вместе с человеком целого остова коня. Это наиболее богатые погребения в группе. Следовательно, разницу в обряде (целый остов или части коня) можно объяснить и имущественным неравенством. Однако в группе есть немало богатых погребений с захоронением частей коня, а потому погребение в могиле целого остова объясняется, по-видимому, не только имущественным положением покойника, но и своеобразием погребального обряда.

Вполне вероятно, что погребения с целым остовом коня (они составляют 17.5%) принадлежали не торкам и печенегам, а какому-то другому племени, игравшему немалую роль в черноклобуцком союзе и близкому к половцам, в могилах которых часто встречаются погребения целого остова коня. Возможно, что это погребения берендеев, род которых входил в состав кипчакского (половецкого) племенного союза (по Гардизи).

Кочевники-вассалы жили не только у южных городов, но и во Владимиро-Суздальской Руси, что подтверждается известными топонимическими данными,[1] а также раскопанным близ Юрьева кочевническим погребением. Многие подробности погребального обряда в нем, в частности ориентировка, остаются неизвестными из-за небрежности исследовавшего его А. С. Уварова. Тем не менее простое устройство могильной ямы, захоронение частей коня слева от покойника и датировка погребения XI—XII вв. говорят как будто о принадлежности его к третьей, печенего-торческой, смешанной группе.

Помимо сконцентрированных в Поросье и у Белой Вежи печенего-торческих погребений, оставленных вассалами русских князей, в южнорусских степях известно немало погребений этой группы, расположенных далеко от русских владений. Это погребения в Причерноморье, в Молдавии, на Северском Донце (рис. 5, *б*). Интересно, что погребения на Северском Донце расположены в районе близком к рекам, в названиях которых сохранилось имя торков (Тор, Сухой Торец и др.). Здесь стояли, по-видимому, зимовища какой-то части торческо-печенежского союза.

Торческо-печенежские погребения в глубине южнорусских степей могли быть оставлены в три хронологически и исторически различных периода:

1. Во времена продвижения племен огузо-печенежского союза по степям в первой половине XI в.

2. В половецкое время, когда отдельные орды торко-печенегов, подчиненные половцам, кочевали по степям. Об одной из таких орд сообщает русский летописец под 1103 г.: Владимир Мономах, возвращаясь из похода на половцев, встретил и захватил в степи «печенегов и торков с вежи» и увел их на Русь (т. е. поселил, вероятно, в Поросье и у Переяславля).

3. В татарское время, после разгрома Руси и половцев татаро-монголами. Небольшая группа поздних молдавских погребений свидетельствует о том, что торко-печенеги, или черные клобуки, бежавшие из Поросья, кочевали на отдаленных от золотоордынских центров землях. Однако и они были втянуты, судя по находкам монет, в экономическую жизнь татаро-монгольского государства.

4

В четвертую группу погребений включено 72 комплекса[1] (рис. 12, 13а—13в).

---

[1] Дер. Торчино, селение Торки, слобода Берендеевка, болото Берендеево и др. (см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 344).

[1] Винницкая обл.: Ольгопольский р-н: хут. Каменка (кург. 428—435, 437—441, 443). Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 291, 292, 294, 303, 304, 304/2, 361, 364, 366, 367), с. Кагарлык (кург. 235/1), с. Березовка (кург. 380/1), с. Пешки (кург. 323), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; Гос. Эрмитаж, колл. №№ 898, 914, 915, 917, 924, 942, 949; Васильковский р-н (кург. 1), см.: Тр. III АС, т. II, Киев, 1878, стр. 24. Днепропетровская обл.: дер. Вороная (кург. 7, 13), см.: ИАК, вып. 43, 1911, стр. 77—79; дер. Ново-Григорьевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1882—1888 гг., стр. XI; дер. Афанасьевка (кург. 7, 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 122—124. Запорожская обл.: г. Ногайск (кург. 255), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 193;

Они характеризуются следующими чертами:

1. Наличие каменных обкладок или просто камней, перемешанных с землей, в курганной насыпи.

2. Сооружение для коня отдельной могильной ямы.

3. Наличие перекрытий над могилой человека.

4. Сложное устройство гробов, изготовлявшихся из отдельных поперечных дощечек.[1]

5. Положение покойника: вытянутое на спине, с уложенными вдоль тела руками.

6. Ориентировка погребенного головой на восток или на запад (с годовыми отклонениями).

Для могил четвертой группы, как и для предыдущей, не характерен какой-либо определенный вид захоронения коня. В них встречаются как целые остовы, так и части коней. В ряде погребений останков коня нет совершенно. Причем интересно, что они отсутствуют не только в бедных погребениях, но иногда и в богатых вещами комплексах. Это говорит, по-видимому, об изменении погребального обряда. Коней по-прежнему убивали на тризне умершего хозяина, но трупы их не клали в могилу, а помещали на поверхности курганов. О растягивании шкуры коня над могилой умершего кумана-половца рассказывал в XIII в. В. Рубрук.[1] Обычай этот сохранялся у среднеазиатских кочевников вплоть до XIX в., они оставляли на могиле умершего родича голову, ноги и шкуру его любимой лошади. В бедных погребениях четвертой группы нередко попадались кости крупного рогатого скота (коровы, быка), заменяющие, по-видимому, лошадиные.

Перечисленные выше признаки встречаются отнюдь не в каждом погребении четвертой группы. Однако то обстоятельство, что три из этих признаков (первый, второй и четвертый) и восточная ориентировка характерны только для четвертой группы, позволяет относить погребения хотя бы с одним из указанных признаков к данной группе.

Как уже говорилось, погребения четвертой группы делятся по количеству положенных в них предметов на богатые и бедные. В 30% комплексов материал беден и невыразителен, в 10% — вещей нет совершенно и только половина погребений дает материал, по которому можно судить о вещевом комплексе группы в целом. К сожалению, часть его хранилась в южных музеях (Днепропетровском, Харьковском, Киевском и др.), коллекции которых были уничтожены или разграблены во время Великой Отечественной войны.

Сбруя, оружие, бытовые предметы и даже украшения почти полностью аналогичны вещам из комплексов третьей группы (рис. 14, 15,16). Совпадают не только формы вещей, но и их подбор в каждом отдельном погребении. Поэтому подробно останавливаться на описании и датировках вещей четвертой группы нет необходимости. Укажу только на те различия, которые прослеживаются между материалом обеих групп. В основном различия эти хронологические. В древностях четвертой группы чаще встречаются вещи XIII и даже XIV в. Таковы массивные стремена с широкой, плоской подножкой (рис. 14, *1*; 15, *2*), сильно искривленные, тонкие сабли с изогнутым железным эфе-

---

дер. Белозерка (кург. 31), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; дер. Белозерка (кург. 31, 39), см.: Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 148. Ростовская обл.: дер. Ново-Николаевка (кург. 2, 5, 8, 10), см.: ЗРОИДП, т. II, 1914; хут. Попов (кург. 19/15), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; ст. Елисаветовская (кург. 7), см.: ИАК, вып. 56, 1914, стр. 233; ст. Казанская (кург. 25, 27), см.: ОАК за 1901 г., стр. 79; ст. Грушевская (кург. б/№), см.: колл. НИКМ, № 2788—2793. Краснодарский край: Анапа (кург. 2, 3, 4/1, 5), см.: ОАК за 1894 г., стр. 130—139; ст. Раевская (кург. б/№), см.: ОАК за 1894 г., стр. 172; ст. Курчинская (кург. 4), см.: ОАК за 1880 г., стр. VI—VII. Каменская обл.: ст. Усть-Белокалитвенская (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 171; ст. Нижне-Кундрюченская (кург. 2), см.: там же, стр. 170. Ворошиловградская обл.: с. Лучки (кург. б/№), с. Нижняя Дуванка (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 133, 137. Харьковская обл.: хут. Пески (кург. 17, 22, 23), хут. Каменка (кург. 1, 7, 12/2, 15, 17, 19, 20), ст. Ясиноватая (кург. 7/2, 8), ст. Переездная (кург. 1/5), хут. Марченки (кург. 27/2), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 286, 291, 298, 299, 302, 303, 306, 331, 332, 336, 337, 342, 343, 346. Воронежская обл.: хут. Гаевка (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 19, 1906, стр. 153, 154; Гос. Эрмитаж, колл. № 612.

[1] Некоторые крайне южные погребения (в Прикубанье) выделяются из остальной массы наличием в них каменных гробов. Вероятно, эта особенность появилась под влиянием местных племен, для которых каменные гробницы были характерны вплоть до XVI в.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 80.

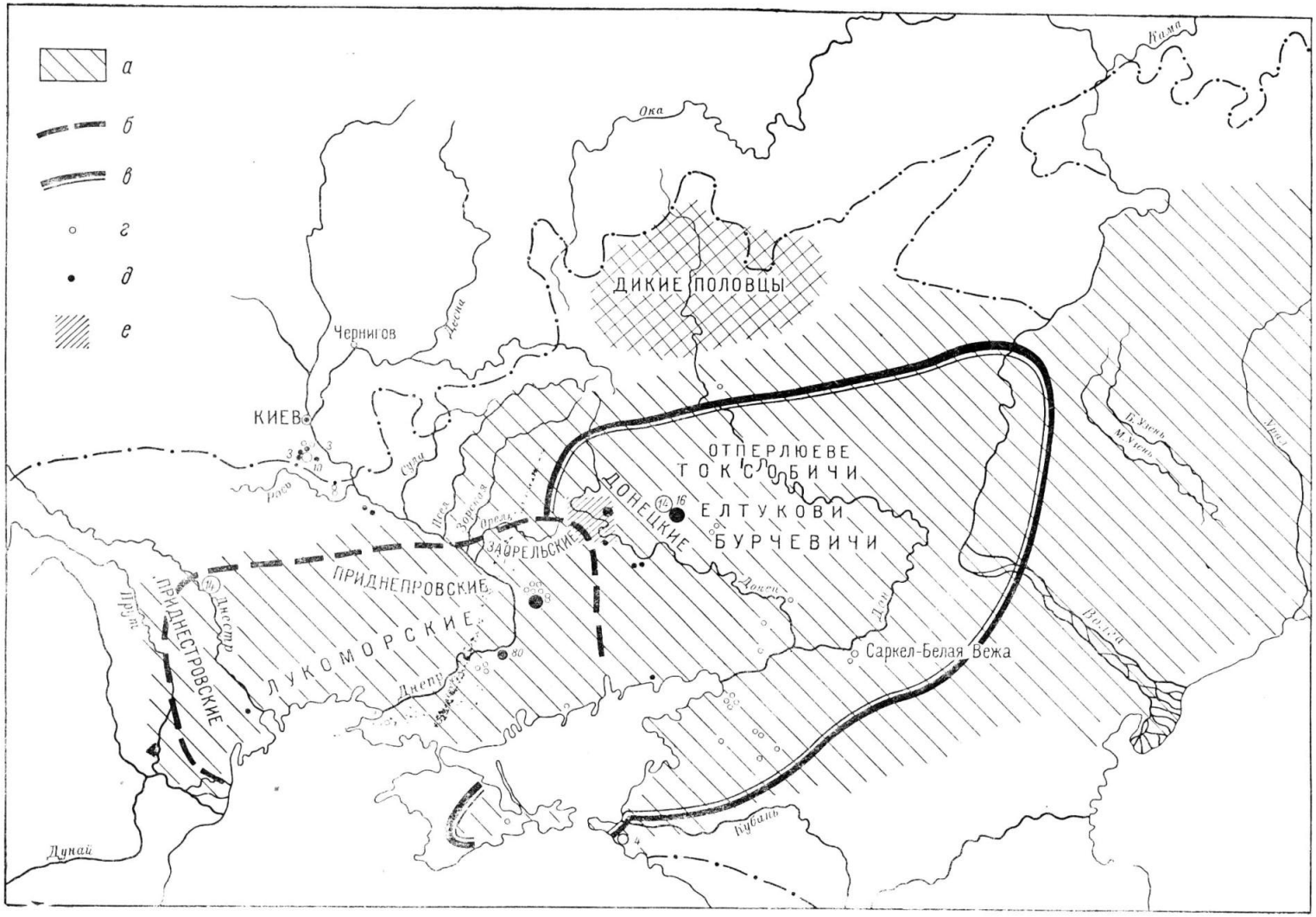


Рис. 12. Карта кочевий половцев в XI—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — половецкие кочевья (по летописи); *б* — границы Белой Кумании (по Идриси—Рыбакову); *в* — границы Черной Кумании (по Идриси—Рыбакову); *г* — половецкие погребения (цифра у кружка обозначает количество погребений); *д* — погребения смешанного типа (цифра у кружка обозначает количество погребений); *е* — возможный район половецких городков Шаруканя, Балина, Сугрова.

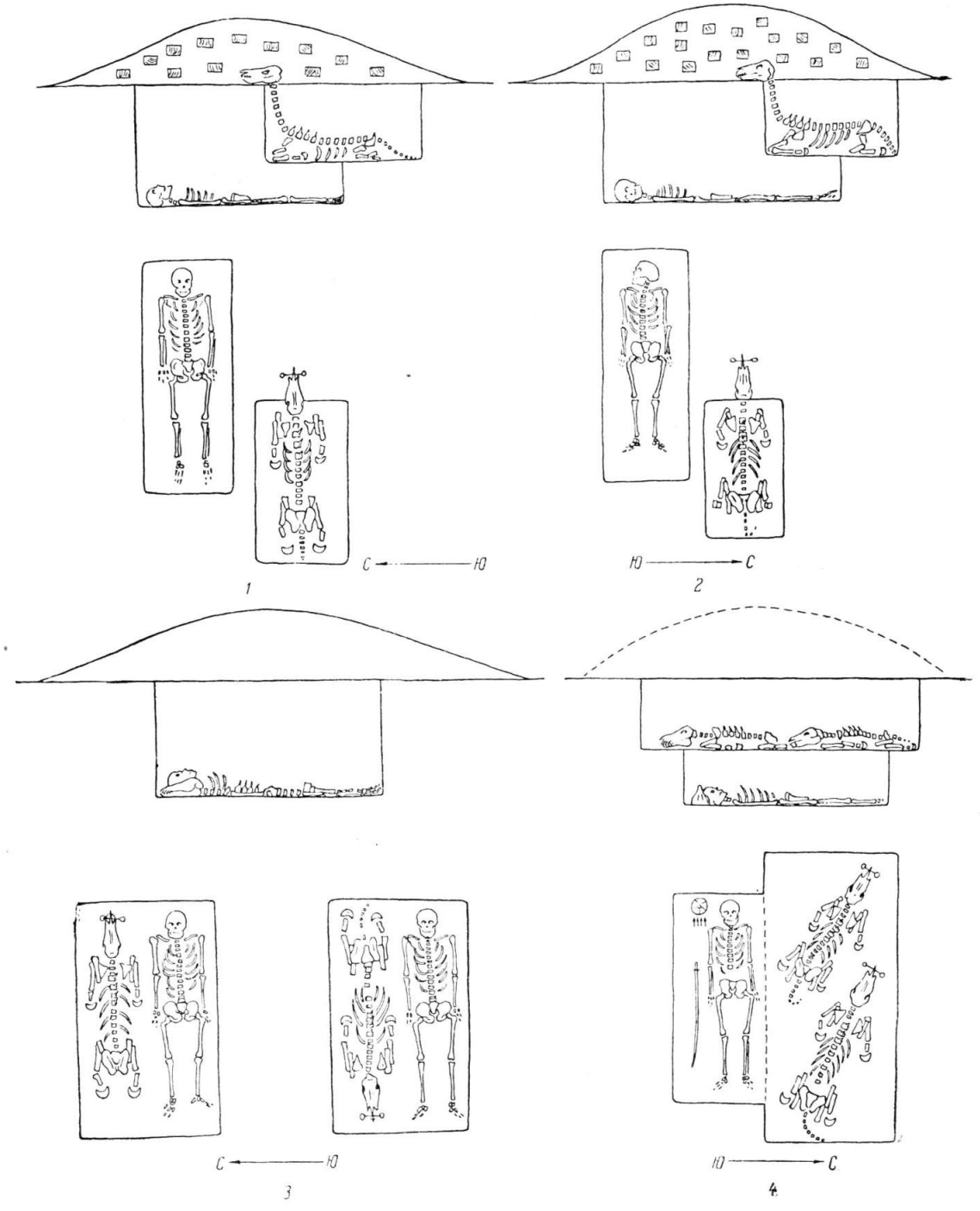


Рис. 13а. Типы погребений половцев.

сом (рис. 14, *1*), большие фигурные наконечники стрел (рис. 16, *7*), прямоугольные кресала (рис. 15, *3*; 16, *1*, *4*), зеркала, имеющие аналогии в Булгаре (XIV в.), и, наконец, костяные пластинки, украшенные пышным звериным и геометрическим орнаментом (рис. 17). Костяные пластинки появились у кочевников, по-видимому, в начале XIII в., особенный же расцвет их производства падает на вторую половину XIII—XIV в. Предметом, встречающимся, как и костяные пластинки, только в четвертой группе, являются серьги в виде знака вопроса с нанизкой-бусинкой на конце (рис. 16, *2*, *3*). Датируются они временем не раньше начала XIII в.

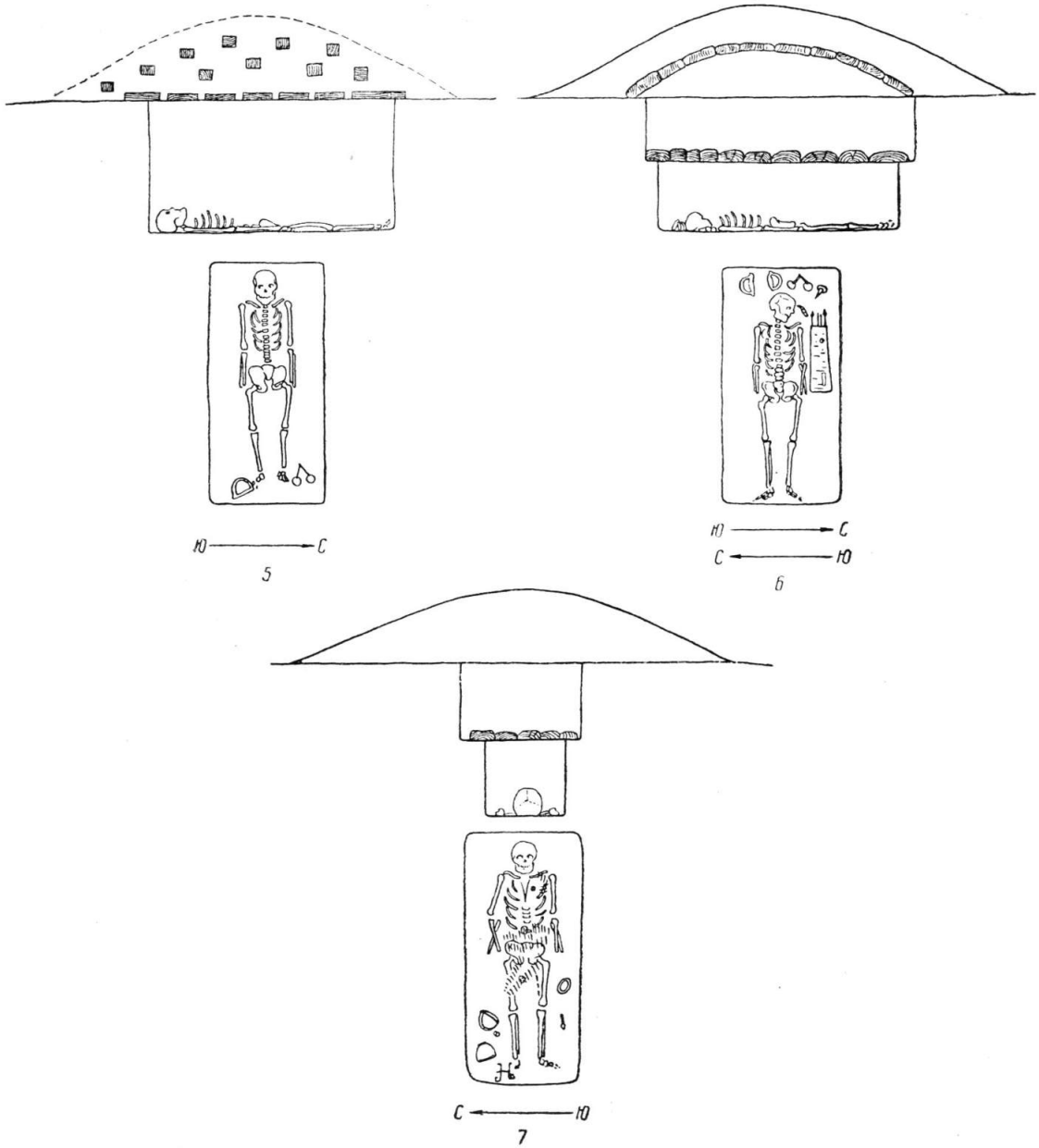


Рис. 13б Типы погребений половцев.

В заключение следует отметить, что в погребениях четвертой группы значительно чаще, чем в третьей, находят зеркала, а также керамику, причем большей частью грубую лепную. Лепные сосуды известны нам в основном по изданиям, в которых указывается, что они имеют форму стаканов с нарезками по венчику и грубыми толстыми стенками. Другой формой лепной кочевнической керамики этого времени (XII—XIII вв.) являются горшки. Один из них найден был в кургане Поросья. Это шаровидный сосуд с выделенным поддоном и нарезным орнаментом-зигзагом по плечикам (рис. 14, *10*). Стаканы и горшки описанных типов аналогичны лепным со-

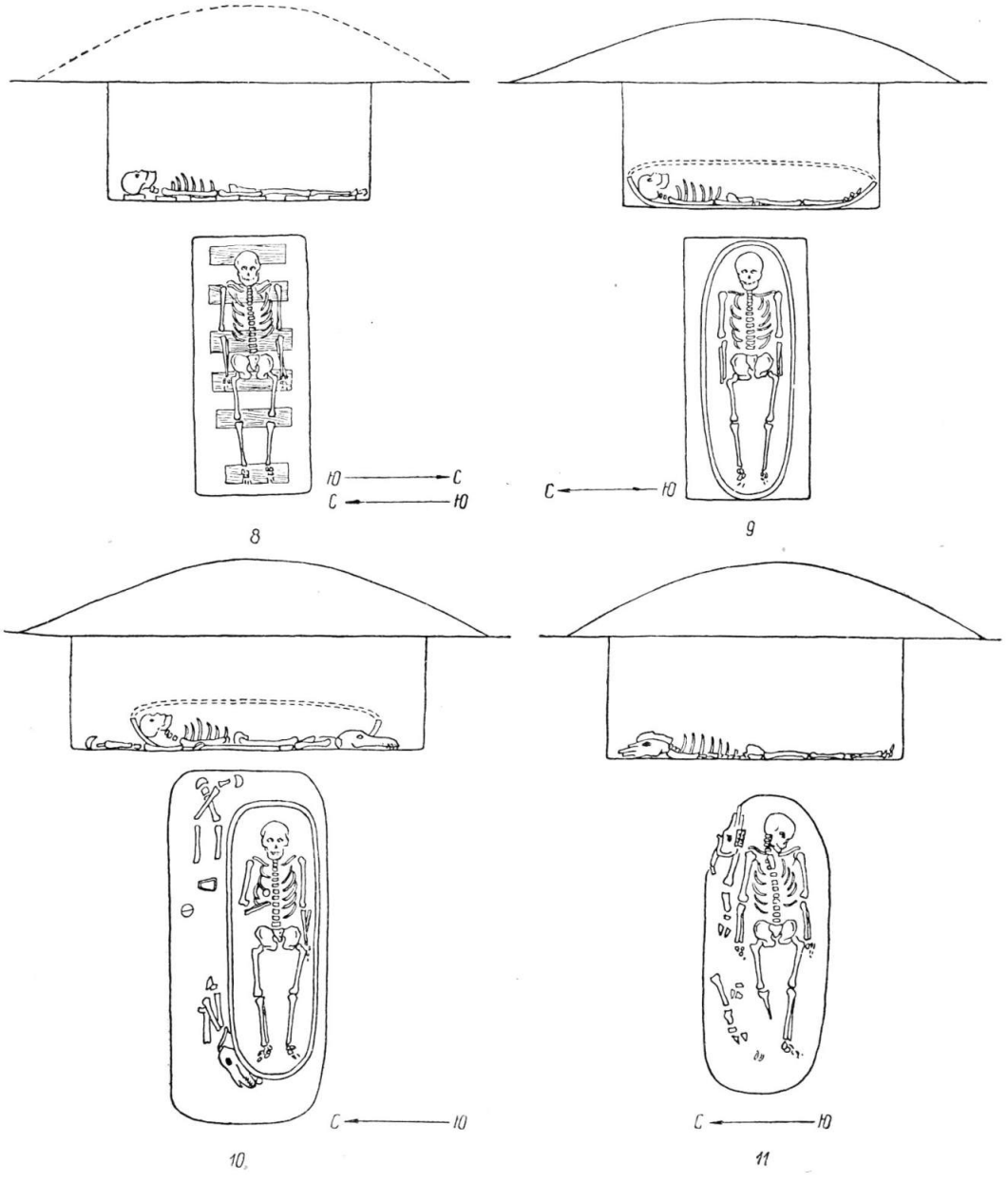


Рис. 13в. Типы погребений половцев.

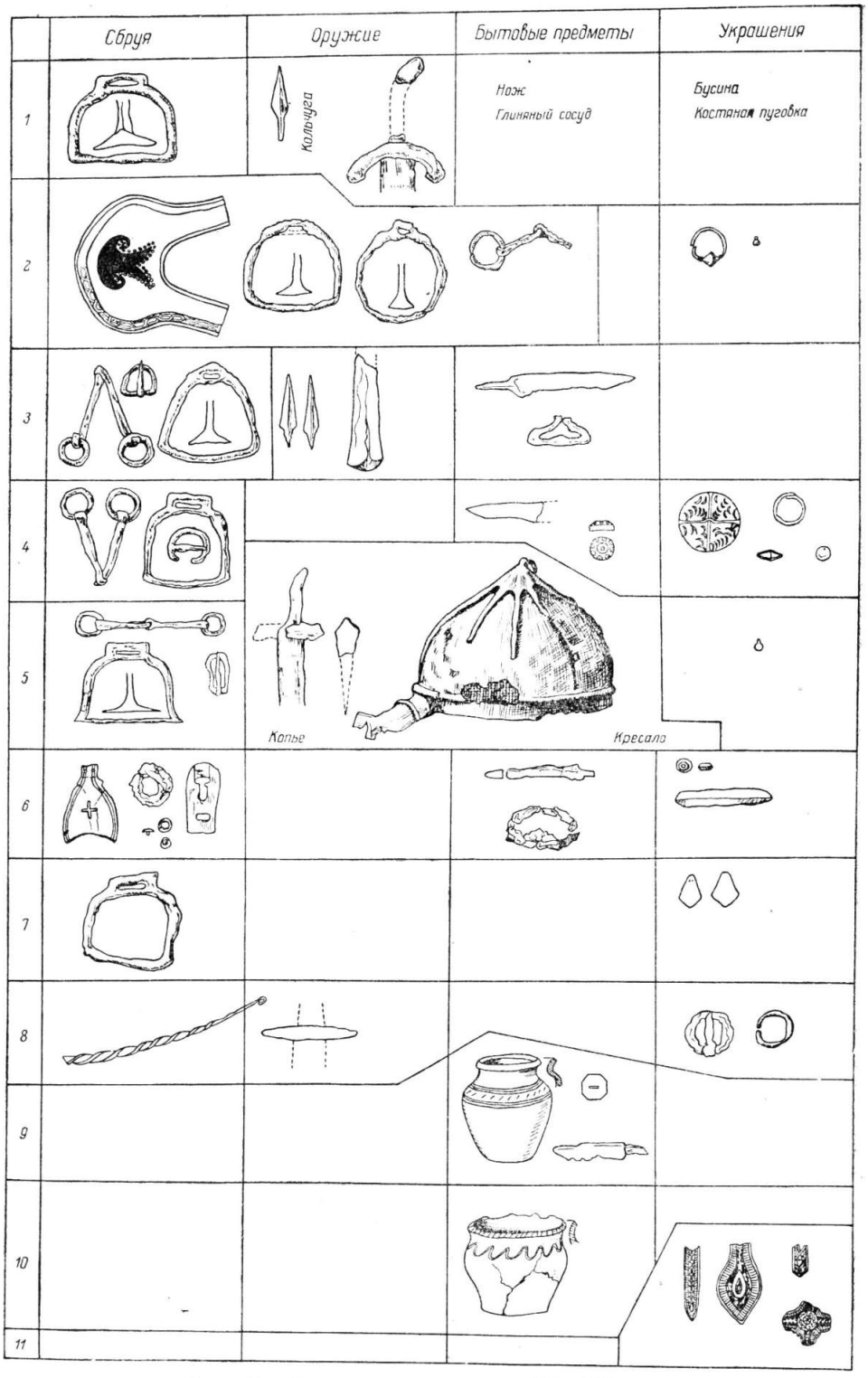


Рис. 14. Половецкие древности XI—XII вв.

1 — Краснодарский край, ст. Раевская, кург. б/№; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 303; *3* — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 433; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 304; *5* — Киевская обл., с. Пешки, кург. 323; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 19/15; *7* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 122; *8* — там же, кург. 20; *9* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 291; *10* — Киевская обл., с. Березовка, кург. 380/1; *11* — Воронежская обл., дер. Гаевка, кург. б/№.

судам, найденным в слоях XI—XII вв. в Белой Веже. Цилиндрические сосуды с пухлым венчиком изображались обычно в руках каменных статуй (каменных баб). Во всем остальном сходство вещевых комплексов обеих групп настолько велико, что различить их бывает невозможно.

Большинство вещей, встреченных в кочевнических комплексах, не было принадлежностью какого-то определенного народа, а употреблялось всеми кочевниками, являясь порождением эпохи на огромной территории степей от Урала до Дуная, своеобразной «модой», изменяющейся только с течением времени. Особенно ярким проявлением этой «моды» были серебряные полукольца на валиках головных уборов, синие подвески, серьги с коническими нанизками, сферические шлемы (кожаные и железные) на железном каркасе.

Основная масса погребений четвертой группы датируется концом XI—XIII в. Ранних погребений — X—первой половины XI в.— нет совершенно. В то же время поздних комплексов — конца XIII—XIVв. — в четвертой группе значительно больше, чем в третьей, черноклобуцкой.

Пол погребенных определялся по инвентарю, обнаруженному в могилах. Количество мужских захоронений лишь немного превышает количество женских. Антропологическое определение костяков не производилось.

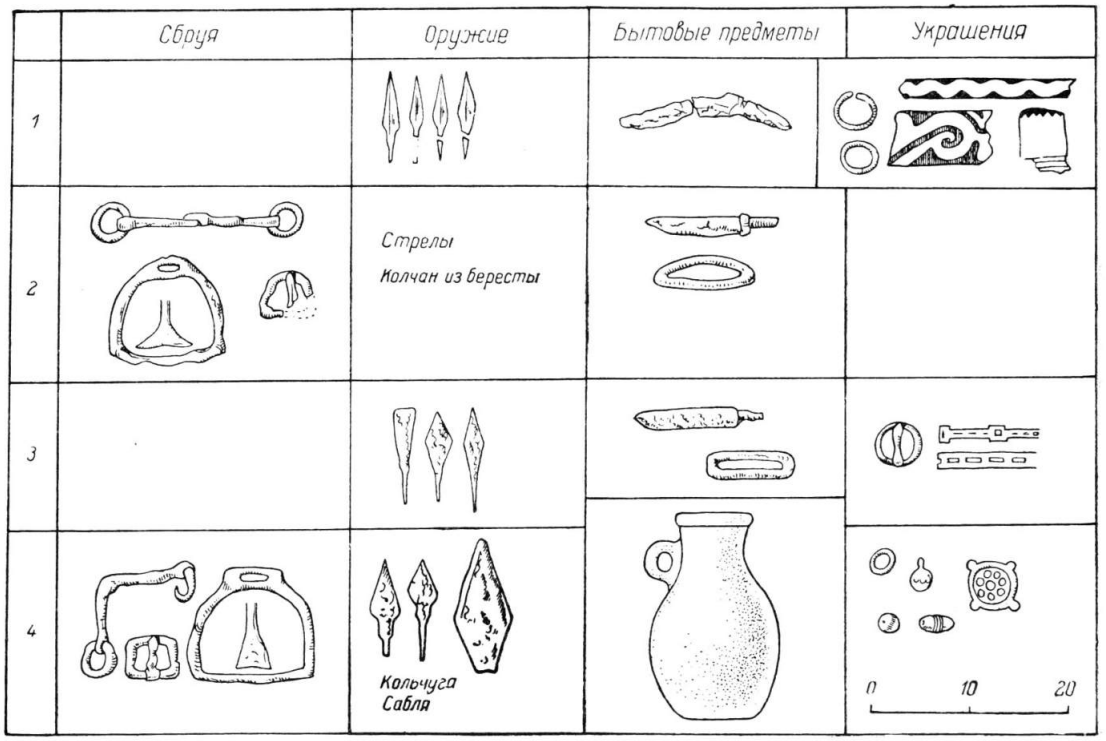


Рис. 15. Половецкие древности XII в.

1 — Крым, с. Мысхако, кург. 1; *2* — Винницкая обл., хут Каменка, кург. 443; *3* — там же, кург. 441; *4* — Краснодарский край Анапа, кург. 5.

Курганы четвертой группы распределены в южнорусских степях, как и печенежские и огузо-печенежские, на огромных пространствах от Днестра до Волги (рис. 12,*а*). В XII—XIV вв. эту территорию, по письменным источникам, занимали кипчаки—половцы, следовательно погребения четвертой группы могли быть оставлены только ими (рис. 12, *г*).

До нас дошло описание половецкого погребального обряда, сделанное в XIII в. В. Рубруком. Описание его настолько обще, что является скорее характеристикой языческого, шаманистского, а не конкретного половецкого погребального обычая. В опи-

сании интересен только один факт, а именно: «Команы (т. е. половцы,— *С. П.*). . . воздвигают ему (умершему,— *С. П.*) статую, обращенную лицом к востоку и державшую у себя в руках перед пупком чашу».[1] В южнорусских степях известно огромное количество этих статуй. Детали их костюма до мелочей совпадают с могильным инвентарем третьей и четвертой групп и, следовательно, позволяют датировать статуи примерно XII—XIII вв.

Поскольку торки также ставили в могилу и над могилами статуи, можно предположить, что эти статуи или хотя бы часть их принадлежали кочевникам, входившим в торческо-печенежский союз. Однако известно, что у торков статуи изображали слуг, а потому изготовлялись крайне небрежно (в Сибири, например, вместо балбалов, изображавших слуг, нередко стави-

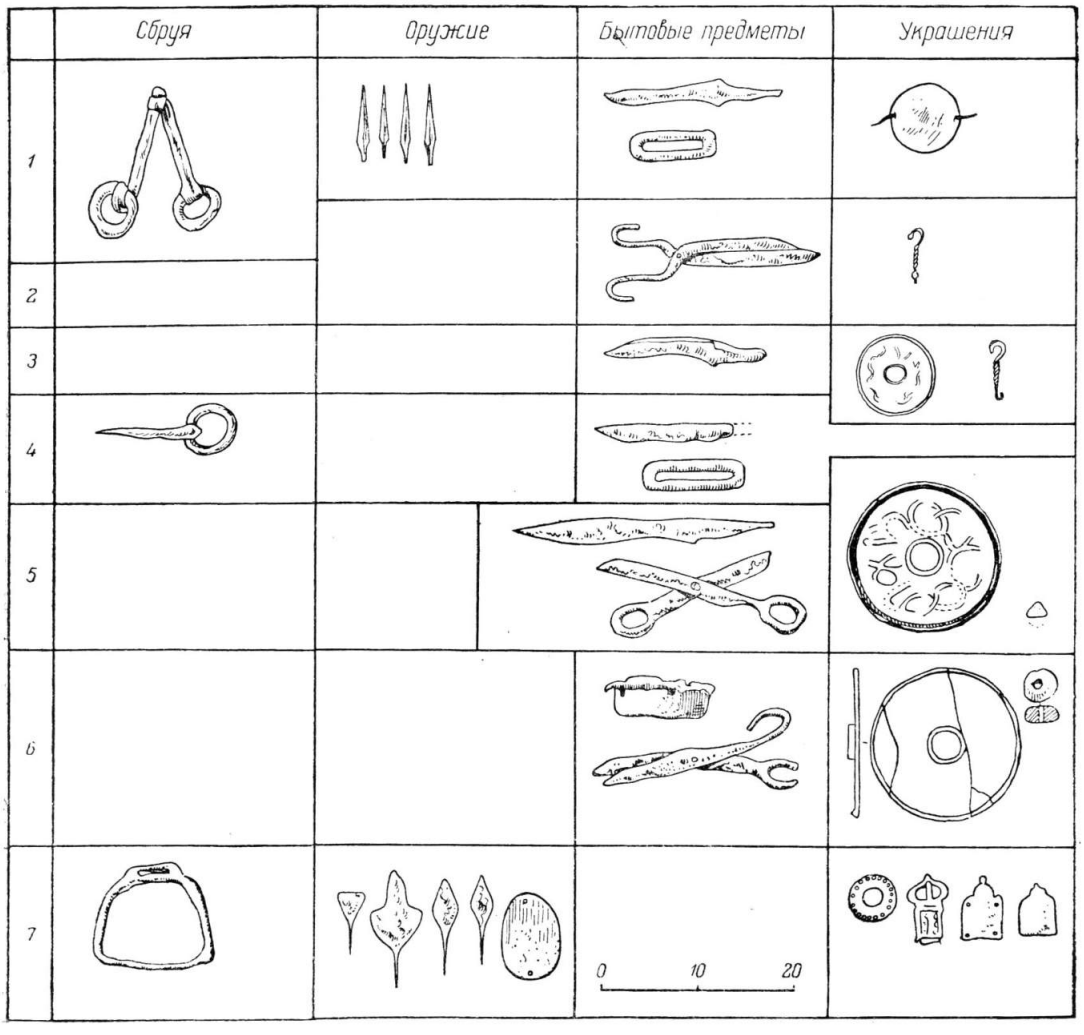


Рис. 16. Половецкие древности XII—XIII вв.

1 — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 434; *2* — там же, кург. 431; *3* — там же, кург. 439; *4* — там же, кург. 430; *5* — там же, кург. 437; *6* — там же, кург. 432; *7* — Днепропетровская обл., дер. Вороная, кург. 7.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

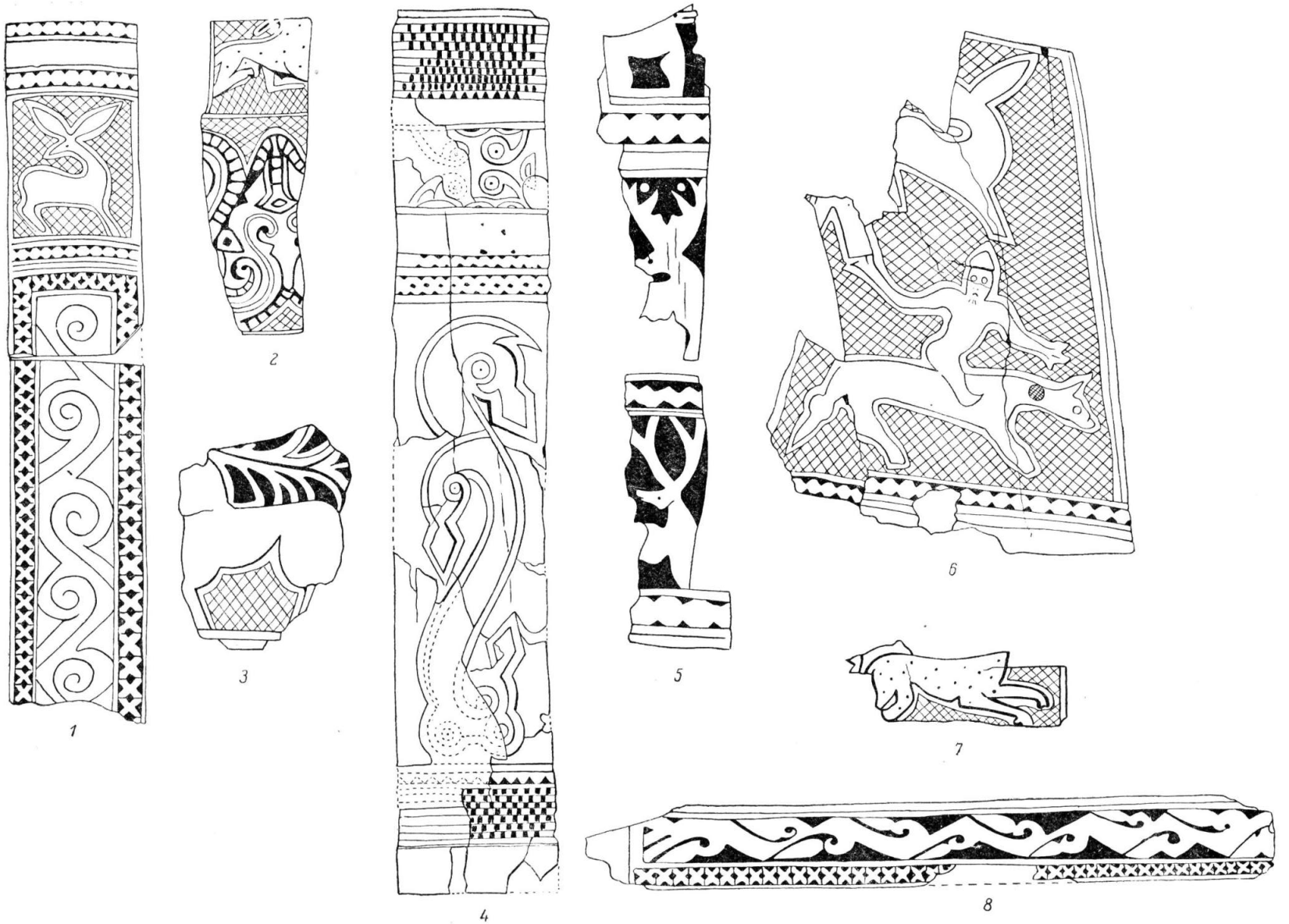


Рис. 17. Костяные, богато орнаментированные накладки на колчаны и седла. НИКМ.

лись простые камни).[1] Половецкие статуи, воздвигавшиеся в честь умерших воинов, естественно, ваялись тщательнее. Другим доказательством половецкой принадлежности статуй является их географическое распространение — их нет в Поросье и у Белой Вежи, в местах наибольшего и безусловного скопления черных клобуков и торко-печенегов, в местах скоплений курганов и курганных могильников, принадлежащих последним.

До середины XI в., т. е. до прихода в южнорусские степи, половцы имели уже большую историю, так как это было одно из крупнейших племен, а позднее и союзов племен в Азии. В VIII—IX вв. кимаки и кипчаки—половцы жили еще за Уральским хребтом, о чем писал Гардизи, пользовавшийся источниками VIII и IX вв. В X в. (по Худуд-ал-Алему) они уже проникали в Заволжье, несколько севернее гузов и печенегов. Движение кипчаков на запад началось, по-видимому, около начала X в. Однако только после того как гузо-печенежские северные объединенные отряды двинулись в начале XI в. за Волгу в южнорусские степи, кипчаки смогли занять Заволжье. В 1055 г. они впервые напали на Русь. Этот год явился началом так называемого южнорусского периода в истории половецкого народа.

19% всех половецких погребений, описанных в настоящей работе, обнаружено в Поросье, т. е. в районе враждебных половцам черных клобуков, на земле вассального Киеву союза. Характерно, что почти все они сосредоточены в одном могильнике у с. Зеленки. Эта компактная группа погребений оставлена, вероятно, половцами, поступившими на службу к киевскому князю, но не влившимися в черноклобуцкий союз. Скорее всего эта была одна из орд так называемых диких половцев, потерявшая в XII в. кочевья в степях и поселенная в Поросье в 90-х годах XII в. киевским князем Рюриком Ростиславичем (см. раздел V настоящей работы). Погребенный на беловежском христианском кладбище половец (кург. 19, погр. 15) тоже был, вероятно, оторвавшимся от своего рода «изгоем», вошедшим в состав живших у Белой Вежи кочевников. Что касается отдельных половецких погребений на территории Поросья, то это могли быть жены половчанки или же половецкие воины — родственники черных клобуков, погибшие во время набега на Поросье. Случаи захоронения умерших родственников, входивших во враждебное племя, вполне вероятны, так как даже русский князь-христианин Святополк в 1096 г. считал своим долгом отыскать после битвы труп тестя-язычника Тугоркана, убитого под Переяславлем, и похоронить его на княжеском кладбище в Берестове.

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952.

5

В последнюю, пятую группу могил включено мной 40 комплексов (рис. 18), отличающихся от остальных групп ориентировкой покойника головой на юг или север.[1] Кроме этого первого и основного признака, погребения пятой группы имеют следующие характерные черты:

1. Больше половины всех погребений являются впускными в насыпи предыдущих эпох. Меньшая часть их произведена под небольшими земляными насыпями, аналогичными печенежским и черноклобуцким курганам.

2. Преобладающим типом могил этой группы являются простые глубокие ямы

[1] Харьковская обл.: хут. Ступка (кург. 1), дер. Переездная (кург. 3/2, 3/3, 3/4, 4/1, 4/2, 4/3), хут. Каменка (кург. 3, 8/2, 8/3), хут. Пески (кург. 21/3), хут. Родионовка (кург. 2/1, 2/2, 4/1), дер. Щеглова (кург. 12/2), хут. Марченко (28/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 289, 294, 304, 305, 309, 310, 312, 333, 340, 348; слобода Ямполь (кург. б/№), с. Рай-городок (кург. 2/1), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 247, 261, 262; г. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 106. Днепропетровская обл.: дер. Григорьевка (кург. 1—6), дер. Рыбальская (кург. 1), дер. Афанасьевка (кург. 2, 3), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 146, 147, 135, 121. Киевская обл.: с. Кагарлык (кург. 235/2), с. Кагарлык—с. Краснополка (кург. 277), с. Краснополка (кург. 224/2), с. Поток (кург. 416), с. Бурты (кург. 289/2, 339, 447), с. Караныши (кург. 391), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 5, 6, 42, 47, 76, 79, 106, 137. Черкасская обл.: с. Смела у р. Серебрянки (кург. 14), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, стр. 40; с. Берестняги (кург. 53), см.: там же, т. III, стр. 122—124; Киевский истор. музей, № 4556/2. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 2/3), см.: ОАК за 1891 г., стр. 162—163; ГИМ, № 15/4. Сталинская обл.: г. Жданов (кург. Чермалык), см.: ОАК за 1902 г., стр. 59; ГИМ, № 144/64.

с камышовыми подстилками, кусками мела и извести или с углями. Только в некоторых погребениях прослежены деревянные, часто обгорелые накаты и земляные подсыпки над покойником, приступки слева от него, подбои.

3. Подавляющее большинство погребений произведено без одновременного захоронения останков коня. Только в 9 наиболее богатых погребениях рядом с покойником положен был целый остов или голова и ноги коня.

Вещевой материал погребений пятой группы беден и известен нам почти исключительно по отчетам авторов раскопок. Особенно характерно в могилах пятой группы присутствие керамической и медной посуды — кувшинов, горшков, чашечек и даже котлов (посуда встречена в 70% погребений). Формы сосудов неизвестны, так как

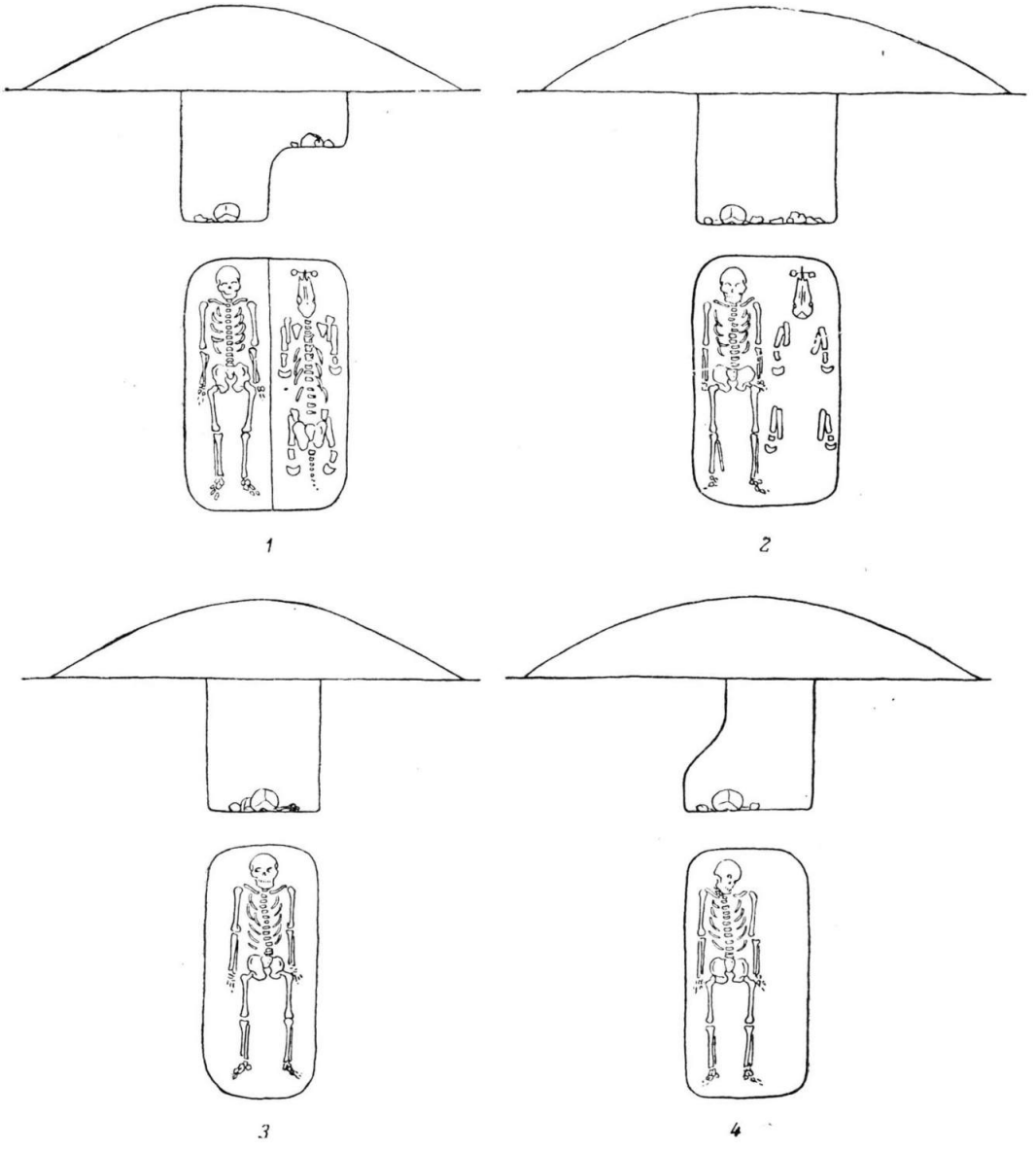


Рис. 18. Погребения смешанного типа (ориентировка по оси север—юг).

ни один из них не дошел до нас, а издававшие материал исследователи не останавливались на описаниях обнаруженной в погребениях керамики.

Нередко попадались в могилах пятой группы кости баранов, коров, лошадей,

Рис. 19. Инвентарь погребения № 53 (Поросье).

причем чаще всего лопатки. Лопатка животного у тюркских народов играла важную роль в шаманистском ритуале;[1] вероятно, и в данном случае лопатка, положенная в могилу, играла скорее роль амулета, чем запаса пищи. В качестве запаса пищи клались в могилу другие части туши — ноги, ребра.

Конская сбруя, оружие, украшения встречаются только в 16 погребениях; шесть из них — с погребением останков коня. Наибольшее количество вещей (оборонительного и наступательного оружия) дало поросское погребение у с. Берестняги (кург. 53). В нем обнаружены замечательные оборонительные доспехи воина: кольчуга, шлем-шишак и забрало — железная маска, выкованная с соблюдением сходства с покойником (вероятно, по слепку лица; рис. 19). Остальное оружие пятой группы — сабли, стрелы, колчаны, копья-пики и наконечники — ничем не выделяется из общей массы кочевнических древностей XI—XII вв. То же можно сказать и о конской сбруе.

Украшения ограничиваются серебряными серьгами-кольцами и мелкими стеклянными синими бусами. Кроме них, в четырех погребениях были обнаружены обломки зеркал.

Расовая принадлежность костяков пятой группы установлена только в двух погребениях. В обоих случаях это европеоиды, причем в одном — долихокран. Пол и возраст покойников определены в 17 погребениях (по инвентарю и указаниям исследователей), из них 8 мужчин, 7 женщин, 2 ребенка.

Географически погребения пятой группы располагаются в основном в районе распространения в VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры на Северском Донце (рис. 12, *д*). С погребениями салтово-маяцкой культуры захоронения пятой группы связываются следующими признаками: ориентировкой, наличием камышовых подстилок, извести, углей и керамики в могилах и (редко) небольших подбоев для покойника в стенках могил.

О датировке погребений пятой группы поздним временем (XI—XIII вв.) говорит инвентарь, а о связях их с кочевниками X—XIII вв. — изменения, происшедшие в погребальном обряде: сооружение курганов, накатов, присыпки и приступок в могилах, захоронения частей коня вместе с человеком.

Все сказанное дает право предполагать, что пятая группа погребений оставлена отюреченным, завоеванным населением донецких степей. То, что в могилах данной группы редко встречаются конская сбруя и оружие, свидетельствует о бедности и даже, может быть, некоторой бесправности этого населения сравнительно с остальными кочевниками. Только самые богатые из них имели право и возможность носить оружие.

Завоеванное население обитало в поселках, расположенных на Северском Донце

[1] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии. СПб., 1859, стр. 232.

и его притоках. Оно же населяло донецкие городки половцев — Шарукань, Балин, Сугров, упоминающиеся в русской летописи. В 1111 г., когда Владимир Мономах захватил город Шарукань, там, по свидетельству летописца, были христиане, встретившие русского князя как освободителя, а в 1116 г. при захвате другого половецкого городка, Балина, русский князь Всеволод Владимирович вывез оттуда дочь ясского князя, «красну вельми», и женился на ней.

Вероятно, в результате этих походов небольшая часть ясского населения перешла на службу к киевскому князю и влилась в черноклобуцкий союз, о чем свидетельствуют погребения пятой группы, обнаруженные в Поросье. Одно из них, наиболее богатое (рис. 19), принадлежит безусловно князю или предводителю отряда. Другая часть яссов продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в Приднепровские земли (рис. 12, *д*).

К пятой, смешанной группе имеют отношение и погребения из могильника у с. Каменка Запорожской области, раскопанные Э. А. Сымоновичем. Правда, они в значительной степени потеряли характерные для них как свои, местные, так и кочевнические черты (ориентировка у них западная, могилы простые, посуды, остатков ритуальной пищи, курганов над могилами и останков лошадей в погребениях нет). Основным признаком, связывающим покойников из Каменского могильника с местным населением, является антропологическая близость их черепов со зливкинскими черепами, а с кочевническими погребениями их связывает инвентарь (костяные пластинки с пышным растительным узором, зеркала и т. д.). Эти вещи датируют могильник XIII—XIV вв. Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганные могилы, западная ориентировка и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения.

В кочевнических древностях Поросья выделяется одно богатейшее курганное погребение, обнаруженное у дер. Королевино под Таганчой (Каневский р-н Киевской обл.). В нем захоронен мужчина, ориентированный головой на запад; вместе с ним положен конь. Инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен: стремена, удила, сабля, копье, булава, остатки щита, кольчуга, шлем, медальон с изображением Христа, серебряные накладки, серебряная чаша и т. д.[1] Погребение воина у Таганчи неоднократно вызывало интерес, его считали принадлежащим печенегу (Хойновский), венгру (Хампель), викингу (Арендт), славянину (Нидерле) и, наконец, князю Ярополку Святославичу (Сарновская). Последняя гипотеза основывается на трех положениях: длинноголовость покойника, датировка погребения X в. и сообщение летописца о захоронении Ярополка на Днепре.

Однако датировка погребения ранним временем, X в., вряд ли возможна, поскольку наряду с действительно ранними вещами (образок Христа) в нем встречены вещи, аналогии которым известны в кочевнических комплексах XI—XII в. (удила с большими плоскими кольцами, шлем вытянутой формы с наносником, как в кургане 53). Кроме того, под 1044 г. «Повесть временных лет» сообщает: «. . . выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святославле, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святые Богородица»;[2] следовательно, старое языческое захоронение Ярополка Святославича было разрушено еще в середине XI в.

Представитель какого народа похоронен под Таганчой, сказать трудно: в XI—XIII вв. в Поросье мог быть похоронен черноклобуцкий, половецкий и ясский воин или князь.

Вещи при определении этнической принадлежности погребенных не могут играть никакой роли, так как Поросье в XI—XIII вв. было местом, в котором мог появиться человек любой народности и приобрести вещи из всех стран, с какими воевала или торговала Русь. Так, наличие в погребении щита, булавы, чаши, образка Христа, никогда не встречавшихся в погребениях ко-

---

[1] Погребение опубликовано дважды: в 1896 г И. Хойновским, раскопавшим его (Краткие археологические сведения о предках славян на Руси. Киев, 1891), и в 1946 г. В. Сарновской, изучившей его по коллекции, хранившейся до второй мировой войны в Варшавском войсковом музее (W. Sarnowska. Wezesnohistorueznu kurhan z Korolewina nod Tagańeza w pow. Kaniowskim. Swiatowit, t. XX, Warszawa, 1949, стр. 233—297, табл. I—VIII).

[2] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 104.

чевников, а также европеоидность и длинноголовость покойника говорят как будто о христианском и даже русском его происхождении. Тем не менее, очевидно, что в XI—XII вв. русские богатые дружинники не могли хоронить по языческому обряду — с конем и оружием.

Длинноголовый европеоид, т. е., по-видимому, все-таки русский, христианин (судя по образку), принявший кочевническую обрядность, мог быть только бродником, т. е. примкнувшим к кочевникам русским воином. Из бродников в XII—начале XIII в. составлялись целые отряды. Они участвовали в Липецкой (1216 г.) и Калкинской (1223 г.) битвах.

В науке неоднократно высказывалось мнение о том, что бродники — это предки казаков.[1] Казаки часто (об этом говорится в украинских песнях-думках) хоронили воина вместе с его конем. Их предводителями были наиболее выдающиеся воины — кошевые, имевшие знак отличия и власти — булаву. Похороненный в Таганче воин с булавой был, вероятно, кошевым одного из броднических отрядов, положенным с атрибутом его власти — булавой, по бродническому, т. е. казацкому, обычаю с конем и оружием. То, что в Поросье он не был исключением, подтверждается наличием там бедных погребений длинноголовых европеоидов, похороненных по кочевническому обряду (под курганной насыпью, с вещами).[2]

II. ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ

1

Для более полного представления о жизни кочевников нужно прежде всего восстановить реальные условия, окружавшие их повседневно. На приложенных к настоящей работе картах (рис. 1, 5, 12) видно, что средневековые памятники, принадлежащие кочевникам, расположены в зоне степей и отчасти лесостепей. Граница леса и степи не могла существенно измениться; пятьсот—тысячу лет назад она проходила по тем же землям, что и сейчас, поскольку распределение почв и растительности по зонам восходит к глубокой древности.[1] Тем не менее картина самой степи изменилась до неузнаваемости. Распашка девственной степи привела к тому, что степь превратилась в желтую, потрескавшуюся и пыльную полупустыню. Только в некоторых местах сохранились типичные уголки девственной степи. Описания их современными учеными почти дословно совпадают с описанием степи, сделанным в 1578 г. Мартином Броневским, польским послом в Крымском ханстве: «. . .почва этих степей чрезвычайно плодоносна и удобна к обработке и населению. По ним растут в изобилии разного рода травы пахучие и чрезвычайно питательные для огромных стад овец и рогатого скота».[3]

Степь не была совершенно безлесной местностью. В. И. Докучаев писал, что «все речные долины наших степей, по крайней мере долины, начало которых находится в лесной полосе России, были одеты смешанной лесной растительностью вплоть до Черного и Азовского морей».[4] Леса стояли сплошными труднопроходимыми чащами, как бы стеной возвышаясь над землей. Русский летописец имел в виду, вероятно, именно такую чащу-стену, употребляя выражение «притиснувше к лесу»,[5] подчеркивающее почти полную непроходимость лесного массива.

Фауна степей была чрезвычайно разнообразной. В XVI в. Мартин Броневский писал, что в степях водились «дикие буйволы, лоси, лошади, олени, однорогие бараны, козлы, вепри и степные медведи».[6] Все эти животные перечисляются в «Половецком

---

[1] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Избранные труды, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 393.

[1] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; А. И. Попов. Кипчаки и Русь.

[2] Киевская обл., с. Зеленки (кург. 300, 318, 392). См.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 22, 23, 33, 52.

[3] Мартин Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. 6, 1867, стр. 334.

[4] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь, стр. 386.

[5] Ипат. лет., стр. 369.

[6] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 334.

словаре» (XIII в.), который, расширяя список, называет также волков, рысей, куниц, белок и зайцев.[1]

2

В период IX—XIII вв. у степняков было, судя по составу стада, развитое кочевое хозяйство. Стадо в развитом кочевом хозяйстве состоит из лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота. Все эти виды скота перечисляются в составе печенежского, гузского и половецкого стада восточными авторами и русской летописью.

В X в. персидский Аноним сообщал, что хазарские печенеги владеют «всяким скотом и баранами»,[2] а Константин Багрянородный утверждал, что руссы покупают у печенегов быков, коней и овец.[3] По свидетельству Ибн-Фадлана (X в.), богатые гузы владели стадами, состоящими из 10 тыс. лошадей и 100 тыс. голов овец. В состав калыма, платившегося гузами, входили, по словам этого автора, «верблюды или лошади или иное подобное».[4] Наконец, русский летописец, перечисляя полоны, захваченные русскими князьями в степях в 1096, 1103, 1111, 1191, 1193 гг.,[5] подробно характеризует состав половецкого стада. В него входили кони, верблюды, овцы и «скоты», т. е. крупный рогатый скот.

Скот содержался на подножном корму круглый год. Летом корма хватало: травы девственной степи «до такой степени переплетаются между собой, что, пройдя с трудом шагов сто, вы должны отказаться от дальнейшего пути через опутывающую вас зелень — писал В. И. Докучаев. С наступлением осени это море растительности постепенно замирает, травы сильно наклоняются и перепутываются, зимой снег окончательно придавливает их к земле торчат только немногие, самые крепкие стебельки».[1] Таким образом, под снегом образовывались как бы залежи сена. Ими питался скот зимой. Об этом писал Ибн-Фадлан: «. . . чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву».[2] Плано Карпини в XIII в., отмечая неприспособленность европейских коней к путешествию по южнорусской степи, объяснял это тем, что «они не умели добывать копытами траву под снегом подобно лошадям татар».[3] В очень снежные зимы скот (особенно мелкий) не мог доставать траву из-под снега и погибал массами.

Боясь падежа скота, кочевники на зимнее время, как правило, перебирались в более южные, малоснежные места. Гардизи в главе о кимаках сообщает, что «зимой они уводят лошадей в отдаленную страну».[4] В. Рубрук в середине XIII в. отмечал, что зимой обитатели половецкой степи спускаются в более теплые страны, летом поднимаются на север — в более холодные».[5]

О породах скота, разводимых кочевниками в IX—XIII вв., судить трудно. Поскольку стада паслись круглый год на подножном корму, и скот жил в естественных условиях, он был, во-первых, очень вынослив, а, во-вторых, будучи выведен табунным способом, мелкопороден и в большинстве случаев малопродуктивен. Повышение общей производительности стада происходило за счет увеличения количества скота, а не качества его. Крупный рогатый скот не только разводили для пищи, но и употребляли в качестве тягловой силы. Быки впрягались в телеги наряду с лошадями и верблюдами (об этом писали Рубрук в XIII в. и Броневский в XVI в.). Одним из источников, по которому можно судить о породе верблюдов, разводимых средневековыми кочевниками, является фреска Софийского собора (над дверью в северную башню). На ней изображен двугорбый верблюд. Представление о нем русский художник вынес,

[1] «Половецкий словарь» или «Codex Cumanicus», — памятник XIII в. Он написан итальянцем, жившим в Крыму, в Солхате, и содержит 1560 половецких слов с переводом их на латинский и персидский языки. См.: Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880; А. Н. Самойлович. К истории и критике Codex Cumanicus. ДРАН, апрель—июнь, Л., 1924; Д. А. Расовский. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. SK, t. III, Praga, 1928.

[2] V. F. Minorsky. Hudud-al-Alem. London, 1937, стр. 160.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.

[4] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 61, 65, 66.

[5] Ипат. лет., стр. 158, 192, 452, 455.

[1] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь, стр. 380—381.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 66.

[3] Плано Карпини. История монголов. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 5.

[4] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106, 107.

[5] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 69.

безусловно, из степи, от ближайших соседей, владевших этим животным. Обнаруженные в кочевническом могильнике около Саркела—Белой Вежи останки коня показывают, что в основном это была большеголовая с крепкими массивными конечностями порода, т. е. типичная лошадь кочевников.[1] Другой тип лошади, останки которой найдены в том же могильнике, отличается от первого меньшими размерами головы, узким носом, тонкими и длинными пястными костями (погребение в кургане 37).

В. О. Витт, исследуя остовы коней из Пазырыкских курганов,[2] пишет о двух породах лошадей: первая — грубая, большеголовая, вторая — тоже местная, но возникшая под влиянием других условий, тонконогая, стройная, породистая лошадь, употребляемая только под седло князю. За последними лошадьми был особый уход, их берегли и держали на конюшнях. В. О. Витт замечает по этому поводу, что навес в могиле над остовом коня и подстилка под ним свидетельствуют об особых условиях содержания и кормления коней при жизни.

В ряде южнорусских кочевнических курганов обнаружены были вместе с останками коней остатки крыш над ними и подстилок [3] (рис. 7, *5*, *6*). Наличие этих остатков в погребениях также обозначает, по-видимому, что некоторые лошади были выделены из общей массы и за ними осуществлялся специальный уход. Косвенным подтверждением тщательного ухода за отдельными лошадьми служит наличие в «Половецком словаре» половецких слов: стойло (ayran), скребница (chasrau), попона (eyat yabogi), подкова (naal) и др.[4]

Скотоводство обеспечивало кочевника почти полностью. Оно давало ему одежду, жилище, пищу, средства передвижения по степи. Вот как говорит об этом тюркская легенда о Богач-Джане: «Дай ему бедуинского коня с длинной шеей; пусть он ездит на нем. . .

«Дай ему 10 тыс. овец из твоих стад; пусть они служат этому юноше пищей. . .

«Дай ему красных верблюдов из твоих рядов; пусть они служат ему для вьюков».[1]

3

Основой кочевнического хозяйства было скотоводство. Вместе с тем несомненно, что часть кочевников южнорусских степей под влиянием ряда причин переходила к оседлому земледельческому труду. Причинами этого являлись, как полагает А. Ю. Якубовский, феодализация кочевнического общества и связанное с ней обнищание некоторой части кочевников, а также влияние соседних земледельческих народов.[2]

Все это прекрасно подтверждается этнографами. По данным М. А. Леваневского, казахи после суровой зимы 1879/80 г., во время которой они потеряли весь скот, стали прикрепляться к земле: «занялись посевами хлебов и стали оставаться на зимовищах, готовя запасы хлеба и сена на зиму».[3] Недостаток пастбищ у башкир, по наблюдениям А. Калачева и С. И. Руденко, также вызывал переход к земледелию.[4]

Археология дала нам интересный и показательный материал для установления экономического неравенства кочевников XI—XIII вв., т. е. кочевников гузского—торческого, черноклобуцкого и половецкого союзов.

Все погребения третьей и четвертой групп делятся на три типа:

1) богатые — с дорогими вещами, оружием, сбруей и останками лошадей;

2) средние — с небольшим количеством вещей, состоящих преимущественно из конской сбруи и оружия (удила, стрелы, накладки на луки), и с останками лошадей;

3) бедные — почти без вещей и без костей коня.

Иногда вместо захоронения полагающихся по ритуалу останков лошади в могилу по-

---

[1] На этот тип кочевнической лошади неоднократно указывали этнографы. О небольшом росте степной лошади говорит и русская былина: при описании княжеских коней упоминается «маленький полоненный воронко» (Онежские былины, т. II. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 388).

[2] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 168—169.

[3] Харьковская обл., Изюмский р-н, хут. Черевков, кург. 1/3; слобода Николаевка, кург. 3/2, 4/3. См.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 264.

[4] Codex Cumanicus, стр. 121, 122.

[1] В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 186.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 19.

[3] М. А. Леваневский. Очерки киргизских степей. Журн. «Земледелие», кн. IV, М., 1895.

[4] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. ЖС, вып. II, год IX, СПб., 1899; С. И. Руденко. Башкиры, т. II. Л., 1925.

ложены отдельные ее части (одна нога, одно ребро и т. д.) или же кости коровы.

Выделение малоимущих из общей массы кочевников, а также находки в их могилах костей коровы говорят о том, что часть кочевников не имела возможности заниматься только скотоводством и была полуземледельческой или целиком земледельческой, разводя при этом более подуктивный молочный скот.

Кочевники, по многочисленным свидетельствам древних и современных этнографов, выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, арбузы, лук, чеснок и некоторые другие культуры. Арбузы кочевники-половцы называли своим, оригинальным, именем, отличным от латинского, персидского и русского, а именно «coun».[1] Слово это до настоящего времени сохранилось в украинском языке — «кавун».

4

Особой, причем значительной статьей дохода в кочевническом обществе был грабеж соседних более цивилизованных стран и связанные с ним выкупы и откупы. В. Г. Васильевский приводит чрезвычайно интересную характеристику кочевников, данную Феофилактом Болгарским: «. . . жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны».[2] В основном во время набегов захватывались пленники-рабы. Половцы, по словам русского летописца, «ездяху по оной стороне Днепра люди емлюще».[3] После удачных набегов кочевники обыкновенно продавали пленников. Об этом опять-таки писал летописец: «. . . много крестьян изгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землям».[4] Впрочем, кочевники не всегда сразу продавали пленников, очень часто они требовали за них выкуп. Так, Анна Комнин рассказывает, что когда «начальники скифов (печенегов, — *С. П.*) хотели было убить пленных, которых содержали. . . сходка не позволила этого, надеясь выдать их за деньги».[5] Выкуп требовали очень настойчиво; если пленник отказывался дать его, то его убивали или подвергали жестоким мучениям. Так, автор «Жития многотерпеливого Никона, черноризца» писал: «. . .се же все (пытки, — *С. П.*) творяхуть ему окаянии половци, да даст за себе окуп».[1] Под 1167 г. в летописи записано: «. . . яша половци Шварна за Переяславлем, а дружину его избиша и взяша на нем искуп множество».[2]

Огромные богатства переходили к кочевникам в виде откупов при заключении мирных договоров. Константин Багрянородный с раздражением рассказывает о жадности печенегов, которые «бесстыдно требуют больших гостинцев. . . для себя. . . для своих жен».[3] Анна Комнин так изображает заключение союза византийского императора с половцами: «Алексей, зная изменчивость их мыслей, пригласил их к себе, одарил, угостил и тогда потребовал клятвы и заложников».[4]

Описания подобных откупов со стороны оседлых соседей кочевников постоянно попадаются на страницах средневековых произведений.

5

Несмотря на постоянные войны, обогащавшие некоторую часть кочевников, несмотря на появление в их хозяйстве земледелия, базисом их производства являлось скотоводство. Естественно, что ремесла, возникшие и развившиеся у кочевников, прежде всего были связаны с обработкой продуктов, получаемых от скотоводства. В «Половецком словаре» [5] перечисляется ряд профессий, связанных с обработкой этих продуктов: убойщик скота, мясник, меховщик, сапожник. Судя по свидетельству В. Рубрука о татарах, женщины кочевников делали войлок, а мужчины приготовляли кожи «при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока».[6]

Ведя натуральное хозяйство, кочевники не только обрабатывали продукты, получаемые от скотоводства, но и изготовляли почти

---

[1] Codex Cumanicus, стр. 126.
[2] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 5.
[3] Ипат. лет., стр. 213.
[4] Ипат. лет., стр. 157.
[5] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

[1] Памятники русской литературы XII—XIII вв. СПб., 1872, стр. 96.
[2] Ипат. лет., стр. 362.
[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 7.
[4] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 375.
[5] Codex Cumanicus, стр. 203—205.
[6] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 78.

все предметы, необходимые для их жизни. Женщины, по данным В. Рубрука, занимались шитьем «сандалий, башмаков и другого платья» из обработанных шкур животных, а мужчины строили дома и повозки, делали луки, стрелы, стремена, уздечки и седла. То, что все эти отрасли производства были хорошо известны тюркоязычным степнякам средневековья, подтверждается «Половецким словарем», в котором дан перечень специальностей и предметов, с ними связанных: портной — игла, нитки, ножницы, пуговицы, шов, наперсток; сапожник — сапог, колодка, шило, подошва, башмак, сафьян; кузнец — наковальня, молот, щипцы, ножи, меха, печь, уголь, таз, железо, серебро, золото, сплав серебра и свинца, олово, латунь; токарь — токарный станок, рубанок, скребок, бурав, пила, циркуль, веревка для измерения, топор, молоток; седельщик, уздечник, лучник, выделыватель стрел, мечник, живописец, каменщик.[1]

Чрезвычайно характерно отсутствие в «Половецком словаре» названия «гончары». Горшки делались женщинами грубо, от руки, или привозились из соседних стран. Гончарный круг не употреблялся кочевниками, а значит, не было у них ни выделенного гончарного ремесла, ни ремесленников-гончаров.

Таким образом, ремесло у кочевников, судя по письменным источникам XIII в., не было выделено в отдельную отрасль хозяйства. Правда, многие из специалистов, указанных в «Словаре», могли быть и ремесленниками. Особенно это относится к таким специальностям, как каменщик, живописец, кузнец-золотоделатель, токарь, работающий на токарном станке. Совершенно очевидно, что прекрасно изваянные каменные статуи воинов и женщин изготовлялись специалистами-художниками. То же можно сказать и о каменных подвесках, находимых почти в каждом женском погребении XII—XIII в., о серебряных полукольцах для головных уборов и некоторых других вещах, характерных и широко распространенных у кочевников.

Ремесленники, как и земледельцы, выделялись из массы кочевников вследствие интенсивного экономического расслоения общества. Это были, видимо, оседавшие в зимовищах бедняки.

[1] Codex Cumanicus, стр. 96—100, 103—104.

6

Кочевники оседали обычно по берегам рек, на местах длительных ежегодных зимовищ. А. Калачев, характеризуя быт башкир (конец XIX в.), пишет, что кочевники, засеяв пашню, «уходили за несколько десятков верст на кочевку. . . Близ пашни устраивались постоянные зимовки — избы, примитивные и жалкие».[1]

Часто зимовища устраивались кочевниками в захваченных и полуразрушенных городах и укреплениях. В X в. в Печенегии «по сю сторону Днепра, в стороне, обращенной к Булгарии. . . имеются опустевшие города», — читаем мы в трактате Константина Багрянородного.[2] Печенежские названия этих городов являются доказательством того, что они не были заброшены печенегами полностью (Тунгаты, Кракпакаты, Салмакаты, Синекаты, Гизукаты). Особенно интересно последнее название — Гизукаты. Этот город был назван по имени известного печенежского князя Гиази и был, по-видимому, главным его зимовищем. Анна Комнин в XII в. писала, что печенеги «взяли несколько местечек и, имея в них некоторую оседлость, возделывали землю и сеяли просо и пшеницу».[3]

Русский летописец называет несколько городков, принадлежащих в XII в. половцам и названных, как и печенежские городки, по имени князей, владевших ими: в записи под 1111 г. названы Шарукань и Сугров, под 1116 г. — Шарукань, Сугров и Балин. Все они расположены на Северском Донце в районе разрушенных еще в конце IX в. печенегами салтово-маяцких крепостей.[4]

Таким же разрушенным городищем-зимовищем была и Белая Вежа, после того как бóльшая часть русского населения покинула ее (в 1117 г.). Верхний слой Белой Вежи характеризуется остатками глинобитных наземных жилищ такого типа, какой описан был М. Броневским в XVI в., со-

[1] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии, стр. 367.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

[3] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 310.

[4] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.